

«Barbarossa»

ОТ
«БАРБАРОССЫ»
ДО
«ТЕРМИНАЛА»

Взгляд
с Запада

«TERMINAL»

«Barbarossa»

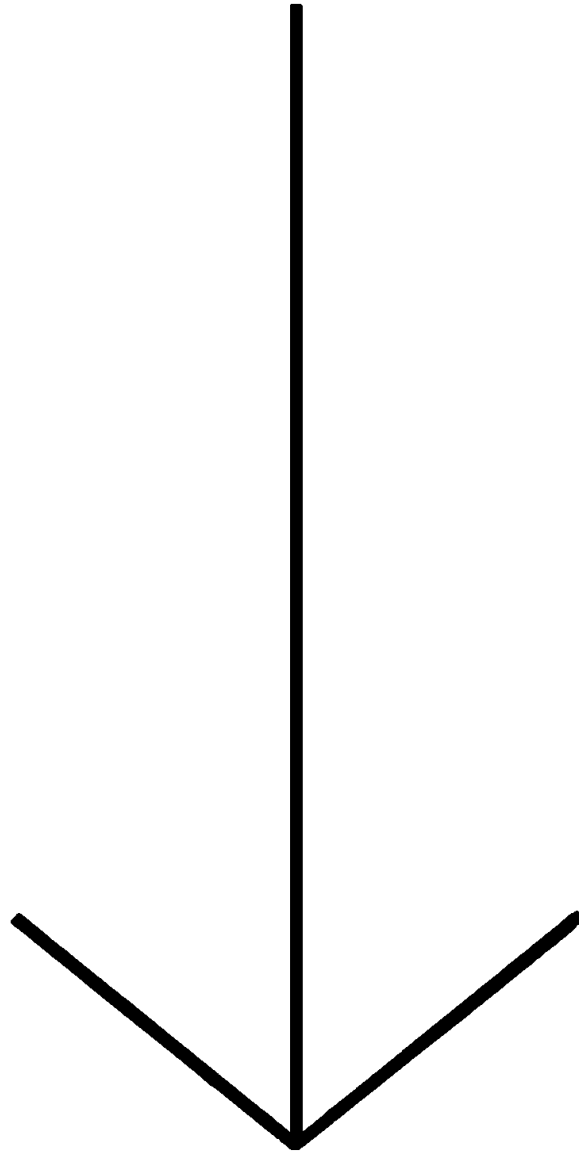
ОТ
«БАРБАРОССЫ»
ДО
«ТЕРМИНАЛА»

Взгляд
с Запада

«TERMINAL»

«Barbarossa»

«TERMINAL»

**От «Барбароссы» до
«Терминала»**

Взгляд с Запада

Составитель Ю. И. Логинов

Предисловие

Издательство политической литературы задумало и выполнило весьма полезное дело — на подступах к 50-летию начала второй мировой войны подготовило сборник извлечений из книг западных авторов об эпохальных событиях Великой Отечественной войны. Коль скоро главным фронтом, на котором был решен исход невиданной в истории схватки, была Великая Отечественная война Советского Союза, материалы, включенные в эту книгу, касаются почти исключительно ее. Со всех точек зрения такая методология подборки, а следовательно, и оценки фактов научно обоснована, дает возможность в должной перспективе представить случившееся в 1939–1945 годах.

Это необычайно важно, ибо мир ощущает последствия второй мировой войны и в наши дни, а ее длинная тень будет отброшена и на грядущие десятилетия.

Книги, из которых заимствованы отрывки для этого сборника, можно отнести, условно говоря, к «промежуточной» по времени западной историографии второй мировой войны. Они увидели свет в основном в 60-е — начале 70-х годов. Эти «промежуточные» книги, понятно, подготовили почву для современной западной историографии, пытающейся «перевоевать» минувшую войну, скорбящей об ошибках нацистской Германии в походе на Восток против СССР.

Сборник открывают отрывки из книги английского историка Б. Лиддел Гарта и американского публициста У. Ширера. Оба зарекомендовали себя в своих странах как крупные специалисты по истории второй мировой войны. В отличие от плоских пропагандистских клише о советско-германском пакте 23 августа 1939 года, Лиддел Гарт категорически настаивает, что заключение его было прямым следствием двойной игры Запада, разгаданной в Москве. Запад, подчеркивает он, пренебрег тем, что «единственный шанс избежать войны лежал теперь в том, чтобы заручиться поддержкой Советского Союза — единственной державы, способной оказать непосредственную помощь Польше и таким образом сдержать

Гитлера» (с. 21–22). Когда в 1969 году эта статья Лиддел Гарта вошла в 8-й том британской «Истории второй мировой войны», антикоммунистическая риторика на Западе еще не достигла нынешнего накала. Поэтому маститый английский знаток тех событий Лиддел Гарт подчеркивает, что Берлин фактом воссоединения Эстонии, Латвии и Литвы с СССР «счел себя обманутым партнером по договору о ненападении 1939 года, хотя большинство советников Гитлера реалистично расценивали этот шаг России как естественную предосторожность, вызванную опасением по поводу возможных акций Гитлера после победы на Западе» (с. 29–30). Это неплохо иметь в виду тем, кто солидаризуется с клеветнической кампанией о том, что договор 23 августа 1939 года будто бы дал повод для включения этих стран в состав СССР.

Чрезвычайно поучительно обстоятельство, подчеркнутое У. Ширером, что при подготовке и планировании агрессии Германии против Советского Союза не было противоречий между Гитлером и германским генералитетом. «Нет никаких доказательств, что генералы главного командования сухопутных войск (ОКХ) возражали против решения Гитлера напасть на Советский Союз. После войны Гальдер с издевкой напишет о “русской аванюре Гитлера” и заявит, что командующие сухопутными войсками Германии были с самого начала против этой войны с Россией. Но в объемистом дневнике Гальдера за 1940 год нельзя отыскать ни одной записи, которая подтверждала бы эти утверждения. Более того, они оставляют впечатление, что Гальдер с подлинным энтузиазмом относился к этой “аванюре”, за планирование которой он, как начальник генерального штаба ОКХ, нес основную ответственность» (с. 40–41).

Далее Ширер не оставляет камня на камне от версии, что геноцид мирного населения на оккупированных территориях СССР был якобы делом рук только СС и карательных органов «третьего рейха». Нет, массовые убийства возлагались и на вермахт, который обрушился на Советскую страну 22 июня 1941 года, вооруженный надлежащими приказами и инструкциями на этот счет. Ширер пишет далее: «Для завоевания России недозволенных приемов не было — допустимы были все средства. Гитлер потребовал, чтобы у его генералов на этот счет не оставалось никаких сомнений. В начале марта 1941 года он пригласил на совещание командующих всеми видами вооруженных

сил, ключевых командиров сухопутных войск и изложил им свой приказ... “Война в России (заявил Гитлер) будет такой, которую нельзя будет вести по рыцарским правилам. Это будет борьба идеологий и расовых противоречий, и она будет вестись с беспрецедентной безжалостной и неустойчивой жестокостью. Все офицеры должны отвергнуть от себя устаревшую идеологию... Я категорически требую, чтобы мои приказы беспрекословно выполнялись. Комиссары являются носителями идеологии, противоположной национал-социализму, поэтому комиссары должны быть ликвидированы. Немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены. Россия не участвовала в Гаагской конвенции и поэтому не имеет никаких прав, вытекающих из нее” (с. 41–42).

И еще на одном свидетельстве Ширера хочется акцентировать внимание читателя: “...какой бы суровой ни была русская зима и как бы ни были русские, естественно, лучше подготовлены к ней по сравнению с немцами, главным фактором в том, что произошло в эти дни, была не погода, а яростное сопротивление частей Красной Армии и несокрушимая воля советских войск к победе” (с. 52).

Ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте дается главным образом в книге известного английского историка А. Кларка “Барбаросса”. Русско-германский конфликт 1941–1945 годов», изданной в 1965 году. Эта работа относится к числу обстоятельных исследований Великой Отечественной войны. Автор весьма высоко оценивает достижения Красной Армии на протяжении всей войны. Он обоснованно подчеркивает великий подвиг известных и неизвестных наших героев, обеспечивших летом 1941 года крах «блицкрига», впервые остановивших вермахт, а в декабре 1941 года погнавших гитлеровцев от стен Москвы.

Очень значительны оценки Кларком действий наших войск, попавших в окружение, например, в первый же день: «До этого дня немцы привыкли к тому, что окруженные части противника быстро прекращали сопротивление и погибали. Периметр обороны сокращался, фланги сжимались, иногда делались слабые попытки вырваться окружения или контратаковать, а затем — сдача в плен, капитуляция. Быстрота и глубина танковых ударов, непрерывные атаки авиации и, главное, тщательно отработанное взаимодействие всех родов войск создали вермахту ореол непобедимости, которого не

имела ни одна армия со времен Наполеона (которую, к слову, разгромили тоже русские армии. — С. Р.). Однако русские, игнорируя эту военную репутацию вермахта, действовали совсем иначе.

Реакция окруженных соединений всякий раз была энергичной и наступательной. Целые дивизии собирались в кулак и сразу же переходили в наступление, двигаясь туда, откуда доносился гул артиллерийской канонады» (с. 63).

Или вот на с. 75 Кларк пишет: «Немцы были поражены тем, что столкнулись с противником, продолжающим борьбу даже после окружения, о чем единодушно свидетельствуют все немецкие донесения и отчеты о боях в этот период». И в заключение о 1941 году А. Кларк пишет: «Возрождение военной мощи русских и их зимнее наступление 1941 года останутся одним из самых выдающихся достижений в военной истории» (с. 118).

О разгроме немецко-фашистских войск под Москвой рассказывается в материалах А. Кларка «Москва 1941 года» и П. Карелла «Почему немцы не могли взять Москву?». П. Карелл, говоря о причинах неудач советских войск в первый военный год, излагает и распространенную на Западе версию о «деле» Тухачевского.

Не менее впечатляет очерк А. Кларка о Сталинградской битве, который дополняет резюме известной работы американского историка У. Крейга «Катастрофа на Волге» (1970 г.), хотя можно и нужно поспорить с А. Кларком по поводу оценки битвы под Курском в 1943 году. Неправильно противопоставлять ее Сталинградской битве по значимости, обе просто означают начало и завершение коренного поворота в ходе войны. Тем не менее о разгроме немецких полчищ под Курском рассказано живо и впечатляюще. Равным образом удовлетворительно описан Кларком финал Великой Отечественной — штурм и взятие Берлина. Все это говорит в пользу объективности английского историка.

Однако нужно обратить внимание на те выводы, к которым подводит как изложение А. Кларка, так и книги западных историков вообще. Кларк оперирует в рамках известной в Англии концепции (в какой-то мере пущенной в обиход У. Черчиллем) о том, что первая и вторая мировые войны в совокупности представляли собой «тридцатилетнюю войну», разразившуюся в XX веке. Вот как определил сам Кларк цели своего труда — «эта книга посвящена

величайшей и самой длительной сухопутной битве из всех, которые вело человечество» (с. 55). Правильно? Разумеется! Однако пойдем дальше: «Ее исход изменил соотношение сил в мире и завершил начатый первой мировой войной процесс уничтожения старой Европы. Победоносная Россия вышла из этой битвы как единственная держава, способная бросить вызов — и, пожалуй, даже нанести поражение — Соединенным Штатам Америки в области техники и материальной мощи, то есть в тех областях, где Новый Свет привык к неоспоримому превосходству» (там же). Тут без обиняков нужно сказать — способность нанести «поражение» отнюдь не равнозначна желанию не делать этого. Как известно, цели СССР в той войне заключались в разгроме держав фашистской «оси». Это было достигнуто в союзе с США и Англией, и Советский Союз же выступал за продолжение сотрудничества трех великих держав в послевоенное время.

Попытка Кларка рассматривать итоги войны как точку отсчета для нового конфликта, на этот раз между США и СССР, чистейший произвол. Впрочем, именно таким образом закладывалось основание слишком хорошо известного мифа о «советской военной угрозе». Далее Кларк спрашивает: «Можно ли сделать какие-нибудь общие выводы на основе исследования этой битвы?» (Великой Отечественной). И отвечает: «Думаю, что да, но не того сорта, которые были бы особенно приятны для нас на Западе. Действительно, дело выглядит таким образом, что русские могли самостоятельно, без какой бы то ни было помощи со стороны западных держав, выиграть эту войну или по меньшей мере силой оружия заставить немцев повернуть вспять» (там же). Да, Красная Армия явила миру неслыханную мощь, обеспеченную всем строем социалистического общества. Это, бесспорно, и служит законным поводом гордости советских людей за свой народ, за свою страну. Но все же по-иному воздают должное нам некоторые западные историки, это отчетливо прослеживается также у Кларка, получая логическое завершение в отрывках из книги П. Карелла «Война Гитлера против России» (1971 г.). Начинают с того, что наделяют буквально мифическими качествами советские бронетанковые войска.

Слов нет, Т-34 был «самым лучшим танком в мире», но успехи наших подвижных соединений, объединений обеспечивались умелым применением всех родов войск и видов Вооруженных Сил — авиации

на острие танкового рейда в оперативной глубине противника, общевойсковых армий и артиллерии при прорыве и вводе танковых войск в прорыв и т. д. Разговоры о бессчетных танковых колоннах Красной Армии — составная часть нынешних рассуждений на Западе о «русских танковых армиях», будто бы угрожающих Западной Европе. Вот этой «бездушной силе» русских, воплощенной прежде всего в стали танков, гитлеровцы-де не сумели противопоставить должного, скажем, интеллектуального потенциала.

Начальник отдела печати МИД Германии при Гитлере П. Шмидт, скрывшийся под псевдонимом П. Карелл, описывает изгнание немецко-румынских войск из Крыма и разгром группы армий «Центр» летом 1944 года с позиции нескрываемого сожаления. Объяснения его смехотворны. В первом случае случилось это потому, что, «кого боги хотят покарать, того они сперва лишают разума» (с. 301), во втором — это результат «рокового просчета верховного главнокомандования вооруженных сил Германии» (с. 321), а «русские, похоже, сами были удивлены масштабами своей победы» (с. 355).

Трудно сказать, чего больше в этих суждениях: деформации событий в угоду неприглядным современным политическим соображениям или элементарной непорядочности. Естественно, и это отчетливо видно из всех материалов антологии, советское командование превосходило гитлеровских генералов, и он, безусловно, прав. Разгром нацистской Германии, помимо прочего, приговор всей военной стратегии и тактике германского милитаризма. Таков объективный вердикт истории. Признать это безоговорочно для западной историографии невыгодно, поэтому они находят «смягчающие» обстоятельства для германского генералитета, что само по себе понятно, ибо ФРГ — союзник по НАТО США и Англии.

Механизм обеления гитлеровских военачальников отчетливо виден из последнего отрывка из книги Кларка, помещенного в сборнике, — «Падение Берлина». Он начинает рассказ с истории немецкого наступления в Арденнах, начатого 16 декабря 1944 года. Известно, что Гитлер затеял эту крупную операцию, руководствуясь политическими целями — попытаться разгромить американско-английские войска на Западе, чтобы, обеспечив тыл, обрушиться на Красную Армию, стоявшую на пороге Германии. Фюрер самоуверенно предполагал, что СССР, памятуя о затяжке «второго фронта», даст возможность

устроить кровопускание США и Англии, то есть отплатить союзникам их же монетой. В общем, Гитлер ожидал, что Красная Армия не двинется, пока американско-английские войска будут подвергаться избиению. На деле, стоило начаться немецкому наступлению, СССР откликнулся на просьбы союзников и, перенеся сроки своего наступления, 12–14 января 1945 года двинул вперед свои армии на фронте в 1200 километров от Балтики до Карпат, что привело через четыре месяца к окончательному разгрому фашистского рейха.

Мне вспоминается, как мы на 1-м Белорусском фронте первоначально готовили операцию «Висла—Лодзь—Познань» по плану, заблаговременно утвержденному командующим фронтом маршалом Г. К. Жуковым, и как напряженно работали командующие и штабы фронта и армий после сокращения сроков подготовки операции. По Кларку, победы советского оружия объясняются в первую голову тем, что Гитлер, сосредоточив силы на Западе, пренебрег мнением германских командующих, в первую очередь начальника генерального штаба Гудериана, который предостерегал против угрозы с Востока. Но что он мог сделать, утверждает Кларк, когда, например, из 2299 танков и штурмовых орудий, выпущенных в Германии в ноябре и декабре 1944 года, только 921 было направлено на Восточный фронт (с. 393), а обращения Гудериана к Гитлеру 23 декабря 1944 года и 9 января 1945 года оказались безрезультатными.

Но ведь никто из немецких командующих, и прежде всего Гудериан, не ставил под сомнение расчеты Гитлера в связи с наступлением в Арденнах. Это видно из послевоенных мемуаров Гудериана. Никаких его обращений к Гитлеру не было. Проследив этот вопрос по немецким архивам, английский историк Д. Ирвинг в книге «Война Гитлера» (1977 г.) написал: «Вопрос о прекращении наступления в Арденнах Гудериан поставил только 14 января 1945 года, то есть тогда, когда под ударами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов стал разваливаться противостоящий им немецкий фронт». Аналогичным образом обстояло дело и с распределением танков. «В январе 1945 года на Восточный фронт было направлено гитлеровцами 1 328 танков и штурмовых орудий, на Западный фронт — 290, в феврале — соответственно 1675 и 67 танков». В 1983 году другой английский историк — Дж. Эриксон в

большой книге «Дорога к Берлину» вновь вернулся к изложению утверждений Кларка.

У некоторых западных политологов встречаются сетования по поводу зверств, которые чинили немецко-фашистские войска на нашей земле. Подтекст очевиден — если бы вермахт не прибегал к геноциду, тогда народы нашей страны-де не сплывались перед лицом неминуемой лютой смерти. Эти авторы, однако, упускают из виду, что в таком гипотетическом случае фашизм перестал бы быть фашизмом, что, понятное дело, невозможно.

Нужно полагать, что наш читатель, ознакомившись с материалами сборника, отнесется к ним объективно, критически отделив правдивую оценку событий от тенденциозной.

Маршал авиации С. Руденко
23 апреля 1988 года

Базиль Лиддел Гарт

Важнейшие стратегические решения^[1]

Прошло несколько десятилетий с тех пор, как вторая мировая война закончилась крахом Германии на Западе, а затем несколько месяцев спустя капитуляцией Японии на Востоке.

В этот длинный послевоенный период мы столкнулись с потоком обильной информации о войне в виде как документальных источников, так и мемуаров политических и военных руководителей всех участвовавших в ней стран. Военные руководители в западных странах — где комментарии наиболее обильны — вскоре завязали ожесточенный спор, о котором вполне можно сказать, что мир принес с собой новую разновидность войны — «войну генералов». Этот спор принял весьма запутанный характер для общественности и читателей этих мемуаров, стремящихся составить объективное мнение. Но по мере поступления информации и с расширением ее объема стало легче отыскивать факты и делать выводы.

Прежде всего стало возможным установить важнейшие стратегические решения, повлиявшие на ход войны. Первое из них — это то, которое вызвало войну.

Для целей Нюрнбергского процесса было достаточно предположить, что начало войны и ее последующее расширение вызваны исключительно гитлеровской агрессией. Но это слишком упрощенное и поверхностное объяснение. Менее всего Гитлер хотел развязать еще одну мировую войну. Немецкий народ и генералы Гитлера испытывали глубокий страх перед любым подобным риском — опыт первой мировой войны оставил в их памяти болезненные шрамы.

Подчеркнуть основные факты — не значит обелить врожденную агрессивность Гитлера и агрессивность многих немцев, которые охотно следовали за ним. Но Гитлер, несмотря на всю

беспринципность, длительное время проявлял исключительную осторожность в осуществлении своих целей. Военные руководители Германии проявляли еще большую осторожность и тревогу в отношении любого шага, который мог бы вызвать вооруженный конфликт.

Большая часть немецких архивов после войны попала в руки союзников, в результате чего они стали доступными для изучения. Эти архивы раскрывают многочисленные колебания, так же как и глубоко укоренившееся недоверие к способности Германии вести большую войну. Когда в марте 1936 года Гитлер решил занять войсками Рейнскую демилитаризованную зону,^[2] его генералы были встревожены этим решением и реакцией, которую оно могло вызвать у Франции. В результате их протестов вначале в Рейнскую зону в качестве «пробных шаров» были направлены лишь несколько символических подразделений. Но через два года, в марте 1938 года, Гитлер действовал более нагло и, игнорируя предупреждения и опасения генералов, вторгся в Австрию, причем каких-либо серьезных протестов со стороны других стран, включая Италию, не последовало.

Однако, когда вскоре после этого Гитлер проявил намерение оказать нажим на Чехословакию, чтобы добиться передачи Судетской области, начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Людвиг Бек составил меморандум, в котором доказывал, что агрессивная экспансионистская программа Гитлера неизбежно вызовет мировую катастрофу и приведет к краху Германии. Он зачитал этот документ на совещании ведущих генералов и с их единодушного одобрения послал его Гитлеру. Так как Гитлер не выразил желания изменить свою политику, Бек подал в отставку и ушел со своего поста. Гитлер заверил остальных генералов, что Франция и Англия не станут воевать из-за Чехословакии, но генералы отнюдь не были убеждены в этом и составили заговор, чтобы путем ареста Гитлера и других нацистских лидеров предотвратить опасность возникновения войны. Но все эти контрпланы повисли в воздухе, когда Чемберлен поддержал широкие территориальные требования Гитлера к Чехословакии и вместе с французами согласился оставаться на позициях невмешательства, пока у этой несчастной страны отнимали территорию и оборонительные укрепления.

Для Чемберлена мюнхенское соглашение означало «мир в наше время». Для Гитлера оно означало еще одну важную победу не только над внешними противниками, но и над своими генералами. Поскольку их предостережения раз за разом опровергались не встречавшими отпора и достигнутыми без пролития крови успехами Гитлера, генералы, естественно, потеряли уверенность и влияние. А у самого Гитлера, вполне естественно, появилась чрезмерная самонадеянность, что легкие успехи будут сопутствовать ему и впредь. Даже когда Гитлеру стало ясно, что дальнейшие авантюры могут повлечь за собой войну, он верил, что война будет небольшая и скоротечная. Его минутные сомнения рассеялись под совокупным воздействием пьянящих успехов.

Если бы Гитлер действительно замышлял мировую войну, в которую была бы вовлечена Англия, он приложил бы все усилия к строительству военно-морского флота, способного бросить вызов господству Англии на море. Но фактически Гитлер даже не использовал полностью квоту строительства военных судов, предусмотренную для Германии по англо-германскому военно-морскому соглашению 1935 года.^[3] Гитлер постоянно заверял своих адмиралов, что они могут не опасаться войны с Англией. После мюнхенского соглашения он заявил им, что не следует ожидать вооруженного конфликта с Англией по меньшей мере еще шесть лет. Даже летом 1939 года, 22 августа, он повторил подобные заверения, хотя и не с прежней уверенностью.

Как же тогда случилось, что Гитлер ввязался в крупную войну, которой хотел избежать? Ответ надо искать не только в агрессивности Гитлера, но и в том поощрении, которое он в течение длительного времени получал со стороны западных держав, проводивших политику умиротворения и попустительства, а также во внезапном отходе их от этой политики весной 1939 года. Перемена политики была столь резкой и неожиданной, что сделала войну неизбежной.

С момента захвата Гитлером власти в 1933 году английское и французское правительства пошли ему на гораздо большие уступки, чем они были готовы сделать предшествовавшим германским демократическим правительствам. При каждом повороте событий они демонстрировали склонность избегать осложнений и уклоняться от решения трудных проблем.

В своих планах на будущее и в своей политике Гитлер руководствовался идеями, сформулированными им в выступлении перед своими главными помощниками и высшим генералитетом 5 ноября 1937 года, основной смысл которых был затем изложен в сохранившейся протокольной записи, составленной его военным адъютантом полковником Хосбахом. Подобные же идеи Гитлер излагал и раньше, например на совещании в феврале 1933 года, отчет о котором был составлен в то время генералом фон Вейхсом и найден в 60-х годах историком О'Нилом. Но доктрина, изложенная Гитлером в ноябре 1937 года, носит более четкий характер.

Она основана на предпосылке, что Германии необходимо более обширное «жизненное пространство» (лебенсraum) для своего растущего населения, если немцы хотят иметь возможность поддерживать свой жизненный уровень. По его мнению, Германия не может рассчитывать, что сумеет самообеспечить себя, особенно продовольствием. В равной мере она не может получать то, что ей необходимо, путем закупок за границей, поскольку это связано с более крупными расходами иностранной валюты, чем она может себе позволить. Перспективы расширения доли Германии в мировой торговле и производстве также ограничены тарифными барьерами других стран и недостатком денег у самой Германии. К тому же метод получения необходимых сырьевых ресурсов извне поставит Германию в зависимость от иностранных государств и в случае войны грозит ей голодной смертью.

Гитлер сделал вывод, что Германия должна приобрести более обширное пространство, пригодное для сельского хозяйства, в малонаселенных районах Восточной Европы. Было бы глупо надеяться, что ей добровольно уступят его. «История всех времен, в том числе Римской и Британской империй доказывает, что всякое расширение пространства может происходить только путем преодоления сопротивления, и причем с риском». Эту проблему необходимо решить, самое позднее, к 1945 году — «после этого периода можно ожидать лишь изменения обстановки не в нашу пользу». Возможные выходы будут блокированы, и неизбежно наступит продовольственный кризис.

Эти идеи шли гораздо дальше первоначального желания Гитлера вернуть территории, отнятые у Германии после первой мировой

войны, но западным государственным деятелям, которые позднее будут притворяться, что они о них якобы ничего не знали, эти идеи не были незнакомы. В 1937–1938 годах многие из этих деятелей откровенно излагали свое подлинное мнение, конечно, не в публичных выступлениях, а в частных беседах. Они с большим сочувствием относились к стремлению Гитлера приобрести «жизненное пространство» и ставили его об этом в известность. Но они избегали излагать свои взгляды по вопросу, как можно побудить владельцев этих территорий уступить их, за исключением угрозы превосходящей силой.

Услужливость, с которой английское и французское правительства восприняли вступление немецких войск в Австрию и включение этой страны в «третий рейх», еще более разожгла аппетиты Гитлера. Дополнительное поощрение он получил, когда узнал, что премьер-министр Англии Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс отклонили после захвата Австрии советское предложение о коллективных действиях против немецкой агрессии.

Позиция Англии становится более жесткой

Поскольку английское правительство, казалось, молча потворствует восточной экспансии Германии, Гитлера неприятно удивила резко негативная реакция англичан и предпринятая ими частичная мобилизация вооруженных сил, когда он в сентябре 1938 года «надавил» на Чехословакию. Но после того как Чемберлен уступил его требованиям и активно помог ему навязать немецкие условия Чехословакии, Гитлер сделал вывод, что мимолетная угроза сопротивления была не чем иным, как операцией по спасению лица. В не меньшей степени его ободряла пассивность французов. Поскольку они с такой готовностью предали своих чешских союзников, обладавших наиболее боеспособной армией из всех малых государств Европы,^[4] казалось невероятным, чтобы французы пошли на войну ради защиты кого-либо из своих оставшихся союзников в Восточной и Центральной Европе. Поэтому Гитлер посчитал, что он может без всяких опасений завершить в ближайшее время ликвидацию Чехословакии, а затем расширить свою экспансию на Восток.

Вначале он не замыслил выступить против Польши. Польша, так же как и Венгрия, помогла ему создать угрозу Чехословакии с тыла и тем самым добиться капитуляции Чехословакии перед его требованиями.^[5] Гитлер был склонен на какое-то время принять Польшу в качестве младшего партнера при условии, что она вернет порт Данциг и предоставит Германии свободный доступ в Восточную Пруссию через «Польский коридор». Даже 25 марта 1939 года он заявил главнокомандующему сухопутными войсками, что «не хочет решать вопрос о Данциге путем применения силы». Но Гитлер изменил своё решение под влиянием неожиданного шага Англии, предпринятого ею после его новой акции в другом направлении.

15 марта 1939 года немецкие войска вступили в Прагу, после того как президент Чехословакии подчинился требованиям Гитлера об установлении «протектората» над Богемией и вытекающей из этого оккупации страны. Осенью 1938 года при заключении мюнхенского соглашения английское правительство взяло на себя обязательство гарантировать целостность Чехословакии против агрессии. Но Чемберлен сообщил палате общин, что, по его мнению, внутренний

распад Чехословакии аннулировал эту гарантию и он не считает себя связанным этим обязательством. Однако через несколько дней Чемберлен резко изменил свой политический курс, причем поворот был столь внезапным и далеко идущим, что изумил весь мир. Он неожиданно принял решение блокировать любой следующий экспансионистский шаг Гитлера и 29 марта направил Польше предложение поддержать ее против «любой акции, которая создаст угрозу независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление».^[6] Невозможно установить, что решающим образом повлияло на это импульсивное решение Чемберлена — то ли давление со стороны возмущенной общественности, то ли его собственное возмущение и гнев, что Гитлер одурачил его, то ли он был унижен тем, что его выставили дураком в глазах его же собственного народа.

Данная Польше гарантия была наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну. Гарантия сочетала в себе максимум искушений с явной провокацией. Она подстрекала Гитлера продемонстрировать бесполезность подобной гарантии стране, находящейся вдали от своих западных союзников, делала строптивых поляков еще менее склонными идти ему на уступки и одновременно делала невозможным для него отступить без потери лица.

Единственный шанс избежать войны лежал теперь в том, чтобы заручиться поддержкой Советского Союза — единственной державы, способной оказать непосредственную помощь Польше и, таким образом, сдержать Гитлера. Но, несмотря на срочность положения, английское правительство действовало медленно и неохотно. Чемберлен относился к Советской России с острой неприязнью, а у Галифакса она вызывала сильную религиозную антипатию. Оба они к тому же недооценивали мощь Советского Союза и переоценивали военную силу Польши. Резкая реакция Англии и ее удвоенные усилия по перевооружению потрясли Гитлера, но эффект получился прямо противоположный задуманному. Чувствуя, что Англия становится противницей германской восточной экспансии, и, опасаясь, что, если он замешкается, пути будут закрыты, Гитлер пришел к выводу о необходимости ускорить акции по приобретению «жизненного пространства». Но он видел лишь один путь, как избежать общей войны. Проглотив свою ненависть к социалистическому государству и

страх перед коммунизмом, он направил усилия на то, чтобы примириться с Россией и обеспечить ее невмешательство. Это был поворот в политике еще более поразительный, чем перемена политического курса Чемберлена, и такой же роковой по своим последствиям.

Поиск Гитлером путей сближения с Россией облегчался тем, что Сталин уже с заметным подозрением относился к политике западных держав. Возмущение русских тем, как Чемберлен и Галифакс пренебрежительно обошлись с ними в 1938 году, усилилось, когда после вступления гитлеровских войск в Прагу новые предложения Советского Союза о совместном оборонительном союзе были встречены прохладно, хотя в то же самое время правительство Англии поспешило заключить сепаратный договор с Польшей. Зондирующие переговоры о советско-германском соглашении начались в апреле 1939 года, но обе стороны вели их с исключительной осторожностью, ибо взаимное недоверие было велико, и каждая из сторон питала подозрение, что другая сторона, возможно, просто пытается помешать ей достичь соглашения с Англией и Францией. Но очевидная затяжка англо-советских переговоров побудила немцев использовать эту возможность, действовать быстрее и добиваться согласия. Министр иностранных дел Риббентроп вылетел в Москву, и 23 августа 1939 года советско-германский договор о ненападении был подписан.

Предотвратить войну было уже поздно. Гитлер не мог отступить в польском вопросе без серьезного ущерба для своего престижа. К тому же убежденность Гитлера, что английское правительство не рискнет начать явно безнадежную борьбу за сохранение Польши и, по существу, не хочет соглашения с участием России, вновь окрепла благодаря тому, что в конце июля Чемберлен начал с ним конфиденциальные переговоры через своего доверенного советника сэра Горация Вильсона об англо-германском пакте, который «дал бы Англии возможность освободиться от своих обязательств перед Польшей». Советско-германский договор о ненападении в столь поздний час не оказал на англичан того эффекта, на который рассчитывал Гитлер. Напротив, договор разбудил в них «дух бульдога» — слепое упорство, не считающееся с последствиями. В этой ситуации Чемберлен не мог оставаться безучастным зрителем без

ущерба для своей репутации и вероломного отказа от данного ранее обещания.

В пятницу 1 сентября 1939 года германские армии вторглись в Польшу. В воскресенье 3 сентября правительство Англии в соответствии с данной им ранее гарантией Польше объявило войну Германии. Шесть часов спустя французское правительство, проявив еще большие колебания, последовало примеру Англии. Не прошло и месяца, как Польша была захвачена. Через девять месяцев большая часть Западной Европы оказалась ввергнутой в пучину войны. И хотя в конечном итоге Гитлер был побежден, освобожденная Европа не была восстановлена в ее прежнем виде.

Германская кампания в Польше была первой демонстрацией и проверкой в боевых условиях теории маневренной войны с комбинированным применением бронетанковых и воздушных сил.^[7]

Гитлер начал думать о переходе в наступление на Западе еще до окончательного завершения польской кампании и до своего публичного выступления с предложением о созыве общеевропейской мирной конференции.

Он уже пришел к выводу, что любое подобное предложение едва ли будет позитивно рассмотрено англо-французскими союзниками ввиду их реакции на его вторжение в Польшу. Но в то время Гитлер скрывал свои замыслы от всех, за исключением своих ближайших приспешников. Он держал генеральный штаб в неведении до тех пор, пока не выступил в рейхстаге 6 октября 1939 года с предложением о мире и пока оно не было публично отвергнуто. Тремя днями позже он изложил свои взгляды в пространным меморандуме для главнокомандующих вермахта,^[8] где обосновал свое убеждение, что наступление на Западе остается единственным возможным курсом для Германии. Это весьма примечательный документ. В нем он делает вывод, что длительная война с Францией и Англией привела бы к истощению ресурсов Германии и обнажила бы тыл Германии для смертоносного удара со стороны России.

Гитлер считал, что советско-германский договор может обеспечить нейтралитет России лишь до тех пор, пока он отвечает ее целям. Эти опасения вызывали в нем желание путем быстрого наступления навязать мир Франции. Он верил, что, как только Франция выпадет из игры, Англия пойдет на переговоры. Он считал, что в данный момент у

него есть силы и технические возможности, чтобы разбить Францию, поскольку Германия обладала превосходством в новых видах оружия, имеющих наибольшее значение. «Наши танки и авиация в настоящее время в техническом отношении не знают себе равных в мире не только как наступательное оружие, но и как средство усиления в обороне. Их оперативные возможности благодаря хорошей организации и четкому управлению используются лучше, чем в какой-либо другой стране». Признавая, что Франция превосходит Германию в более старых видах оружия, особенно в тяжелой артиллерии, он утверждал, что «это оружие не будет играть решающей роли в маневренной войне». Имея технический перевес в современных видах оружия, он полагал, что может также не принимать в расчет тот факт, что Франция превосходит Германию по числу обученных солдат.

Гитлер затем доказывал, что, если он будет выжидать в надежде, что Франции надоеет война, «развитие британских вооруженных сил приведет к тому, что Франция получит в качестве подкрепления новый боевой организм, который будет иметь для нее большую ценность в психологическом и материальном отношении» и укрепит ее оборону. «Но прежде всего нельзя допустить, чтобы противник успел ликвидировать слабости своего вооружения, особенно противотанкового и зенитного, и тем самым именно здесь добился равновесия сил. В этом смысле каждый месяц потерянного времени будет отрицательно сказываться на наступательной мощи Германии».

Далее он выразил беспокойство относительно «желания немецкого солдата воевать», как только рассеется опьянение от легких побед в Польше. «Его уважение к самому себе так же велико, как и уважение, с которым в настоящее время к нему относятся другие. Полгода затяжки с войной и действенная пропаганда противника могут снова ослабить эти важные духовные качества».

Время против Гитлера

Гитлер, чувствуя, что он должен нанести удар, пока не поздно, говорит: «В сложившихся обстоятельствах время, вероятнее всего, можно считать скорее союзником западных держав, чем нашим». Его меморандум заканчивался выводом, что «время наступления при всех обстоятельствах — если есть хоть какая-то возможность — нужно наметить на осень». Он подчеркивал, что территория Бельгии должна быть включена в зону наступления, чтобы получить пространство для маневра, с тем чтобы обойти с фланга французскую «линию Мажино», а также предотвратить опасность вступления англо-французских войск в Бельгию и выхода их на границу вблизи Рура, ибо «это придвинет войну к сердцу нашей военной промышленности». (Как видно из французских архивов, именно это предлагал французский главнокомандующий Гамелен.)

Это раскрытие замыслов Гитлера явилось шоком для главнокомандующего сухопутными войсками фон Браухича и начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера. Как и большинство других высших немецких генералов, они не разделяли веру Гитлера в способность новых видов оружия одержать верх над превосходством противника в обученной живой силе. Традиционно сопоставляя число дивизий, они утверждали, что германская армия не имеет достаточных сил, чтобы нанести поражение армиям союзников. Они также опасались перерастания войны в еще одну мировую бойню, страшась, что ее исход будет роковым для Германии.

Наступление было намечено на 12 ноября. В начале этого месяца Браухич предпринял новую попытку отговорить Гитлера от вторжения во Францию, пространно изложив доводы против наступления. Но Гитлер отклонил его аргументы. 7 ноября, однако, приказ о наступлении был отменен — метеорологи предсказали плохую погоду. Оно было отложено на пять дней, а затем снова отсрочено. Гитлер был разъярен этими отсрочками и далеко не убежден, что единственная причина проволочек лежит в погоде. 23 ноября он созвал всех высших командующих на совещание. На совещании Гитлер поставил себе цель рассеять их сомнения относительно необходимости перехода в

наступление: он выразил озабоченность по поводу потенциальной угрозы России, одновременно подчеркнув, что западные союзники отказываются рассматривать его мирные предложения и наращивают свои арсеналы. «Время работает на наших врагов». «У нас есть ахиллесова пята, это — Рурская область... Если Англия и Франция ударом через Бельгию и Голландию вторгнутся в Рурскую область, то мы окажемся в величайшей опасности». Однако погода оказалась лучшим оппонентом, чем генералы, и вызвала еще ряд отсрочек в первой половине декабря. Затем Гитлер решил дождаться Нового года и разрешить рождественские отпуска. После рождества погода снова испортилась, но 10 января 1940 года Гитлер наметил начало наступления на 17 января.

Но в тот самый день, когда Гитлер принял это решение, немецкий связной офицер, летевший с оперативным планом наступления, из-за плохой погоды сделал вынужденную посадку на территории Бельгии. Так как было неясно, сумел ли связной офицер уничтожить все находившиеся при нем оперативные документы, наступление отложили на неопределенный срок. Это обернулось неудачей для западных союзников, поскольку в течение этого интервала прежний план был полностью пересмотрен. Вместо запланированного ранее основного удара через центральную равнину Бельгии, то есть как и в 1914 году, Гитлера уговорили принять, а затем убедить генеральный штаб одобрить план, разработанный молодым генералом фон Манштейном совместно с танковым командиром Гудерианом, который предусматривал нанесение главного удара через центр холмистых и покрытых лесами Арденн и использование здесь большинства новых бронетанковых дивизий.

Если бы старый план остался в силе и, по всей вероятности, привел бы к тупику, общий ход войны был бы совсем другим. Хотя и невероятно, чтобы Франция и Англия смогли самостоятельно разгромить Германию, если бы им удалось отразить немецкое наступление, это дало бы им время для производства вооружения, особенно танков и самолетов, и, таким образом, создания равновесия сил в этих новых видах оружия. Кроме того, очевидный провал попытки Гитлера добиться победы поколебал бы уверенность немецких войск и народа. На деле же наступление, начавшееся в соответствии с «новым планом» 10 мая 1940 года, вызвало полное

замешательство в лагере союзников. Оно привело к скоротечному разгрому французских армий, а английские войска еле-еле сумели эвакуироваться из Дюнкерка. Таким образом, вся Западная Европа была быстро захвачена немцами, которые понесли при этом удивительно незначительные потери.^[9] Англии, лишившейся своих континентальных союзников, предстояло воевать в одиночку.

Весь характер войны изменился, когда 22 июня 1941 года — за день до годовщины вторжения Наполеона в 1812 году — Гитлер вторгся в Россию. Этот шаг оказался таким же роковым для Гитлера, как и для его предшественника, хотя конец наступил не так быстро.

Это нападение вызвало Англию из ситуации, которая выглядела безнадежной в глазах большинства людей за пределами ее островных границ. Им было очевидно, каким отчаянным является положение небольшого острова на краю враждебного континента, который охватывал этот остров более тесным кольцом блокады, чем во времена Наполеона. Развитие авиации уменьшило ценность «рва с морской водой». Индустриализация Англии сделала ее зависимой от импорта и тем самым многократно увеличила опасность подводной войны. Отказавшись от обсуждения предложений о мире, правительство Англии обрекло страну на курс, который в данных обстоятельствах должен был логически привести из-за растущего истощения сил и ресурсов к неминуемому краху — даже если бы Гитлер воздержался от попытки быстрого завоевания Англии вторжением на Британские острова. Этот бескомпромиссный курс был равнозначен медленному самоубийству.

Соединенные Штаты, возможно, оказывали бы Англии известную материальную помощь, чтобы удержать ее на плаву, но это могло всего лишь затянуть процесс, но не отсрочить конец. К тому же полученная англичанами передышка была сведена на нет принятым в середине лета решением Черчилля начать бомбежку Германии всеми крошечными силами, имевшимися у Англии. Подобные бомбардировочные налеты были не более чем булавочными уколами, но они, безусловно, отвлекали Гитлера от его желания переключить свое внимание на другие страны.

Но английский народ мало считался с реальностью своего положения. Англичане были инстинктивно упрямы и не разбирались в стратегии. Речи Черчилля помогли забыть дюнкеркский кризис и

подействовали на них как желанное тонизирующее средство. Англичане были воодушевлены нотой вызова, звучавшей в этих речах, и не стали размышлять над вопросом, оправдан ли этот вызов с военной точки зрения.

Еще более глубокое впечатление, чем Черчилль, произвели на них успехи Гитлера. Его завоевание Франции и тот факт, что немецкие войска стояли вблизи от берегов Англии, встревожили и всколыхнули англичан в гораздо большей степени, чем все более ранние доказательства гитлеровской тирании и агрессивности. Как всегда, они прореагировали на это в присущей им манере — настойчиво стремились любой ценой вцепиться зубами в его шкуру и не отпускать. Никогда еще сравнение английской нации с бульдогом не было так верно и оправдано и никогда эта характерная черта англичан так ярко не проявлялась во всей своей величественной глупости.

Гитлер, как свидетельствует его книга «Майн кампф», понимал англичан лучше, чем Наполеон, и потому проявлял необычную осторожность, чтобы не ранить их гордость. Он рассчитывал на их практический смысл и был сбит с толку тем, что они не могли понять безнадежность ситуации и не признавали, что условия, изложенные в его предложении о мире, были исключительно легкими в сравнении с тем положением, в котором оказалась Англия. Пребывая в этом состоянии нерешительности, Гитлер колебался, не зная, что ему следует делать дальше, а затем избрал тот же курс, что и Наполеон, — завоевание России как предварительное условие для окончательного сведения счетов с Англией. Это не было внезапным решением — он пришел к нему постепенно. Оно было вызвано комплексом причин более сложных, чем мотивы похода Наполеона в Россию, и его нельзя объяснить просто каким-то одним фактором или доводом.

Гитлеру, видимо, хотелось избежать применения крайних мер против Англии, если бы оказалось возможным убедить ее принять предложение о мире, и он цеплялся за эту надежду, неуклюже добиваясь своей цели. Тем временем под влиянием своих экономических нужд и страхов, умноженных предубеждениями, его мысли все больше и больше устремлялись в другом направлении. Хотя он добился победы на Западе, его западные завоевания были в основном продуктом обстоятельств, тогда как он всегда лелеял намерение уничтожить Советскую Россию. Для Гитлера этот замысел

был не просто одним из целесообразных вариантов осуществления своих честолюбивых планов — антибольшевизм был его наиболее глубоким эмоциональным убеждением. Сопротивление, оказываемое Англией, безусловно, повлияло на его желание двинуться на Восток, но это желание возникло у него еще до отклонения Англией его предложения о мире.

В начале июня 1940 года, когда французская кампания Гитлера все еще продолжалась, Сталин использовал этот момент, чтобы ввести дополнительные войска в Литву, Эстонию и Латвию. Примечательно, что в первую очередь он ввел войска в Литву, наиболее западную из трех прибалтийских республик, граничившую с Восточной Пруссией. [10] Гитлер считал себя обманутым партнером по договору о ненападении 1939 года, хотя большинство советников Гитлера реалистично расценивали этот шаг России как естественную предосторожность, вызванную опасением по поводу возможных акций Гитлера после победы на Западе.

Затем 26 июня Россия, вновь не уведомив Германию, направила ноту Румынии, потребовав немедленного возвращения Бессарабии, а также передачи Северной Буковины в порядке «небольшой компенсации» за то, что у России была «насильственно отторгнута» бывшая провинция в 1918 году. [11]

В результате русские оказались в опасной близости от румынских нефтяных полей, с которых Гитлер рассчитывал получать нефть для своих потребностей теперь, когда он был отрезан от заморских источников. В последующие недели эта опасность вызывала в нем все возрастающую нервозность и беспокойство по поводу ее возможных последствий для немецкого воздушного наступления против Англии. Соответственно его подозрения к намерениям Сталина усилились. 29 июля Гитлер заговорил с генералом Йодлем, начальником штаба оперативного руководства вооруженными силами, о возможности войны с Россией, если последняя попытается захватить румынские нефтяные источники. Несколько недель спустя в качестве контрмеры он отдал приказ о переброске двух танковых и десяти пехотных дивизий в Польшу.

В середине сентября поступили сообщения, что советские пропагандистские органы внутри Красной Армии начали использовать антигерманские лозунги. Это свидетельствовало о том, что русские с

подозрением отнеслись к начавшемуся наращиванию немецких войск на Востоке и готовы быстро принять меры по подготовке своих солдат к советско-германскому конфликту. Но, с точки зрения Гитлера, это было доказательством их агрессивных замыслов. Он начал чувствовать, что не может позволить себе ждать завершения и консолидации своей победы на Западе, пока не разделается с Россией. Его страхи, честолюбие и предрассудки подхлестывали друг друга и порождали новые мысли. В этом душевном состоянии его мнительность быстро возрастала. Озадаченный тем, что англичане казались неспособными понять свое безнадежное положение, и их нежеланием заключить мир на предложенных им благоприятных условиях, Гитлер искал объяснение этому в России. Одна неделя сменяла другую, а он снова и снова говорил Йодлю и другим генералам, что Англия, должно быть, надеется на вмешательство России, иначе она пошла бы на уступки.

Когда в сентябре 1940 года генерал Паулюс был назначен оберквартирмейстером генерального штаба сухопутных войск, план нападения на Россию был уже в основном составлен. Паулюсу было приказано «изучить его возможности». Были поставлены следующие задачи: уничтожение русских армий в западной части Советского Союза, а затем продвижение в глубь России до рубежа Архангельск — Волга, чтобы обезопасить Германию от воздушных налетов с востока.

К началу ноября подробная разработка плана была завершена, и его проверили в ходе двух военных игр. Беспокойство Гитлера по поводу возможного русского нападения к этому времени уменьшилось — он был больше склонен сам напасть на Россию. Подготовка и обдумывание широких стратегических планов всегда пьянили Гитлера. Сомнения, высказанные генералами, когда он посвятил их в свои замыслы, лишь укрепили его намерение.

В конце октября произошло событие, повлиявшее на его решение, причем его воздействие на конечный исход решения окажется весьма значительным. Этим событием было нападение Муссолини на Грецию, предпринятое без консультации с Германией. Фюрер был взбешен подобным неуважением со стороны младшего партнера к его руководящей роли, тем, как была нарушена его программа действий, и возможностью того, что итальянцы могут закрепиться в районе, который он наметил для Германии. Хотя последняя опасность вскоре

испарилась вместе с итальянскими резервами независимая инициатива Муссолини побудила Гитлера ускорить свои собственные операции на Балканах. Возникла новая причина для отсрочки завершения его западной программы, а восточные проблемы вышли на передний план. Так как ему надо было опередить своих сообщников в гонке за контролем над Балканами, он решил разделаться сначала с Россией и оставить британскую проблему на более поздний срок. Но даже и тогда это еще не было четким решением, а идеей, господствовавшей в его уме.

12 ноября советский нарком иностранных дел В. М. Молотов прибыл в Берлин для обсуждения широкого круга вопросов, включая немецкое предложение о присоединении России к странам «оси». Опубликованное в конце переговоров коммюнике гласило: «Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию». Дипломатический язык никогда не был столь неискренним. Министерство иностранных дел Германии рассматривало эти переговоры умеренно удовлетворительными, но Гитлер главное внимание обратил на нежелание России присоединиться к Тройственному пакту (Берлин — Рим — Токио)^[12] и усмотрел в позиции русских зловещую уклончивость.

После отъезда советской делегации Гитлер встретился с рядом военачальников и разъяснил им, что собирается напасть на Россию. Напрасно они пытались отговорить его от этой опасной затеи. Когда они доказывали, что это означает войну на два фронта — ситуацию, оказавшуюся роковой для Германии в первую мировую войну, — он возражал, что нельзя рассчитывать на сохранение спокойных отношений с Россией, пока сопротивление Англии не будет сломлено.

5 декабря начальник генерального штаба ОКХ^[13] генерал-полковник Гальдер представил подробный доклад о плане нападения на Россию, а 18 декабря Гитлер издал директиву № 21 — план «Барбаросса», которая начиналась категорическим утверждением: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии».

3 февраля 1941 года Гитлер утвердил последний вариант операции «Барбаросса» после совещания со своими военачальниками в

Берхтесгадене, в ходе которого были изложены положения плана.

Решение напасть на Россию оказалось наиболее роковым и гибельным из всех важнейших стратегических решений Гитлера.

Уильям Л. Ширер

План «Барбаросса»^[14]

Нет ничего удивительного в том, что после капитуляции Франции летом 1940 года, эвакуации английских экспедиционных войск из Дюнкерка и возникновения перспективы неизбежного краха Великобритании Гитлер снова устремил свой взор на Россию. Теперь он мог считать себя в безопасности на Западе и, таким образом, выполнившим предварительное условие, которое он изложил своим генералам на совещании 23 ноября 1939 года. «Мы сможем выступить против России, — провозгласил он, — только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

Можно проследить момент принятия решения о нападении на Советский Союз. Начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами генерал-полковник Йодль говорит, что «принципиальное решение» было принято «еще в ходе западной кампании». Полковник Вальтер Варлимонт, заместитель Йодля, вспоминает, что 29 июля Йодль сообщил на узком секретном совещании штабных офицеров, что «Гитлер решил напасть на СССР весной 1941 года». Еще до этого совещания, по словам Йодля, Гитлер заявил начальнику штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршалу Кейтелю, «что он намерен предпринять нападение на СССР осенью 1940 года».

Но это было слишком неожиданным даже для Кейтеля, и тот отговорил Гитлера от этого плана, убедив его, что не только плохие погодные условия осенью, но и трудности переброски основной массы войск с Запада на Восток делают его невозможным. Ко времени совещания 29 июля, рассказывает Варлимонт, «дата намеченного нападения на Россию была перенесена на весну 1941 года».

Из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера мы знаем, что фюрер по-прежнему считал возможным начать кампанию против России осенью 1940 года, если не будет предпринято вторжение на Британские острова. На военном совещании в Берлине 21 июля 1940 года он поручил главнокомандующему сухопутными войсками генерал-фельдмаршалу

фон Браухичу заняться подготовкой к походу на Восток. То, что Браухич и генеральный штаб ОКХ уже обдумывали эту операцию — но пока еще недостаточно, — явствует из его ответа Гитлеру. Браухич сообщил фюреру, что кампания «продлится от четырех до шести недель» и что ее целью «будет нанести поражение русской армии или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлину и Силезскому промышленному району безопасность от налетов русской авиации. Желательно также продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить ее важнейшие центры». Браухич считал, что проведение операции потребует от восьмидесяти до ста немецких дивизий; силы русских он оценивал «в пятьдесят — семьдесят пять боеспособных дивизий».

На совещании в Бергхофе в последний день июля 1940 года неопределенность перспектив вторжения в Великобританию побудила Гитлера впервые объявить немецким военачальникам о своем решении в отношении России. На этот раз Гальдер лично присутствовал на совещании и в точности записал высказывания своего вождя. Они показывают, что Гитлер не только принял твердое решение напасть на Россию весной следующего года, но и уже прикинул в уме основные стратегические цели.

«Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии».

Чем больше он над этим думал, продолжал Гитлер, тем больше крепло его убеждение, что упрямая решимость Великобритании продолжать войну вызвана ее Расчетами на Советский Союз.

«В Лондоне что-то произошло! Англичане совсем было пали духом, теперь они вдруг снова воспрянули... Россия недовольна быстрым развитием событий в Западной Европе. Достаточно России сказать Англии, что она не хочет видеть Германию слишком [сильной], чтобы англичане уцепились за это заявление, как утопающий за соломинку, и начали надеяться, что через шесть-восемь месяцев дела обернутся совсем по-другому.

Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года». ^[15]

Гитлер затем стал подробно излагать свои стратегические планы, которые, как стало ясно присутствующим генералам, он уже некоторое время вынашивал в уме, несмотря на всю занятость боевыми действиями на Западном фронте. «Операция, — заявил он, — будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно... Цель — уничтожение жизненной силы России». Операция распадается на два первоначальных удара: один на юге, в направлении Киева с выходом на Днепр. Второй удар — через Прибалтийские государства на Москву: после этого двусторонний охват с севера и юга; позже, если необходимо, отдельная операция по овладению районом Баку. ^[16]

Сама мысль о подобных новых завоеванных землях возбуждала Гитлера: он уже решил, как с ними поступит. Он аннексирует Украину, Белоруссию и Прибалтику и расширит границы Финляндии до Белого моря. Для всей операции он выделит 120 дивизий, еще 60 дивизий оставит в Западной Европе и Скандинавии. Начало кампании — май 1941 года. Продолжительность — пять месяцев. Она должна быть закончена до зимы. Лучше всего было бы начать ее уже в этом году, однако это оказалось невозможным.

На следующий день, 1 августа, Гальдер приступил к работе над этими планами со своим генеральным штабом. Хотя позднее он будет утверждать, что якобы был против самой идеи нападения на Россию, считая ее безумной, его запись в дневнике за этот день свидетельствует об энтузиазме, с которым он взялся за это сложное новое задание.

Планирование теперь велось с типичной для немцев педантичностью на трех уровнях: в генеральном штабе сухопутных войск, в штабе оперативного руководства вооруженными силами полковника Варлимонта и в управлении военной экономики и вооружений ОКБ, возглавляемом генералом Томасом.

14 августа генерал Томас был проинструктирован Герингом, что Гитлер хочет, чтобы заказанные русскими машины и оборудование поставлялись «только до весны 1941 года». Управлению поручалось также составить подробный обзор советской промышленности, транспорта и нефтяных центров, предназначенный служить каталогом

военных объектов, а позднее — пособием по административному управлению Россией.

За несколько дней до этого, 9 августа, полковник Варлимонт издал свою первую директиву по оборудованию районов дислокации войск на Востоке для нападения на СССР под кодовым названием «Ауфбау Ост». 26 августа Гитлер приказал перебросить с Запада в Польшу десять пехотных и две танковые дивизии. Бронетанковые соединения, уточнил он, должны сосредоточиться в юго-восточной части Польши. (Немцы держали в Польше семь дивизий, две из которых были переброшены весной 1940 года для операций на Западном фронте.) Перебазирование на Восток крупной массы войск, если бы русские узнали об этом, не могло не вызвать у них серьезных подозрений. И поскольку некоторые передвижения войск неизбежно были бы обнаружены русскими, военный атташе Германии в Москве генерал Кёстринг получил указание сообщить Генеральному штабу Красной Армии, что идет простая замена более пожилых военнослужащих, которые освобождаются для работы в промышленности, молодыми солдатами. 6 сентября Иодль издал директиву, подробно излагавшую мероприятия по маскировке и дезинформации. «Эти переброски, — указал он, — не должны создать у России впечатление, что мы готовим наступление на Востоке».

В начале декабря 1940 года Гитлер приказал Гальдеру показать ему план генерального штаба ОКХ о нападении на Советский Союз. 5 декабря Гальдер и главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич представили свой план, и после четырехчасового обсуждения Гитлер в принципе одобрил его.

Сохранившийся военный журнал ОКБ и личный дневник Гальдера содержат отчеты об этом ключевом совещании. Нацистский диктатор подчеркнул, что Красная Армия должна быть рассечена ударами к северу и югу от Припятских болот, окружена и уничтожена «аналогично операциям в Польше». Захват Москвы заявил он Гальдеру, «не имеет большого значения» самое главное — уничтожить «жизненную силу России». Румыния и Финляндия будут участвовать в нападении, но не Венгрия. Горнострелковую дивизию перебросить из Нарвика через Северную Швецию в Финляндию для наступления на побережье Ледовитого океана.^[17]

В своих записях об этом совещании у Гитлера, так же как и в более ранних ссылках в своем дневнике на этот план нападения на Советский Союз, Гальдер использует кодовое название «Отто». Через две недели, 18 декабря 1940 года, это название было заменено на другое, под которым операция и вошла в историю. В этот день Гитлер перешел Рубикон. Он издал директиву № 21, которая называлась план «Барбаросса».

«Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами.
Ставка фюрера 18.12.1940.

Верховное главнокомандование вооруженных сил.
9 экз.

Штаб оперативного руководства.
Совершенно секретно.

Отдел обороны страны. № 33408/40.
Только для командования.

Директива № 21
ПЛАН “БАРБАРОССА”

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант “Барбаросса”).

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей... Приготовления... если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны...»^[18]

Таким образом, днем начала операции была середина мая 1941 года. Гитлер изложил в директиве следующие основные положения операции «Барбаросса»:

«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях

посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».^[19]

В директиве далее подробно излагались главные направления наступательных ударов. Уточнялась роль Финляндии и Румынии. Они должны были обеспечить сосредоточение и развертывание немецких соединений на северном и южном флангах, а также своими войсками поддержать немецкое наступление. Особо важное значение имела позиция Финляндии. Немецкие и финские армии должны были наступать на Ленинград в районе Ладожского озера, перерезать Мурманскую железную дорогу, обеспечить оборону области Петсамо и ее никелевых рудников и захватить незамерзающие русские порты Северного Ледовитого океана.

Гитлер указал в директиве, что театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Главный удар будет наноситься севернее Припятских болот двумя группами армий. Одна из них будет вести наступление через Прибалтику на Ленинград. Вторая, южнее, нанесет удар через Белоруссию, а затем повернет на север, чтобы соединиться с первой группой армий, окружить и уничтожить остатки русских войск, отступающих из Прибалтики. Лишь после выполнения этой задачи, приказал Гитлер, следует приступить к операциям по захвату Москвы. Советская столица, которая две недели назад казалась Гитлеру «не столь уж важной», сейчас обрела более важное значение. «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла». Он также указал, что Москва не только крупный узел коммуникаций России, но и основной центр военной промышленности.

Третья группа армий должна наступать к югу от Припятских болот через Украину на Киев, ее основная задача — рассеять и уничтожить советские войска западнее Днепра. Далее к югу немецко-румынские армии прикроют фланг главной южной группировки и будут вести наступление на Одессу и далее вдоль берега Черного моря. Последующая задача — занять Донецкий бассейн, где сосредоточено 60 процентов советской промышленности.

Таков был грандиозный план Гитлера, составленный еще до рождественских каникул и столь хорошо отработанный, что никаких существенных изменений в него внесено не будет. Для обеспечения секретности было напечатано всего девять копий директивы № 21: по одной для каждого из трех видов вооруженных сил, остальные же хранились в штабе ОКВ. Директива разъясняла, что даже старшие командиры должны исходить из того, что «речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам».

Нет никаких доказательств, что генералы главного командования сухопутных войск (ОКХ) возражали против решения Гитлера напасть на Советский Союз. После войны Гальдер с издевкой напишет о «русской аванюре Гитлера» и заявит, что командующие сухопутными войсками Германии были с самого начала против этой войны с Россией. Но в объемистом дневнике Гальдера за 1940 год нельзя отыскать ни одной записи, которая подтверждала бы эти утверждения. Более того, они оставляют впечатление, что Гальдер с подлинным энтузиазмом относился к этой «аванюре», за планирование которой он, как начальник генерального штаба ОКХ, нес основную ответственность.

В любом случае для Гитлера жребий был брошен, и, хотя он этого не знал, его конечная судьба была определена этой директивой от 18 декабря 1940 года. Довольный тем, что наконец-то не дававшее ему покоя решение принято, как он сам позднее скажет об этом Муссолини, Гитлер уехал из Берлина на побережье Ла-Манша, чтобы отпраздновать там рождество с солдатами и летчиками — подальше от России. Должно быть, он — насколько это было возможно — выбросил из головы все мысли о шведском короле Карле XII и Наполеоне Бонапарте, которые после стольких блестящих побед, похожих на его собственные, потерпели катастрофу в безбрежных

просторах России. Да и могли ли подобные мысли быть у него на уме? К этому времени, как свидетельствуют документы, бывший венский бродяга считал себя величайшим завоевателем всех времен и народов. Эгомания — роковой недуг всех завоевателей — уже пустила глубокие корни.

* * *

Для завоевания России недозволенных приемов не было — допустимы были все средства. Гитлер потребовал, чтобы у его генералов на этот счет не оставалось никаких сомнений. В начале марта 1941 года он пригласил на совещание командующих всеми видами вооруженных сил, ключевых командиров сухопутных войск и изложил им свой приказ. Начальник генерального штаба ОКХ Гальдер записал его речь.

«Война в России (заявил Гитлер) будет такой, которую нельзя будет вести по рыцарским правилам. Это будет борьба идеологий и расовых противоречий, и она будет вестись с беспрецедентной безжалостной и неутомимой жестокостью. Все офицеры должны отвергнуть от себя устаревшую идеологию... Я категорически требую, чтобы мои приказы беспрекословно выполнялись. Комиссары являются носителями идеологии, противоположной национал-социализму, поэтому комиссары должны быть ликвидированы. Немецкие солдаты, виновные в нарушении международных правовых норм... будут прощены. Россия не участвовала в Гаагской конвенции и поэтому не имеет никаких прав, вытекающих из нее».^[20]

Такова была предыстория издания зловещей «инструкции об обращении с политическими комиссарами» — так называемый «приказ о комиссарах».

Другая директива, подписанная Кейтелем от имени Гитлера 13 мая 1941 года, наделяла Гимmlера «особыми полномочиями» для подготовки политического управления в России — «полномочия», говорилось в директиве, «вытекающие из указаний фюрера об окончательном разрешении конфликта между двумя противоположными политическими системами». Этому нацистскому садисту — шефу гестапо — поручалось действовать «независимо» от армии, «в рамках своих прерогатив». Немецкие генералы хорошо знали, что означало наделение Гимmlера «особыми полномочиями»,

хотя они и отрицали это позднее на Нюрнбергском процессе. Более того, директива гласила, что оккупированные районы будут закрыты для доступа, пока Гиммлер занят выполнением там своих «особых задач».

22 июля 1941 года Гитлер после беседы с главнокомандующим сухопутными войсками Браухичем издал следующий приказ, подписанный от имени фюрера Кейтелем.

«Ввиду огромных размеров оккупированных районов на Востоке имеющихся сил для обеспечения безопасности хватит лишь в том случае, если любое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а насаждением оккупационными войсками такого террора, который сам по себе будет достаточен для подавления любых стремлений к сопротивлению среди населения».

Вышеупомянутая директива от 13 мая 1941 года называла Геринга ответственным за «эксплуатацию страны и сохранение ее экономических богатств для использования германской промышленностью». Кстати говоря, Гитлер в этой директиве также объявил, что, как только военные операции завершатся, Россия будет «разделена на отдельные государства со своими собственными правительствами».

Как именно это надлежало сделать, должен был выработать Альфред Розенберг, фанатичный прибалтийский немец и ведущий нацистский теоретик, бывший одним из наставников Гитлера в период создания фашистской партии. 20 апреля 1941 года фюрер назначил Розенберга «уполномоченным по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства». В начале мая Розенберг составил свой первый многословный проект для этого будущего величайшего немецкого завоевания в истории. Для начала европейскую часть Советского Союза предлагалось расчленить на так называемые «рейхскомиссариаты». Западная Белоруссия должна была стать немецким протекторатом под названием «Остланд», Украина — «независимым государством, состоящим в союзе с Германией», Кавказ с его нефтяным богатством будет управляться немецким «уполномоченным», а три Прибалтийских государства вместе с Белоруссией временно образуют немецкий протекторат до того, как будут аннексированы и включены в состав «Великого германского рейха». Это требуется, объяснил Розенберг в одной из многочисленных

докладных записок, которыми он засыпал Гитлера и генералов, для подготовки необходимых «исторических и расовых условий», которые будут достигнуты «германизацией расово-приемлемых прибалтов» и «изгнанием нежелательных элементов». В Латвии и Эстонии, предупредил он, «следует предусмотреть массовое выселение. Изгнанные будут заменены немцами, предпочтительно ветеранами войны». «Балтийское море, — вещал Розенберг, — должно стать Германским внутренним морем». За два дня до начала операции «Барбаросса» Розенберг обратился с речью к своим ближайшим соратникам, которые должны были стать правителями России.

«В перечне задач Германии на Востоке первое место занимает вопрос обеспечения продовольствием немецкого народа. Южные (русские) территории должны будут стать... житницей народа Германии.

Мы не видим никаких оснований для обязательств с нашей стороны кормить также русский народ продуктами этой избыточной для них территории. Мы знаем, что это суровая необходимость, лишенная каких-либо чувств... Будущее уготовило очень тяжелые годы для русских...»

Да, уж действительно тяжелые годы, поскольку фашисты обдуманно планировали уморить с голоду миллионы советских граждан!

Геринг, отвечавший за экономическую эксплуатацию Советского Союза, изложил это с еще большей прямоотой, чем Розенберг. В длинной директиве от 23 мая 1941 года его «Экономический штаб Восток» распорядился, что излишки продовольствия из черноземных южных областей России не должны использоваться для нужд населения промышленных районов, где в любом случае промышленность будет уничтожена. Рабочие и их семьи в этих районах будут обречены на голодное вымирание или на переселение в Сибирь. Производимое в России продовольствие должно вывозиться в Германию.

«Немецкая администрация на этих территориях (говорилось в директиве) может попытаться смягчить последствия голода, который, несомненно, наступит, и ускорит возврат к примитивному сельскому хозяйству. Однако эти меры не смогут предотвратить голод. Любые попытки спасти там население от голодной смерти завозом излишков

продовольствия из черноземных областей могут быть предприняты только в ущерб снабжению Европы. Они подорвут стойкость Германии в войне, подорвут способность Германии и Европы выстоять блокаду. Необходимо совершенно четко и полностью понять это».

Сколько русских должно было умереть в результате этой обдуманной немецкой политики? Общий ответ на этот вопрос был дан на совещании членов «Экономического штаба Восток» еще 2 мая 1941 года. «Несомненно, — гласил секретный протокол совещания, — что десятки миллионов людей будут обречены на голод, если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо», а как известно, и Геринг, и Розенберг заявили, что продовольствие будет выкачано и что «необходимо совершенно четко и полностью понять это».

Эти планы не были всего лишь бредовыми и злобными фантазиями извращенных умов и душ таких людей, как Гитлер, Геринг, Гиммлер и Розенберг. В течение многих месяцев и недель, как видно из архивных документов, сотни немецких чиновников трудились за своими письменными столами в ласковом свете весенних дней, складывая цифры и составляя докладные записки, в которых хладнокровно калькулировали убийство миллионов людей. С помощью голода в данном случае. Но за своим письменным столом в штаб-квартире СС сидел также рейхсфюрер Генрих Гиммлер, бывший фермер, разводивший цыплят, который через свое пенсне изучал планы уничтожения миллионов людей более быстрыми и жестокими методами.

Довольный работой своих деловитых приспешников, военных и гражданских, в планировании нападения на Советский Союз, уничтожения и эксплуатации этой страны и массового истребления советских граждан, 30 апреля 1941 года Гитлер наметил дату вторжения — 22 июня. Выступив с победоносной речью в рейхстаге 4 мая, диктатор удалился в свое излюбленное горное убежище Бергхоф в Берхтесгадене, где он мог любоваться красотой Альпийских гор, вершины которых все еще были укрыты весенним снегом, и размышлять над предстоящим завоевательным походом, величайшим из всех, начало которого, как он заявил своим генералам, заставит «мир затаить дыхание».

К первым числам июня 1941 года были завершены не только подготовка всех планов нападения на Советский Союз, но и все

сложные и трудоемкие переброски войск, артиллерии, танков, самолетов, кораблей и снаряжения в соответствии с установленным графиком. Краткая запись в журнале военно-морского флота за 29 мая гласит: «Предварительная переброска военных кораблей в соответствии с планом “Барбаросса” началась». Переговоры с генеральными штабами Румынии, Венгрии и Финляндии были завершены. 9 июня из своей штаб-квартиры в Берхтесгадене Гитлер отдал приказ о созыве главнокомандующих тремя видами вооруженных сил и старших генералов на заключительное совещание, посвященное операции «Барбаросса» в Берлине 14 июня. Несмотря на гигантские масштабы и сложности стоявшей перед ним задачи, не только Гитлера, но и его генералов не покидало чувство уверенности, когда они обсуждали отдельные, возникшие в последнюю минуту детали самой колоссальной военной операции за всю историю человечества — массированное наступление на всем 1500-мильном фронте от Северного Ледовитого океана до Черного моря. Накануне вечером Браухич вернулся в Берлин из инспекционной поездки по районам сосредоточения немецких войск на Востоке. Гальдер записал в своем дневнике, что главнокомандующий сухопутными войсками был весьма и весьма доволен. Офицеры и солдаты, сказал он, находятся в отличной форме и рвутся в бой.

Последнее крупное совещание Гитлера с военным командованием длилось с 11 часов утра до 6.30 вечера, с перерывом на обед, в ходе которого Гитлер «одарил» генералов еще одной из своих пламенных мобилизующих речей. Согласно Гальдеру, это была «большая политическая речь», в которой Гитлер подчеркнул, что он должен был выступить против России, потому что ее разгром вынудит Англию «прекратить борьбу». Но кровожадный фюрер, должно быть, особо подчеркнул и кое-что другое. Генерал-фельдмаршал Кейтель позднее расскажет об этом на Нюрнбергском процессе:

«Лейтмотивом речи было то, что это — решающая схватка двух идеологий и что к общепринятым правилам и обычаям, известным нам как солдатам, — соблюдение которых требует международное право — следует подходить с совершенно иными мерками».

Гитлер, показал на суде Кейтель, отдал затем различные приказы о проведении в России беспрецедентной политики террора «жестокими методами».

— Вы сами или какие-то другие генералы возражали против этих приказов? — спросил Кейтеля его адвокат.

— Нет, я лично никаких возражений не высказывал, — ответил фельдмаршал. — Так же как и никто из других генералов, — добавил он.

Это же подтверждает и немецкий дипломат Хассель. 16 июня 1941 года он записал в своем дневнике: «Браухич и Гальдер уже согласились с тактическими методами Гитлера (в России). Таким образом, армия должна взять на себя обязанность убивать и жечь, которая до этого момента была зарезервирована за СС».

* * *

Приятным летним вечером 21 июня 1941 года в 21.30, за несколько часов до начала немецкого наступления, народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов принял в своем кабинете в Кремле немецкого посла Шуленбурга. Упомянув об очередных нарушениях советской границы немецкими самолетами, которые, сказал наркоминдел, будут доведены советским послом в Берлине до сведения Риббентропа, Молотов затронул другой вопрос, который Шуленбург изложил в отправленной им на Вильгельмштрассе^[21] в тот же вечер срочной телеграмме:

«Усиленно распространяются слухи о близкой войне между Германией и Советским Союзом... Советское правительство не может понять причины немецкого недовольства. Он (Молотов) был бы признателен, если бы мог сообщить ему, что вызвало нынешнее положение дел в германо-советских отношениях.

Я сказал, — писал Шуленбург, — что не могу ответить на его вопросы, поскольку не располагаю соответствующей информацией».

Вскоре он ее получит.

Радиоволны из Берлина уже несли через эфир в Москву длинное зашифрованное послание Риббентропа, датированное 21 июня 1941 года, с пометками: «Сверхсрочное. Особой важности. Лично для посла», которое начиналось следующими словами:

«По получении этой телеграммы все имеющиеся в посольстве шифры подлежат уничтожению. Радиопередатчик должен быть выведен из строя.

Пожалуйста, немедленно сообщите г-ну Молотову, что у вас есть для него срочное сообщение... затем зачитайте ему следующее заявление».

Это было шаблонное заявление, напичканное приевшимися лживыми утверждениями и измышлениями, в придумывании которых Гитлер и Риббентроп набили себе руку и которые они так часто сочиняли раньше для оправдания очередного акта агрессии. Пожалуй, оно — такое впечатление вынес автор этой книги при его прочтении — несколько превосходило все предыдущие подобные заявления своей наглостью и обманом. В то время как Германия добросовестно соблюдала советско-германский договор о ненападении, утверждалось в нем, Россия неоднократно нарушала его. СССР вел «саботаж, терроризм и шпионаж» против Германии. Он «противодействовал немецким попыткам установить стабильный порядок в Европе». Советский Союз вступил в сговор с Англией «в целях нападения на немецкие войска в Румынии и Болгарии». Сосредоточив «все имеющиеся русские вооруженные силы на длинном фронте от Балтийского до Черного моря», СССР «создал угрозу рейху». Поэтому фюрер приказал вооруженным силам Германии отразить эту угрозу всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

«Прошу не вступать в какое-либо обсуждение данного заявления», — указал Риббентроп послу в конце телеграммы. Что мог сказать потрясенный и обескураженный Шуленбург, посвятивший лучшие годы своей жизни улучшению германо-советских отношений, который знал, что нападение на Советский Союз было неспровоцированным и неоправданным? (Шуленбург был арестован и брошен в тюрьму после провала заговора против Гитлера в июле 1944 года и казнен гестаповцами 10 ноября.)

Прибыв в Кремль на рассвете 22 июня, немецкий посол ограничился чтением немецкого меморандума. Потрясенный Молотов молча выслушал посла и затем сказал: «Это война...»

В 3.30 минут 22 июня 1941 года, за полчаса до завершения дипломатических формальностей в Кремле и на Вильгельмштрассе, оглушительная канонада немецких орудий вдоль тянувшегося на многие сотни миль советско-германского фронта разнесла в клочья советско-германский договор о ненападении 1939 года.

* * *

К осени 1941 года Гитлер верил, что с Россией покончено.

Через три недели после начала Восточной кампании группа армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока с тридцатью пехотными и пятнадцатью танковыми и моторизованными дивизиями прошла 450 миль от Белостока до Смоленска. Если двигаться по дороге на восток, по которой в 1812 году шла армия Наполеона, то до Москвы оставалось всего 200 миль, К северу группа армий генерал-фельдмаршала фон Лееба — 21 пехотная и 6 танковых и моторизованных дивизий — быстро продвигалась через Прибалтику к Ленинграду. На юге группа армий генерал-фельдмаршала фон Рундштедта — 25 пехотных, 4 моторизованные, 4 горнострелковые и 5 танковых дивизий — приближалась к Днепру и Киеву — столице плодородной Украины, о захвате которой мечтал Гитлер.

Столь планомерно — «планмессиг», как указывалось в коммюнике ОКБ, — развивалось немецкое наступление по всему 1000-мильному фронту от Балтийского до Черного моря, и столь уверен был нацистский диктатор в его дальнейшем успешном и быстром продолжении, по мере того как одна советская армия за другой терпели поражение и оказывались в окружении,^[22] что 14 июля, спустя всего три недели после вторжения в Россию, Гитлер издал директиву, уведомляющую, что численность сухопутных войск можно будет «существенно сократить в ближайшем будущем» и что производство вооружения будет сосредоточено на строительстве военно-морских кораблей и боевых самолетов, особенно последних, для военных действий против последнего оставшегося врага — Англии и, добавил он, «против Америки, если возникнет необходимость».

Два крупнейших города Советского Союза — Ленинград, который в качестве своей столицы на берегу Балтийского моря построил Петр Великий, и Москва, древняя русская столица, ставшая после победы большевиков столицей Советского Союза, вот-вот, как казалось Гитлеру, должны были пасть. 18 сентября он издал строгий приказ: «Капитуляцию Ленинграда и Москвы не принимать, даже если она будет предложена».

Какая судьба ожидала эти города, Гитлер разъяснил своим командирам в директиве от 29 сентября.

«Фюрер решил стереть Санкт-Петербург (Ленинград) с лица земли. Дальнейшее существование этого большого города, как только

Советская Россия будет повержена, не представляет интереса...

Цель состоит в том, чтобы окружить его и сровнять с землей артиллерийским огнем и непрерывными налетами авиации...

Просьбы о сдаче нам города будут отклонены, так как **проблема выживания его жителей и снабжения их продовольствием не может и не должна решаться нами**. В этой битве за существование мы не заинтересованы даже в сохранении части населения этого крупного города».

Гитлер вернулся в Берлин и в обращении к немецкому народу провозгласил крах Советского Союза. «Я заявляю сегодня и говорю это без всяких оговорок, — вещал он, — что враг на Востоке повержен и никогда не поднимется вновь... Позади линии наших войск уже лежит пространство, в два раза превышающее территорию рейха, когда я пришел к власти в 1933 году».^[23]

Когда 3 октября немцы взяли Орел, важный город к югу от Москвы, Гитлер приказал своему начальнику отдела прессы Отто Дитриху вернуться самолетом в Берлин и сообщить на следующий день корреспондентам ведущих газет мира, что последние уцелевшие советские армии маршала Тимошенко, оборонявшие Москву, окружены в двух «котлах» стальными кольцами немецких войск на подступах к столице; южные армии маршала Буденного разгромлены и рассеяны, а 60–70 дивизий маршала Ворошилова окружены в Ленинграде.

«В военном отношении, — самодовольно закончил Дитрих, — с Советской Россией покончено. Английская мечта о войне на два фронта мертва».

Эти публичные бахвальства Гитлера и Дитриха, по меньшей мере, были преждевременны. В действительности русские, несмотря на то, что внезапное нападение немцев 22 июня застало их врасплох, несмотря на последующие тяжелые потери в живой силе и технике, быстрое отступление и окружение части их лучших армий, уже в июле начали оказывать все возрастающее сопротивление, с которым вермахт никогда еще не сталкивался ранее. Дневники Гальдера и донесения фронтовых командиров, таких, как генерал Гудериан, командовавший сильной танковой группировкой на центральном секторе фронта, все чаще и чаще начинают пестреть, а затем становятся переполненными

сообщениями об ожесточенных боях, упорной обороне и контратаках русских, тяжелых потерях и немецких и русских войск.

«Поведение русских войск, — напишет позже генерал Блюментрит, — даже в этой первой битве (за Минск) резко отличалось от поведения поляков и западных союзников, когда те терпели поражение. Даже попав в окружение, русские держали оборону и сражались».^[24]

К тому же советских войск оказалось больше, а их вооружение лучше, чем казалось возможным Гитлеру. Свежие советские дивизии, о которых немецкая разведка не имела представления, непрерывно подбрасывались на фронт.

«Общая обстановка все очевидней и яснее показывает, — записал Гальдер в своем дневнике 11 августа, — что колосс-Россия... был нами недооценен» (не только в экономической и транспортной сфере, но прежде всего в чисто военной). «К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника».

«Таким образом и получается, что наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время подвергаются атакам противника. И противник потому одерживает местами успехи...»^[25] Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт после окончания войны без обвиняков заявил допрашивавшим его союзническим офицерам: «Я обнаружил вскоре после начала вторжения, что все написанное о России было чепухой».

К 20 октября немецкие передовые танковые части находились в сорока милях от Москвы, и советские правительственные учреждения и иностранные посольства были спешно эвакуированы в Куйбышев на Волге. Но затем немецкое наступление «Тайфун», начавшееся со всей яростью урагана, застопорилось.

Впервые в дневниках Гальдера, донесениях Гудериана, Блюментрита и других немецких генералов появляются признаки сомнения, а затем отчаяния. Эти настроения охватили также офицеров и солдат, сражавшихся на фронте, скорее, они возникли первоначально у них. «Теперь, когда Москва была почти в пределах видимости, — вспоминает Блюментрит, — настроения командиров и солдат начали меняться... Соппротивление противника возросло, и бои стали еще более ожесточенными... Многие наши роты насчитывали всего

шестьдесят — семьдесят человек». Не хватало исправных орудий и танков. «Зима, — продолжает он, — вот-вот должна была начаться, но зимней одежды не было... Позади, в тылу, начали активно действовать первые партизанские отряды, скрывавшиеся в густых лесах и болотах. Колонны со снабжением и обозы часто попадали в засады...»^[26]

На южном участке фронта, где погода была теплее, дела также обстояли неважно. Танки генерала фон Клейста вступили в Ростов 21 ноября под громкую пропагандистскую шумиху, поднятую ведомством Геббельса, что «ворота на Кавказ открыты». Но открытыми они оставались недолго. Через несколько дней русские войска выбили немцев из города, и немцы, атакованные с северного и южного флангов, откатились на 50 миль назад на линию реки Миус.

Это отступление от Ростова было еще одним небольшим поворотным пунктом в истории «третьего рейха». Здесь впервые одна из фашистских армий потерпела крупную неудачу. «Наши несчастья начались с Ростова, — скажет после войны Гудериан, — это была пророческая надпись на стене». Отступление стоило генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту, командующему группой армий «Юг», его поста. 1 декабря он был смещен и заменен генерал-фельдмаршалом Рейхенау.

Ноябрь подходил к концу, начиналась зима, но до Москвы, как казалось Гитлеру и большинству его генералов, было «рукой подать». К северу, югу и западу от столицы немецкие армии приблизились к ней на расстояние 20–30 миль. Гитлеру, размышлявшему над картой в своем «Волчьем логове» в Восточной Пруссии, этот последний отрезок пути вообще не казался расстоянием. Его армии продвинулись с боями на 500 миль, и им осталось пройти всего каких-то жалких 20–30 миль. «Один последний бросок, — заявил он генералу Йодлю в середине ноября, — и мы победим».

Генерал-фельдмаршал фон Бок, командовавший группой армий «Центр» в ее наступлении на Москву, в телефонном разговоре с Гальдером сравнил создавшееся положение с битвой на Марне в 1914 году, «где последний батальон, брошенный в бой, решил исход сражения». В последние дни ноября он буквально бросил в бой свой последний батальон. Решающее общее наступление на сердце Советского Союза было назначено на 1 декабря 1941 года.

Наступление натолкнулось на стальное сопротивление. 2 декабря разведывательный батальон 258-й пехотной дивизии достиг пригорода Москвы, но на следующее утро был выбит оттуда несколькими советскими танками и наспех собранной группой солдат и вооруженных московских рабочих. Ближе к Москве немецким войскам подойти не удалось. Это был их первый и последний момент, когда они мельком увидели Кремль.

В кратком пересказе этих событий необходимо, однако, особо выделить один момент: какой бы суровой ни была русская зима и как бы ни были русские, естественно, лучше подготовлены к ней по сравнению с немцами, главным фактором в том, что произошло в эти дни, была не погода, а яростное сопротивление частей Красной Армии и несокрушимая воля советских войск к победе. Дневник Гальдера и отчеты немецких командиров, которые постоянно высказывают удивление масштабами и упорством русских атак и контратак, и отчаяние, вызываемое немецкими неудачами и потерями, — лучшее доказательство этому. Нацистские генералы не могли понять, почему русские, учитывая катастрофические последствия первых внезапных немецких ударов, не капитулировали, как это сделали французы и многие другие, имея на то меньше оснований.

«С изумлением и разочарованием, — писал Блюментрит, — мы обнаружили в конце октября — начале ноября, что разбитые русские, казалось, даже не подозревают, что как военная сила они почти прекратили свое существование».^[27]

5 декабря стал критическим днем. На всем 200-мильном фронте, дугой охватившем Москву, немецкие войска были остановлены.

На следующий день, 6 декабря, генерал Георгий Константинович Жуков, всего несколько недель назад заменивший маршала Тимошенко на посту командующего Западным фронтом,^[28] нанес свой удар. Он бросил в наступление семь армий и два кавалерийских корпуса — около ста дивизий. Этот контрудар, нанесенный собранными в кулак столь значительными силами, о существовании которых немцы даже и не подозревали, был столь неожиданным и сокрушительным, что вермахт и «третий рейх» никогда полностью не оправятся от него. В течение ряда недель в декабре 1941 и январе 1942 года казалось, что разбитые и отступающие немецкие армии, фронт которых постоянно прорывали советские части, могут распасться и погибнуть в русских

снегах, как погибла 130 лет до этого Великая армия Наполеона. И в ряде критических ситуаций немцы были близки к этому.

Хотя армии «третьего рейха» сумели спастись от полного разгрома, они потерпели огромное поражение. Советские Вооруженные Силы понесли тяжелые потери, но не были уничтожены. Немцы не смогли ни взять Москву, ни захватить Ленинград, ни Сталинград, ни нефтяные источники Кавказа; линии коммуникаций с Англией и Америкой на севере и юге оставались открытыми. Впервые за два с лишним года непрерывных военных побед армии Гитлера отступили под натиском превосходящих сил.

Но это было не все. Поражение имело еще более глубокие последствия. Гальдер понял это, хотя и позднее. «Миф о непобедимости немецкой армии, — написал он, — оказался разбит». У немцев еще будут военные успехи в России, когда настанет лето 1942 года, но они уж никогда не смогут восстановить этот миф. Таким образом 6 декабря 1941 года стал еще одним поворотным пунктом в короткой истории «третьего рейха» и одним из наиболее роковых. Власть Гитлера достигла своего зенита, с этого момента начался ее закат.

Алан Кларк

Крах «блицкрига»^{[\[29\]](#)}

Эта книга посвящена величайшей и самой длительной сухопутной битве из всех, которые вело человечество. Ее исход изменил соотношение сил в мире и завершил начатый первой мировой войной процесс уничтожения старой Европы. Победоносная Россия вышла из этой битвы как единственная держава, способная бросить вызов — и, пожалуй, даже нанести поражение — Соединенным Штатам Америки в области техники и материальной мощи, то есть в тех областях, где Новый Свет привык к неоспоримому превосходству.

Можно ли сделать какие-нибудь общие выводы на основе исследования этой битвы? Думаю, что да, но не того сорта, которые были бы особенно приятны для нас на Западе. Действительно, дело выглядит таким образом, что русские могли самостоятельно, без какой бы то ни было помощи со стороны западных держав, выиграть эту войну или по меньшей мере силой оружия заставить немцев повернуть вспять. Та поддержка, которую они получили от нашего участия в войне, — отвлечение нескольких дивизий противника, поставки значительного количества снаряжения — носила побочный, а не решающий характер. Иными словами, эта помощь сказалась на продолжительности, но не на исходе борьбы. Конечно, высадка союзнических войск в Нормандии существенно сковала немецкие резервы. Однако угроза «второго фронта», тем более его реальное создание стали фактором в войне лишь после того, как критический период схватки на Востоке уже миновал.

Датой, когда немецкое командование приступило к оперативному планированию войны с Советской Россией, обычно считают 29 июля 1940 года. В этот день Рейхенгалле^[30] начальник штаба оперативного руководства генерал-полковник Йодль на строго секретном совещании изложил тщательно отобранной группе штабных работников и представителей экономической администрации рейха «высказанные фюрером пожелания». За несколько недель до этого, еще в ходе французской кампании, Гитлер заявил Йодлю: «Я предприму меры против угрозы Советского Союза, как только позволит военная обстановка». После заключения перемирия с Францией это решение Гитлер обсуждал более подробно в Бергхофе на встречах с Кейтелем, Йодлем и Герингом. Первая директива ОКВ «Операция “Ауфбау Ост”» была издана 5 августа 1940 года, и с этого момента в планирование быстро вовлекаются другие секторы нацистского государственного

аппарата. Когда в начале сентября новый обер-квартирмейстер генерального штаба ОКХ^[31] генерал-майор Ф. Паулюс занял свой пост, он нашел среди прочих документов «еще не законченный оперативный план нападения на Советский Союз».

Следующая директива (№ 18), изданная 12 ноября 1940 года, была более определенной. В ней Гитлер писал:

«С целью уточнения нынешней позиции России начаты политические переговоры. Независимо от исхода этих переговоров, все подготовительные мероприятия, касающиеся Востока, относительно которых были отданы устные приказы, должны продолжаться. Указания по этому вопросу будут даны, как только общий проект оперативных планов ОКХ будет представлен мне и одобрен».

Было бы неправильным утверждать, как это делают многие немецкие писатели, что состоявшиеся в ноябре 1940 года переговоры между СССР и Германией ускорили или даже инспирировали планирование войны с Советским Союзом.^[32] Начало кампании на Востоке уже было намечено на весну 1941 года — ближайший срок, к которому было физически возможно перебросить и дислоцировать немецкую армию. Занятая Советским Союзом позиция на этих переговорах, возможно, укрепила Гитлера в его намерении и служила ему удобным оправданием, но принципиальное решение он принял еще в ходе кампании во Франции, когда увидел, как немецкие танковые дивизии разделились с французской армией.

Но хотя планирование нападения на Советский Союз началось летом 1940 года, замысел возник гораздо раньше о чем свидетельствует, в частности, знаменитое выступление Гитлера на совещании в Бергхофе 22 августа 1939 года. Из всех речей и торжественных собраний в истории нацизма именно это «узкое» совещание особенно наглядно иллюстрирует дьявольскую, античеловеческую сущность нацизма. В тот день Гитлера буквально распирало от самоуверенности, и он кликушествовал: «Вероятно, никогда не будет снова человека, который был бы наделен такой властью и пользовался бы доверием всего немецкого народа, как я... Наши враги — люди ниже посредственных, это не деятели, не хозяева, это червяки». Во всяком случае, заверил Гитлер своих слушателей, западные державы не выступят в защиту Польши, «Теперь мы можем нанести удар в самое сердце Польши — я распорядился отправить на

Восток мои отряды СС “Мертвая голова” с приказом без пощады и жалости уничтожить мужчин, женщин и детей польского происхождения».

В этот момент, рассказывает один из участников совещания, Геринг вскочил на стол и, «выкрикнув кровожадные благодарствия и кровожадные заверения», стал отплясывать как дикарь. «Единственное, чего я боюсь, — продолжал Гитлер, — что в самый последний момент какая-нибудь сволочь (швайнхунд) выступит с предложением о посредничестве». Что же касается будущего, то «времени терять нельзя. Война должна начаться, пока я жив. Договор с Советским Союзом предназначен, чтобы выиграть время, и в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое, что я проделаю с Польшей. Мы разгромим Советский Союз».^[33]

При этих последних словах эйфория, вызванная бравадой Гитлера, заметно рассеялась, и в конце выступления фюрера «некоторые скептически настроенные участники совещания хранили молчание». Ибо в этом заявлении была мимоходом высказана непростительная с военной точки зрения ересь, которую все немецкие генералы единодушно согласились искоренить навсегда, — «война на два фронта». Даже наиболее преданные нацизму генералы никогда не считали возможным напасть на Советский Союз, пока существует Западный фронт. Да и в книге Гитлера «Майн кампф» это считалось кардинальной ошибкой, роковым шагом, который свел бы на нет все достигнутые рейхом успехи на пути к мировому господству.

Но год спустя, когда идея войны с Россией начал воплощаться в оперативные планы, у Гитлера появились определенные причины утверждать, что Западный фронт более не существует. Французы капитулировали и подписали перемирие, а англичане были изолированы на своем острове, где, бессильные что-либо предпринять, зализывали раны. В теплых лучах победы над Францией, добившись абсолютного господства над Западной Европой Гитлер имел основания говорить, что поход против России будет не вторым, а первым и последним фронтом.

Как, однако, нередко бывает в международных делах государства, планирование, после того как оно началось, неумолимо обретает размах и внутренний динамизм, тогда как характер и акценты условий, в которых он зарождалось, уже изменились. Военно-воздушный флот

Германии (люфтваффе), до недавнего времени господствовавший в воздухе, получил достойный отпор. Некоторые районы неба над Западной Европой оказались для него недоступными. Выявились недостатки в оперативном управлении и техническом оснащении люфтваффе. Немецкий военно-морской флот понес серьезные потери в ходе норвежской кампании. Программа строительства подводных лодок отставала и была плохо спланирована — летом 1940 года Германия имела всего 14 подводных лодок, способных действовать к западу от Англии.

Эти обстоятельства серьезно затрудняли нанесение удара по Англии, и, если англичане останутся непоколебимыми в своем решении продолжать войну, покорить Англию без длительной и тщательной подготовки и пересмотра приоритетов было невозможно. Но времени было мало — во всяком случае, так считал Гитлер: «...меня в любой момент может убить преступник или сумасшедший». Сухопутная армия Германии, однако, находилась в полной боевой готовности и пока не знала поражений. Из трех видов вооруженных сил она единственная выполнила все поставленные перед ней задачи. Было бы нелепостью допустить, чтобы эта великолепная боевая машина пришла в упадок, или перестраивать ее для десантных операций, чтобы сражаться с военно-морской державой в ее собственной стихии! Гегемония, которую Гитлер установил над строптивыми генералами в области политики, была теперь неоспоримой. Более того, Гитлер, видимо, считал, что его личная власть над армией еще более укрепитя в результате Восточной кампании с ее сильным идеологическим подтекстом и пристального внимания, которое он собирался уделить ее проведению.

В 1930 году Гитлер писал: «Армии существуют не для того, чтобы подготавливать мир. Они существуют для завоевания победы в войне». И весной 1941 года немецкие вооруженные силы были победоносными, почти не знавшими потерь, превосходно обученными и оснащенными. Это была прекрасно сбалансированная и управляемая боевая машина, достигшая тогда зенита военной славы. Куда ей предстояло двинуться теперь? Простая сила притяжения должна, казалось, была направить ее против единственного оставшегося на Европейском континенте противника; увлечь ее, как армию Наполеона, которая также когда-то разочарованная стояла на берегу Ла-Манша, на

Восток, в темные непокоренные дали России. Красная Армия летом 1941 года была такой же загадкой для разведывательных служб Англии и Франции, как и для германской разведки. В начале 1941 года абвер полагал, что Советские Вооруженные Силы насчитывают не более двухсот боеспособных дивизий. После войны начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер сказал: «Это был грубый просчет: число дивизий, вероятнее всего, достигало трехсот шестидесяти».^[34] Фактически первоначальная цифра была гораздо ближе к истине, но мобилизационный механизм в Советском Союзе оказался весьма эффективным и сумел к концу июля поставить под ружье более одного миллиона человек. Это было величайшим достижением. Однако Гитлер считал, что советская военная машина не способна функционировать правильно. «Стоит лишь пнуть ногой в дверь, — заявил он генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту, — и все прогнившее здание рухнет».

Но какими бы критериями ни руководствовался Гитлер в оценке военного потенциала России, он не учел один исключительно важный фактор: вермахту предстояло столкнуться с противником совсем иного рода, чем нестойкие и податливые западные страны.

Мечи скрестились

«Обремененный тяжелыми заботами, обреченный на месяцы молчания, я могу наконец говорить свободно.

Немцы! В этот самый момент начался поход, который по своим масштабам не имел себе равного в мире. Сегодня я снова решил вверить судьбу, будущее рейха и немецкого народа в руки наших солдат. Да поможет нам бог, особенно в этой борьбе».

Воззвание Гитлера было зачитано Геббельсом, который выступил по радио с обращением к германской нации в 7 часов утра 22 июня 1941 года. Тремя с половиной часами ранее сполохи залпов 6 тысяч орудий озарили предрассветное небо на Востоке, обрушив на застигнутых врасплох русских шквал огня и смерти.

Какой это был страшный момент в истории! Схватились две крупнейшие армии мира. Ни одна битва в истории человечества не идет в сравнение с этой. Даже колоссальные военные операции августа 1914 года, когда все железные дороги в Европе подхлестывали мобилизацию, и последний усталый натиск армий союзников на «линию Гинденбурга» в 1918 году бледнеют перед ней. По числу людей, весу боеприпасов, протяженности фронта, отчаянной ярости боев день 22 июня никогда не будет превзойден.

Немецкие войска, развернутые между Балтийским и Черным морями, объединялись в три крупные группы армий: группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба (18-я и 16-я полевые армии и 4-я танковая группа); группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока (9-я и 4-я полевые армии, 3-я и 2-я танковые группы) и группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала фон Рундштедта (6-я и 17-я полевые армии, 1-я танковая группа).^[35] В соответствии с хорошо зарекомендовавшей себя в Польше и Франции практикой использования бронетанковых сил немецкие танковые дивизии действовали отдельно от пехоты и были сосредоточены в четырех группах под командованием энергичных и опытных генералов-танкистов — Гепнера, Гота, Гудериана и Клейста.^[36]

Дислокация немецких войск внешне, казалось, соответствовала трем основным целям — Ленинград, Москва и Украина. Но

фактически «главный замысел» операции «Барбаросса» в географическом плане был сформулирован нечетко. В самых общих чертах излагалась задача выхода на линию Архангельск — Астрахань, но со всей определенностью говорилось о том, что основная цель носит чисто военный характер:

Уничтожение находящихся в западной части Советского Союза «основных сил русских сухопутных войск... в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев» и далее: «Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».

Гитлер в то время не имел намерения сражаться за города Советского Союза, тем более внутри их. Битва за Францию была выиграна броском к Ла-Маншу, а не наступлением на Париж.

Помимо преимущества внезапного удара немцы обеспечили себе подавляющий перевес в живой силе, технике и огневой мощи на участках фронта, намеченных для танковых прорывов. Согласно плану Гальдера, в это начальное наступление были брошены все бронетанковые силы вермахта. Четыре танковые группы^[37] должны были пробить бреши в оборонительных рубежах русских с первого удара, затем обойти с тыла, окружить и расколоть на части советские армии, стоявшие у границы.

На северном участке фронта немцы бросили в наступление три танковые дивизии (более 600 танков), в центре где сосредоточилась наиболее мощная немецкая группировка, удар наносили девять танковых дивизий — около 1500 танков, в южном секторе фронта — пять танковых дивизий — 600 танков. Неудивительно, что ко второй половине дня 22 июня передовые отряды всех четырех немецких танковых групп, оставив позади себя затихающий гул орудий, быстро мчались по сухим неповрежденным дорогам в глубь советской обороны.

Эти «разведотряды» состояли из мотоциклистов, бронемашин, бронетранспортеров с прицепленными к ним противотанковыми орудиями и нескольких легких и средних танков. По дорогам они двигались со скоростью 40 км/час. Следом вплотную за ними шла основная масса танков, поддерживавшая постоянную радиосвязь с передовым отрядом и готовая по сигналу развернуться в атакующие порядки, если авангард натолкнется на сопротивление. Позади танков

в арьергарде двигалась смешанная группа из мотопехоты и дивизионной артиллерии. Наступавшая танковая дивизия при таком построении в колонну растягивалась на 10–16 километров. К вечеру 22 июня передовые танковые дивизии, преодолев пограничную полосу, где все еще шли бои, прорвались на глубину от 30 до 50 километров.

Дальше всех в этот первый день войны сумел продвинуться 56-й танковый корпус генерала Манштейна на северном участке фронта, который, перейдя на рассвете советско-германскую границу, к заходу солнца захватил мост через реку Дубиса в Арёгале — бросок на 80 километров! На центральном фронте колонны танков Гудериана, обойдя с двух сторон Брест, захватили Кобрин и Пружаны.

Но еще до наступления темноты стало очевидным, что эта кампания существенно отличается от предыдущих. Как гигантский зверь, пойманный в сеть, Красная Армия отчаянно отбивалась, и, по мере того как рефлексы пробуждались в отдаленных уголках его тела, сопротивление нарастало. До этого дня немцы привыкли к тому, что окруженные части противника быстро прекращали сопротивление и погибали. Периметр обороны сокращался, фланги сжимались, иногда делались слабые попытки вырваться из окружения или контратаковать, а затем — сдача в плен, капитуляция. Быстрота и глубина танковых ударов, непрерывные атаки авиации и, главное, тщательно отработанное взаимодействие всех родов войск создали вермахту ореол непобедимости, которого не имела ни одна армия со времен Наполеона. Однако русские, игнорируя эту военную репутацию вермахта, действовали совсем иначе.

Реакция окруженных соединений всякий раз была энергичной и наступательной. Целые дивизии собирались в кулак и сразу же переходили в наступление, «двигаясь туда, откуда доносился гул артиллерийской канонады». К полудню над полем боя начали появляться крупные группы советских бомбардировщиков, которые базировались вдали от границы и в силу этого избежали внезапного утреннего удара немецкой авиации по советским приграничным аэродромам. За первые два дня боев советские ВВС потеряли около 2 тысяч самолетов, и лишённые прикрытия с воздуха советские армии оказались в тяжелом положении. Почти до конца года русским войскам придется сражаться при минимальной поддержке своих воздушных

сил и быстро приспосабливаться к оперативным ограничениям, вызванным этими обстоятельствами.

* * *

Ошибочное расположение приграничных армий Западного Особого военного округа делало их уязвимыми для охвата с флангов. Если командующий войсками округа генерал армии Д. Г. Павлов имел приблизительное равенство с противостоящим ему противником в пехоте, то в танках немцы имели подавляющее превосходство — целых три танковых группы Гепнера, Гота и Гудериана. Три армии округа — 3, 10 и 4-я стояли у линии фронта, тянувшегося от Гродно до Припятских болот. В округе имелось пять механизированных корпусов (фактически по численности чуть превышавшие немецкие танковые дивизии), которые были разбросаны по всей территории округа и находились в процессе активной Учебы и укомплектования.

В первый день войны 4-я танковая группа Гепнера, ударив по правому флангу 3-й армии русских, пробила глубокую брешь между смежными флангами Северо-Западного и Западного фронтов, куда ворвался танковый корпус Манштейна, Контратаки русских во второй половине дня натолкнулись на всю мощь немецких танковых дивизий, расширявших прорыв. К вечеру три советские дивизии были рассеяны, а пять других понесли серьезные потери. 14-й механизированный корпус, дислоцировавшийся в районе Пружаны — Кобрин, подвергся столь сильному удару немецкой авиации, что так и не смог сосредоточиться. 13-й мехкорпус, находившийся ближе к границе и уже к вечеру вступивший в бой, из-за нехватки горючего, боеприпасов и технических поломок не смог организовать достаточно мощный удар.

В течение ночи Павлов пытался создать конно-механизированную группу под командованием своего заместителя генерал-лейтенанта И. В. Болдина, включив в нее 6-й и 11-й механизированные корпуса, которая 23 июня должна была нанести контрудар из района Гродно по южному флангу прорвавшейся немецкой группировки.

Но доставить своевременно приказы и собрать разбросанные части в ту суматошную ночь не удалось. Во всяком случае, на следующее утро лишь один 11-й мехкорпус оказался в исходном районе. 6-й мехкорпус и кавалеристы, все еще находившиеся в пути, подверглись

атакам люфтваффе и понесли серьезные потери. 24 июня Болдин наконец нанес контрудар, но потери в личном составе и материальной части и изолированный характер наступления обрекли эту операцию в конечном итоге на провал. К этому времени Северо-Западный фронт, лишившийся танков, быстро распадался, уцелевшие советские армии отступали к Риге, оголяя подступы к Даугавпилсу (Двинску). 26 июня 56-й танковый корпус Манштейна вступил в этот город и захватил стратегически важный мост через реку Западную Двину.

Стремясь прикрыть свой правый фланг и восстановить связь с Северо-Западным фронтом, Павлов продолжал перебрасывать поодиночке дивизии из 10-й армии на север, чтобы подкрепить ослабленную 3-ю армию, по существу оставив Минск без прикрытия. Тем временем 4-я армия генерала Коробкова под давлением войск фон Клюге с фронта отходила на восток, а ее левый фланг был рассечен и глубоко охвачен 2-й танковой группой Гуд-риана. 25 июня его танковые дивизии к северо-востоку от Слонима вместе с танкистами Гота затянули петлю окружения вокруг советских пехотных частей, отходивших от Белостока; 26 июня 47-й танковый корпус захватил Барановичи, а 27 июня 17-я танковая дивизия этого корпуса, покрыв расстояние в 50 миль, вышла на южную окраину Минска, где встретилась с 3-й танковой группой Гота, замкнув второе, внешнее кольцо окружения вокруг войск Западного фронта.^[38]

На юге Красная Армия оказала упорное сопротивление, хотя и понесла большие потери в живой силе и технике. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос (Киевский Особый военный округ) имел в своем распоряжении более крупные силы, чем его незадачливый северный сосед генерал Павлов, — четыре армии, три механизированных корпуса (22, 4 и 15-й вблизи от границы), 8-й корпус в резерве и два во втором эшелоне (9-й и 19-й). Но эти мощные силы были растрачены в серии изолированных контрударов, и в результате ошибок командования и неумения старших офицеров Красной Армии управлять крупными бронетанковыми соединениями эта сильнейшая танковая группировка русских утратила свою ударную мощь еще до того, как возникла действительно критическая фаза боев на южном фланге советско-германского фронта.

22 июня Кирпонос приказал всем трем находившимся в резерве корпусам выступить к фронту, имея в виду сосредоточить их северо-

восточнее Ровно и нанести удар совместно с 22-м мехкорпусом (который уже находился там) по левому флангу танковой группы фон Клейста. Однако 22-й мехкорпус еще в первый день войны был втянут по частям в непрерывные бои и понес тяжелые потери. 15-й мехкорпус, наносивший удар с юга, не мог пробиться сквозь плотную противотанковую оборону немцев. К тому времени, когда 8-й мехкорпус завершил свой форсированный марш, обстановка настолько ухудшилась, что ему пришлось в одиночку вступать в бой. Советские танкисты вновь понесли крупные потери, но более высокая дисциплина и лучшая матчасть (в корпусе имелись Т-34 и КВ) позволили корпусу сохранить боеспособность. Когда наконец 9-й и 19-й механизированные корпуса подтянулись, критическое положение дел заставило их с ходу и врозь ввязываться в сражение. Неопытным танковым экипажам, измученным четырехдневными маршами и непрерывными налетами немецкой авиации, было трудно противостоять опытным танкистам немецкой 1-й танковой группы, хорошо знавшим, как собраться в кулак, когда рассредоточиться, когда открыть огонь и как умело использовать рельеф местности. К тому же многие уже изношенные БТ и Т-26 вышли из строя в результате механических поломок, другие были потеряны в результате ударов с воздуха. Тем не менее, понеся крупные потери, Кирпоносу все же удалось на время сохранить целостность своего фронта, и, когда его танковые войска истощили себя в боях, он отдал приказ об отходе на старую советско-польскую границу.

Хотя положение русских казалось отчаянным, и мощь озадачивала немцев. «У противника, действующего против группы армий “Юг”, — недовольно ворчит своем дневнике Гальдер, — отмечается твердое и энергичное руководство».^[39] На следующий день он снова отметит: «Следует отдать должное русскому командованию на Украине, оно действует хорошо и энергично».^[40]

Однако в Белоруссии, значительная часть которой была через несколько дней захвачена немцами, выжили лишь наиболее способные командиры. Комиссары вместе с наиболее храбрыми и дальновидными офицерами Красной Армии сутками, не покладая рук старались сформировать новые части из невооруженных резервистов, солдат, отставших от своих полков или возвращавшихся из отпусков, гарнизонных подразделений. Сооружения взрывались, склады

поджигались, спешно строились полевые укрепления, скот угонялся на Восток.

Реакция Гальдера была типичной для всех немцев. Вначале ликование: немцы подсчитывали потери русских, измеряли расстояние, на которое продвинулись немецкие войска, сравнивали их со своими достижениями на Западе и приходили к выводу, что до победы рукой подать. Затем недоумение: русские не могут нести такие потери и дальше, они, должно быть, «блефуют», через несколько дней их резервы должны истощиться. Далее неотступное беспокойство: непрерывные, кажущиеся бесцельными контратаки, готовность русских пожертвовать собой, чтобы убить врага, беспредельное пространство и мрачный горизонт.

Уже 23 июня Гальдер жалуется на «отсутствие большого количества пленных».^[41] 24 июня он сетует: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен».^[42] 27 июня он вновь выражает недовольство «характерно малым числом пленных».^[43]

Немецким пехотинцам, сражавшимся с противником лицом к лицу, все это стало очевидным с самых первых боев. Но немецким танкистам первые несколько дней, когда их танки, лязгая гусеницами, мчались мимо не тронутых войной деревень с растерянными жителями, казались похожими на летнюю кампанию 1940 года на Западе.

Однако вскоре это сходство исчезло.

«Несмотря на то что мы продвигаемся на значительные расстояния... — писал капитан 18-й танковой дивизии, — нет того чувства, что мы вступили в побежденную страну, которое мы испытывали во Франции. Вместо этого — сопротивление, постоянное сопротивление, каким бы безнадежным оно ни было. Отдельное орудие, группа людей с винтовками... человек, выскочивший из избы на обочине дороги с двумя гранатами в руках...»

29 июня Гальдер, подводя итог военным действиям за день, приходит к выводу: «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо».^[44]

Есть что-то близкое к самодовольству в этой записи. Как будто преданный своей профессии выпускник академии генерального штаба испытывает удовлетворение, видя, что правила ведения войны начинают брать свое. Но не только «теперь», а навсегда. Немцы этого еще не знали, но первая (и для их оружия наиболее успешная) фаза Восточной кампании уже становилась достоянием прошлого.

30 июня Гальдер отмечал свой день рождения, и в генеральном штабе ОКХ царил праздничная атмосфера. Гальдер ознакомился с последними донесениями командующих группами армий и нашел их хорошими. Русские войска отступали по всему фронту. Из нескольких десятков самолетов, сбитых за день, большинство были устаревших типов, в том числе тихоходные четырехмоторные бомбардировщики ТБ-3, переброшенные с учебных аэродромов Центральной России. Ясно — противник бросает в бой последние остатки своих резервов. На центральном фронте западнее Минска большинство дивизий трех советских армий оказались окруженными в двух «котлах», и путь для беспрепятственных действий немецких танковых корпусов оказался открытым. После восьми дней боев основные силы русских, находившиеся в приграничной полосе, были разбиты и рассеяны, и, в соответствии с планом «Барбаросса», ОКХ в тот же день отдало приказ о захвате переправ через Днепр.

Трудно назвать иначе как парадоксальным поведение этих пунктуальных и лощеных штабных офицеров, одетых в тот день в парадные мундиры, сидящих за столом, накрытым белой скатертью, и обменивающихся друг с другом любезностями. Эти люди находились в мозговом центре немецкой боевой машины, сражавшейся на Восточном фронте. Каждый день они просматривали донесения с фронта, которые бесстрастно сообщали о новых невероятных агониях человечества: умирающих от ран и жажды людях, горящих и уничтоженных деревнях, насильственно разобщенных и угнанных в плен членов семей. Они слышали заявления Гитлера, как он собирается расправиться с русским народом, знали об его отказе соблюдать Женевскую конвенцию о военнопленных, о его намерении «сровнять с землей» Ленинград, чтобы избавиться от многочисленного населения этого города, о пресловутом «приказе о комиссарах». Им также было известно, что означает нацистская оккупация: они воевали в Польше и были непосредственными очевидцами отвратительных

бесчинств отрядов СД. Ведомости о снабжении и графики переброски войск в их досье свидетельствовали, что эти нацистские преступники снова орудуют по соседству с немецкими солдатами. Однако им не стоило труда отрешиться от всего этого, и, как прилежные школьники, они веселились на дне рождения своего классного наставника.

* * *

Во время этих первых пьянящих дней победы, когда Восточная кампания, казалось, развивается согласно вмененному плану, Гитлер предавался упоительным мечтам о колониальном Востоке. Казалось, что самые фантастические замыслы нацистов — миллионы квадратных километров, населенных славянскими рабами под господством горстки представителей «расы господ», — находятся на пороге осуществления. Гитлер планировал создать нечто среднее между Британской Индией и Римской империей: «Возникнет новый тип человека, подлинные хозяева... “вице-короли”...»

Взгляды Розенберга на этот счет были изложены в длинном меморандуме еще в апреле 1941 года. По большей части документ содержит маловразумительный бред, но его существо можно найти в следующем параграфе:

«Цель нашей политики, следовательно, на мой взгляд, заключается в следующем: возродить в разумной форме — и зная, чего мы хотим, — стремление всех этих народов (“угнетенные национальности” Советского Союза) к освобождению и дать им какую-то форму самоуправления, то есть выкроить из этой огромной территории государственные образования... нацелить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы».

Этот план — «Вал против москвитов», — возможно, импонировал воображению Гитлера своей идеей легионов, несущих вахту на границе с варварами, но фюрер отверг его.

Изложенные на совещании 16 июля 1941 года его собственные взгляды о будущем оккупированных восточных территорий были следующими:

«Хотя немецкие цели и методы следует скрывать от остального мира, мы будем предпринимать и, во всяком случае, мы можем

предпринимать все необходимые меры — расстрелы, выселения и тому подобное. Порядок действия таков:

- первое — захватить,
- второе — править,
- третье — эксплуатировать».

* * *

В то время как на оккупированной немцами территории Советского Союза насаждался режим террора, произвола и эксплуатации, немецкие армии продолжали свое продвижение на Восток. 1 июля 4-я танковая дивизия форсировала Березину у Свислочи, а на следующий день 18-я танковая дивизия группы Гудериана захватила плацдарм у Борисова, вступив в этот город одновременно с 14-й моторизованной дивизией танковой группы Гота.

В первых числах июля часть окруженных в районе Слонима советских войск, решительным ударом разорвав кольцо немецких дивизий, вырвалась в лесной массив, оседлав при этом коммуникации 18-й танковой дивизии, сражавшейся у Борисова. Возник вопрос о срочной посылке ей подкрепления, и Гудериан приказал 17-й танковой дивизии, находившейся южнее Минска, немедленно двинуться к Борисову. Генерал-фельдмаршал фон Клюге отменил этот приказ.^[45]

Вскоре стало очевидным, что русские намерены упорно отстаивать рубежи Днепра, 6 июля сильная группировка советских войск выбила 10-ю моторизованную и кавалерийскую дивизии немцев из Жлобина, а попытка 3-й танковой дивизии захватить Рогачев была отражена. Н следующий день русские нанесли сильный контрудар отбросили 17-ю танковую дивизию из города Сенно.^[46]

В центре наступавшей танковой группы Гудериана неудача постигла дивизию СС «Рейх», которая понесла тяжелые потери при попытке захватить мосты у Могилева. Тем не менее Гудериан, перегруппировав войска начал подготовку к переправе через Днепр своих танковых корпусов на слабо защищенных участках фронта у Копыси и Шклова.

К этому времени помимо командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге беспокойство передалось и другим старшим офицерам. Гальдер отмечает, что «все (в ОКХ) наперебой рассказывают страшные истории о силе русских войск (позади

танковой группы в районе Пинских болот). В первую очередь радиоразведка, которая считает, что здесь будто бы находятся три танковых и два стрелковых корпуса». Поступили также тревожные сообщения о сосредоточении советских войск в районе Брянска и Орла и о сильном прикрытии истребителями железнодорожных перевозок в этом районе.

9 июля Клюге на рассвете прилетел в штаб Гудериана «приказал приостановить операции по форсированию Днепра, пока не подтянутся пехотные части». Гудериан утверждал, что «подготовка зашла уже слишком далеко, чтобы ее отменить» и что... «эта операция решит исход русской кампании до конца года, если это вообще возможно». После бурной перепалки Клюге дал согласие на продолжение наступления, но высказал следующее примечательное суждение о тактике Гудериана: «Ваши операции всегда висят на волоске!»

На фронте группы армий «Север» немецкое командование также начало проявлять неуверенность, столкнувшись с упорным сопротивлением противника. Русские спешно перебрасывали с финской границы солдат, танки и авиацию, чтобы усилить измотанные в боях армии генералов М. М. Попова и Ф. И. Кузнецова.^[47] Эти регулярные части, сплотив вокруг себя отряды, составленные из новобранцев, ополченцев и милиции, предприняли серию яростных контратак, в результате чего «на ряде участков фронта немецкие войска оказались в критическом положении».

Как и во многих других случаях, отчаянные и дорогостоящие контратаки русских заставляли немцев нервничать, и генерал-фельдмаршал фон Лееб, переоценив противостоявшие ему силы противника, допустил первый тактический промах.

Когда 4-я танковая группа 2 июля возобновила наступление, направление ударов двух танковых корпусов разошлось: 41-й корпус Рейнгардта был нацелен на город Остров, а 56-й корпус Манштейна двинулся на Опочку и Ловать.

Через несколько дней 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии Манштейна были остановлены русскими в болотистой местности. Дивизия СС «Мертвая голова», Добившись первоначального успеха, натолкнулась на укрепленную линию обороны, где «ее потери и отсутствие боевого опыта привели к просчетам и... к затяжным

непредусмотренным боям». Ни одна из трех дивизий 56-го танкового корпуса не могла оказать помощь друг другу, и через неделю безуспешных боев две дивизии были оттянуты назад и направлены на поддержку корпуса генерала Рейнгардта. Дивизия «Мертвая голова» после этого краткого, но кровопролитного участия в настоящих боях была возвращена в «резерв», где могла вымещать свою злобу на гражданском населении. Танковый корпус Рейнгардта тем временем занял Остров, но у него не было сил, чтобы наступать дальше на Псков и вдоль восточного берега Чудского озера.

Участившиеся ошибки немецких командиров на северном и центральном секторах фронта, можно, конечно, отнести на счет различных факторов: нерешительность в ОКВ, разногласия между генералами и т. д. Но факт остается фактом, что даже на этой начальной стадии войны немцы замахнулись на слишком многое. Их бронетанковые соединения не были достаточно сильны и многочисленны, чтобы поддержать наступление на всех трех решающих направлениях.

Немногие из немецких командующих понимали это в то время, и каждый объяснял свои неудачи другими локальными причинами. Но на настенных картах в ставке фюрера занятая немцами территория выглядела огромной — особенно в свете того, что для ее захвата потребовалось лишь несколько недель.

«Ни одна сволочь никогда не выгонит меня отсюда», — самоуверенно заявил Гитлер генералу Кёстрингу, принимая его в Растенбурге.

«Надеюсь, что нет», — сдержанно ответил Кёстринг, последний военный атташе Германии в Москве, лучше других немцев знавший Красную Армию.

Первый кризис

В это время в руководстве военными операциями на Востоке произошел первый крупный сбой.

Подспудный конфликт между «дилетантом» Гитлером и «профессиональными военными» — генералами, игравший важную роль в политической эволюции «третьего рейха», с этого момента начинает приобретать важное значение в плане воздействия на ход операций.

Конечно, Гитлер не был профессионалом. Но всю свою жизнь он изучал военное дело. В первые месяцы второй мировой войны его «напор», склонность к риску, его «интуиция» принесли весьма ощутимые успехи.

Но спустя восемь недель после начала Восточной кампании генералы и Гитлер поменялись ролями. Генеральный штаб ОКХ почти единодушно выступал за то, чтобы усилить армии фон Бока и предпринять наступление на узком участке фронта непосредственно на Москву. Гитлер отстаивал ортодоксальное решение по рецептам Клаузевица — методическое уничтожение сил противника на полях сражений, независимо от географических целей и важных в политическом отношении центров. Еще 13 июля он заявил Браухичу: «Не столь важно быстро продвигаться на Восток, как уничтожать живую силу противника», и эта концепция, которой он придерживался на протяжении двух последующих месяцев, полностью совпадала с целями, которые были определены планом «Барбаросса», то есть уничтожение русских войск, находящихся в Западной России, и предотвращение их отступления в глубь советской территории.

Внешне задача выглядела простой, но исключительно сложной по существу и ускользавшей от решения. После первых радужных успехов натиск вермахта начал слабеть и темпы наступления замедлились.

В середине июля линия фронта шла с севера на юг от Нарвы, на границе Эстонии, до устья Днестра, на Черном море. Но в центре фронт с двумя гигантскими зловещими выступами напоминал по своей конфигурации отраженную в зеркале букву «S». Танковые корпуса группы армий «Центр», продвигавшиеся к Москве с севера и юга от

Минского шоссе, уже достигли Смоленска. Но южнее русская 5-я армия продолжала удерживать передовые рубежи в районе Припятских болот. Это создавало дополнительный фронт протяженностью 240 километров, который проходил вдоль обнаженных флангов группы армий «Центр» и левого крыла южной группировки Рундштедта, приближавшейся к Киеву.

Русский «балкон», угрожающе нависший над немецкими коммуникациями, сковывал свободу действий сразу двух групп немецких армий. К тому же русские, не теряя времени, полностью использовали свой необычный дар импровизации, которая неоднократно выручала и будет выручать их в этой войне с Германией. Под руководством командующего 5-й армией генерала М. И. Потапова они энергично восстанавливали боеспособность измотанных боями полков и бригад, закладывали базу для партизанского движения и активно использовали единственный оставшийся у них маневренный род войск — кавалерию.

5-я армия и собравшиеся вокруг нее части были наиболее крупным соединением, но было немало и других советских частей, продолжавших вести боевые операции в тылу у немцев, даже если (в отличие от 5-й армии) они были полностью отрезаны от главного фронта. Гарнизоны в Орше и Могилеве, укрывающиеся в лесах многочисленные группы пехотинцев (некоторые из них в районе Минска и Вильнюса), балтийское побережье вплоть до Таллина и западнее — продолжающееся сопротивление всех этих «очагов» придавало вес аргументам тех генералов, которые считали, что вермахт опасно распылил свои силы.

В целях сосредоточения разбросанных соединений и установления четкого приоритета оперативных задач 19 июля ОКВ издало директиву № 33.

В ней отмечалось, что «группе армий “Центр” потребуется значительное время для ликвидации сильных боевых групп противника, продолжающих оставаться между нашими подвижными соединениями», и выражалось недовольство, что северный фланг группы армий «Юг» скован действиями 5-й армии и продолжающейся обороной Киева. Поэтому «цель дальнейших операций должна заключаться в том, чтобы не допустить отхода крупных частей противника в глубину русской территории и уничтожить их».

Для этого провести следующие мероприятия:

концентрическим наступлением группы армий «Юг» уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника;

посредством наступления в тесном взаимодействии войск южного фланга группы армий «Центр» и северного фланга группы армий «Юг» разгромить советскую 5-ю армию;

группа армий «Центр» будет вести дальнейшее наступление на Москву силами пехотных соединений. Ее подвижные соединения, которые не будут участвовать в наступлении на юго-восток (то есть против 5-й армии), должны помочь группе армий «Север», наступающей на Ленинград, прикрыв ее правый фланг и перерезав коммуникации между Ленинградом и Москвой;

группа армий «Север» продолжит наступление на Ленинград, как только 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет надежно прикрыт 16-й армией. При этом группа армий должна овладеть военно-морскими базами в Эстонии и предотвратить отход советских частей из Эстонии на Ленинград.

Довольно ясно. Директива фактически была приказом группе армий «Центр» остановиться (с учетом огромных расстояний «наступление» одной пехотой ничего не значило), пока не будет обеспечена безопасность ее флангов.

Дело в том, что главное командование сухопутных войск (ОКХ) и верховное главнокомандование вооруженных сил (ОКВ) были поражены неистощимой мощью русских армий. Для генералов в штаб-квартирах ОКХ и ОКВ неестественные изгибы линии фронта, донесения о боях в глубоком тылу вклинившихся немецких армий, нарастающее партизанское движение выглядели не только чем-то необычным, но и опасным. Группа армий «Центр» была значительно сильнее остальных групп, и ей полагалось расколоть советский фронт на две части. Однако, несмотря на ее стремительное продвижение и успешное завершение операций по окружению, противник сохранил координированное управление войсками и оказывал столь же упорное сопротивление, как и в начале кампании.

Немцы были поражены тем, что столкнулись с противником, продолжающим борьбу даже после окружения, о чем единодушно свидетельствуют все немецкие донесения и отчеты о боях в этот период.

«Русские не ограничиваются противодействием фронтальным атакам наших танковых дивизий. В дополнение к этому они ищут любую удобную возможность, чтобы ударить по флангам наших танковых прорывов, которые в силу необходимости оказываются растянутыми и относительно слабыми. В этих целях они используют свои многочисленные танки. Особенно настойчиво они пытаются отсечь наши танки от наступающей за ними пехоты. При этом русские, в свою очередь, нередко оказываются в окружении. Положение подчас становится таким запутанным, что мы, со своей стороны, не понимаем: то ли мы окружаем противника, то ли он окружил нас».

Постоянным источником беспокойства главного командования сухопутными войсками служил также значительный отрыв танковых групп Гота и Гудериана от поддерживающих их пехотных дивизий. Моторизированных пехотных частей немцам не хватало, а имеющаяся мотопехота действовала вместе с танками в авангарде бронированных клиньев. Основная масса пехотных дивизий двигалась пешком, их тыловое хозяйство полагалось на гужевой транспорт, и темпы были невысокими. 17 июля авангарды 4-й армии фон Клюге все еще находились в Витебске, а 9-я армия генерал-полковника Штрауса еще не переправилась через Западную Двину. Но танки Гота уже вышли к северо-востоку от Смоленска, а передовые танковые дивизии Гудериана достигли Десны.

Помимо Гота и Гудериана было немало других генералов, ратовавших за бросок танковых дивизий на Москву. Командующий группой армий «Центр» фон Бок также разделял это намерение. Но с учетом того, что мы сейчас знаем о силе советских армий даже на тот момент и планировавшемся ими контрударе, нет никаких оснований считать, что такой бросок увенчался бы успехом. Это была бы гигантская авантюра, о которой с определенностью можно сказать лишь одно — она приблизила бы конец войны.

Сам Гитлер, как это нередко было, занимал двойственную позицию. Нет сомнений в том, что он приветствовал поддержку тех генералов, которые разделяли его желание воздержаться от наступления на советскую столицу на узком фронте. Но он не собирался соглашаться с их рекомендациями ограничить масштабы операций. Командующий группой армий «Юг» фон Рундштедт в то время предлагал приостановить операции на центральном и южном

секторах фронта и сосредоточить силы против Ленинграда, чтобы очистить от советских войск Балтийское море и соединиться с финскими войсками до зимы. Но Гитлер верил, что, создав сильные, мобильные группировки на севере, где Ленинград должен быть «изолирован» и «оставлен позади», и на юге, танковые армии стремительным броском сомкнут клещи позади советской столицы, окружив стальным кольцом и Москву, и все упорно сражавшиеся на подступах к ней армии маршала Тимошенко. Это будут «супер-Канны», величайшая битва на уничтожение в истории человечества. Таким образом, в последнюю неделю июля и в ОКХ, и в ОКБ общее мнение свелось к тому, что наступление группы армий «Центр» должно быть приостановлено. Однако через несколько дней после появления директивы № 33 события на фронте сделали устаревшими содержащиеся в ней выводы.

* * *

Первоначальное намерение русских заключалось в создании линии обороны от Витебска на юг до Днепра, а затем вниз по левому берегу реки. Для удержания этого рубежа были выделены новые армии из Резервного фронта под командованием маршала С. М. Буденного. Но фактический распад Западного фронта в последние дни июня заставил Ставку Главного Командования^[48] вводить новые соединения в бой по частям. 2 июля все эти армии были переданы в состав Западного фронта, в командование которым вступил нарком обороны СССР маршал С. К. Тимошенко.

Тимошенко отчаянно пытался наладить управление войсками и их взаимодействие на своем неустойчивом вогнутом фронте. В его тылу на рубежах Осташков — Ельня — Брянск срочно создавался новый фронт резервных армий.^[49] Однако непрерывный трехнедельный натиск наступающего противника был слишком сильным и не позволял создать устойчивый фронт и своевременно сосредоточить войска. В результате русские продолжали нести серьезные потери в живой силе и технике. 6 июля 5-й и 7-й механизированные корпуса были по частям брошены в контрнаступление на лепельском направлении против дивизий Гота, но после упорных трехдневных боев потерпели поражение и отступили. Вечером 15 июля немцы ворвались в Смоленск, оттеснив дивизии 16-й армии генерала Лукина,

имевшей приказ ГКО об обороне этого города. В районе Могилева большая часть соединений 13-й армии оказалась в окружении. Тем не менее русские продолжали сражаться с неукротимым героизмом, который вызывал восхищение даже у Гальдера, и их «дикое упорство», на которое он будет часто сетовать в своем дневнике, постепенно подтачивало вооруженную мощь вермахта.

Накал боевых событий, тяжело сказывавшийся на немецких войсках и материальной части, резко отличался от «маневров с боевыми патронами» летом 1940 года на Западном фронте. Но если эта ожесточенность боев была для немцев чем-то новым и тревожным, то для русских положение складывалось критически.

К исходу 15 июля танковые дивизии Гота, стремительно наступавшие из района Витебска в обход Смоленска с севера, вышли в район Духовщины — Ярцево и повернули на юг навстречу дивизиям 2-й танковой группы Гудериана, в то время как южнее Смоленска немецкие танковые корпуса захватили Быков и продвинулись до слияния рек Сож и Остер в районе Рославля. 18 июля мотоциклисты 10-й танковой дивизии вышли к Ельне, и после двенадцатичасового боя на следующий день дивизия овладела городом. Все советские армии между танковыми группировками Гота и Гудериана оказались втянутыми в огненный водоворот битвы, разгоревшейся вокруг Смоленска.

С окружением советских армий в районе Смоленска и захватом Ельни Гудериану казалось, что он создал благоприятные предпосылки для стремительного броска на Москву, на которые надеялись Бок, Гальдер и сам главнокомандующий сухопутными войсками Браухич.

Возможно, Гитлер делился своими мечтами о «супер-Каннах» лишь с узким кругом приближенных лиц, но он не делал секрета из своей неприязни к идее фронтального наступления на советскую столицу и подчеркивал это уже после принятия директивы № 33. «...В настоящий момент, — писал Гальдер 23 июля, — Москва фюрера совершенно не интересует, а все его внимание приковано к Ленинграду...»^[50] Самое большое, что мог добиться Браухич, — это разрешение отложить выполнение директивы № 33, потому что «...механизированные соединения группы армий “Центр”, которым фюрер поставил задачи, нуждаются в 10—14-дневной передышке, чтобы восстановить свою боеспособность».

С 1945 года взгляды поборников тезиса, что вермахту следовало еще в июле предпринять стремительное наступление на узком фронте на Москву, пользовались беспрепятственным хождением. Всегда легче превозносить достоинства гипотетической альтернативы, чем оправдывать неутешительную реальность. К тому же все противники этого удара в центре фронта мертвы. У Кейтеля, Йодля, Клюге и у самого Гитлера не было времени для опубликования оправдательных мемуаров. Беспристрастное изучение фактов показывает, каким опасным было в тот момент положение немецких войск. Немцам удалось перебросить за Днепр не более десяти дивизий, и эти дивизии продвинулись в восточном направлении еще километров на 180. Главные переправы в Орше и Могилеве все еще находились в руках русских и удерживались русскими гарнизонами, не уступавшими по численности немецкому головному эшелону, а к северу и югу немецкого клина четыре советские армии имели достаточно сил, чтобы охватить и подрубить его основание. К тому же немецкое снаряжение, и особенно танки и автомашины, нуждалось в ремонте. Немцы испытывали трудности в доставке боеприпасов для дивизионной артиллерии и тем более в переброске на переднюю линию фронта орудий более крупного калибра для штурма укрепленных позиций русских войск, а пикирующие бомбардировщики для этих целей оказались неудовлетворительной заменой.

Фактически в эти дни «линия жизни» войск фон Клюге была натянута до предела; еще более уместно сравнить положение его войск с велосипедистом, балансирующим на натянутом канате. 2-я танковая группа должна была или сохранять поступательное движение — и тем самым равновесие, — или сорваться и полететь вниз. А в это время маршал Тимошенко с двадцатью новыми дивизиями готовился сунуть палку ей в колеса.

То, что русские рассматривали обстановку как крайне опасную, можно судить по тому, что они немедленно бросили имевшиеся у них танковые бригады в бой, вместо того чтобы приберечь их для совместного контрнаступления с развертывавшимися в районе Вязьмы и Брянска резервными армиями. Для Тимошенко, как никогда раньше, было необходимо соединиться с дивизиями, упорно дравшимися в окружении в районе Смоленска, и восстановить оборону по северному Днепру.

Соответственно Тимошенко приказал оперативным группам войск, срочно созданным из дивизий резервных армий в районе Спас-Демянска и Рославля, перейти в контрнаступление, как только они подойдут к месту боев, и дал указание советским частям в Орше, Могилеве и в окрестностях Смоленска пробиваться в южном направлении. Эти удары по тылу и правому флангу противника имели целью уменьшить немецкий нажим на Смоленск и доказательств того, что это русским удалось, долго ждать не пришлось. 22 июля Гудериан доложил, что «все части 46-го танкового корпуса в настоящее время ведут бой и на некоторое время скованы», а от 47-го танкового корпуса «...пока ожидать больше нечего». Чтобы дополнить концентрический нажим на немецкий клин русские войска, окруженные в Смоленске, начали яростные контратаки. Город непрерывно обстреливался, и немцы не могли пользоваться ни шоссе, ни железной дорогой. 17-я танковая дивизия, переброшенная сюда из-под Орши, была втянута в тяжелые бои, ее командир генерал Риттер фон Вебер был смертельно ранен.

Первым результатом этих атак был выход на восток значительной части русских дивизий, окруженных под Смоленском. По меньшей мере пять дивизий вышли в ночь на 23 июля, а 24 июля — остатки еще трех. В это же время русское наступление на Ельню и к северо-западу от Рославля набирало силу. Сводки немецкой 10-й танковой дивизии показывают, что она потеряла треть своих танков. Между Чериковом и Ельней немцы насчитали 18 свежих русских дивизий, и командир 46-го танкового корпуса Витингоф доложил, что русские «атакуют с юга, востока и севера при массированной поддержке артиллерии. Из-за нехватки боеприпасов корпус способен удерживать лишь самые ключевые позиции».

В этот момент, как ни странно, импровизированный характер русского контрнаступления^[51] начал оказывать более глубокое воздействие, чем можно было судить по боевым действиям, проходившим с переменным успехом. Впервые регулярные пехотные дивизии 4-й армии фон Клюге оказались втянутыми в сражение за Днепром. К вечеру 25 июля их было три, а через три дня их уже стало девять. И эти части были введены в бой не для того, чтобы сменить 2-ю танковую группу Гудериана, а чтобы подкрепить ее.

Получив подобное подкрепление, 2-я танковая группа должна была бы выиграть любой бой. Но бои, которые ей предстояло вести, по существу, были боями местного значения. Они не были предусмотрены в стратегическом развитии кампании, как она была первоначально запланирована ОКБ. И в этом смысле отчаянные русские атаки «с марша», хотя они и были дорогостоящими и недостаточно спланированными, имели значение, которое в конечном итоге оказалось решающим. Ибо, начав в конце июля бои с целью лишить немцев инициативы на ключевом Западном фронте, русские внесли в немецкие оперативные планы элемент неопределенности — неопределенности в оценке целей и возможностей, — что обострило разногласия в германском верховном командовании.

* * *

27 июля в штаб-квартире командующего группой армий «Центр» фон Бока в Борисове было созвано совещание командующих армиями, на котором был зачитан приказ Браухича. Суть его сводилась к тому, что какое-либо немедленное наступление на Москву или даже Брянск исключалось. В качестве ближайшей задачи была поставлена окончательная ликвидация русской 3-й армии, которая группировалась вокруг Гомеля. Это, по существу, означало, что 2-я танковая группа Гудериана должна была повернуть более чем на 90 градусов и наступать в юго-западном направлении.

Затем, после дальнейшей проволочки, в Борисове состоялось еще одно совещание. 4 августа в штаб-квартиру фон Бока впервые после начала Восточной кампании для заслушивания докладов командующих армиями прибыл сам фюрер.

Гитлер беседовал со своими командирами наедине и поодиночке, так что никто из них не был уверен, что говорили другие, что им было предложено и что они разболтали. Он вызвал к себе начальника оперативного отдела генштаба ОКХ полковника Хойзингера, представлявшего Гальдера, Бока, Гудериана и Гота. Трое последних единодушно высказались в пользу наступления на Москву, но в их ответах была определенная непоследовательность. Бок сказал, что готов наступать немедленно; Гот заявил, что самая ближайшая дата, когда его танковая группа сможет выступить, — это 20 августа;

Гудериан утверждал, что его танковая группа будет готова к 15 августа, но просил подкрепления.

Затем Гитлер созвал всех командиров вместе и выступил перед ними с длинной речью. Он объяснил, что первостепенной целью момента является Ленинград. После ее достижения выбор будет лежать между Москвой и Украиной, и он по стратегическим и экономическим соображениям склоняется в пользу последней. По существу, Гитлер исходил из оборонительных предпосылок: захват Ленинграда изолирует русских от Балтийского моря и обеспечит безопасный подвоз железной руды из Швеции; захват Украины даст сырье и сельскохозяйственные продукты, необходимые Германии для длительной войны; захват Крыма ликвидирует угрозу русских военно-воздушных сил нефтеносному району Плешетти. К тому же «...группа армий "Юг", кажется создала предпосылки для победы в этом районе».

К сожалению, у нас нет записей бесед Гитлера с наиболее близкими ему людьми в то время, но есть основания полагать, что он был серьезно обеспокоен силой русского сопротивления, но он никогда не признался бы в этом профессиональным солдатам. Тень Наполеона витала над его головой, как и над каждым из немецких, офицеров на Восточном фронте, и он был исполнен решимости не поддаваться искушению марша на Москву, пока не создаст (как он считал) надежные стратегические предпосылки.

Единственное высказывание, свидетельствующее о его настроении, — причем весьма примечательное — было сделано на этом же совещании. Отказав Гудериану в просьбе о присылке новых танков, Гитлер сказал: «Если бы я знал, что приведенные в вашей книге данные о мощи русских бронетанковых сил соответствовали действительности, я думаю, что никогда не начал бы эту войну».^[52]

* * *

Советское командование сознавало уязвимость бреши в своем фронте, возникшей в результате захвата 1 августа немцами Рославля, но у него не было ни резервных частей, чтобы заткнуть ее, ни транспортных средств, чтобы срочно подбросить подкрепления в этот сектор. В первых числах августа значительная часть окруженных в районе Смоленска советских дивизий с боями вырвалась из окружения около Ермолино и влилась в состав оборонявшихся на этом фронте

советских армий. Два немецких танковых корпуса — 46-й и 47-й — по-прежнему были скованы боями на Ельнинском выступе, и, хотя на помощь им были подброшены еще три свежие пехотные дивизии, немцы смогли отвести в тыл для «отдыха» лишь одну танковую и одну моторизованную дивизии.

Таким образом, укрепляя свои позиции в районе Ельни и продолжая непрерывно наносить контрудары, русские прочно удерживали этот ключевой сектор фронта. Южнее 3-я армия и другие советские соединения, входящие в состав нового Центрального фронта,^[53] срочно укрепляли позиции на реке Сож, продолжая оказывать давление на подошедшие пехотные части 2-й немецкой армии.

В результате проявленной русскими выдержки немцам не удалось расширить пробитую брешь в районе Рославля. Для этого им необходимо было сперва сломить сопротивление русских в районе Ельни и на реке Сож.

Для такой операции ни у Бока, ни у Гудериана уже не хватало сил. Пробыв два дня в районе Ельни, Гудериан воочию увидел, как под усилившимся натиском советских войск его солдаты были вынуждены покидать свои позиции. Тем не менее он выдвинул план нанесения удара на Москву своими танковыми корпусами из района Рославля в обход Ельни.

11 августа командование группы армий «Центр» было официально извещено, что план генерал-полковника Гудериана (о наступлении на Москву) отклоняется как «совершенно неудовлетворительный».

Бок счел благоразумным «согласиться с отменой плана», однако недовольный Гудериан ответил угрозой эвакуировать плацдарм у Ельни, «который сейчас не приносит пользы и лишь является постоянным источником потерь».

Однако для ОКХ это было неприемлемо.

Пока командующие армиями группы «Центр» вели бесконечные эгоистические споры, произошло два события, которые окончательно похоронили планы немедленного марша на Москву. Во-первых, наступление на Ленинград, начавшееся вскоре после совещания в Борисове, натолкнулось на упорное сопротивление русских. 12–14 августа командование Северо-Западного фронта нанесло контрудар под Старой Руссой и заставило немецкие части отступить. В

результате Гот был вынужден спешно перебросить со смоленского направления на помощь Леебу еще один танковый корпус, и, таким образом, группа армий «Центр» лишалась еще трех механизированных дивизий, абсолютно необходимых для крупномасштабных операций. С уходом танковых корпусов на север и юг силы группы армий «Центр» заметно ослабли, и через десять дней (28 августа) Бок пожалуется Гальдеру, что «...возможности сопротивления войск его группы армий подходят к концу. Если русские будут продолжать наступательные действия, то удержать восточный участок фронта будет невозможно».

Но хотя физические возможности для осуществления лелеемой цели — немедленного броска на Москву — быстро иссякали, главное командование сухопутных войск (ОКХ) по-прежнему отстаивало этот план. 18 августа Браухич наконец-то решился представить Гитлеру свои предложения на этот счет. Йодль, как обычно, пошел на попятную и не поддержал Браухича, и Гитлер полностью отверг эти предложения. Фюрер лично написал Браухичу и Герингу пространный ответ, содержащий критику тактики ОКХ и указания о дальнейшей стратегии. Танковые соединения группы армий «Центр», подчеркнул Гитлер, ни разу не сумели полностью окружить противника. Они позволяли себе слишком далеко отрываться от пехоты и «действовать слишком самовольно». Планы будущих операций, изложенные Гитлером ранее в приказе штаба оперативного руководства ОКВ от 21 августа 1941 года, показывают также, что подготовка к захвату Ленинграда отходит на задний план и что максимальные усилия должны быть предприняты на южном участке советско-германского фронта.^[54]

С появлением этой директивы план наступления на Москву в центре фронта был официально похоронен. 22 августа Гудериан получил приказ «перебросить боеспособные танковые дивизии в район Клинцы — Почеп» на левый фланг 2-й немецкой армии. Впервые был также изложен замысел наступления части войск группы армии «Центр» в южном направлении во взаимодействии с группой армий «Юг». 24 августа после встречи Гудериана с Гитлером в штабе ОКХ в Восточной Пруссии 2-я танковая группа получила официальный приказ наступать на юг во фланг и тыл киевской группировки советских армий.

Ленинград: гипотезы и реальность

Немецкое наступление на Ленинград началось 8 августа, и уже через несколько часов позиции советских войск на реке Луга оказались в опасности. Хотя контрудар двух советских армий временно спас советский фронт от развала, положение оставалось тяжелым. Во второй половине августа немецкие войска заняли Нарву, Кингисепп, Новгород, а 20 августа дивизия СС «Мертвая голова» захватила Чудово, перерезав железную дорогу Москва — Ленинград.

В самом Ленинграде сотни тысяч горожан круглосуточно работали над сооружением широкого пояса укреплений, опоясывавших город. Активную роль в мобилизации населения на защиту города играла Ленинградская партийная организация.

Мы знаем и страницы этой книги расскажут, как ухудшение военного положения Германии усилило заговоры, интриги и предательство в стане нацистов. Естественно, у историка может возникнуть искушение попытаться отыскать факты аналогичных распрей в Кремле. Но, несмотря на развенчание «культа личности» и волну критических откровений после XX съезда КПСС, нет никаких сведений о личных отношениях между советскими руководителями в период кризисов, за исключением, пожалуй, одного эпизода во время битвы за Ленинград, осенью 1941 года, когда в конце августа в город к Жданову и Ворошилову^[55] прибыла комиссия ЦК ВКП(б) и ГКО во главе с В. М. Молотовым и Г. М. Маленковым, уполномоченными «организовать оборону». Через несколько дней обстановка на подступах к городу заметно ухудшилась, и К. Е. Ворошилов был освобожден от обязанностей командующего Ленинградским фронтом и отозван в Москву. Заменил его на этом посту генерал армии Георгий Жуков, «пожарник», который в те годы появлялся и стабилизировал положение практически на всех опасных участках советско-германского фронта.^[56]

Некоторые западные историки объясняют эту перестановку спором между Ворошиловым и Ждановым в результате которого Жданов через голову Ворошилова апеллировал к Сталину.

Но фактически нет никаких доказательств каких-либо внутренних конфликтов за все время блокады Ленинграда, кроме обычного

обывательского недовольства и ворчания. А осенью 1941 года, когда немецкие войска с каждым днем все ближе подступали к городу, все ленинградцы, от мала до велика, были сплочены как никогда.

В обращенном к ленинградцам воззвании^[57] говорилось:

Враг «...хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей родины...».

Ленинградцы верили этому обращению и были правы.

* * *

Приближавшимся к городу немцам казалось, что Ленинград вот-вот, как спелый арбуз, сам упадет им в руки. Для их неумейной жажды крови город представлял сложную проблему.

«Проблема», разумеется, заключалась в том, как поступить с его гражданским населением. Первым «твердым решением» Гитлера было «сровнять Ленинград с землей, сделать его непригодным для жизни и избавиться от необходимости кормить население зимой». После уничтожения города территорию можно будет передать финнам. Финны, однако, не хотели участвовать в этом плане. Приходилось также считаться с международным общественным мнением: кровавое побоище такого масштаба придется как-то объяснять — даже тем, кто видел в Гитлере избавителя от большевизма. Соответственно, Геббельс получил указание сфабриковать «недавно обнаруженный» «русский план», согласно которому советские власти сами уничтожили Ленинград.

Заместитель начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерал Варлимонт подробно проанализировал «проблему» гражданского населения и подготовил служебную записку. «Обычная» оккупация города неприемлема. Но можно было бы эвакуировать стариков детей (видимо, в газовые камеры) и «предоставить оставшимся умереть от голода». Наилучшим решением, пожалуй, было бы изолировать весь город, окружив его оградой из колючей проволоки под электрическим током, охраняемой пулеметами. Но останется «опасность инфекционной эпидемии» (любопытно отметить, как часто немецкие планы массового уничтожения людей

содержат ссылку на «угрозу» эпидемии), могущей «распространиться на немецкие фронтовые части».

Поэтому в случае принятия предлагаемого решения командиров корпусов следует предупредить о необходимости использовать артиллерию против гражданского населения, пытающегося вырваться из города. В любом случае «решение вопроса о судьбе жителей города нельзя доверить финнам».

Имелась также возможность извлечь пропагандистский капитал из этого дела, а именно предложить «филантропу Рузвельту направить продовольствие жителям города, которые не попадут в плен, или прислать суда нейтралов под эгидой Красного Креста и увезти их в Америку...».

Разумеется, однако, если ответ на эти предложения примет реальную форму, это будет неприемлемо. Правильным решением было бы «наглухо закупорить Ленинград, затем ослабить его террором (то есть бомбежками с воздуха, артобстрелом) и голодом. Весной мы оккупируем город... вывезем уцелевших жителей в плен в глубь России и сровняем Ленинград с землей с помощью взрывчатки».

Йодль, непосредственный начальник Варлимонта, утвердил эту служебную записку, заметив, что она «морально оправдана», поскольку противник-де заминирует город, уходя из него (интересный пример мышления немцев: Йодль, кажется, независимо от Геббельса придумал то же самое оправдание, что и министр пропаганды), а также из-за — снова — «серьезной опасности эпидемии». Правда, Йодль кратко обрисовал довольно любопытную альтернативу: чтобы части населения Ленинграда было как-то позволено в панике бежать из города в глубь России, утверждая (не очень-то логично), что это «усилит хаос и тем самым поможет нашему управлению и эксплуатации оккупированных районов».

* * *

После прорыва советского фронта на Луге начальник главного штаба ОКВ Кейтель обратился к Маннергейму с предложением, чтобы финская армия перешла в «решительное наступление» на Карельском перешейке а также переправилась через реку Свирь северо-восточнее Ладожского озера. Маннергейм отклонил этот план и не изменил свое

мнение даже после визита Кейтеля, который лично вел с ним переговоры 4 сентября.

С военной точки зрения это упрямство со стороны союзника было исключительно неприятно для немцев. Их вооруженные силы были полностью задействованы, и у вермахта не было стратегических резервов. Единственной формой основного тактического резерва была переброска танковых и моторизованных соединений из одной группы армий на усиление другой. У ОКВ в результате буквально не было средств для наращивания нажима на Ленинградский фронт советских армий без привлечения финских войск или оказания давления на финнов, чтобы заставить их подчиниться своим требованиям. Таким образом, к началу сентября возникли объективные предпосылки в пользу решения «блокировать» Ленинград вместо штурма и захвата этого города.

Гитлер, с нетерпением следивший за ходом операции на северном и южном флангах Восточного фронта, уже начал планировать захват Москвы.

6 сентября он издал директиву № 35, предусматривающую возврат танковых групп Гота и Гудериана на центральный сектор Восточного фронта и подготовку к решающему наступлению на советскую столицу. Поскольку танковые дивизии понесли значительные потери, необходимо было также дополнительно передать группе армий «Центр» и 4-ю танковую группу Гепнера. Директива далее приказывала перебросить с авиабаз в Эстонии 8-й авиационный корпус пикирующих бомбардировщиков на юг для поддержки армий фон Бока.

Гитлер решил отвести району Ленинграда статус «второстепенного театра военных действий», а его блокаду поручить шести-семи пехотным дивизиям.

Такие силы были бы достаточно сильны для сдерживания забором из колючей проволоки умирающих от голода жителей Ленинграда, но далеко не достаточны, чтобы справиться с обороняющими город советскими армиями, пусть даже ослабленными боями и испытывающими в это время нехватку вооружения. К тому же даже после захвата 8 сентября немцами Шлиссельбурга блокада была далеко не плотной и оставляла гарнизону Ленинграда опасную для немцев свободу маневра.

Понимая это и зная, по слухам из ОКХ, о готовящейся директиве, Лееб составил план захвата Ленинграда штурмом. Он надеялся начать наступление 5 сентября, за день до получения директивы, но 41-й танковый корпус Рейнгартта был так ослаблен боями, что ему требовалась трехдневная передышка для переоснащения и пополнения, пока немецкая пехота закреплялась на левом берегу Невы и отражала яростные контратаки 54-й советской армии южнее Ладожского озера.

9 сентября 41-й корпус перешел в наступление, 1-я танковая дивизия наносила удар вдоль левого берега Невы, а 6-я танковая наступала по обе стороны железной дороги, ведущей к Ленинграду. Обе дивизии скоро увязли в полосе противотанковых рвов и оборонительных земляных укреплений, построенных в предшествовавшие недели строительными батальонами и ополченцами.

Русским не хватало артиллерии и многих других видов оружия, которые не производились в самом Ленинграде. Но они широко использовали минометы, а в приморских районах по немецким тылам и батареям вели огонь тяжелые орудия кораблей Балтийского флота. На поле боя в одиночку и парами действовали тяжелые танки КВ, которыми часто управляли водители и механики Кировского завода, по-прежнему выпускавшего около четырех танков в день. В этих упорных, подчас рукопашных боях русские качества — смелость, стойкость, умелое использование маскировки и засад — с лихвой перекрывали нехватку боевой техники и просчеты командования в управлении войсками и тактике, которые приводили к поражениям в приграничных сражениях и на Лужском оборонительном рубеже.

Немецкие танковые дивизии, натолкнувшись на прочную оборону, несли чувствительные потери. В первый же день наступления 6-я танковая дивизия потеряла подряд четырех сменявших друг друга командиров.

В оправдание решения фон Лееба о штурме Ленинграда после получения директивы Гитлера можно напомнить, что все старшие немецкие офицеры считали войну с Россией уже выигранной. Вопрос для них заключался не в том, «одержана ли» победа, а «как»? И что еще важнее: «кто»? Кто будет увенчан лаврами за эти блестящие успехи на военном поприще? Даже Гудериан который одним из первых

почувствовал силу возрождающейся мощи советского оружия, верил в то время что его самостоятельные действия и стратегия принесут немцам победу еще до конца 1941 года — ему в голову не могло прийти, что альтернативой будет полный разгром Германии и штурм Берлина. Эта самоуверенность усугубляла интриги между генералами в ОКХ, приводила к игнорированию и невыполнению ими нежелательных приказов и указаний.

Понятно, что фон Леебу хотелось отличиться захватом наиболее важной «крепости» Восточной кампании. И вначале его игнорирование директивы Гитлера, казалось, оправдало себя. К вечеру 10 сентября немцы пробились к так называемым Дудергофским высотам, бои шли всю ночь, а на рассвете следующего дня под прикрытием авиации 41-й танковый корпус возобновил наступление в обход Дудергофа с юга. 1-я танковая дивизия потеряла столько танков, что из оставшихся можно было укомплектовать полбатальона, тем не менее к исходу дня немцам удалось овладеть Дудергофскими высотами. На левом фланге немецкая пехота после упорных боев пробились в пригороды Слуцка и Пушкина, а вечером 11 сентября овладела Красным Селом.

На четвертый день наступления, 12 сентября, в ОКХ стало очевидным, что на театре, с которого ОКХ пыталось получить подкрепления, разгорелось ожесточенное сражение. Гитлер, однако, издал новую директиву. То ли по совету Кейтеля, апологета захвата Ленинграда и приятеля фон Лееба, а скорее всего потому, что возможность добиться блестящей победы захватила его воображение, фюрер теперь приказал:

«Чтобы не ослаблять наступление... авиационные и танковые силы не должны перебрасываться до установления полной блокады. Поэтому определенная директивой № 35 дата переброски может быть отложена на несколько дней».

Эта директива фактически была приказом ворваться сам город. В последующие четыре дня немцы медленно пробивались к городу. Им удалось захватить Пулково, Урицк и Александровку, где находилась конечная остановка трамвайной линии, которая вела к Невскому проспекту. Но в этом ожесточенном сражении, где населенные пункты и ключевые рубежи по несколько раз переходили из рук в руки, наступил тот переломный момент, когда атакующая сторона несет

непропорционально высокие потери по сравнению с достигнутыми успехами. Решающая атака, предпринятая с трех сторон 6-й танковой и двумя пехотными дивизиями на русские позиции в районе Колпино, была отражена, и в тот же день ОКВ, видимо разочарованное итогами наступления, отдало приказ «немедленно» снять с фронта 41-й танковый и 8-й авиационный корпуса. В ночь на 17 сентября 1-я танковая дивизия приступила к погрузке уцелевших танков на железнодорожные платформы в Красногвардейске, а 36-я моторизованная дивизия своим ходом направилась к Пскову. Лишь понесшая тяжелые потери 6-я танковая задержалась на несколько дней, чтобы вывести своих солдат из боя и залечить раны. Вечером 18 сентября Гальдер мрачно записал в своем дневнике:

«Кольцо окружения вокруг Ленинграда пока не замкнуто так плотно, как этого хотелось бы. Сомнительно, что наши войска сумеют далеко продвинуться, если мы отведем с этого участка 1-ю танковую и 36-ю моторизованную дивизии. Учитывая потребность в войсках на ленинградском участке фронта, где у противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства, положение здесь будет напряженным до тех пор, пока не даст себя знать наш союзник — голод».^[58]

Общий эффект этого наступления фон Лееба на ход Восточной кампании был неблагоприятным для немцев. Переброска танковой группы Гепнера на юг задержалась на десять дней — и это произошло в тот момент, когда фактор времени уже начал приобретать особо важное значение. И когда танковые дивизии наконец покинули Ленинградский фронт, они не были готовы для дальнейших боев. Они нуждались в пополнении, переоснащении и отдыхе. Короче говоря, требовалось еще больше времени.

Это наступление было первой и единственной попыткой немцев захватить Ленинград штурмом. Ведущий западный историк, изучавший блокаду Ленинграда, утверждает, что, «сняв с фронта танковые дивизии в тот момент, когда захват города казался безусловным Гитлер спас Ленинград». Но справедливо ли подобное утверждение? Во-первых, в то время любой обдуманый расчет неизбежно вел к выводу, что длительная блокада в конечном итоге принесет успех. И действительно положение ленинградцев значительно ухудшилось, пока не была прорвана блокада в 1943 году.

Во-вторых, утверждать, что Ленинград был «спасен» в 1941 году, — значит заведомо согласиться с тем, что его захват 41-м танковым корпусом «казался безусловным». Это в высшей мере сомнительное предположение. Хотя немцы постепенно пробивались через оборонительные укрепления к окраинам города, впереди их по-прежнему ждала перспектива затяжных и ожесточенных уличных боев в городе с прочными каменными зданиями и целым лабиринтом рек, каналов, водных путей. В таких условиях многочисленные рабочие отряды и ополченцы, вооруженные бутылками с бензином и динамитными шашками, могут, как ранее показала оборона Мадрида, разделиться с целым корпусом профессиональных солдат.

В отличие от усилий сломить северный фланг советских армий и уничтожить Ленинград, операции немцев на южном крыле фронта увенчались явным успехом. Все поставленные Гитлером в его директиве № 33 и уточненные затем на различных совещаниях с командующими цели были достигнуты. Район Припятских болот был очищен от советских войск, излучина Днепра оккупирована, переправы через Днепр захвачены, танковые клинья углубились в Донецкий бассейн. Русские лишились промышленных предприятий на Украине: они либо были эвакуированы в глубь России, либо попали в руки немцев. И главное — советские войска на Южном фронте понесли значительные потери в живой силе и технике в результате немецких операций по окружению.

Однако, в сущности, операции на этом фронте со стратегической точки зрения обернулись для немцев неудачей. Они не приблизили Германию к победе, и сегодня мы знаем, что эти успехи немцев даже не стали прелюдией к победе.

Хотя Сталин, несомненно, несет значительную долю ответственности за неудачное руководство и управление Красной Армией в начальные месяцы войны, было бы неправильным возлагать на него всю вину, так же как взваливать на Гитлера всю ответственность за неудачи вермахта в последние годы войны. Под командованием маршала Буденного на Юго-Западном направлении находилось около миллиона солдат и офицеров. Разве не разумно было ожидать, что такие крупные силы даже если и не смогут удержать рубеж Днепра, то дадут достаточно мощный отпор врагу, чтобы сорвать немецкое наступление. Отводить такую крупную массу войск

за Днепр в условиях господства в воздухе немецкой авиации было бы в высшей степени опасным. Видимо, Сталин, как всегда было свойственно ему, также в первую очередь учитывал политические факторы. Всегда легче поддерживать боевой дух в войсках в позиционных оборонительных боях, чем при длительном отступлении, да и оставлять значительную часть территории Украины для немецких оккупантов по ряду причин было нежелательно. Этим и объясняется решение занять оборону и дать немцам бой под Киевом.

Итоги этого решения, возможно, были бы иными, если бы этой крупной массе войск было обеспечено умелое командование. Тимошенко (который в конце сентября вступил в командование уцелевшими войсками на Украине) и Жуков (которому будущее уготовило более важную миссию) могли бы изменить ход битвы за Киев, если и не отстоять сам город.

Поворот танковой группы Гудериана на юг для наступления в тыл киевской группировки советских войск захватил русских врасплох. Разрыв между армиями Тимошенко, сражавшимися в районе Смоленска и Рославля, и Буденного, оборонявшими Киев, составлял около 200 километров. Остатки 3-й армии и некоторые другие советские соединения, расположенные в районе Гомеля, в какой-то мере прикрывали эту брешь, но только против ударов с запада. Танковые колонны Гудериана, наступавшие с севера, выходили в тыл 3-й армии. Уже на третий день наступления 3-я танковая дивизия генерала Моделя захватила мост через Десну в Новгород-Северском и преодолела последний крупный естественный барьер своем пути навстречу танкам фон Клейста.

Советские историки возлагают определенную вину на генералов Ф. И. Кузнецова и А. И. Еременко, который командовал войсками Брянского фронта, созданного на фланге танковой группы Гудериана. [59] Но какими силами располагал этот фронт? Оперативная карта Гудериана показывает, что у русских на всем протяжении от Рославля до Новгород-Северского имелось всего девять стрелковых и одна кавалерийская дивизия, и едва ли по своей численности эти дивизии превышали бригады. К тому же наступавшая группа Гудериана была механизированной, советские же войска, которым необходимо было сосредоточиться, прежде чем нанести удар по немецким колоннам, передвигались со скоростью пешего солдата.

12 сентября танковые дивизии Клейста, прорвав оборону ослабленной боями 38-й советской армии, вырвались со своего плацдарма на восточном берегу Днепра у Кременчуга и 15 сентября у Лохвицы соединились с дивизиями Гудериана, замкнув внешнее кольцо самого крупного окружения, достигнутого немцами за всю Восточную кампанию.^[60]

В «котле» командующий Юго-Западным фронтом генерал М. П. Кирпонос и его штаб вскоре потеряли управление войсками, которые оказались расчлененными на отряды и группы, действовавшие самостоятельно в соответствии с (часто противоречивыми) приказами командиров корпусов и армий.

У окруженных русских войск не хватало боеприпасов и горючего, не был организован и скоординирован прорыв вражеского кольца. Но с гордым упорством русские сражались до конца. В последние роковые дни целые батальоны бросались в контратаку с последними пятью патронами в магазине винтовки на немецкие артиллерийские позиции, а в рукопашных схватках русские были готовы вцепиться зубами в горло противника.

Когда бои прекратились, немцы тщательно подсчитали трофеи и пригласили большую группу фоторепортеров и художников. На многочисленных фотоснимках можно видеть колонны сожженных и взорванных грузовиков; почерневшие от огня танки с пробитой и искореженной снарядами и бомбами броней; штабеля винтовок; длинные ряды артиллерийских орудий, каждое из которых русские подорвали последним заложенным в казенную часть снарядом. Многочисленные снимки мертвых солдат. Иногда видно, что они погибли в бою. На других аккуратные надписи гласят, что это жертвы «карательных» операций.

Особенно трагичной была судьба русских военнопленных — длинные колонны, с угрюмой усталостью бредущие по усеянной воронками земле. В глазах пленных — упрямство и отрешенность людей, сражавшихся за Родину до конца, но потерпевших поражение. Могли они догадываться, что ждет их впереди? Запланированная немцами голодная смерть, лагеря, где свирепствовал тиф, каторжный круглосуточный труд на заводах Круппа под хлыстом эсэсовцев. «Медицинские эксперименты», пытки, четыре года изощренного зверства, самого отвратительного и непростительного рода. Сознали

ли интуитивно некоторые из них, что из каждой тысячи пленных менее тридцати человек когда-нибудь смогут снова увидеть родной дом?

Но раз уж мы задаем эти риторические вопросы, уместно задать еще один.

Догадывались ли немцы, глядевшие на эти длинные черные вереницы пленных, тянущиеся по степи на запад, что они посеяли ветер?

Первую бурю, более ужасную, чем они когда-либо испытывали, немцы пожнут менее чем через год!

Алан Кларк

Москва 1941 года^{[\[61\]](#)}

Начало наступления на Москву

В конце сентября 1941 года, когда отгремели последние залпы в киевском «мешке» и захлопнулись двери товарных вагонов, увозивших русских пленных на запад немцев мучила все та же проблема. Русский медведь был мертв, но не хотел ложиться. Точные сведения о русских потерях едва ли когда-нибудь станут известны но подсчеты ОКВ — 2,5 миллиона человек, 22 тысячи орудий, 18 тысяч танков, 14 тысяч самолетов — не были простым пропагандистским вымыслом, а основывались на сличенных и проверенных специалистами абвера данных из донесений немецких частей. Эти подсчеты почти полностью соответствовали оценкам численности и технической оснащенности Советских Вооруженных Сил, которые эти же специалисты подготовили к началу Восточной кампании. Что же тогда подпирало Красную Армию?

Стратегические задачи, поставленные вермахтом в начале войны, были в основном выполнены: Ленинград был блокирован и изолирован; большая часть Украины была отнята у русских и открыта для немецкой экономики. В Берлине на Бендлерштрассе уже началась работа над проектом плана оккупации, который предусматривал отвод в Германию примерно восьмидесяти дивизий (из которых половину намечалось демобилизовать); военно-оккупационная администрация должна была сохранить в своем распоряжении «сильные мобильные группы в основных промышленных и транспортных центрах; каждая группа, помимо несения обычных оккупационных обязанностей, должна быть способной посылать мобильные боевые отряды в неоккупированный хинтерланд с целью ликвидации любых попыток к сопротивлению, прежде чем они примут опасный характер».

Однако на линии фронта будущее выглядело совсем в ином свете. Немецкие солдаты чувствовали, что находятся в глубине чужой и враждебной страны. Лишь реки нарушали однообразие территории. Днепр, Дон, Миус, Сал, Донец, Оскол, Ока, Сож, Остер, Десна, Сейм. Через эти реки терпеливые саперы вермахта навели мосты, у берегов каждой из них были похоронены их товарищи. За каждой из них скрывался враг, который отступал, но всегда вел огонь. И очень часто дневной бой заканчивался, а русские снова были видны на горизонте,

и через цейсовские бинокли можно было различить танки Т-34 с их зловещими, напоминающими капюшоны, скошенными башнями, которые, казалось, заманивали немцев все дальше и дальше на Восток. От сражавшихся рядом с немцами союзников — румын и венгров, которые не считали себя суперменами, в германскую армию начали все чаще проникать настроения обеспокоенности и тревожные рассуждения: что русского всегда приходится убивать дважды; что русских никогда никто не побеждал; что никто, проливший здесь кровь, еще не уходил из России живым. И каждый немец, на каком бы участке фронта он ни воевал, с тревожным чувством страха и восхищения обратил внимание на поведение раненых русских.

«Они не плачут, они не стонут, они не ругаются. Несомненно, есть что-то загадочное, что-то непостижимое в их суровом, упорном молчании».

Как будто преисполненные злобной решимостью принудить своих врагов проявить слабость, немцы не оказывали медицинской помощи военнопленным и свели их рацион до минимума.

Тревожное чувство, что им приходится сражаться против противника почти сверхъестественной силы и стойкости, было широко распространено среди немецких солдат, особенно в пехоте, и его можно проследить в их письмах и дневниках. Но в главное командование сухопутных войск эти настроения проникли несколько позже. Лишь в конце августа там стали считаться с возможностью зимней кампании — в отличие от полицейских обязанностей оккупационных сил. 30 августа начальник генерального штаба ОКХ Гальдер приказал:

«Ввиду недавних событий, которые, вероятно, сделают необходимыми военные операции ограниченного масштаба даже в течение зимы, оперативному отделу надлежит подготовить докладную записку о зимней одежде, которая потребуется для этой цели. После утверждения начальником генерального штаба ОКХ докладная будет переслана в организационный отдел для принятия необходимых мер».

После победы под Киевом многие генералы в генеральном штабе были склонны считать, что еще одно окружение прикончит русских, и тогда немецкие армии смогут перезимовать в Москве. Только фон Рундштедт был целиком и полностью против подобных планов и рекомендовал остановить войска на Днепре до весны 1942 года. Так как

это повлекло бы за собой отвод войск на центральном секторе фронта, это было заведомо неприемлемо для Гитлера, а тот факт, что большинство высших генералов — Бок, Клюге, Гот, Гудериан — командовали войсками на центральном фронте (и вынашивали честолюбивые планы), predetermined, что Рундштедт остался в меньшинстве среди своих профессиональных военных коллег.

15 сентября Браухич изложил в штаб-квартире фон Бока план новой операции «Тайфун». В ней должны были принять участие три четверти германских вооруженных сил на Восточном фронте, включая все танковые дивизии (за исключением группы фон Клейста, которой предстояло продолжать операции на Украине). Танковая группа Гепнера была переброшена из-под Ленинграда. Ее намечалось поставить в центре, по обе стороны от нее разместить 9, 4 и 2-ю армии, а на крайних флангах — танковые группы Гота и Гудериана.

Фронт наступления был необычно широк. Между исходными позициями Гота, к северу от Смоленска, и Гудериана, на левом берегу Десны, было около 240 километров. Согласно плану удар танков Гепнера должен был расколоть фронт русских на две части, разбитые остатки русских частей сгруппируются вокруг узлов коммуникаций в Вязьме (которую должен был взять Гот) и Брянске (предназначенном Гудериану).

Как только русские войска, окруженные в этих двух «котлах», будут подавлены, препятствий для прямого наступления на советскую столицу больше не будет.

Для рядового состава фюрер подготовил очередной приказ:

«После трех с половиной месяцев боев вы создали необходимые условия для нанесения последнего мощного удара, который должен сломить врага на пороге зимы».

Усиленной группе армий «Центр»^[62] противостояли соединения Западного фронта генерала Конева, Брянского и Резервного фронтов — 13 общевойсковых армий, общая численность их достигала миллиона, но по своему составу и оснащённости эти армии резко отличались друг от друг. Почти во всех соединениях и частях не хватало артиллерии, противотанковых средств, фактор мобильности был очень низок — не хватало автотранспорта и даже лошадей.^[63]

С точки зрения технической оснащённости и подготовки эти армии, которые приняли на себя удар в начальной фазе битвы за

Москву, являлись, наверное, самыми слабыми из всех советских армий, выходивших на поле боя. Большинство солдат и офицеров были призваны из резерва, не имели боевого опыта и достаточной военной подготовки.

Правда, у советского командования все еще оставался существенный резерв, который содержал часть лучших кадровых войск во всей Красной Армии — армии Дальневосточного фронта генерала Апанасенко. Войска фронта находились в состоянии боевой готовности с 22 июня 1941 года, ожидая нападения японцев. Но дни шли, перерастали в недели и месяцы, благоприятный сезон для ведения боевых действий сократился, и Ставка Верховного Главнокомандования начала рассматривать возможность использования этих хорошо обученных и закаленных в суровом климате войск в критический момент на Западном фронте.^[64]

Зная из многолетнего опыта о вероломстве японских милитаристов, которые на протяжении 30-х годов неоднократно внезапно провоцировали вооруженные инциденты и крупные конфликты, советское командование опасалось ослаблять свою оборону на Дальнем Востоке. То, что Сталин наконец дал согласие на переброску части войск из Сибири,^[65] объясняется заверениями, полученными Ставкой от разведывательной группы Зорге в Токио, которым Советское правительство, в отличие от советско-японского пакта о ненападении 1941 года, имело веские основания доверять. Еще 25 июня Зорге сообщил о решении Японии выступить в южном направлении на Индокитай, и все дальнейшие разведывательные данные из этого источника указывали на то, что японцы предпочитают легкий захват богатых голландских колоний в Юго-Восточной Азии суровым боям в Монголии.^[66] Кроме того, во время вооруженного конфликта с Германией Ставка Верховного Главнокомандования получала исключительно ценную разведывательную информацию еще от двух отдельных разведывательных групп — «Красная капелла» в самой Германии и организации Радо в Швейцарии, имевшей контакт с исключительно ценным швейцарским агентом Люси.

В противоположность русским немецкое командование имело очень слабое представление, что происходит в Москве. Грубые и ставшие болезненно очевидными просчеты в оценке советской мощи вынудили ОКХ воздерживаться от оценок и предположений, за

исключением тех, которые основывались на сведениях фронтовой разведки. Пока немцы сохраняли инициативу и обладали значительным военным превосходством на полях сражений, этот недостаток не имел большого значения. Но когда наступление приостановилось и перевес не стал столь ощутимым, отсутствие сведений о реальной силе противника и его намерениях поставило немецкое командование в трудное положение.

В первые месяцы войны советская армейская разведка уступала немецкой. Пленных немцев было не так много, и в ходе длительного отступления советских войск не было ни времени, ни организационных возможностей просеять и проанализировать разведывательные донесения и итоги допросов пленных. Но к осени 1941 года положение изменилось, и к тому же русские начали получать все более обширную и надежную информацию от партизанских отрядов, действовавших в немецком тылу за линией фронта.

Партизанское движение было «четвертым» родом Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне.

Когда первые сведения о действиях партизан достигли Гитлера, он даже приветствовал их: «В этом есть свои преимущества — дает нам возможность уничтожать всех, кто выступит против нас».

Обычно поддержание «порядка» на оккупированных территориях было прерогативой СС, но приказ ОКВ от 16 июля 1941 года вменил это также в обязанность регулярных немецких войск.

Вместо «быстрого усмирения» захваченной территории карательные меры, к которым охотно приступили немцы, разожгли пламя народной войны, и партизанское движение начало быстро расти. Жители сел, деревень и хуторов предоставляли кров и продовольствие партизанам и группам выходивших из окружения русских военных, росла ненависть к захватчикам по мере того, как становилось известным зверское обращение немцев с мирным населением. Особое значение приобрел провозглашенный Сталиным тезис о патриотическом, национальном характере войны против фашистской Германии.

Одновременно советское командование оценило военное значение значительного числа советских людей, оставшихся в тылу немецких войск (по самым минимальным подсчетам, на оккупированных территориях находилось не менее 250 тысяч советских вооруженных

солдат и офицеров), и приняло меры к организации и поддержке их. Подготовленные командиры и комиссары забрасывались в тыл, было создано районное командование, налажена дисциплина, организовано снабжение отрядов радиопередатчиками и взрывчаткой.

Реакция немцев была предсказуемой — террор должен быть усилен и стать повсеместным.

Соответственно верховное главнокомандование вермахта отдало приказ:

«За жизнь одного немецкого солдата надлежит подвергать смертной казни от пятидесяти до ста коммунистов (то есть русских). Метод казни должен еще более усиливать ее дисциплинарное воздействие».

Солдатам при расстреле заложников в связи с этим было приказано стрелять ниже пояса в живот, чтобы продлить агонию. В случае, если среди расстреливаемых оказывались дети, которые случайно — из-за малого роста — оставались в живых, «офицер, командовавший похоронной командой, должен собственноручно прикончить их».

Вначале, уверенные в близкой победе, немцы извлекали садистское удовольствие из этих карательных операций. В длительные летние вечера под малейшими предложениями организовывались облавы на людей. Деревню окружали, поджигали, а ее жителей, пытавшихся спастись бегством, как дичь на охоте, расстреливали на улицах. Затем оказалось выгодным грабить дома и жилища, а «сувениры» вместе с сопутствующими фотографиями отсылать своим друзьям в Германию.

Но постепенно немцам становилось ясно, что война быстро не кончится, что их мало, русских много, территория России огромна. Страх и сознание вины вытеснили чувство экзальтации по мере того, как угрюмая ненависть населения и деятельность партизан с каждым днем становились все более ощутимыми.

Таким образом, в двух важных отношениях — стратегическая глубокая разведка и безопасность тыла — русские уже имели важные преимущества над своим противником, которые, поскольку война затягивалась, должны были приносить все более ощутимые выгоды. Но с чисто военной точки зрения в начале Вяземско-Брянского сражения в октябре 1941 года казалось, что война все еще может закончиться к концу текущего года. К началу октября группа армий Бока подготовила танковый удар более мощный, чем в первые дни

«Барбароссы». С Украины был дополнительно подброшен 43-й танковый корпус Кемпфа и вместе с 9-й танковой и двумя моторизованными дивизиями придан Гудериану. Хотя фронт наступления равнялся лишь одной пятой фронтовой линии 22 июня, число наступавших танковых дивизий было лишь на три меньше. Всего же вместе с войсками сателлитов общая численность немецких войск на Восточном фронте достигла 207 дивизий — на 41 дивизию больше, чем 22 июня.

На третий день наступления Гудериан отметил: «Русский фронт полностью прорван».

3 октября немецкие танки ворвались в Орел, где все еще по улицам ходили трамваи. В центре танковая группа Гепнера, усиленная дивизиями СС «Рейх» и «Великая Германия», расколола русский фронт надвое, оттеснив часть дивизий Западного фронта на север под удар наступавших армий Клюге и Штрауса. Дальше к северу танковые дивизии Гота, наносившие удар из района Духовщины глубоко вклинились в оборону советских войск и, повернув на юг, вышли к Вязьме, где сомкнулись с дивизиями Гепнера, завершив окружение четырех советских армий.^[67] В двух «котлах» оказались окруженными около 500 тысяч человек, которых немцам предстояло ликвидировать.^[68] Это была одна из самых быстрых и, как казалось, наиболее эффективно проведенных операций по окружению частей Красной Армии летом — осенью 1941 года. Теперь путь на Москву был широко открыт. В Берлине Геббельс пригласил большую группу иностранных журналистов и объявил, что «уничтожение армий Тимошенко, безусловно, привело войну к завершению».

Несомненно, мало кто в немецкой армии теперь думал о том, чтобы приостановить наступление, прежде чем будет захвачена советская столица. И в этой пьянящей атмосфере предвкушения близкой победы отдельные мелкие предзнаменования остались незамеченными. 7 октября выпал первый снег, который быстро растаял. А из остатков трех советских фронтов был создан Западный фронт во главе с новым командующим.

Его имя, оставшееся не замеченным немецкой разведкой, было Георгий Жуков.

Битва за Москву

В начале второй недели октября советскому командованию стали очевидны тяжелые последствия окружения советских армий в районах Вязьмы и Брянска и нависшая над советской столицей смертельная опасность. 12 октября танки Гепнера переправились через Угру, поставив Ставку Верховного Главнокомандования перед новой трудной дилеммой. Повернут ли немецкие танковые дивизии на Калугу в тыл советским войскам, сдерживающим натиск Гудериана? Или двинутся прямо на Москву через Малоярославец? Или же устремятся на север, чтобы, объединившись с 3-й танковой группой Гота, разбить правый фланг оборонявшихся советских армий и расчистить себе путь к Москве с северо-запада?

Прямой путь к Москве танкам Гепнера преграждал три стрелковые дивизии ослабленного состава, без танков и почти без артиллерии, а также кавалерийские части вырвавшиеся с боями из окружения, численностью около бригады. Севернее в районе Гжатска другая небольшая группа советских войск, с трудом отражая атаки танковых дивизий Гота, отходила в направлении Волоколамска.

Сплошного фронта не было, и от стойкости этих разрозненных групп — назвать их армиями было бы преувеличением — зависела своевременная организация обороны на новом рубеже перед Москвой. Даже с учетом советских соединений, противостоявших Гудериану на южном фланге и Готу в верховьях Волги, численное превосходство немцев было подавляющим, особенно в боевой технике. На всем Западном фронте русские имели 824 танка,^[69] из которых едва ли половина была полностью боеспособной, да и из нее лишь небольшую часть составляли КВ и Т-34.

Московская партийная организация, так же как в сентябре Ленинградская, развернула круглосуточную работу по мобилизации трудящихся на оборону столицы. Райкомы создавали и формировали коммунистические и рабочие батальоны, боевые дружины, группы истребителей танков, но нехватка оружия ограничивала эффективность этих отрядов. Так, один из батальонов численностью 675 человек перед отправкой на фронт имел всего 295 винтовок, 120

ручных гранат, 9 пулеметов, 145 револьверов и пистолетов и 2 тысячи бутылок с зажигательной смесью.

В этот критический период на Западный фронт, куда Ставка спешно стягивала подкрепления, прибыла лишь одна свежая кадровая дивизия — 32-я стрелковая дивизия с Дальнего Востока.^[70]

Несколько дней Г. К. Жуков, назначенный 10 октября командующим Западным фронтом, мог утешать себя мыслью, что положение, хотя и чрезвычайно опасное, все же поддается контролю. Пока советские войска на флангах у Калинина и Мценска удерживали свои позиции, не давая бронированным клещам танковой группы Гота и танковой армии Гудериана сомкнуться, слабый центр был меньшим злом, так как фронтальное наступление немецких 4-й и 9-й армий поддерживали лишь танки Гепнера. Даже если бы этим армиям фон Бока и удалось подойти к Москве, то их «свиное рыло» могло оказаться в ловушке.

Но 14 октября положение резко осложнилось — северный фланг был прорван. 3-я танковая группа ворвалась в Калинин, и танки Гота вместе с наступавшей вслед за ней 9-й армией устремились к Московскому морю — крупному искусственному водоему в 120 километрах к северу от столицы.

Город жил тревожной жизнью. Цвет москвичей был на фронте — в армии, ополчении, батальонах добровольцев, а сотни тысяч жителей столицы, включая женщин и детей, днем и ночью на подступах к городу и на его окраинах строили оборонительные сооружения, рыли противотанковые рвы, устанавливали проволочные заграждения и противотанковые «ежи». Через два дня после захвата немцами Калинина и сообщения об эвакуации части государственных и партийных учреждений и дипломатического корпуса в Куйбышев из Москвы на восток хлынули неорганизованные потоки беженцев. Но сам Сталин остался в Москве. Вечером 19 октября в столице было введено осадное положение, патрули из рабочих, солдат НКВД и милиции вышли на улицы, чтобы навести порядок. С этого времени имевшие место отдельные проявления паники прекратились. В затемненном городе, с его заснеженными улицами, закрытыми магазинами и воем сирен воздушной тревоги, царила атмосфера отчаянной воинственной решимости.

Эта атмосфера была полной противоположностью той апатии и безразличию, которые предопределили падение Франции в 1940 году. Тогда страна и ее институты были принесены в жертву личной безопасности. Мелкие удовольствия и привычную удобную жизнь можно было, как казалось многим французам, сохранить, просто отказавшись воевать. Но русские в 1941 году были далеки от подобных мыслей.

К лишениям и жертвам они привыкли на протяжении столетий, но в немецких захватчиках они сейчас видели причину их бед и несчастий и ненавидели их. Были и другие, более глубокие чувства, вдохновлявшие их на борьбу.

Если, как утверждал Гитлер, «воля к победе» — наиважнейший фактор, то немцы уже проиграли войну. Ибо что могли они противопоставить чаяниям русских? Жажду захвата земель и «рабов», надуманную доктрину расового «превосходства», набор путаных предубеждений против «большевизма». Эти вещи не имели ценности по сравнению с глубоким патриотизмом русских, их верой в марксистское учение. Вермахт жил мечом. Если и когда меч затупится...

Проблема, стоявшая перед Жуковым, новым командующим Западным фронтом, и перед Ставкой Верховного Главнокомандования, требовала тонкого расчета. Русским необходимо было сохранить непрерывный фронт до наступления зимы, но при этом их сопротивление должно было быть достаточно гибким, чтобы избежать окружения, и в то же время достаточно энергичным, чтобы задерживать противника при малейшей возможности.

На северном и центральном участках Московского фронта из-за густых лесов немецкие танки редко имели возможность для действий вне дорог. Привыкшие к крошечным лесочкам Западной Европы, немцы чувствовали себя неуверенно в обширных русских лесах, через которые им приходилось с боями проходить день за днем. Теперь рано темнело, и темнота царила 14 часов в сутки. Когда немецкие колонны останавливались, советская кавалерия проникала по лесным тропам за линию фронта, ставила мины и обстреливала из минометов немецкие обозы. Даже танковая группа Гота, которая сумела, казалось, прорвать фронт под Калинином, к концу октября была вынуждена двигаться со скоростью пешехода.

Таким образом, хотя немцы оказались ближе всего к Москве на северном и центральном участках фронта (из Можайска они могли в ясную ночь наблюдать вспышки разрывов зенитных снарядов в небе над Москвой), подлинная угроза для Красной Армии лежала южнее, где местность была более открытой и где советским войскам, у которых почти не было танков, противостояла целая танковая армия Гудериана.^[71] В тот период у советского командования на Западном фронте имелось лишь одно самостоятельное танковое подразделение — 4-я танковая бригада полковника Катукова, недавно оснащенная танками Т-34.

Бригада прибыла под Москву в конце сентября и еще не участвовала в боях. После окружения советских войск под Брянском она оказалась единственной мобильной ударной силой между рекой Окой и Мценском. Получив приказ прибыть в Мценск и задержать наступление Гудериана на Тулу, Катуков 6 октября нанес внезапный контрудар по 4-й танковой дивизии, заставив ее «пережить несколько скверных часов» и причинив ей «чувствительные потери». Не развивая начального успеха, Катуков затем отступил, благоразумно решив, что сохранение бригады важнее, чем героическое, но гибельное для нее наступление против целой танковой армии противника. Гудериан записал в дневнике: «Это был первый случай, когда огромное превосходство Т-34 над нашими танками стало совершенно очевидным... От стремительного наступления на Тулу, запланированного нами, временно пришлось отказаться».

Залечив раны, 4-я танковая дивизия немцев через несколько дней возобновила наступление на Мценск и 11 октября подошла к окраине города. Командир корпуса Геир хотел было заменить 4-ю танковую дивизию 3-й танковой и частями 10-й моторизованной дивизии, но из-за осенней распутицы это повлекло бы за собой минимум двухдневную задержку и возвращение дивизии обратно в Орел, поэтому 4-я танковая продолжала идти в авангарде. Время от времени шел снег и таял, упав на землю. Грязь делала возможным движение лишь по шоссе, и танки и автомашины шли со скоростью около 10 километров в час. Вечером 11 октября, когда передовые части дивизии вступили в охваченное пожаром предместье Мценска, дивизия растянулась по шоссе километров на двадцать, а приданная ей артиллерия и пехотные части оказались почти за пределами

радиосвязи. Именно этот момент Катукон выбрал для нового контрудара. Танки Т-34 устремились вперед. Почва с наступлением сумерек начала подмерзать, широкие гусеницы Т-34 позволяли пройти там, где тяжелые немецкие танки Т-IV садились на бронированное брюхо.

Удар русских танкистов был стремительным и свирепым. Немецкая колонна оказалась рассеченной на части, которые затем были методично уничтожены. Башенные стрелки 4-й танковой дивизии, боевой дух которых был надломлен еще в первом столкновении с бригадой Катукон, вновь видели, как их снаряды отскакивают от покато́й брони советских танков.

4-я танковая дивизия была, по существу, уничтожена и защитники Тулы получили важную передышку. Помимо своего тактического значения эта схватка дала Гудериану основание для зловещего вывода: «До настоящего времени мы пользовались превосходством в танках. Но отныне положение радикально изменилось».

Гудериан пишет затем: «Я составил доклад по поводу этой новой для нас ситуации и направил его командованию группы армий. Я описал без обиняков явное превосходство Т-34 над нашим танком Т-IV и сделал соответствующие выводы, как это в будущем должно отразиться на производстве наших танков. В заключение я подчеркнул необходимость немедленной присылки на мой участок фронта комиссии, составленной из представителей управления вооружений сухопутных войск, министерства вооружений, конструкторов танков и танкостроительных фирм... которая могла бы осмотреть уничтоженные танки на поле боя... и выслушать советы танкистов, которым приходится пользоваться этими танками, что следует предусмотреть в конструкции наших новых танков. Я также попросил о быстром налаживании производства противотанковых орудий, обладающих достаточной пробивной силой, чтобы вывести из строя Т-34».

Генерал Байерлейн, командовавший боевой группой в 39-м танковом корпусе, автор одного из лучших описаний этого этапа немецкого наступления, жалуется на воздействие реактивных минометов «катюша», которые впервые начали широко применяться русскими, на боевой дух немецких войск, а также на возросшую активность советских военно-воздушных сил. «Русские атаковали нас

одиночными самолетами любого типа даже в самые неблагоприятные погодные условия, в то время как мы сами не получали защиты со стороны люфтваффе...»

После трех недель наступления через грязь и минные поля, в ходе которого линии снабжения нарушились, многие танки и автомашины вышли из строя, а потери быстро росли, фон Бок понял, что его армиям перед финальным броском на Москву необходима перегруппировка. 27 октября Геббельс сообщил на пресс-конференции сбитым с толку журналистам (которым всего лишь две недели назад он объявил, что война закончена), что «наступление временно приостановилось из-за погоды».

* * *

На этом фоне неудач, разочарований и забуксовавшего наступления 12 ноября в Орше, где находилась штаб-квартира фон Бока, было созвано совещание начальников штабов армий группы «Центр». Это был один из решающих моментов в истории вермахта. Перед старшими немецкими офицерами стоял вопрос: следует ли проявить благоразумную осторожность, разместить войска на «зимних квартирах», восстановить их боеспособность и спокойно спланировать следующий этап кампании? Или рискнуть и бросить все оставшиеся у немцев силы против Красной Армии в условиях надвигавшейся зимы? Сведения о состоянии Советских Вооруженных Сил были весьма приблизительные и основаны по большей части на оценках, которые уже оказались ошибочными. Сомнений в том, что зима близка, быть не могло, однако никаких мер по подготовке к ведению наступательной кампании в условиях зимы, помимо первых ориентировочных запросов относительно потребностей в зимнем обмундировании, не принималось. Совещание проходило в специальном поезде Гальдера, стоявшем на запасном пути около железнодорожного вокзала. На совещании начальник генерального штаба ОКХ объявил о решении возобновить наступление на Москву, и, хотя после своего выступления он пригласил присутствовавших высказать замечания, было ясно, что имеется в виду обсудить частности, а не существо решения. Гальдер уже привез с собой «приказ об осеннем (!) наступлении 1941 года», который после совещания без изменений был разослан в соответствующие армии.

Это решение часто приводится как один из примеров навязывания Гитлером своей точки зрения немецким генералам вопреки их возражениям. Но, как и во многих других «случаях» пагубного вмешательства фюрера, объективный анализ вскроет другую сторону медали, которую вполне уместно привести как пример, свидетельствующий о характерно шаблонном и негибком мышлении генерального штаба ОКХ.

В конце октября многие обстоятельства заставляли немцев предпринять еще одну, последнюю попытку пробиться к советской столице. И Гальдер, и Браухич с самого начала Восточной кампании пытались убедить Гитлера сосредоточить главные усилия на захвате Москвы. После Вяземско-Брянской битвы последние препятствия к этому (по меньшей мере согласно победным реляциям фон Бока) были устранены. К тому же отказ от такой попытки повлек бы переход к обороне «на зимних рубежах» и неизбежное оставление части территории, за которую было заплачено кровью немецких солдат. Как могло командование ОКХ объяснить это своему фюреру после только что одержанных крупных побед?

Гальдер и Браухич, должно быть, приняли решение о возобновлении наступления на Москву приблизительно между 26 и 30 октября, поскольку приказы о перегруппировке немецких войск были отданы в это время. Пехотные армии Штрауса и Вейхса перебрасывались на фланги. 3-я и 4-я танковые группы располагались рядом на левом крыле для удара в обход Москвы с севера. 2-я танковая армия Гудериана сосредоточилась на правом южном фланге.^[72] Гитлеру, обсуждавшему с Браухичем план наступления, не понравилось, что немецкие танковые дивизии завязли в лесах под Истрой, и он высказался в пользу широкого охвата Москвы с северо-запада и юго-востока. «Город падет, — заявил он Муссолини, — и мы не потеряем ни одного солдата». План хорошо смотрелся на карте в Растенбурге, но не учитывал состояние немецких войск и природные условия театра действий, и в силу этого немецким генералам было бы несложно единодушно выступить против него и отвергнуть саму идею возобновления наступления на Москву.

В дневнике Гальдера имеется лишь краткая запись о совещании в Орше, которая не раскрывает его личного отношения к этой наступательной операции. Показания начальника штаба 4-й армии

Блюментрита на его допросе в 1946 году, однако, свидетельствуют о том, что если бы Гальдер хотел, то заручился бы широкой поддержкой со стороны несогласных генералов.

Один из штабных офицеров, армии которого была поставлена задача захватить железнодорожные узлы около города Горького (в 250 милях восточнее Москвы), запротестовал: «Сейчас не май месяц, и мы воюем не во Франции!» Гальдер, бесстрастно выслушав возражения, закрыл совещание, объявив, что наступление «одобрено Гитлером» и что захват железнодорожных станций необходим, так как «в ОКХ имеются сведения о начавшейся переброске из Сибири крупных русских резервов, численностью в целую армию».

На этой тревожной ноте совещание закончилось, штабные офицеры разъехались по своим армиям готовиться к решающей битве.

Значительная часть советских войск с Дальнего Востока прибыла в первых числах ноября, и к моменту возобновления немецкого наступления командующий Западным фронтом генерал Жуков почти удвоил находившиеся под его командованием силы по сравнению с тем, чем он располагал в середине октября.^[73] Тем не менее по общей численности войск и количеству боевой техники Советские Вооруженные Силы по-прежнему уступали вермахту, и, чтобы уменьшить численный перевес немецких войск под Москвой, Ставка Верховного Главнокомандования наращивала силы Западного фронта, расчетливо перебрасывая отдельные части и технику с других секторов советско-германского фронта, подтягивала свежие резервы из глубины страны.

Сейчас мы знаем, что 30 ноября Сталин наконец одобрил планы генерала Жукова о зимнем контрнаступлении, но идея наступления, судя по всему, находилась в стадии планирования в течение нескольких недель. Расчет Ставки Верховного Главнокомандования был прост, и каждый фактор трезво проанализирован и просчитан, как и подобает «нации шахматистов». К концу октября обе армии измотали друг друга в непрерывных боях, фронт стабилизировался, но русским скоро на помощь должна была прийти их верная союзница — холодная зима, к которой советские солдаты были лучше подготовлены и экипированы. Однако самого по себе наступления зимы было недостаточно, чтобы ослабленная боями и меньшая по численности Красная Армия могла одержать победу над противником;

инструментом для этой цели избрали группу переброшенных с Дальнего Востока закаленных кадровых дивизий. Чтобы использовать сибирские войска с максимальным эффектом, было исключительно важно придержать их до последнего момента, и именно на этой стадии игры (если использовать шахматную терминологию и дальше) в партии могли возникнуть различные варианты. Попытаются ли немцы начать новое наступление? И если попытаются, приведет ли оно к их дальнейшему истощению и тем самым к большей уязвимости; или же их наступление будет столь опасным, что заставит ввести в игру сибирскую ладью прежде, чем позиция на доске будет подготовлена?

Жуков и начальник Генерального штаба Красной Армии ожидали, что немцы предпримут еще одно усилие. Они также правильно предугадали его форму — возврат к ортодоксальному плану окружения с бронетанковыми силами, сконцентрированными на флангах. Соответственно советское командование также сосредоточило на флангах сильные группировки своих войск. 1-я Ударная армия находилась в районе Загорска в резерве к северу от Москвы; 10-я армия и сильный 2-й кавалерийский корпус^[74] — к югу от столицы в районе Рязани и Каширы; новая 26-я резервная армия сосредоточивалась к востоку от Москвы в районе Коломны, Ногинска и Егорьевска, а части новых резервных 24-й и 60-й армий развертывались в зоне обороны Москвы. Основная часть этих сил и входившие в их состав сибирские дивизии дислоцировались позади линии фронта в глубине обороны. Они не должны были тратить себя, преграждая путь немецким танкам, а позволить дивизиям Гота и Гепнера на севере и Гудериана на юге вступить в их расположение и повернуть к Москве, израсходовав свою ударную мощь в боях с русской пехотой, занимавшей внутреннее кольцо обороны столицы. Это была операция столь же деликатная и ответственная, как маневр («манолетина») матадора, который, отводя свой красный плащ в сторону, позволяет быку проскочить рядом и слегка коснуться себя.

* * *

15 и 16 ноября армии фон Бока начали свое «финальное» наступление на Москву. Слегка припорошенная снегом почва замерзла и была твердой как камень. Небо было ясным и чистым, декабрьские метели еще не начались. После первых нескольких дней, прошедших в

ожесточенных боях, казалось, что немецкие танковые дивизии вновь обрели свободу маневра. На северном крыле фронта плотное сосредоточение крупных танковых сил принесло немцам первые успехи. 22 ноября танки Гота ворвались в Клин. В прорыв были брошены одна за другой три танковые дивизии, и этот мощный бронированный клин создал угрозу всему северо-западному участку фронта обороны Москвы. Через два дня дивизии генерала Рокоссовского были вынуждены оставить Истру, а 28 ноября авангарды 7-й танковой дивизии вышли к каналу Москва — Волга, ворвались в Яхрому и захватили мост через канал. На следующий день немцы перебросили на восточный берег канала около полка пехоты с тридцатью танками и две батареи противотанковых орудий. Не подозревавшие этого, немецкие части оказались по соседству с сибирскими дивизиями 1-й Ударной армии.

Тем временем наступавшие на южном фланге дивизии Гудериана с боями продвигались к переправам через Оку. Образно говоря, и здесь рог быка также должен был пройти в опасной близости от матадора. Три недели передышки, завоеванные смелыми действиями бригады Катуква, были хорошо использованы Тульским гарнизоном, и пехотинцы 50-й армии, усиленные четырьмя тысячами ополченцев, превратили город в крепость, овладеть которой было бы по плечу лишь целому пехотному корпусу. Танкисты Гудериана не имели ни времени, ни достаточной огневой мощи, чтобы попытаться решить подобную задачу. Вместо этого Гудериан послал свои танки на восток, а затем на север в обход Тулы, стремясь выйти на серпуховскую железную дорогу широким серпообразным фланговым маневром. Для защиты своего фланга Гудериан приказал 4-й танковой дивизии наступать на Венев, выставив пехотные дивизии в виде защитного заслона вдоль верховий Дона.

18 ноября 112-я пехотная дивизия, прикрывавшая правый фланг танковой дивизии, наступающей на Венев, была атакована сибирской дивизией из состава 10-й армии и танковой бригадой, только что прибывшей с Дальнего Востока и полностью оснащенной танками Т-34. Немцы обнаружили, что из-за застывшей смазки они могут вести огонь из автоматического оружия лишь одиночными выстрелами. Снаряды противотанковых орудий 37-мм калибра были неэффективны против советских танков. При виде сибирских стрелков, одетых в

белые маскхалаты, вооруженных автоматами и ручными гранатами, сидящих на мчавшихся с пятидесятикилометровой скоростью страшных «тридцатьчетверках», нервы дрожащих от холода и практически беззащитных немецких солдат не выдержали. Дивизия дрогнула и побежала. «Паника, — мрачно отмечается в боевом журнале армии, — охватила немецкие войска вплоть до Богородицка. Это первый случай за русскую кампанию, когда произошло нечто подобное, и это служит предостережением, что боеспособность нашей пехоты находится на грани истощения и что от нее нельзя более ожидать выполнения трудных задач».

Советское Верховное Главнокомандование, судя по всему, решило сковать наступление Гудериана, даже если это повлечет за собой преждевременный ввод в бой части тщательно оберегаемых свежих резервных войск. В течение недели, последовавшей после разгрома 112-й дивизии, немецкая армейская разведка обнаружила присутствие еще трех войсковых частей, прибывших с Дальнего Востока, — 108-й танковой бригады, 31-й кавалерийской дивизии и 299-й стрелковой дивизии. В каждом случае советские части участвовали в бою лишь краткое время, а затем отходили в заснеженную глушь к югу от Оки, но их вмешательства было достаточно, чтобы помешать развитию удара 2-й танковой армии, который уже не выглядел на карте как острие копья, а напоминал опухоль, которая вздулась по обеим сторонам неподдающегося шипа — Тульского гарнизона. Отчаяние, охватившее Гудериана, можно заметить в его письмах жене в Германию:

«Ледяной холод, отсутствие крова, нехватка теплой одежды, тяжелые потери в живой силе и технике, неблагоприятное положение с горючим — все это превращает службу командира в несчастье, и, чем дольше все это длится, тем тяжелее давит на меня огромная ответственность, которую мне приходится нести...»

24 ноября Гудериан прибыл в штаб-квартиру фон Бока и настойчиво потребовал изменить поставленную ему приказом ОКХ задачу, «поскольку он не в силах выполнить ее». Фон Бок переговорил по телефону с Браухичем, который был тяжело болен (10 ноября он перенес острый сердечный приступ). Браухич приказал продолжать наступление, но все же согласился с тем, чтобы поставленные ранее 2-й танковой армии оперативные задачи по охвату Москвы с востока

были временно отложены и чтобы Гудериан ограничил свои наступательные операции выходом на рубеж Зарайск — Михайлов и перехватом рязанской железной дороги.

Это было молчаливым признанием, что наступавшие в обход Москвы с юга немецкие войска исчерпали свои оперативные возможности. Единственную надежду пробиться к советской столице теперь немцы могли возлагать на дивизии 3-й и 4-й танковых групп, рвавшихся к Москве с северо-запада, и 4-ю армию фон Клюге, наступавшую по обе стороны Минского шоссе. Согласно первоначальному плану фон Клюге должен был бросить свои войска в решающее наступление только после того, как две бронированные клешни сомкнутся восточнее Москвы, но, поскольку армия Гудериана получила приказ остановиться на рубеже рязанской железной дороги, окружение стало невозможным. Тем временем переправившиеся через канал Москва — Волга авангарды 3-й танковой группы подверглись яростным контратакам подошедших передовых частей сибирских дивизий. Через пять дней положение немецких войск на этом участке фронта резко осложнилось, и лишь две танковые и одна моторизованная дивизии могли продолжать наступательные операции, а остальные танковые соединения оказались вынужденными вести тяжелые оборонительные бои на всем протяжении своего северо-восточного фланга. В этих условиях только решительный удар всех сил фон Клюге в центр советской обороны мог еще спасти наступление немцев от провала.

Когда сведения о сложившейся ситуации дошли до Гитлера, фюрер отдал приказ, обращенный ко всем солдатам и офицерам немецкой армии, о возобновлении наступления по всему фронту.

* * *

В это же время на крайних флангах советско-германского фронта также произошли события, которые были замечены в «Волчьем логове» и, несомненно, произвели глубокое впечатление на Гитлера, укрепив его точку зрения относительно двух важных моментов — наступательной способности русских и необходимости постоянного контроля за действиями немецких военачальников.

В начале ноября советские войска начали наступление против немецких войск в районе Тихвина. Операция имела целью сковать

немецкие резервы и не дать перебросить их на фронт под Москвой, а также облегчить положение блокированного Ленинграда. Однако первоначально наступление развивалось медленно и сводилось к фронтальным атакам на наиболее сильные очаги сопротивления немецких войск. Одновременно началось контрнаступление войск Южного фронта, которое быстро принесло положительные результаты. Удар армий Тимошенко по слабо защищенному северному флангу захвативших 21 ноября Ростов танковых дивизий Клейста привел к тому, что 1-я танковая армия была вынуждена отступить из Ростова-на-Дону в такой спешке, что в городе остались брошенными 40 танков и много другой военной техники. Гитлер запретил отход немецких войск на рек Миус, на чем настаивал командующий группой армий «Юг» фон Рундштедт, и заменил его на этом посту генерал-фельдмаршалом фон Рейхенау. Ростов — первое отступление немецких войск с 1939 года, а Рундштедт — первый старший командующий, смещенный по приказу Гитлера со своего поста. Это были предзнаменования нового рода, но Гитлер истолковал их по-своему. Из боев на Волховском фронте он сделал вывод, что русские не опасны в наступлении. Поэтому ответ заключается в отважной и упорной обороне — а если генералы думают иначе, то надо взять командование в свои руки. На этом неблагоприятном фоне и на основе опасного и ошибочного предположения, что, даже если немецкая армия истощит свои силы, русские все равно не смогут предпринять серьезное контрнаступление, немецкие войска начали свои последние атаки на Московском фронте 1–3 декабря.

Немецкое командование по-прежнему располагало весьма значительными силами на московском направлении. И поскольку все части группы армий «Центр» получили приказ перейти в наступление, даже с трудом сдерживавшие натиск советских войск танковые дивизии, защищавшие фланг группы Гепнера вдоль канала Москва—Волга, казалось, имелась возможность прорвать оборону русских хотя бы в одном месте. Но как бы немцам ни хотелось этого, чисто физические факторы делали это невозможным. К 4 декабря катастрофа назрела: немецкое наступление выдохлось, а вместе с ним и вся ударная мощь вермахта. До контрнаступления Жукова осталось менее суток.

Правда, к вечеру 2 декабря 258-й пехотной дивизии удалось вклиниться в глубь обороны русских войск в районе Наро-Фоминска — эпизод, который позднее оброс мифами и легендами. Независимо от того, действительно ли немцы смогли «увидеть сверкавшие на солнце башни Кремля», факт остается фактом, что это не был прорыв в подлинном смысле этого слова, так же как и последние атаки немцев не были настоящим наступлением. Скорее это была последняя судорожная конвульсия военного отчаяния, которая едва не оказалась роковой.

* * *

В ночь с 4 на 5 декабря перешли в контрнаступление войска Калининского фронта, а 6 декабря — Западного и Юго-Западного фронтов, и армии группы «Центр» подверглись яростному натиску на всем протяжении фронта. Русские бросили в атаку 17 армий (ввиду небольшого размера русских дивизий их армии по своей численности были равны корпусам вермахта), которые возглавило новое поколение советских полководцев — Конев, Говоров, Рокоссовский, Катуков и другие. Их имена будут навевать страх на немецких солдат на протяжении всей войны. Через несколько дней три основные группировки войск фон Бока — танковые соединения Гепнера, армии Клюге и Гудериана потеряли связь друг с другом, и казалось, что вся группа армий «Центр» вот-вот распадется на части. Внезапность перехода от наступления, при котором фланги защищаются поступательным движением всей массы войск, к отчаянной обороне привела к распаду немецких позиций, к тысячам обособленных схваток, которые немецкие части вели изолированно друг от друга с вышедшими из строя боевыми и транспортными машинами, плохо действующим на холоде стрелковым оружием, полупьяные, обмороженные, страдающие дизентерией.

Под двойным воздействием метелей и непрерывных русских атак угроза для существования группы армий «Центр» нарастала с каждым днем. Клюге не смел отвести свои дивизии, боясь оставить на флангах бронетанковые соединения в полной изоляции, однако отвод танков оказался, по существу, невозможным; сотни танков были брошены на заснеженных полях и дорогах, и танкисты отступали, сражаясь как пехотинцы. Из четырех танковых дивизий группы Гепнера только одна

сумела сохранить 15 танков. Накануне рождества в войсках под командованием Гудериана осталось всего 40 боеспособных танков. Ежедневные потери немецких войск от русских действий в среднем составляли 3 тысячи человек помимо десятков тысяч обмороженных. Меньше, чем в разгар летней кампании, но воздействие этих потерь было неизмеримо большим, поскольку система пополнения частей нарушилась вместе с медицинским обслуживанием и снабжением вплоть до корпусного уровня.

Не обращая внимания на рекомендации ОКХ и игнорируя Браухича, который 7 декабря подал прошение к отставке, Гитлер взял командование сухопутными войсками Германии в свои руки и отдал приказ: «Никаких отступлений». Когда Гепнер оттянул назад правый фланг своей «танковой группы», он был публично снят со своего поста. Затем наступила очередь Гудериана. В общей сложности 35 командиров корпусов и дивизий были отстранены от командных должностей и с позором отправлены в Германию.^[75]

Сейчас понятно, что в условиях этого зимнего кризиса ортодоксальные методы профессиональных военных были малопригодны. Любая попытка отступить со своих позиций без горючего и пригодных автомашин через покрытые снегом поля со скоростью, которая не могла быть выше 5–9 километров в день, закончилась бы разгромом всей немецкой армии. Лучше было остановиться и принять бой, полагаясь на упорство и дисциплинированность, присущие немецкому солдату.

Красная Армия бросила в наступление все, что она имела, — немногочисленные Т-34, которые удалось сберечь, солдат и офицеров, которых можно было без риска перебросить с Дальнего Востока, патроны и снаряды, выпущенные фабриками и заводами. Но она не была достаточно сильной, да и погода не позволяла этого, чтобы добиться глубокого прорыва, вроде тех, что имели место в ходе летних боев. В немногих случаях, когда русским войскам удавалось окружить противника, им не хватало ни артиллерии, чтобы подавить его, ни авиации, чтобы помешать люфтваффе снабжать окруженных немцев по воздуху. Возрождение военной мощи русских и их зимнее наступление 1941 года останутся одним из самых выдающихся достижений в военной истории.

Распятый русской зимой, лишившийся своих наиболее видных командиров, вермахт изменился до неузнаваемости с июньских дней 1941 года и должен был носить полученные им шрамы вплоть до своей могилы.

Пауль Карелл

Почему немцы не могли взять Москву!^[76]

В апреле 1945 года, когда советские войска вступили в Ораниенбург, Потсдам, Геннингсдорф и Гроссбеерен, падение Берлина было предрешено. Но в 1941 году немецкие войска тоже стояли у ворот Москвы и тем не менее потерпели поражение.

Почему? Каковы были причины этого поражения, имевшего столь ключевое значение для всего дальнейшего хода войны? Ибо, несмотря на все возможные последующие успехи, армии группы «Центр» никогда уже больше не оправятся от ударов, которые они получили под Москвой. Они никогда не будут доведены до полного штатного состава и не восстановят полностью свою боеспособность. Под Москвой мощь немецкой сухопутной армии была сломлена: армия замерзала в снегах, истекала кровью. Под Москвой была впервые поколеблена вера немцев в непобедимость вермахта.

Так что же все-таки явилось причиной этого поражения? «Генерал Зима» с 30—40-градусными морозами? Кадровые сибирские дивизии, хорошо одетые и оснащенные для войны в зимних условиях, и превосходная кавалерия из Туркестана? Зима с ее трескучими морозами, несомненно, сыграла пагубную роль — ни один немецкий солдат не был подготовлен к такому холоду, никакое немецкое оружие не было приспособлено к нему. И безусловно, закаленные сибирские дивизии внесли свой решающий вклад.

Но зима и сибирские дивизии всего лишь наиболее очевидные причины поражения немцев. «Чудо под Москвой», как называют поворот в войне у ворот советской столицы, объясняется простым фактом, который отнюдь не был «чудом» и который можно изложить в нескольких словах. У немцев было недостаточно солдат, недостаточно оружия, а у немецкого верховного главнокомандования — недостаточно предвидения, что проявилось, например, в отсутствии зимнего обмундирования и морозостойчивой оружейной смазки.

Адольф Гитлер и генералы генерального Штаба недооценили своего противника, и особенно его резервы живой силы, боеспособность и моральный дух советских войск. Они считали, что, даже несмотря на понесенные тяжелые потери, немецкие армии

достаточно сильны, чтобы нанести русским последний смертельный удар. В этом заключалась коренная ошибка.

Один из наиболее прославленных западных военных теоретиков и историков — Лиддел Гарт в книге «Советская Армия» объясняет тот факт, что Советский Союз выстоял прежде всего мужеством и стойкостью русского солдата, его способностью выносить тяготы и непрерывные бои в условиях, которые прикончили бы любую западную армию. Лиддел Гарт упоминает также как важное преимущество русских примитивный характер русских дорог, многие из которых представляли собой грунтовые проселочные дороги.

Всего этого Гитлер не учел. Как и большинство западных военных, он не придавал значения этим фактам. Соппротивление советских войск под Москвой могли бы сломить только свежие, хорошо вооруженные и полностью обеспеченные снабжением армии примерно той же численности, что и вторгшиеся 22 июня в Советский Союз. Но пять месяцев непрерывных боев свели полки фронтовых дивизий к трети их штатного состава и даже меньше. Морозы довершили остальное.

Сохранился подлинник списка потерь 40-го танкового корпуса. Между 9 октября и 5 декабря дивизия «Рейх» и 10-я танковая дивизия вместе с приданными им корпусными подразделениями потеряли 7852 солдата, офицера и унтер-офицера, то есть около 40 процентов штатного состава.

Общие потери немцев на Восточном фронте к 5 декабря достигли 750 тысяч человек, или 23 процента от общей численности войск в 3,5 миллиона. Почти каждый четвертый был убит, ранен или пропал без вести.

Русские понесли более значительные потери, но они располагали большими резервами. Группа армий «Центр» в декабре 1941 года не получила ни одной свежей дивизии. Советское Верховное Главнокомандование перебросило на Московский фронт 30 новых стрелковых дивизий, 3 кавалерийские дивизии и 33 бригады.

Разумеется, на вопрос: «Почему немецкие войска не смогли вступить в Москву?» — стратег, фронтовой командир, летчик и экономист дадут разные ответы. Например, начальник штаба 4-й армии генерал Блюментрит, ставший затем первым заместителем начальника генерального штаба ОКХ, усматривает причину немецкого поражения в допущенном Гитлером просчете планировании операций,

а именно в отказе от наступления на Москву как главной стратегической цели сразу же после захвата Смоленска. Такова точка зрения генштабиста.

Все кто помнит воздушные бомбежки немецких городов, спросят: «А что же делали немецкие воздушные силы?» И с удивлением отметят, что люфтваффе не удалось ни помешать переброске советских войск на фронт по московской транспортной сети, ни предотвратить прибытие сибирских дивизий, ни парализовать саму Москву как прифронтовой район. Ничего подобного не случилось. Последний воздушный налет на советскую столицу состоялся в ночь с 24 на 25 октября. В нем участвовало восемь самолетов. После этого в декабре имели место беспокоящие рейды одиночных самолетов. Таким образом, во время решающей фазы немецкого наступления мозговой центр обороны русских, движущая пружина русского сопротивления, не подвергался воздействию немецкой авиации. Почему?

Каждый немецкий летчик, участвовавший в сражении под Москвой, знает ответ. Русские создали исключительно сильную противовоздушную оборону вокруг столицы. Прилегающие к Москве леса были густо усеяны батареями зенитных орудий. К тому же немецкие военно-воздушные силы на Восточном фронте, так же как и сухопутные войска, понесли крупные потери в непрерывных боях и были вынуждены уступить превосходство в воздухе советской авиации, которая под Москвой была более многочисленной, чем немецкая.^[77] Кроме того, советские самолеты базировались на хорошо оборудованных аэродромах с теплыми ангарами, неподалеку от линии фронта, что позволяло им быстро подниматься в воздух и совершать по несколько боевых вылетов независимо от погодных условий. Немецкие же самолеты использовали, как правило, полевые аэродромы и летали только в хорошую погоду. Таким образом, Москва фактически была надежно прикрыта от ударов с воздуха.

Маршал Г. К. Жуков, правда, не считает утрату немцами господства в воздухе решающим фактором. В одном из своих выступлений он указал, что немцы, растянув свои коммуникации, не сумели должным образом использовать развитую сеть железных дорог под Москвой для переброски к линии фронта, независимо от снега и распутицы, крупных подкреплений, боеприпасов и снабжения.

Несомненно, в этом есть доля правды.

Но решающим фактором является то, что Советский Союз выиграл состязание с Германией в мобилизации людских ресурсов как для армии, так и для военной промышленности.

Невосполнимые потери немцев, приведшие в результате к нехватке боеспособных войск под Москвой, решили исход битвы за Москву. Этот вопрос пока еще не привлек того внимания, которое он заслуживает, но ряд интересных фактов можно найти в опубликованных недавно заметках и письмах бывшего начальника штаба ОКВ генерал-фельдмаршала Кейтеля, который писал:

«Я вынужден был навязать новому министру вооружений и боеприпасов Шпееру программу, позволяющую мне призвать на действительную военную службу 250 тысяч военнообязанных, занятых в военной промышленности. С этого момента началась борьба за живую силу, которая с тех пор не прекращалась».

Кейтель приводит две цифры, иллюстрирующие эту проблему: «Ежемесячные потери одних сухопутных войск в обычных условиях, исключая крупные сражения, составляли в среднем от 150 до 160 тысяч человек. Из них можно было возместить только 90—100 тысяч человек».

А как русские объясняют «чудо» под Москвой? Их ответ во всех военных отчетах прост: мы победили потому, что должны были победить. Мы сражались лучше, мы были сильнее, потому что социализм лучше и сильнее всех других систем.

Как же тогда русские объясняют причины победоносного немецкого продвижения вплоть до ворот Москвы? Как они объясняют тот факт, что даже Сталин испытывал сомнения относительно возможности удержать Москву.^[78]

Н. С. Хрущев пытался устранить это противоречие на XXII съезде КПСС в Москве в октябре 1961 года. Немцам удалось в 1941 году подойти к Москве, заявил он, потому, что Сталин лишил офицерский корпус Красной Армии лучших кадров своими безумными репрессиями в 1937–1938 годах, потому, что эти казни и аресты якобы изменивших делу партии командиров почти полностью лишили войска командного состава и дезорганизовали Красную Армию.

Это интересная версия. Сталина уже обвиняли в том, что своими просчетами он предоставил Гитлеру преимущество внезапного удара, теперь на него возлагают ответственность за поражения первых

месяцев войны. Имеются ли веские исторические доказательства подобной версии?^[79]

Согласно надежным сведениям, Сталин в ходе репрессий 1937–1938 годов уничтожил и подверг тюремному заключению от 20 до 35 тысяч командиров Красной Армии.

Поэтому выдвинутое Хрущевым объяснение вполне резонно. Если ликвидировать своих маршалов, генералов и офицеров, то не следует затем удивляться, что армия утратит боеспособность. Устранить офицера генерального штаба все равно что свалить дерево: требуется в среднем от 8 до 10 лет, чтобы подготовить майора генштаба, который мог бы организовать снабжение дивизии или руководить ее боевыми действиями. Но по приказу Сталина была ликвидирована или брошена в тюрьмы по меньшей мере половина офицеров Генерального штаба Красной Армии.

Но почему советский диктатор подверг почти половину офицерского корпуса Красной Армии репрессиям? Почему 3 из 5 маршалов, 13 из 15 командармов, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 195 командиров дивизий, 220 из 406 комбригов, а также все командующие военными округами должны были умереть или отбывать заключение в тюрьмах или лагерях?^[80]

Сенсационный ответ Хрущева на XXII съезде КПСС гласил: десятки тысяч офицеров, подвергшихся репрессиям по обвинению в государственной измене и антипартийной деятельности, были невинными людьми, они не были врагами народа и партии, не пытались свергнуть правительство и не состояли на службе у немецкой разведки, как это утверждал Сталин. Нет, все это было подстроено Гитлером. Через свою разведывательную службу он подбросил Сталину фальсифицированные документы — доказательства заговора, возглавляемого маршалом Тухачевским и другими видными военными руководителями, а также их сотрудничества с вермахтом. Хрущев заявил:

«Здесь с чувством боли говорили о многих видных партийных и государственных деятелях, которые безвинно погибли.

Жертвами репрессий стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Егоров, Эйдеман и другие. Это были заслуженные люди нашей армии, особенно Тухачевский, Якир и

Уборевич, они были видными полководцами. А позже были репрессированы Блюхер и другие видные военачальники.

Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого генерального штаба. Этот “документ”, якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал его Сталину. Якир, Тухачевский и другие товарищи были арестованы, а вслед за тем и уничтожены.

Было уничтожено много замечательных командиров и политических работников Красной Армии». ^[81]

Хотя как Председатель Совета Министров Советского Союза и Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев имел в своем распоряжении все архивы и документы, он не привел никаких доказательств в поддержку своего заявления.

Несомненно, у него были веские причины не разглашать слишком много секретов. Следует также сказать, что, несмотря на свой сенсационный характер, его заявление не являлось чем-то новым.

В 50-х и 60-х годах сведения об этой сенсационной истории неоднократно появлялись в печати. Президент Чехословакии Бенеш, умерший в 1948 году, и Уинстон Черчилль упоминают о ней в своих мемуарах, так же как и двое из руководящих сотрудников секретной службы безопасности Гиммлера: Вильгельм Хёттль (он же Вальтер Хаген) и Вальтер Шелленберг. Эти отрывочные сведения вкупе с достоверными донесениями немецких и чехословацких дипломатов, датируемые 1936 и 1937 годами, создают драматическую картину коварной интриги времен Макиавелли, проведенную в нынешнем веке. Эта интрига, вероятно, не столь проста, как изложил ее Хрущев или как ее преподносили Бенеш, Черчилль и подручные Гиммлера.

Несомненно, однако, что тайные нити этой интриги заслуживают того, чтобы разобраться в них. В конце концов, дело о «заговоре» Тухачевского было одним из наиболее драматических событий современной истории и имело роковые последствия. В этой драме участвовали многие лица. Гиммлер и Гейдрих появились лишь в финальном акте, который начался в середине декабря 1936 года.

16 декабря в Париже бывший царский генерал Скоблин (который работал как на советскую, так и на немецкую разведку) передал представителю немецкой разведки два сообщения. Первое: командование Красной Армии готовит заговор против Сталина. Во главе заговора стоит заместитель наркома обороны маршал М. Н. Тухачевский. Второе: Тухачевский и его ближайшие сторонники находятся в контакте с ведущими генералами немецкого верховного командования и немецкой разведывательной службы.

Это было сенсационным сообщением. Названный в качестве руководителя заговора человек был первым заместителем наркома обороны, бывшим начальником Штаба РККА, одним из самых способных и выдающихся военачальников Советского Союза. Родившийся в дворянской семье, бывший офицер царской гвардии, М. Н. Тухачевский воевал в первой мировой войне, попал в плен, но бежал в 1917 году в Россию. После революции перешел на сторону Советской власти. В 1920 году командовал фронтом и нанес поражение войскам генерала Деникина, главнокомандующего белыми силами в России. Он был широко известен как один из прославленных героев гражданской войны, отстоявших от врагов Октябрьскую революцию.

Начальник службы безопасности СС Гейдрих, расчетливо холодный человек, мастер политических интриг, мгновенно оценил возможности полученной из Парижа информации. Нет никакого сомнения, что Гейдрих тут же обсудил эту информацию с Гитлером и согласовал с ним свою позицию.

Наиболее естественным способом действий было бы позволить этой информации из Парижа попасть в руки Сталина и тем самым передать наиболее способного советского военачальника вместе с его сторонниками в руки следственных органов.

Но Янке, сотрудник аппарата Гейдриха, был против. Скоблин, указывал он, имел контакты с советскими спецслужбами и, следовательно, нельзя исключать, что Кремль сам подбросил эти сведения царскому генералу в Париже. Цели могли быть самые разные. Возможно, с тем чтобы усилить подозрения Гитлера к германским генералам. Или для того, чтобы заманить немецкую разведку в ловушку и подтолкнуть руководство Германии к ошибочным действиям.

Но Гейдрих отвел доводы Янке и приступил к реализации своего плана. В этих целях Гейдрих провел ряд секретных акций, свидетельствовавших о его недюжинных способностях к интригам.

С ледяной улыбкой он заявил своему приятелю штандартенфюреру СС Беренсу: «Даже если Сталин хотел просто ввести нас в заблуждение этой информацией Скоблина — я снабжу советского руководителя в Кремле достаточными доказательствами, чтобы показать, что его ложь — это чистая правда».

Он приказал своим агентам тайно проникнуть в секретные архивы верховного командования вермахта и изъять досье Тухачевского. В этом досье хранились документы Особого управления «К», закамуфлированной организации рейхсвера, которая существовала в период 1923–1933 годов под названием «Гезельшафт цур фордерунг гевеблихер унтернемунген» («Ассоциация содействия торговому предпринимательству»). Она входила в состав управления вооружений и занималась вопросами производства оружия и боеприпасов, запрещенных Версальским договором. Досье содержало записи бесед между немецкими офицерами и представителями советского командования, включая записи переговоров с Тухачевским, который был с 1925 по 1928 год начальником Штаба Красной Армии. Гейдрих приказал фальсифицировать это досье: в записи бесед и переписку были включены дополнительные фразы, добавлены новые письма и ноты, так что в конце получилось солидное досье с «подлинными» документами и печатями, вполне убедительное, чтобы передать любого генерала в любой стране в руки военного трибунала по обвинению в государственной измене.

В подвалах гестапо на Принц-Альбрехтштрассе Гейдрих с одобрением изучил работу своих специалистов. Первая часть операции была завершена. Следующий шаг — как сделать, чтобы досье попало к Сталину?

Подделать документ и придать ему достоверный вид — не особенно сложное дело для экспертов разведывательной службы. Но доставить этот документ по нужному адресу, не вызвав подозрений, — это весьма трудная задача, тем более что адресатом был Иосиф Сталин.

Но Гейдрих решил эту задачу.

В 1936 году министерство иностранных дел Германии через чехословацкого посланника в Берлине время от времени пыталось выяснить позицию Чехословакии на случай войны между Германией и Францией.

Этим и решил воспользоваться Гейдрих. В конце января 1937 года — об этом пишет в своих мемуарах Бенеш — чехословацкий посланник в Берлине Маетны направил в Прагу шифротелеграмму, в которой сообщил, что немецкий дипломат, с которым он общался, внезапно утратил интерес к этому вопросу. Из его отдельных высказываний и намеков можно было понять, что немцы поддерживают контакты с антисталинской группировкой в Красной Армии. Берлин, очевидно, ожидает смену правительства в Москве, которая приведет к изменению расстановки сил в Европе в пользу нацистской Германии. Президент Бенеш серьезно встревожился перспективой утраты поддержки Советского Союза против Германии. Чехословакия с ее взрывоопасной проблемой судетских немцев была обязана своим существованием главным образом антагонизму между Германией и Советским Союзом. Примирение между советской военной диктатурой и фашистской Германией могло создать серьезную угрозу Чехословакии, продукту Версальского договора, ликвидацию которого Гитлер провозгласил в качестве своей цели.

Президент Бенеш, естественно, сразу же пригласил к себе советского посла в Праге С. Александровского и ознакомил его с содержанием сообщения Маетны: заговор генералов против Сталина. К нему причастны Гитлер и немецкие генералы.

Посол, внимательно выслушав это сообщение, спешно вернулся в посольство и сразу же вылетел в Москву. Информация, подброшенная Гейдрихом, попала к адресату.

Но Гейдрих был предусмотрителен. Он не ограничился почтальоном в Праге, но действовал, исходя из здравого принципа, что стоящее дело заслуживает того, чтобы его сделать хорошо. Поэтому он подкрепил свой ход в Праге ходом в Париже.

На дипломатическом приеме в Париже через два-три дня после беседы между Бенешем и Александровским военный министр Эдуард Даладье, бывший несколько раз французским премьер-министром, любезно взял под руку советского посла Владимира Потемкина и отвел его к нише у окна. Быстро оглянувшись — не подслушивает ли

их кто-нибудь, — Даладье с тревогой в голосе сказал Потемкину, что Франция обеспокоена. Имеются сведения о возможной перемене политического курса в Москве. Ходят слухи о договоренности между нацистским вермахтом и Красной Армией. Не может ли Его Превосходительство рассеять эти тревоги? Лицо Потемкина оставалось невозмутимым. Отделавшись несколькими ничего не значащими фразами, он через десять минут покинул прием, вернулся в посольство и направил срочную шифровку в Москву, содержащую информацию о беседе с Даладье.

Как Гейдриху удалось передать эту информацию в руки Даладье, пока полностью установить оказалось невозможным. Вероятно, у немцев был контакт с агентом «Второго бюро» (французская разведывательная служба) во французском посольстве в Москве.

После этих подготовительных шагов Гейдрих инсценировал второй акт драмы. Он направил своего особо доверенного представителя штандартенфюрера СС Беренса в Прагу, где тот вступил в контакт с близким приятелем президента Чехословакии и сообщил ему о существовании документальных улик против Тухачевского. Узнав об этом, Бенеш тут же информировал Сталина.

Вскоре посредник Бенеша предложил представителю Гейдриха вступить в контакт с сотрудником советского посольства в Берлине по имени Израйлович. Такая встреча состоялась, и гестаповец показал советскому представителю два подлинных письма из фальсифицированного досье. Израйлович, как принято, прикинулся равнодушным. Он поинтересовался стоимостью досье. Беренс пожал плечами. Израйлович обещал встретиться с ним через неделю вместе с уполномоченным лицом.

На повторной встрече присутствовал прибывший из Москвы личный представитель тогдашнего начальника НКВД Ежова. Он также спросил, сколько стоит досье. Гейдрих, чтобы не вызывать ненужных подозрений, приказал назвать фантастическую сумму в 3 миллиона золотых рублей. «Но вы уполномочены, поторговавшись, сбавить цену», — предупредил он Беренса.

Но торговаться не пришлось. Представитель Ежова после беглого ознакомления с документами молча кивнул головой, когда Беренс назвал сумму. Ни за один план военных операций, ни за какую измену

или предательство в истории секретных служб никогда не платили такую высокую цену.^[82]

В этот же день сделка была завершена, и агент Ежова улетел в Москву с досье, сфабрикованным Гейдрихом. Произошло это в середине мая 1937 года.

Спустя три недели, 11 июня 1937 года, потрясенный мир прочел сообщение, опубликованное советским телеграфным агентством, что маршал Тухачевский и семь других видных военачальников преданы Верховному суду СССР.

В сообщении указывалось, что арестованные обвиняются в нарушении воинского долга (присяги) и в измене Родине.

В официальном сообщении приводились также следующие подробности: следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я. Б.^[83] в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о состоянии СССР, вели вредительскую работу по ослаблению мощи Красной Армии, пытались подготовить поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях полностью.

Казнь Тухачевского и опубликованный приказ наркома обороны К. Е. Ворошилова от 12 июня 1937 года вызвали лавину доносов, новых обвинений и привели к массовой политической чистке. Арестовали друзей, сотрудников и просто знакомых обвиняемых офицеров. В течение года офицерский корпус Красной Армии сократился наполовину.

Эти обстоятельства вроде бы убедительно свидетельствуют о том, что с помощью вероломной интриги обер-группенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха Гитлер разрушил систему командования Красной Армии за три года до нападения на Советский Союз — иными словами, подготовил свои последующие победы в карцерах и тюремных камерах НКВД. Но действительно ли десятки тысяч

командиров РККА погибли в результате этой грязной махинации секретной службы?

На первый взгляд многое говорит в пользу подобного вывода — но это поверхностный вывод. Гейдрих не был автором этой драмы, он был всего лишь ассистентом. Его фальсифицированное досье не было основной причиной ареста и осуждения Тухачевского и его друзей, а всего лишь алиби Сталина. Корни этой трагедии, уничтожившей цвет советского офицерского корпуса, уходят в беспощадную борьбу за власть между мощными соперниками.

Это было концом единственной силы, способной свергнуть Сталина. Расправа над офицерским корпусом была результатом драматического процесса, а не просто грязной махинацией.

Когда агент-двойник Скоблин в Париже передал сведения о готовящемся заговоре советских генералов против Сталина в руки сотрудников Гейдриха, Гитлер посчитал, что получил возможность передать Тухачевского в руки палачей и обезглавить Красную Армию. Но в действительности Гейдрих просто выполнил за Сталина его работу. Советский диктатор уже давно решил предпринять шаги против Тухачевского.

Вот доказательства. В январе 1937 года главный советский инквизитор прокурор СССР Вышинский начал очередной политический процесс над «старой коммунистической гвардией». Одним из главных подсудимых был Карл Радек. На утреннем заседании 24 января он, отвечая на один из заданных Вышинским вопросов, неожиданно упомянул Тухачевского.

Имя маршала возникло случайно. Вышинский задал дополнительные вопросы, и Радек сказал: «Тухачевский не имел, конечно, никакого понятия о моей роли...»

В зале суда воцарилась цепенящая тишина. И в этой тишине Радек произнес имя одного из близких к Тухачевскому лиц — комкора В. К. Путны. «Путна вместе со мной участвовал в заговоре», — произнес Радек. Но Путна был специалистом по зарубежным армиям в подчинении у Тухачевского и, как военный атташе, имел многочисленные контакты в Берлине, Лондоне и Токио. К тому же Путна в это время уже находился в заключении. Он был арестован в конце 1936 года.

Так что акция против Тухачевского тайно готовилась с конца 1936 года.

О самом процессе и казнях ходило немало различных версий. Вероятнее всего, главным обвинителем был Вышинский. Маршалы Блюхер и Буденный, а также ряд других старших генералов входили в состав военного трибунала. Свидетелей не вызывали. Вышинскому они были не нужны: он представил сфабрикованное досье, полученное от Гейдриха. Для Сталина и партийного руководства эти документы были доказательством шпионской деятельности Тухачевского и его соратников. Эти документы к тому же делали невозможным для Других старших генералов и маршалов сделать что-либо для обвиняемых. Они судили своих товарищей и в глазах остальных сами стали виновными. Одно зло порождает другое. Вскоре те, кто судил Тухачевского, оказались на скамье подсудимых и предстали перед новыми судьями, а те в свою очередь также подверглись репрессиям.

Как погиб Тухачевский — человек, сделавший больше для спасения революции, чем Сталин и все его палачи, вместе взятые, точно неизвестно.

День за днем, неделя за неделей число репрессированных росло. Сталин уничтожил многих офицеров Генерального штаба, казнил опытных командиров и, главное, разрушил ту атмосферу дисциплины и организованности, которую так упорно создавал Тухачевский.

Расплата началась через два года во время советско-финской войны зимой 1939/40 года. Красная Армия оказалась недостаточно подготовленной тактически, еще хуже стратегически, боевой дух низким, солдаты плохо обучены и оснащены.

Русские извлекли уроки из этой кампании и попытались как можно быстрее устранить выявившиеся недостатки. В то же время неудачи Красной Армии укрепили убеждение Гитлера, что вторжение в Советский Союз будет легким военным походом и что он без особого риска сумеет овладеть сырьевыми ресурсами СССР, чтобы затем довести до победного конца войну против западных держав. В этом смысле гибельное нападение на Советский Союз 22 июня 1941 года было запоздалым результатом казни Тухачевского.

Преступные действия Сталина против наиболее талантливых советских генералов и офицеров поставили Советский Союз на грань поражения; возврат к принципам и стилю прежнего военного

руководства в конечном итоге спас Россию и коммунизм. Это проявилось в какой-то мере в последние дни немецкого наступления под Москвой.

В начале декабря 1941 года на поросшем лесом участке фронта за рекой Нарой под Москвой немецкие саперы после атаки взяли в плен раненого советского полковника, командира дивизии. Его, единственного оставшегося в живых, вытащили из разрушенного окопа.

Командир 2-го батальона 508-й пехотной дивизии капитан Роттер допросил пленного. Тот сказал, что на его просьбы о подкреплении он получил отказ: подкреплений нет, сражайтесь до последнего солдата. Капитан Роттер сослался на ожесточенное сопротивление, которое оказывают в последнее время русские войска на всех участках фронта. Полковник кивнул головой. За последние несколько недель, сказал он, в войска прибыло много новых офицеров — по большей части люди средних лет, и все, как правило, освобожденные из лагерей в Сибири. Они были арестованы во время процесса над Тухачевским, но уцелели и отбывали заключение в тюрьмах и лагерях. «Для них служба в действующей армии на фронте — это возможность реабилитировать себя. Смерть их не страшит. И, кроме того, — добавил полковник, — они хотят доказать, что не были предателями, а патриотами, достойными Тухачевского».

* * *

Немецкие передовые пикеты в секторе 87-го пехотного полка 36-й моторизованной дивизии только что сменились. 5.00 утра. Холодно — термометры показывали 25 градусов ниже нуля. Солдаты устало брели по снегу к небольшой речушке Яхрома. Из печных труб деревенских домов на низком берегу реки в темное серое небо лениво тянулись струйки дыма. Полк находился на передовой линии фронта между Московским водохранилищем и Рогачево. Длинный сектор можно было удерживать только с помощью цепочки отдельных укрепленных пунктов. Для всего остального полки дивизии были слишком слабыми: они потеряли многих солдат в боях, из-за болезней и морозов.

До деревни оставалось 30 метров. Покрытые инеем фургоны стояли около реки. У колодца брала воду женщина с ведрами. Внезапно все вздрогнули — солдаты, возвращавшиеся из передовых

пикетов, женщина. Солдаты инстинктивно пригнулись и бросились к ближайшим избам. Свистящий снаряд врезался в окаменевшую землю. Грохот разрыва, фонтаны снега взметнулись ввысь, раскаленные осколки врезались в низкую баню и стены избы. К бою!

На календаре было 5 декабря 1941 года, пятница. В истории войны открылась новая страница. Великое русское контрнаступление под Москвой началось. Здесь в секторе 36-й моторизованной дивизии в оперативной зоне 56-го танкового корпуса поднимался занавес суровой исторической драмы. Через 24 часа огромная битва разгорится по всему фронту группы армий «Центр» — между Осташковом и Ельцом.

На этом 600-мильном фронте в первых числах декабря немецкое наступление выдохлось — истекло кровью, замерзло и истощило себя.

В генеральном штабе ОКВ полагали, что немецкие войска вступят в Москву до наступления холодов. Теперь за эти просчеты, отсутствие регулярного снабжения и зимнего обмундирования приходилось расплачиваться солдатам на фронте. Паровозов не хватало, и из 26 эшелонов со снабжением, которые ежедневно требовались для немецких армий под Москвой, прибывали только 8 или 10.

Штатная численность полков сократилась больше чем наполовину. Особенно большие потери были среди офицеров и унтер-офицеров. Батальонами нередко командовали лейтенанты, ротами — сержанты. Резервов не было.

На той, другой стороне фронта Советское Верховное Главнокомандование еще в ходе немецкого наступления начало собирать ударные группировки войск к югу и к северу от Москвы. Все имевшиеся в наличии резервы были подтянуты к столице. Ядро наступающих советских войск составили сибирские дивизии, привыкшие к суровой зиме и хорошо экипированные для войны в зимних условиях. Сейчас эти дивизии противостояли армиям группы «Центр», которая в октябре имела 78 дивизий, но к началу декабря их боевая мощь свелась всего к 35 дивизиям.

В начале декабря 1941 года для удара по немецким войскам на Московском фронте русское командование сосредоточило 17 армий — три из них — 1, 10 и 20-я имели в своем составе свежие сибирские дивизии.

Ресурсы Германии оказались недостаточными. Германия вела войну, которая ей была не по силам.

1941 год, который начался с такой уверенностью немцев в победе, заканчивался в атмосфере мрака и тревоги.

Роберт Джексон

«Красные соколы»^[84]

Через месяц после начала гражданской войны в Испании в июле 1936 года генерал Франко направил своих эмиссаров к Гитлеру, который обещал поддержку испанским националистам. Департамент военного министерства, так называемый штаб «W», получил задание поставить в Испанию военное снаряжение и направить «добровольцев». 31 июля 85 немецких военнослужащих и шесть истребителей «Хейнкель-51» отправились на борту транспорта «Усарамо» из Гамбурга в Кадис. На судне находились также запасные части для трехмоторных бомбардировщиков — транспортных самолетов «Юнкерс-52», которые еще до этого прибыли в Испанию через Италию, направившую в Испанию так называемый Итальянский легион, и занимались переброской из Испанского Марокко тысяч марокканских солдат, благодаря которым Франко сумел закрепиться на своих позициях и начать наступление на Мадрид. «Юнкерсы» также бомбили и потопили испанский линейный корабль и снабжали осажденный гарнизон мятежников в Толедо.

13 октября 1936 года советский транспорт «Большевик» выгрузил ящики в порту Картахены, в которых находилось 18 истребителей И-15, а через несколько дней в аэропорт к югу от Аликанте прибыли 150 военнослужащих советских ВВС, включая 50 летчиков во главе с полковником Яковом Смушкевичем — известным в Испании под псевдонимом генерал Дуглас.

Их боевой дебют состоялся на Мадридском фронте 4 ноября 1936 года, когда группа истребителей И-15, сразу же прозванных испанцами «чатос» («курносые»), атаковала самолет-разведчик Итальянского воздушного легиона «Ромео-37», который сумел ускользнуть, когда ему на помощь прилетели два итальянских истребителя «Фиат-32». Но русские не были новичками и вскоре оба «фиата», охваченные огнем, полетели вниз.

В октябре и ноябре 1936 года советские суда доставили в Испанию еще одну группу летчиков и авиамехаников, а также самолеты.

Первым боевым советским самолетом, принявшим участие в боевых операциях в Испании, как ни странно, был не И-15, а скоростной двухмоторный фронтовой бомбардировщик конструкции Туполева СБ-2, только что начавший поступать в части ВВС Красной Армии. Он был вооружен тремя пулеметами 7,62 мм, имел дальность полета 1000 километров и нес бомбовую нагрузку в 500 килограммов.

Обладая максимальной скоростью 420 км/час, этот бомбардировщик был не только быстрее итальянского истребителя «Фиат-32», но и превосходил его без бомбовой нагрузки в скороподъемности. В течение многих недель бомбардировщики СБ-2 «Катюша» бороздили воздушное небо Испании, фактически не опасаясь истребителей противника, которые могли перехватить их над линией фронта, лишь набрав большую высоту и спикировав из засады на высокой скорости.

Третьим типом советского самолета, воевавшим в небе Испании, был истребитель И-16, эскадрилья которых прибыла в порт Бильбао 25 октября 1936 года. Ровно через месяц они уже были брошены в бой для прикрытия наступающих республиканских войск. И-16, прозванный «москас» («мошка») республиканцами и «рата» («крыса») националистами, намного превосходил немецкий истребитель «Хейнкель-51», так же как и другой истребитель националистов «Фиат-32». Вначале И-15 и И-16 широко использовались для атаки сухопутных сил противника, но затем большинство операций подобного рода постепенно взяли на себя советские самолеты-штурмовики Р-З «Наташа» — штурмовой вариант разведчика Р-5.

В январе 1937 года 17 советским летчикам-добровольцам, воевавшим в Испании, было присвоено звание Героя Советского Союза, хотя в сообщении говорилось, что они награждены «за успешное выполнение ответственного правительственного задания». Среди награжденных — капитан С. Ф. Тархов, командир 107-й эскадрильи (И-15), командиры отрядов этой же эскадрильи Н. Ф. Баланов и лейтенант И. А. Лакеев получили Золотые Звезды Героев позднее в этом же году. Кавалерами высшей советской награды стали также А. К. Серов — лучший советский ас в Испании, сбивший 16 самолетов, П. В. Рычагов, имевший на своем счету 15 вражеских самолетов, а также капитан И. Т. Еременко (14 самолетов), который в 1937 году принял командование советской группой истребителей в Испании от генерал-майора П. И. Пумпура, тоже Героя Советского Союза. Среди лучших советских асов в Испании был также известный летчик-испытатель Степан Супрун.

Основные силы немецкого легиона «Кондор» были отправлены в Испанию в конце ноября 1936 года. Они состояли из трех эскадрилий истребителей «Хейнкель-51», четырех транспортно-бомбардировочных эскадрилий, оснащенных «Юнкерсами-52/3М»,

разведывательной эскадрильи самолетов «Хейнкель-70», эскадрильи гидросамолетов, шести батарей зенитных орудий, четырех рот связи и ремонтно-восстановительных частей.

Однако недостатки немецких истребителей «Хейнкель-51» вскоре стали очевидными: они оказались неспособными перехватывать бомбардировщики СБ-2 даже в самых выгодных условиях и были вынуждены избегать встреч и схваток с И-15 и И-16. С марта 1937 года эти истребители использовались главным образом как легкие бомбардировщики.

В феврале 1937 года националисты, стремясь окружить Мадрид, перешли в наступление на реке Харама и первоначально имели успех, однако республиканцы не дали им возможности завоевать господство в воздухе. Собрав в кулак около 200 И-15, И-16, Р-З и СБ-2 в районе Мадрида, они нанесли тяжелые потери бомбардировочным авиаотрядам националистов, оснащенным «Юнкерсами-52». Прикрывавшие бомбардировщики итальянские истребители опасались перелетать линию фронта.

Когда стало очевидным, что наступление на реке Харама провалилось, была предпринята еще одна попытка захватить Мадрид с севера силами Итальянского экспедиционного корпуса, поддержанного танками и артиллерией, из района Гвадалахары. Наступление началось 8 марта пятью итальянскими дивизиями под командованием генерала Роатты. Через двое суток итальянцы, прорвав фронт, продвинулись почти на 30 километров. Однако 10 марта более 100 штурмовиков Р-2, И-15 и И-16 волна за волной обрушились на забитые войсками и техникой шоссе и начали систематическое истребление противника. Штурмовка велась непрерывно два дня, дороги оказались запруженными горящим транспортом и разбитой техникой, затем республиканцы нанесли мощный контрудар и отбросили итальянцев, которые потеряли свыше 4 тысяч убитыми и ранеными и большое количество техники.

В марте—апреле 1937 года легион «Кондор» получил новые типы немецких самолетов: бомбардировщики «Хейнкель-111 В-2», заменившие в этой роли «Юнкерс-52», а также срочно переброшенные из Германии истребители «Мессершмитт-109В» для замены «Хейнкелей-51». Ожесточенные бои на земле и в воздухе велись в июле—октябре 1937 года с переменным успехом. В октябре

республиканцы провели ряд успешных налетов на аэродромы противника. Наиболее сокрушительным был утренний налет на авиабазу в Сарагосе 15 октября, когда 12 штурмовиков Р-2, эскортируемые тридцатью «чатос» и «москас», за пять минут уничтожили на летном поле 15 вражеских самолетов.

В декабре 1937 года в небе Испании появился новый самолет — пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87А».

К середине октября 1938 года, за исключением небольшого числа советников, почти все советские добровольцы покинули Испанию и вернулись домой, передав самолеты республиканцам. Поставки советских самолетов, однако, продолжались, но из-за морской блокады доставка их велась по суше через Францию в значительно меньшем количестве, а затем, когда Франция закрыла границу, прекратились вообще. Всего было поставлено 475 И-16, 210 бомбардировщиков СБ-2 и значительное количество И-15. ^[85]

Еще до полного прекращения военных действий в Испании немцы, итальянцы и русские уже начали применять как в авиастроении, так и в организации своих ВВС уроки, полученные в жарких воздушных схватках в небе Испании.

Недостатки истребителя «Хейнкель-51» означали практический конец оперативному использованию истребителей-бипланов в люфтваффе. Итальянцы, напротив, остались довольны маневренностью своего «Фиата-32» и решили запустить в производство очередной биплан «Фиат-42».

Что касается первой модели истребителя Ме-109, то немцы с достаточным основанием решили, что этот самолет превосходит все другие боевые самолеты, появившиеся в небе Испании, хотя и нуждается в более мощном вооружении и более мощном моторе. Было также установлено, что радиус действия истребителя недостаточен для сопровождения бомбардировщиков в глубь вражеской территории. Это привело к созданию подвесных баков с горючим. В воздушных боях немецкие летчики на истребителях Ме-109 нашли, что такое построение, как тесное звено из трех самолетов, не только ухудшает маневренность, но и создает опасность, так как летчик вынужден больше следить за соблюдением дистанции, чем за обстановкой в воздухе. Поэтому от принятого в ВВС большинства стран «V»-образного построения из трех самолетов было решено отказаться в

пользу пары, состоявшей из ведущего и ведомого, а две пары составляли рой — построение самолетов, которое в полете напоминало вытянутые пальцы ладони. Это тактическое построение было введено в люфтваффе в 1939 году по возвращении из Испании одного из лучших немецких асов—Мельдеса.

Тот факт, что новые немецкие бомбардировщики, испытанные в Испании, — «Хейнкель-111», «Дорнье-17» и «Юнкерс-87» — превосходили самолеты республиканцев, оказал медвежью услугу люфтваффе. Выработывая тактику «блицкрига», немцы, основываясь на уроках войны в Испании, ошибочно решили, что сильные соединения быстроходных бомбардировщиков могут действовать над территорией врага в дневное время без прикрытия своих истребителей и что их пикирующий бомбардировщик Ю-87 безупречен. Эти ошибочные оценки не были заметны во время быстротечных кампаний 1939–1940 годов в Польше, Голландии, Бельгии и во Франции, но в битвах над Англией и позднее их порочность стала очевидной.

Русские, так же как и немцы, первоначально недооценивали потенциальное значение точных бомбовых ударов, наносимых дальнебомбардировочной авиацией, действующей независимо от ВВС фронта. Они, однако, усвоили один урок, который сослужил им в дальнейшем хорошую службу, — роль ночных бомбардировщиков, совершающих рейды в одиночку или парами по ночам и оказывающих огромное психологическое воздействие на противника.

Появление «Мессершмитта-109» в Испании подчеркнуло неотложность задачи по созданию новых современных советских истребителей, по меньшей мере не уступающих по своим боевым качествам немецким самолетам. В результате в 1939–1940 годах были спроектированы и построены прототипы трех самолетов, которые составили основу советской истребительной авиации вплоть до 1945 года: Як-1, МиГ-1 и ЛаГГ-3.

Истребитель Як-1, спроектированный авиаконструктором А. С. Яковлевым, был оснащен мотором жидкостного охлаждения М-105П мощностью 1050 л. с. и вооружен одной 20-мм пушкой ШВАК и двумя пулеметами 7,62 мм, а иногда и шестью ракетами РС-82. Этот самолет смешанной конструкции из дерева, металла и перкаля был прост в постройке и эксплуатации и легок в управлении. Его максимальная скорость составляла 580 км/час.

Второй истребитель — МиГ-1, а затем его модификация МиГ-3 был сконструирован двумя авиаинженерами — А. И. Микояном и М. И. Гуревичем. Более тяжелый, чем Як-1, он имел и более мощный (1350 л. с.) мотор Ам-35А, позволявший ему развивать скорость до 640 км/час на высоте 7000 метров. Третий истребитель — ЛаГГ-3, названный так по инициалам трех его конструкторов — Лавочкина, Горбунова и Гудкова, был полностью сконструирован из облагороженной древесины и оснащен мотором М-105ПФ, вооружен одной пушкой 20 мм, одним пулеметом 12,7 мм и двумя пулеметами 7,62 мм. Его максимальная скорость составляла 570 км/час. Серийное производство этих истребителей началось в 1940 году, и первые самолеты стали поступать в эскадрильи ВВС незадолго до нападения Германии.

Другим основным выводом, сделанным русскими из опыта боев в Испании, была необходимость создания боевого самолета, специально приспособленного для штурмовых действий на поле боя и непосредственной поддержки своих войск. Решение создать такой штурмовик и его последующий массовый серийный выпуск имели исключительные и далеко идущие последствия: это обеспечило Советский Союз самой грозной штурмовой авиацией в мире и определило тактику командования ВВС Красной Армии на ряд последующих лет.

Беспокойная граница

Летом 1938 года на расстоянии многих тысяч миль от Испании, где сражались и умирали тысячи людей, Советский Союз вновь оказался втянутым в вооруженный конфликт на своих дальневосточных границах. Начавшая необъявленную войну против Китая Япония оккупировала Маньчжурию, и ее войска находились на проходившей по реке Амур советской границе.

Советско-японские отношения ухудшились после того, как в августе 1937 года между Советским Союзом и Китаем был подписан договор о ненападении. По просьбе нанкинского правительства в Китай поставлялись советские самолеты и другие виды военной техники и снаряжения.^[86] В конце 1937 года в Китай прибыла первая

группа советских военных советников и летчиков-добровольцев, которые активно участвовали в боях против японцев.

Летом 1938 года произошло крупное вооруженное столкновение между советскими и японскими войсками на советско-маньчжурской границе, когда 29 июля японская дивизия вторглась на советскую территорию в районе озера Хасан и захватила сопки Заозерную и Безымянную.

6 августа части 39-го корпуса под командованием ком-кора Г. М. Штерна, только что вернувшегося из Испании, перешли в решительное контрнаступление. Перед началом атаки четыре эскадрильи тяжелых бомбардировщиков ТБ-3, прикрываемые истребителями И-152, подвергли японские позиции интенсивной бомбежке. Затем в бой пошли пехота и танки, и через день японцы оказались выбитыми с сопки Заозерная. Упорные бои продолжались еще несколько дней, и лишь 11 августа было заключено перемирие. Успех русских во многом объяснялся мощной воздушной поддержкой: в боевых операциях приняло участие около 180 самолетов различных типов. ^[87]

Поражение у озера Хасан явилось серьезной потерей лица для японской военщины, и японские военные руководители в начале 1939 года начали тщательную подготовку к реваншу. На этот раз местом для внезапного нападения они избрали незащищенный участок границы Монголии — голую степь восточнее и западнее реки Халхин-Гол, притока Амура.

В мае 1939 года Квантунская армия пересекла монгольскую границу, и начались бои с монгольскими и советскими частями. 2 июля японские войска численностью около 40 тысяч человек перешли в наступление и форсировали реку Халхин-Гол. Энергичной контратакой бронетанковых сил наступление японцев было сорвано, а затем к 5 июля советские войска отбросили их за реку.

На протяжении всего этого периода в воздухе вспыхивали схватки между самолетами воюющих сторон. В июле японцы собрали в кулак 475 самолетов различных типов, в том числе значительное число истребителей «Мицубиси А5М» и «Накадзима Ки-27». Несколько эскадрилий было оснащено новыми скоростными двухмоторными бомбардировщиками «Мицубиси Ки-21».

Русские тем временем также подтягивали войска, и 1-я армейская группа под командованием комкора Г. К. Жукова, который покрыл себя

славой во время второй мировой войны, быстро разворачивалась около границы. В распоряжении Жукова находилось более 500 самолетов — СБ, ТБ-3, И-16, И-15 и И-15бис, а также транспортные и разведывательные самолеты. Истребители И-15 уступали японским истребителям «Накадзима Ки-27» по своим летным качествам, поэтому в район боя на замену им были направлены новые истребители И-153 «Чайка». Появление этих самолетов в районе Халхин-Гола явилось неожиданностью для японцев, тем более что советские летчики на «чайках» подходили к месту боя с нарочно выпущенными шасси и внешне напоминали менее быстроходные истребители И-15 и И-15бис. В момент завязывания боя с японскими истребителями они убрали шасси, давали полный газ и стремительно врывались в строй вражеских самолетов, сея панику и замешательство. Японские истребители несли тяжелые потери и стали избегать встреч с этим советским бипланом.

Японские войска намеревались перейти в общее наступление 24 августа, но русские первыми нанесли удар. На рассвете 20 августа после массированного бомбового удара 150 бомбардировщиков СБ и ТБ-3 по японским позициям и тыловым коммуникациям советско-монгольские войска сходящимися ударами с севера и юга полностью окружили японскую армию и 31 августа уничтожили ее.

Во время этой операции по окружению в воздухе над рекой Халхин-Гол продолжались ожесточенные бои, в которых временами участвовало более 200 самолетов. В этих сражениях японцы, как правило, терпели поражение: японский истребитель Ки-27 по скорости и вооружению уступал своему основному сопернику И-16 — «Абу» («Овод»), как прозвали его японские летчики. По некоторым данным, общие потери русских между 11 мая и 15 сентября составили 145 самолетов всех типов, японцы потеряли более 600, причем 200 самолетов в течение последних десяти дней боев.

В ходе ожесточенных августовских боев три советских летчика — комкор Я. В. Смушкевич, майоры Г. П. Кравченко и С. И. Грицевец — стали дважды Героями Советского Союза. Эту высокую награду получили также другие пилоты, в том числе старший лейтенант В. Ф. Скобарихин, смело таранивший японский истребитель.

Хотя в мастерстве советских и японских летчиков в целом большой разницы не было, в тактическом отношении русские превосходили

противника. Советские самолеты имели также лучшее вооружение: четыре пулемета на И-16 (тип 10) и на И-153 против двух 7,7-мм пулеметов на японских истребителях Ки-27 и А5М. Впервые были использованы истребители И-16, вооруженные ракетами РС-82, которые применялись в бою против японских самолетов.

Несмотря на поражение на Халхин-Голе, японское командование начало сразу же составлять планы нового наступления осенью 1939 года, но по приказу из Токио они были отложены.

1 сентября Германия напала на Польшу, началась вторая мировая война.

Весной и летом 1940 года в СССР велась активная перестройка авиационной промышленности. Реконструировались старые и строились новые авиационные заводы, в том числе в восточных районах страны, что позволило уберечь ряд авиационных предприятий от уничтожения во время немецкого вторжения. Бомбардировщиков же, способных долететь до Сибири, у немцев не было.

К середине 1941 года эти заводы освоили серийное производство истребителей Як-1, МиГ-1 и ЛаГГ-3 помимо бомбардировщиков СБ, ДБ-3 и Пе-2. Двухмоторный средний и пикирующий бомбардировщик Пе-2, выпускавшийся впоследствии крупной серией, стал одним из самых универсальных самолетов советских ВВС. Бронированный штурмовик Ил-2 еще только начинал поступать на вооружение авиационных частей, и его временно заменял легкий одномоторный бомбардировщик Су-2. За время войны было выпущено более 35 тысяч экземпляров Ил-2, и можно смело утверждать, что ни один другой самолет не внес большего вклада в окончательную победу Советского Союза, чем этот.

Но когда на рассвете 22 июня 1941 года старые соперники по Испании вновь вступили в смертельную схватку, первоначально для русских речь шла не о победе, а о выживании.

Огонь с неба

22 июня 1941 года. 3.20 утра. На востоке звезды меркли и гасли перед надвигавшимся рассветом. Еще немного — и восходящее солнце высушит тонкую пленку росы на крыльях истребителей 23-й дивизии ВВС, выстроившихся аккуратными шеренгами на аэродроме около Ровно, к югу от Припятских болот.

Двое часовых не спеша расхаживали по летному полю между рядами самолетов. В утренней тишине их голоса были особенно слышны. Полетов сегодня не будет. У многих пилотов и авиамехаников выходной день. Последние несколько дней шла интенсивная учеба по освоению летным составом новых МиГов, которые только что начали поступать в дивизию на замену И-16. МиГи были новехонькими, только что полученными с завода, еще без камуфляжа, их блестящий металл резко контрастировал с темно-зеленой окраской «ишаков». ^[88]

Внезапно глухой рев моторов разорвал тишину. Из сумерек неба с запада выскользнули три самолета, пересекли на бреющем полете границу летного поля и устремились к длинным шеренгам стоявших истребителей. Через секунду они уже были над ними, и из их брюха хлынул ливень двухкилограммовых осколочных бомб, бомбы со свистом падали вниз и взрывались среди стоявших истребителей. Раскаленные осколки врезались в крылья и фюзеляжи, пробивали бензобаки, которые взрывались с глухим ревом вспыхнувшего горючего. Потоки горящего бензина заливали один истребитель за другим, густое облако маслянистого дыма клубилось и росло над аэродромом.

Три «Хейнкеля-111Н-2» 53-й бомбардировочной эскадры лениво развернулись и прошли над аэродромом еще раз, поливая пулеметным огнем пылавшие обломки. Затем, выполнив свое задание, ушли на запад, в то время как ошеломленные летчики выскакивали из своих постелей. Менее чем за две минуты 23-я дивизия ВВС как боевая часть прекратила существование, не успев сделать ни одного выстрела в свою защиту. Командир дивизии полковник Ванюшкин стоял среди обломков и плакал.

На девяти других крупных аэродромах между Белостоком и Львовом произошло почти то же самое. На рассвете 22 июня между

03.15 и 03.20 немецкие бомбардировщики «Хейнкель-111», «Юнкерс-88» и «Дорнье-21 5» из 2, 3 и 53-й бомбардировочных эскадр «Кампфгешвадер» под командованием прошедших специальную подготовку отборных экипажей нанесли внезапный бомбовый удар по десяти крупнейшим советским аэродромам, захватив врасплох советское командование ВВС и нанеся огромный урон советской истребительной и бомбардировочной авиации. ^[89]

Задача люфтваффе в начальной фазе плана «Барбаросса» была не из легких. От итогов этого вероломного внезапного рейда ударных групп бомбардировщиков в час, когда забрезжит рассвет — ни раньше, ни позже, — зависел весь план нападения на Россию. Чтобы обеспечить успешное осуществление плана «Барбаросса», немецкому командованию необходимо было с первого же дня завоевать господство в воздухе.

Успеху немцев содействовал один важный фактор: с февраля 1941 года их специально оборудованные разведывательные самолеты систематически совершали полеты над всей западной частью территории Советского Союза вплоть до Крыма, ведя аэрофотосъемку военных аэродромов и других военных объектов. Полеты осуществлялись на большой высоте — до 12 тысяч метров, и немцы располагали подробными сведениями об аэродромной сети западных военных округов. К тому же эта разведывательная операция дала им сведения о дислокации советских бронетанковых соединений вблизи от границы — исключительно ценная информация для командиров немецких танковых дивизий, наступавших в авангарде армий вторжения.

Немецкий план внезапного удара по основным советским аэродромам сработал. Подкравшись на большой высоте, разбившись на тройки, бомбардировщики нанесли удар как раз в тот момент, когда немецкая артиллерия в 3.15 открыла огонь по советской территории и основные силы немецкой авиации пересекали пылающую границу — 500 бомбардировщиков, 270 пикирующих бомбардировщиков и 480 истребителей — и направлялись к намеченным целям. ^[90]

К 4.30 большинство немецких самолетов вернулись на свои базы, где наземные команды спешно заправляли их горючим и бомбами, готовя ко второму удару. Сообщений о воздушных боях почти не было — советские ВВС были захвачены врасплох. ^[91]

Однако позднее, этим же утром, во время последующих операций люфтваффе положение резко изменилось. В 9.15 «Мессершмитты-110» 26-й истребительной эскадры в районе Кобрино встретились с советскими И-16 из 124-го авиаполка. В стремительной воздушной схватке два «мессера» и три И-16 рухнули на землю, охваченные пламенем. Четвертый «рата», который пилотировал лейтенант Д. В. Кокорев, таранил немецкий самолет, и они оба упали вниз и взорвались на земле.^[92]

По меньшей мере, еще в пяти случаях в тот первый день войны советские летчики самоотверженно таранили своих врагов. Трое из них входили в состав 123-го истребительного авиаполка, где пример им подал политрук. Тремя первыми советскими воинами, получившими в ходе начавшейся войны звание Героя Советского Союза, были летчики-истребители М. П. Жуков, С. И. Здоровцев и П. Т. Харитонов. Они вышли победителями из этих напряженных воздушных боев первых дней и получили свои награды 8 июля 1941 года.

Хотя немецкие истребители Me-109 и Me-110 обладали более высокой скоростью, чем И-16 и И-153, советские летчики умело использовали лучшую маневренность своих самолетов на виражах. Когда русский пилот оказывался в трудном положении в воздушной схватке, он закладывал крутой вираж и на полной скорости устремлялся на ближайший «мессершмитт». Эта тактика обычно срабатывала, нервы немцев не выдерживали, и они резко выходили из боя.

В 11.00 22 июня советские бомбардировщики СБ и ДБ-3 совершили первый налет на немецкие авиабазы. Но без прикрытия истребителей днем, в тесном строю, эти тихоходные самолеты несли большие потери от немецких истребителей и средств ПВО.

К полудню 22 июня советские ВВС потеряли 1200 самолетов: 300 было сбито в воздушных боях, а 900 уничтожено на аэродромах. Особо тяжелый урон был нанесен авиации Западного Особого военного округа, где 528 самолетов было уничтожено на земле и 210 сбито в воздухе.^[93]

В течение начавшейся недели немецкие танковые колонны, захватив Гродно, начали операцию по окружению советских войск в районе Минска, и советское командование бросило все имеющиеся

самолеты для ударов по наступающим немецким сухопутным частям. На второй день войны молодой советский летчик, которому суждено позднее стать одним из лучших советских асов, одержал свою первую победу: его звали Александр Иванович Покрышкин. Совершая разведывательный полет с напарником в районе реки Прут на границе с Румынией, он вступил в бой с пятью «мессершмиттами» из 77-й эскадрильи, и, хотя его МиГ-3 был поврежден в последовавшей схватке, он сумел сбить Me-109.

К 29 июня, когда после семидневных упорных боев немцам наконец удалось взять Брест и танковые дивизии Гудериана устремились вперед, немецкое командование решило, что советские воздушные силы фактически уничтожены и их четыре воздушных флота могут сосредоточить свое внимание на поддержке наземных операций.

Но 30 июня их ожидал сюрприз. Когда немецкие танки готовились сомкнуть стальное кольцо вокруг Минска, сотни советских бомбардировщиков появились в небе, волна за волной нанося удары по переправам, мостам и наступающим немецким танкам. В этих операциях, осуществлявшихся почти без прикрытия истребителями, советские бомбардировщики несли тяжелые потери. Тем не менее эти самоубийственно-отчаянные рейды советских ВВС служили одной важной цели: теряя сотни самолетов и жизней, русские выигрывали время. В то время как советские летчики приносили себя в жертву, армии рабочих спешно демонтировали целые самолетные и авиадвигательные заводы в Москве, Харькове, Таганроге, Ленинграде, Воронеже и Запорожье; заводы перевозились на тысячи километров на восток в глубь страны. Их собирали вновь в Новосибирске, Казани, Комсомольске, Иркутске и Семенове — за Уралом и дальше — вне пределов действия люфтваффе. Из-за этой массовой эвакуации, которая затронула добрую половину всей авиационной промышленности страны, ежемесячное производство временно сократилось наполовину. Но уже к весне 1942 года выпуск самолетов вновь достиг довоенного уровня — 1000 самолетов в месяц — и затем стал неуклонно возрастать. ^[94]

В июле 1941 года, однако, люфтваффе господствовало в небе над Россией и русские войска отступали по всему фронту — от Балтийского моря до Черного — под непрерывными атаками немецких

пикирующих бомбардировщиков, прокладывающих путь вермахту. На Западном фронте 9 июля немцы овладели Витебском и начали наступление на Смоленск. Бои за этот город — одни из самых кровопролитных боев на Восточном фронте — продлятся более шести недель.

На Юго-Западном фронте немецкое наступление развивалось медленнее. На третий день войны 1-я танковая группа фон Клейста понесла тяжелые потери в районе Ковеля в боях с танковыми корпусами 5-й и 6-й советских армий, но подавляющее превосходство немцев в воздухе спасло положение, и советские войска под массированными ударами люфтваффе вынуждены были отходить к старой государственной границе.^[95]

На Крайнем Севере, где находился стратегически важный порт Мурманск, предпринятый 22 июня в 4.00 немецкой авиацией налет на советские авиабазы оказался нерезультативным: советские самолеты были заблаговременно рассредоточены и замаскированы. Попытки групп немецких бомбардировщиков прорваться к Мурманску успешно отражались советскими истребителями. 24 июня сбил свой первый немецкий самолет «Хейнкель-111» прославившийся позднее морской летчик Б. Ф. Сафонов. 28 июня немецкие войска начали наступление на Мурманск, но через три недели оно завязло в упорной обороне русских, и установившаяся линия фронта оставалась почти неизменной в течение четырех лет войны.

Тем временем в ночь на 22 июля Москва подверглась первому налету немецкой авиации. На передовых базах в Витебске, Орше, Минске и Шаталово немцы собрали 127 бомбардировщиков «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111», в том числе специально переброшенные из Западной Европы. Учитывая стратегическое значение Москвы как важного промышленного, транспортного и политического центра, количество бомбардировщиков было весьма небольшим.^[96] Немецкие летчики не знали, что этот рейд на советскую столицу был предпринят Герингом в ответ на саркастическое замечание Гитлера, что люфтваффе не хватает мужества пролететь 300 миль над территорией врага и бомбежкой Москвы нанести серьезный урон боевому духу русских.

Во время первого налета «хейнкели» и «юнкерсы» встретились с более плотной системой противовоздушной обороны, чем в ночных

рейдах люфтваффе на Лондон. В эту ночь немцы сбросили 100 тонн фугасных бомб и 45 тысяч зажигалок. На следующую ночь немцы предприняли второй рейд 115 самолетами, на третью ночь число самолетов упало до 100. В дальнейшем до конца 1941 года количество участвовавших в налетах на Москву немецких бомбардировщиков постепенно снижалось, и в налетах участвовали группы в 10–15 самолетов. Командование ПВО Москвы продолжало укреплять систему противовоздушной обороны столицы, и она была окружена самым мощным заслоном зенитных орудий, крупнокалиберных пулеметов, прожекторов и аэростатов заграждения за всю историю войн. Столицу прикрывали также 300 истребителей.^[97] Хотя у русских не хватало ночных истребителей, они ни разу не утратили господства в воздухе над столицей.

В середине июля отдельные советские авиачасти на центральном участке фронта стали оснащаться новыми самолетами, которые станут наиболее распространенными в арсенале ВВС, — одномоторными штурмовиками Ил-2, имевшими броню, надежно защищавшую мотор и пилота от малокалиберного оружия, и вооруженными пушками, пулеметами, бомбами и ракетами.

В 1941 году было выпущено 249 этих штурмовиков, но затем в связи с эвакуацией выпускавших их заводов в восточные районы страны производство резко сократилось. Как это ни невероятно, но уже через два месяца после начала передислокации заводов производство Ил-2 развернулось снова, несмотря на то что некоторые заводы не были полностью построены и рабочие работали под открытым небом в суровых климатических условиях русской зимы!

В декабре 1941 года Сталин направил личное послание директорам нескольких авиационных заводов, в котором писал, что самолеты Ил-2 «нужны Красной Армии как воздух, как хлеб...». И он был прав. Вермахт вскоре начал ненавидеть и бояться этих штурмовиков. Советские летчики ласково называли штурмовик «Илюша», немецкие же солдаты дали ему другое название — «Шварце тодт» («Черная смерть»)^[98].

После того как на фронт стали поступать такие самолеты, как Ил-2, а также модифицированные МиГ-3, Як-1 и ЛаГГ-3, люфтваффе все более и более стало осознавать грозную силу советских ВВС. Повышалось и боевое мастерство советских пилотов. В первые недели

войны советские летчики страдали от отсутствия боевого опыта и устаревшей тактики воздушного боя, предписанного уставами. В течение этого начального периода советские пилоты компенсировали эти недостатки личной отвагой и высоким летным искусством. Имелось немало случаев, когда летчики-истребители намеренно таранили вражеские самолеты, но, вопреки распространенному мнению, это не было жестом отчаяния, а хладнокровно продуманным приемом боя, требовавшим высочайшего мастерства и стальных нервов. Ряд советских летчиков мастерски владели этим приемом, как, например, лейтенант Хробывцев, который за один вылет успешно таранил два самолета противника. Другим пионером использования этого приема был младший лейтенант В. Талалихин, таранивший «Юнкерс-88» во время ночного налета немцев на Москву.

К концу 1941 года, однако, импровизация стала уступать место более организованной системе тактических приемов, которые по ходу войны непрерывно совершенствовались. В основу боевого порядка истребителей была положена пара, состоявшая из ведущего и ведомого. Она заменила звено из трех самолетов. Русские при этом использовали пару более наступательно, чем немцы, которые в своем уставе отводили задачу уничтожения противника только ведущему, а ведомому — лишь прикрытие тыла лидера. С точки зрения русских, это создавало двойное неудобство: атакующая мощь боевой группы снижалась вдвое, а ведомые — по большей части молодые неопытные пилоты — обретали скорее пассивные, чем наступательные навыки. Поэтому они считали необходимым для обоих пилотов пары играть равную атакующую роль в бою, взаимно прикрывая друг друга. Одним из первых советских асов, выработавших систему тактических боевых приемов, ставших позднее нормой для советских ВВС, был Александр Покрышкин.

Новую тактику пары русские широко применяли в октябре 1941-го во время битвы за Москву, когда советские истребители впервые появились в достаточном количестве на фронте, чтобы дать отпор в воздухе немецкому наступлению на столицу. За два месяца боев под Москвой советские истребители и зенитчики уничтожили 1400 немецких самолетов. 6 декабря советские войска под командованием генерала армии Г. К. Жукова перешли в контрнаступление и через две недели отбросили немцев от столицы. Вскоре после этого шесть

авиаполков, особо отличившихся при обороне Москвы, первыми в ВВС удостоились высокой чести — получили звание гвардейских.

Вскоре после первых налетов люфтваффе на Москву советские ВВС получили приказ нанести ответный удар по Берлину. Сделать это, однако, было непросто, так как достаточным радиусом действия обладали только бомбардировщики ДБ-ЗФ (Ил-4) при том условии, что они стартуют с авиабаз, расположенных на островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго). Две эскадрильи бомбардировщиков ВВС Балтийского флота (15 самолетов) под командованием полковника Е. Н. Преображенского срочно перебросили на остров Эзель, 7 августа они стартовали на Берлин, до которого по прямой было 1760 километров, и нанесли по германской столице первый бомбовый удар. До 4 сентября 1941 года было совершено еще девять подобных налетов.^[99] Однако после эвакуации в октябре советских баз с островов в Балтийском море эти операции пришлось прекратить.

В связи с перебазированием авиационных заводов и реорганизацией производства, а также оперативными потерями в боях осенью 1941 года советские ВВС ощущали острую нехватку самолетов и с нетерпением ожидали поставок боевых машин, обещанных Англией и США.

Первыми 7 сентября 1941 года прибыли 24 истребителя «Харрикейн-11 А», которые использовались на северном участке фронта. Вскоре после этого через северные порты в Россию поступила первая партия из 170 американских истребителей Кэртисс-Р-40 «Томагавк». Эти самолеты — русские пилоты их не любили — использовались на всех фронтах, в том числе и под Москвой.

Всего за время войны Англия и США поставили Советскому Союзу 18 865 боевых, транспортных и учебных самолетов различных типов, кроме того, 638 самолетов было потеряно при транспортировке.

В многочисленных статьях и книгах, посвященных войне на советско-германском фронте, появившихся после войны, утверждается, что эти союзнические поставки самолетов помогли русским в 1942 году переломить ход войны в воздухе. Но эти утверждения абсолютно лживы. Дело в том, что многие из самолетов, поставлявшихся Советскому Союзу, значительно уступали военной авиационной технике, которая в массовом количестве выпускалась советскими авиационными заводами. Это относится, безусловно, к

таким самолетам, как «харрикейн» и «томагавк». Истребители Белл Р-39 «Эркобра» и Р-63 «Кингкобра» поставлялись главным образом потому, что они не отвечали оперативным требованиям американских ВВС, хотя русские летчики с похвалой отзывались об этих самолетах. [\[100\]](#)

Безусловно, поставленные союзниками самолеты помогли русским завоевать господство в воздухе. Однако не следует забывать тот факт, что с июня 1941 по декабрь 1944 года советская авиационная промышленность выпустила огромное количество самолетов — 97 тысяч, так что вклад союзников никоим образом не может считаться решающим.

В мрачные дни 1941 года эти первые поставки самолетов имели скорее важное моральное значение, ибо несмотря на успешную оборону Москвы, положение на всех остальных фронтах для русских оставалось тяжелым. Ленинград был окружен, и в нем начинался голод. Русские организовали срочную переброску по воздуху продовольствия. Имевшая численное превосходство немецкая авиация совершала ежедневные налеты на осажденный город.

На южном крыле гигантского фронта танковые дивизии генерала фон Клейста 21 ноября захватили Ростов, но надолго задержаться в этом городе немцам было не суждено. Благодаря важным разведывательным данным, которые сумел добыть на своем МиГ-3 Александр Покрышкин, советское командование своевременно узнало о расположении немецких частей и направлении их главного удара. Оно сумело передислоцировать свои силы и 28 ноября, нанеся удары с севера и юга, выбить немцев из Ростова.

Отступив от Ростова, немцы организовали оборону на реке Миус. В последовавшие затем недели Покрышкин, награжденный орденом за успешную разведку, и его эскадрилья участвовали в многочисленных воздушных схватках над линией фронта, прикрывая штурмовики, атакуя немецкие «Юнкерс-87», сражаясь с «мессершмиттами». Во время этих операций Покрышкин старательно отрабатывал собственные приемы воздушного боя, внимательно изучал тактику противника, охотно делился своим опытом с молодыми пилотами, собиравшимися вечерами у него в палатке. Мудрость и дальновидность инструктажа Покрышкина наглядно подтверждается всего одним фактом: 30 летчиков, которые участвовали в первых боях

под его руководством, стали впоследствии Героями Советского Союза, а шестеро из них дважды удостоивались Золотой Звезды. За время войны только они уничтожили 500 немецких самолетов. Одним из его учеников был Александр Клубов.

Когда Германия напала на Советский Союз, немецкие летчики пренебрежительно считали — и этому способствовала нацистская пропаганда — большинство русских пилотов невежественными, безынициативными роботами, и первые крупные успехи люфтваффе, казалось, подтверждали это впечатление. Но русские быстро усвоили горькие уроки тяжелых месяцев 1941 года, и в гигантских сражениях следующего года все большее число советских пилотов такого масштаба, как Клубов, который с пятьюдесятью победами за время войны стал пятым по числу сбитых самолетов советским асом, начали пробивать бреши в рядах люфтваффе.^[101]

Алан Кларк

Путь к Сталинграду^{[\[102\]](#)}

Планирование и подготовка летней кампании 1942 года

К концу февраля 1942 года советское наступление начало выдыхаться. Дни стали длиннее, солнце пригревало, для вермахта период тяжелых зимних испытаний подходил к концу. Красная Армия, несмотря на отдельные успешные операции вроде выхода в феврале к Великим Лукам, уже исчерпала свои силы и средства. Великолепные дальневосточные дивизии истратили и истощили себя в непрерывных трехмесячных боях в тяжелых условиях суровой зимы.

С приближением весны перед воюющими сторонами на очереди стала важная проблема: определить намерения противника и уточнить свои планы на летнюю кампанию, которая начнется после распутицы.

Как только фронт стабилизировался и появилась возможность накапливать стратегические резервы, большинство немецких генералов стало склоняться в пользу возобновления наступательных операций летом 1942 года. Возникла полемика о масштабах летнего наступления.

Задним числом многие оставшиеся в живых немецкие генералы заявят после войны, что они были сторонниками проведения ограниченных наступательных действий, поскольку широкое наступление было бы «азартным и опасным риском». Если так, то это еще один пример (которым, кстати говоря, изобилует Восточная кампания) неспособности генерального штаба ОКХ дать правильную оценку общего стратегического положения Германии. Получается, что генералы из штаба ОКХ признают, что летняя кампания 1942 года в России рассматривалась ими как узкая тактическая проблема в отрыве от других международных событий, которые делали действительно необходимым для Германии выиграть войну именно в этом году или рухнуть под тяжестью огромной промышленной мощи коалиции трех великих держав.

В свое оправдание немецкие генералы ссылаются на то, что их не приглашали на совещания по экономическим проблемам, где обсуждались потребности Германии в зерне, марганце, нефти и никеле, и что Гитлер «не посвящал» их в эти аспекты стратегии. Но это явная неправда. Гитлер подчеркивал значение экономических

факторов, стоявших за его решениями, при каждом случае, когда ему приходилось убеждать своих военачальников. Ясно одно: генералы либо не понимали Гитлера, либо они — что представляется наиболее вероятным — норовят сейчас создать совершенно неправильное представление о нем, как это делает, например, заместитель начальника генерального штаба ОКХ генерал Блюментрит, утверждающий, что «Гитлер не знал, что ему делать — об отводе войск он и слышать не хотел. Он считал, что должен что-то предпринять, а это могло быть только наступление».

В действительности Гитлер имел совершенно четкое представление, что он собирается предпринять летом 1942 года. Он намеревался раз и навсегда разгромить русских, уничтожив их вооруженные силы на юге страны, захватить наиболее важные экономические районы СССР, а затем решить: следует ли наступать на север в тыл Москвы или на юг в направлении нефтяных районов Баку. Но вместо того чтобы с самого начала прямо и твердо поставить эту цель перед генеральным штабом ОКХ, он излагал свои стратегические идеи чрезвычайно осторожно, с оглядкой. В результате, хотя план летних операций и был постепенно выработан, Гитлер и генеральный штаб ОКХ толковали его неоднозначно. Эти разногласия так и не были устранены, и их происхождение и история важны для понимания хода битвы за Сталинград и ее катастрофического исхода.

Первый проект плана, подготовленный ОКХ в середине зимы под болезненным впечатлением от мощных ударов Красной Армии, предусматривал проведение ограниченной кампании на юге Советского Союза и укрепление позиций немецких войск к востоку от излучины Днепра, чтобы обезопасить марганцевые рудники у Никополя. Намечалось также захватить Ленинград и соединиться с финскими войсками — задача, которая будет прилежно переноситься во все последующие варианты плана и приведет к серьезному распылению сил летом 1942 года.

В апреле был выработан более амбициозный проект ставивший целью захватить перешеек между Доном и Волгой и Сталинград или «по крайней мере подвергнуть город воздействию тяжелого оружия, с тем чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций». Но для Гитлера захват Сталинграда был лишь первой ступенью. Он намеревался затем

повернуть свои армии на север вдоль Волги и перерезать коммуникации советских войск, оборонявших Москву, а также послать «разведгруппы» еще дальше на восток к Уралу. Гитлер, однако, понимал, что операция подобного масштаба окажется возможной только в том случае, если Красной Армии будет нанесено сокрушительное поражение. Альтернатива состояла в захвате Сталинграда в качестве «опорного якоря» для обеспечения устойчивости левого фланга немецких войск, в то время как основная масса бронетанковых сил повернет на юг, чтобы захватить Кавказ и создать угрозу границам Ирана и Турции.

Гальдер позднее утверждал, что эти идеи не были доведены до сведения ОКХ на стадии планирования.

«В письменном приказе Гитлера о подготовке наступления на юге России летом 1942 года в качестве цели были названы Волга и Сталинград. Мы поэтому сделали упор на этой цели и считали необходимым всего лишь прикрыть наш фланг южнее реки Дон...»

Восточный Кавказ намечалось «блокировать», а в Армавире сосредоточить мобильный резерв, обеспечивающий заслон против русских контратак со стороны Маныча.

По всей вероятности, Гитлер все еще надеялся разбить и уничтожить русские войска до выхода немецких армий к Волге, что позволило бы реализовать «главное решение» — бросок в северном направлении на Саратов и Казань, — и он отложил планирование дальнейших операций на период после захвата Сталинграда, сохраняя за собой выбор между наступлением на Кавказ и броском на север вдоль Волги.

В результате ОКХ начинало летнюю кампанию, считая, что ее целью является Сталинград, а выдвинутые на Кавказ войска будут выполнять только «блокирующую» роль заслона, тогда как, согласно замыслу ОКБ, о котором Гитлер потом сообщит некоторым командующим армиями, «заслон» должен быть выставлен в Сталинграде, а основные немецкие силы двинутся либо в северном, либо в южном направлении. Еще более непонятен тот факт, что в преамбуле директивы № 41 от 5 апреля 1942 года в качестве одной из главных целей летней кампании выделен «захват нефтяных районов на Кавказе», однако в разделе, где перечислены основные операции немецких войск, об этой цели ничего не говорится.

Эта двойственность, естественно, отразилась и на структуре управления группой армий «Юг», которой в начале летней кампании командовал оправившийся после болезни генерал-фельдмаршал фон Бок. Она была разделена на группу армий «Б» (2-я армия, 4-я танковая армия, сильная 6-я армия и 2-я венгерская армия), которая на начальной стадии наступления должна была вести основные боевые действия, и группу армий «А» генерал-фельдмаршала фон Листа. На первый взгляд эта группа армий выглядела более слабой. В ее состав входили 17-я немецкая армия и 8-я итальянская,^[103] и, согласно директиве № 41, ей предписывалось наступать рядом, но несколько позднее и чуть позади группы армий «Б». Однако под своим командованием Лист также имел сильную 1-ю танковую армию генерал-полковника фон Клейста. И Клейсту Гитлер еще 1 апреля доверительно сообщил, что его армия предназначена быть тем орудием, с помощью которого рейх навечно обеспечит себя кавказской нефтью и подорвет мобильность Красной Армии, лишив ее горючего.

В результате этих «разночтений» между оперативным приказом ОКХ и личными указаниями Гитлера командующему 1-й танковой армией последний должен был участвовать в летнем наступлении, имея перед собой особую частную цель. «Сталинград, — скажет Клейст после войны, — вначале для моей танковой армии был не более чем одним из названий на географической карте».

* * *

Численность немецких сил на Восточном фронте весной 1942 года оставалась примерно на уровне прошлого года, а если учесть войска союзников Германии, то общее число дивизий по сравнению с 1941 годом возросло, так как в течение зимы Венгрия и Румыния увеличили свою квоту.^[104]

Техническая оснащенность и огневая мощь немецкой дивизии даже несколько повысились, число танковых дивизий увеличилось с 19 до 25.

Но с точки зрения качества и морального состояния немцы уже переживали упадок. Ни одна армия не могла бы пережить такую страшную зиму без серьезного и длительного ущерба для себя, испытать неоднократные разочарования, когда на протяжении прошлого лета видимые победы сменялись горькими неудачами, и не

поддаться настроениям тщетности усилий и депрессии. Эти настроения докатились до рейха, а оттуда рикошетом вернулись обратно на фронт. Для немецкой нации «война» означала войну на Восточном фронте. Авиационные бомбежки, операции немецких подводных лодок, лихие рейды Африканского корпуса — все это были второстепенные побочные события, когда миллионы отцов, мужей, сыновей и братьев днем и ночью вели ожесточенные бои с русскими «варварами».

Чувства отчаяния и обреченности, которые уже можно заметить в письмах и дневниках немецких солдат и офицеров того времени, еще не были столь широко распространены, как это произойдет после провала операции «Цитадель» в 1943 году. Частично это объяснялось тем, что сравнительно небольшое число соединений участвовало в тяжелых зимних боях, а немецкая практика формирования новых дивизий вместо восстановления старых до полной мощи сдерживала распространение пораженческих настроений. Тем не менее болезнь уже пустила корни, она была неизлечимой, и ее симптомы неоднократно проявят себя в немецких подразделениях в ходе летних боевых действий.

Тот, кто отправлялся на Восток, уже попадал в совсем другой мир. Как только немцы пересекали границу, отделявшую рейх от оккупированных территорий, они оказывались в огромной зоне шириною до 800 километров, где открыто царил разгул нацистского террора. Массовые убийства, насильственный угон гражданского населения, преднамеренное умерщвление голодом военнопленных, сожжение заживо школьников и детей, «учебные» бомбежки и обстрелы гражданских больниц и госпиталей — подобные зверства были повсеместным явлением, и они оказывали растлевающее воздействие на вновь прибывших немецких солдат.

Среди других факторов, отрицательно сказывавшихся на моральном состоянии немецких войск, следует отметить неспособность Германии создать новые виды боевой техники, которые можно было бы сопоставить с Т-34 и реактивным минометом «катюша». Немецкая пехота шла в бой, оснащенная так же, как и летом прошлого года. Лишь в некоторых ротах увеличилось число автоматчиков. Танковые дивизии, однако, подверглись более тщательной реорганизации, но это коснулось только дивизий на

южном крыле советско-германского фронта. Наиболее важной переменной было включение в них батальона 88-мм зенитных орудий, которые широко использовались немцами в борьбе с советскими танками. Мотоциклетный батальон упразднили, но один из четырех мотострелковых батальонов (в танковых дивизиях СС иногда два батальона) оснастили полугусеничными бронетранспортерами, что существенно улучшило его маневренность. Мотострелки этих бронетранспортеров стали называться «панцергренадерами», и этот термин в скором времени стал применяться ко всем пехотинцам, входившим в состав танковых дивизий.

На немецких средних танках Т-III и Т-IV установили более мощные длинноствольные орудия, соответственно калибром в 50 и 75 мм. Количество танков в танковой дивизии увеличили, включив в состав батальона четвертую роту. Однако немецкие заводы в 1941 году выпустили лишь 3256 танков, а в первые месяцы 1942 года — всего каких-то 100 единиц. Потери в летней кампании 1941 года составили почти 3000 танков, и к тому же из штатного расписания танковых дивизий было изъято большинство легких танков Т-I и Т-II, как более непригодных для боевых условий Восточного фронта, и передано охранным и полицейским частям. Поэтому, хотя в каждом батальоне и были созданы четвертые роты, очень немногие из рот имели в штатном составе положенные 22 средних танка Т-III или Т-IV.^[105] Фактически в начале летней кампании 1942 года у немцев было меньше танков, чем накануне 22 июня 1941 года. Нехватку танков немецкое командование компенсировало тем, что держало «на голодном пайке» бронетанковые части на северном и центральном секторах советско-германского фронта, а все новые танки сосредоточивало в дивизиях группы армий Бока на южном крыле, создавая мощные бронированные кулаки в намеченных для атаки участках фронта.

* * *

Если советские заводы действительно выпускали 700 танков в месяц, как Гальдер докладывал Гитлеру со ссылкой на полученные военной разведкой сведения, то немецкие перспективы были действительно мрачными. Но два основных центра танкостроения в Харькове и Орле, так же как и большинство поставлявших различные

компоненты заводов на Украине и в Донбассе, оказались захваченными немцами.

Кировский завод в Ленинграде работал не на полную мощность, к тому же выпускаемые им танки использовались для обороны города. Прославленные танкостроительные заводы на Урале (в Свердловске и Челябинске) еще только начинали разворачивать производство. И хотя официальные советские источники сообщают о значительном увеличении выпуска танков к концу 1942 года,^[106] едва ли в первые месяцы этого года Советский Союз строил танков больше, чем Германия, и по общему числу находившихся на фронте танков — особенно средних и тяжелых — русские явно уступали немцам. В первые месяцы 1942 года некоторое количество американских и английских танков прибыло в Советский Союз морем в Мурманск, а также через Иран. Но русские — по вполне понятным причинам — сочли большинство из них непригодными для боевых действий. (Единственный танк, который можно было бы использовать на Восточном фронте, — «Шерман» начал сходить с поточных линий тогда, когда по советским стандартам он уже устарел. Первые партии этого танка были поставлены осенью 1942 года, а к этому времени Т-34, которому «Шерман» явно уступал, уже строился серийно около двух лет.) Небольшое число английских пехотных танков типа «Матильда» и «Черчилль», благодаря их толстой лобовой броне, нашли применение в качестве танков сопровождения пехоты в отдельных бригадах. Но в целом американские и английские танки, по-видимому, направлялись на второстепенные фронты, вроде карело-финского, и на Дальний Восток и сыграли не более чем косвенную роль в решающих сражениях на советско-германском фронте.

* * *

Поражение, которое советские войска нанесли немцам в течение зимы, жалкое состояние отдельных немецких военнопленных и очевидное превосходство некоторых видов боевой техники, особенно танков и артиллерии, по-видимому, создало у русских представление, что вермахт находится в более тяжелом положении, чем это было на самом деле. Это представление упорно сохранялось в Ставке Верховного Главнокомандования даже после малорезультативных наступательных боев в марте 1942 года.

Сведений о ходе обсуждения стратегических планов, которое велось в Москве весной 1942 года, не публиковалось, и мы не знаем, кто в Ставке возражал против идеи проведения ряда наступательных операций, которые были утверждены в то время.^[107] Сталин, естественно, был их сторонником — следы личного вмешательства советского диктатора видны в бесплодном распылении сил, которых едва ли было достаточно с самого начала, и в настойчиво жестком продолжении операций после того, как их неудача стала очевидной.

Хотя советский план основывался на правильных оценках намерений противника, предпочтение в нем отдавалось упреждающим ударам, вместо того чтобы устроить немцам ловушку вроде той, которая так хорошо сработала под Москвой, в надежде, что Красная Армия, нанеся удар первой, получит преимущество. Если немцы намеревались захватить летом Ленинград, то Сталин собирался разорвать кольцо блокады наступлением на волховском направлении; планам Гитлера о завоевании Кавказа была противопоставлена наступательная операция по освобождению Крыма. Центральное место в советском плане занимало концентрическое наступление маршала Тимошенко на Харьков, чтобы захватить этот важный центр коммуникаций на юге страны и подорвать способность немцев к наступательным действиям на этом участке фронта.

Проведение трех самостоятельных и столь далеко отстоявшихся друг от друга операций, что успех одной не мог непосредственно сказаться на ходе других, было бы оправданным лишь в случае значительного превосходства атакующей стороны над обороняющейся.^[108] Неправильная оценка русскими соотношения сил и боеспособности немецких войск привела к катастрофическому провалу всех трех операций, и в результате Красная Армия летом 1942 года чуть не оказалась на грани смертельного кризиса.

Первое из весенних наступлений Красной Армии было начато 9 апреля на Керченском полуострове в Крыму. Провал попыток 11-й армии Манштейна захватить Севастополь осенью 1941 года и успешные вылазки гарнизона окруженного города в течение зимы поощрили периодические попытки русских освободить весь Крымский полуостров. 26–29 декабря русские, высадив десанты, захватили плацдармы в Керчи и Феодосии, и, хотя последний после ожесточенных боев был ликвидирован Манштейном 18 января, на

Керченском полуострове осталась сильная группировка советских войск, ^[109] которая предприняла три отдельные, но неудачные попытки (27 февраля, 13 марта и 26 марта) прорваться в Крым. К «сталинскому наступлению» в апреле 1942 года было сосредоточено пять танковых бригад. К этому времени Манштейн также получил значительные подкрепления: 22-ю танковую дивизию, 28-ю «легкую» дивизию и 8-й авиакорпус Рихтгофена с пикирующими бомбардировщиками Ю-87 и Ю-88. Русским опять не удалось прорвать немецкие позиции, и через три дня наступление застопорилось. 8 мая дивизии Манштейна сами перешли в наступление и овладели Керченским полуостровом, а затем и Севастополем. Красная Армия потеряла более 100 тысяч человек пленными и более 200 танков. ^[110]

Советские атаки на Керченском полуострове по крайней мере дали передышку осажденному Севастополю и заставили немцев перебросить в Крым целых три дивизии. Наступление же на Волховском фронте обернулось полной неудачей и привело в мае к окружению и гибели 2-й ударной армии.

Теперь многое зависело от главной весенней операции, одобренной Ставкой, — наступления маршала Тимошенко на Харьков. К несчастью, русский план, далеко не оригинальный и легко предсказуемый, роковым образом совпал с наступательной операцией генерал-фельдмаршала фон Бока — «Фридрикус-1», которую немцы наметили провести почти в то же время.

Цель фон Бока заключалась в ликвидации «Барвенковского выступа», который был вдавлен в ходе зимнего наступления советскими войсками в немецкие позиции к юго-западу от Северского Донца в районе города Изюм. В начале мая фон Бок заменил немецкие войска на западной оконечности выступа 6-й румынской армией, а затем начал сосредоточение армии Паулюса на северном фланге между Белгородом и Балаклеей, а 1-й танковой армии фон Клейста — на южном, в районе Краматорска — Славянска. Планировалось, что эти две армии нанесут удары под основание русского выступа и срежут его до начала главной летней операции — плана «Блау».

Но получилось так, что Тимошенко опередил фон Бока на неделю, и 12 мая его войска перешли в наступление. Предполагалось, что 6-я армия под командованием генерала Городнянского при поддержке другой армейской группировки прорвет немецкий фронт и захватит

Красноград. Затем армия Городнянского будет наступать в северном направлении на Харьков. Навстречу ей с плацдарма у Волчанска нанесут удар 28-я армия, а также части двух других армий Юго-Западного фронта.

Севернее Харькова бои с самого начала приняли ожесточенный характер: советские армии столкнулись с 14 свежими дивизиями Паулюса, но южнее войска Городнянского легко сломили сопротивление румын и вскоре завязали бои за Красноград. В течение последующих трех дней, когда войска Городнянского успешно продвигались вперед, Тимошенко, должно быть, казалось, что Харьков вот-вот окажется у него в руках. Но 17 мая поступили первые тревожные сигналы. Советские армии, оттеснив войска Паулюса к железной дороге Белгород — Харьков и понеся при этом тяжелые потери, дальше продвинуться не смогли. Прорвать немецкий фронт им не удалось. Южнее наступающие советские части достигли деревни Карловка, в тридцати милях от Полтавы, а армия генерала Городнянского, следуя первоначальному плану, повернула на север на Мерефу. Но все попытки расширить прорыв в южном направлении от Барвенкова оказались безрезультатными ввиду упорного сопротивления немцев, имевших подозрительно большое число танков. Советские танковые войска растянулись на целых 70 миль. Это была первая попытка русских использования танков в широкой наступательной операции, и многочисленные слабости — их бригадная организация, нехватка автомашин для снабжения, отсутствие средств ПВО для защиты колонн бензовозов — вскоре стали очевидными.

На рассвете 18 мая Клейст перешел в контрнаступление на южном фланге выступа, и через несколько часов его танки достигли точки слияния рек Оскол и Северский Донец, подрезав основание выступа на 20 миль. К вечеру генерал Харитонов практически утратил контроль над своей 9-й армией, части которой вели отчаянные, но изолированные бои. Тимошенко и его штаб неоднократно связывались со Ставкой, но Москва настаивала на продолжении наступления.

19 мая Паулюс, перебросив два танковых корпуса на свой правый фланг, нанес удар по северному флангу русского коридора, тянувшегося от Северского Донца до Краснограда. 23 мая его танковые дивизии встретились с танками Клейста южнее Балаклеи, замкнув кольцо

окружения. 19 мая Ставка смягчила свою позицию, разрешив генералу Городнянскому прекратить наступление. Но было уже слишком поздно, и из окружения смогла вырваться лишь четвертая часть окруженных войск 6-й и 57-й советских армий. Русские официально сообщили, что они потеряли убитыми 5 тысяч человек и 70 тысяч пропавшими без вести, а также 300 танков. Немцы утверждали, что они взяли в плен 240 тысяч человек и уничтожили 1200 танков^[111] (что, несомненно, является преувеличением, так как в распоряжении Тимошенко имелось всего 845 танков).

Если бы советское наступление привело к серьезной задержке немецких планов летней кампании, оно было бы оправдано даже без взятия Харькова. Но хотя оно и дорого обошлось русским, этого не произошло. Когда в начале июня немецкие армии начали перегруппировку к летнему наступлению, на всем Южном и Юго-Западном фронтах у русских осталось не более 200 танков. Соотношение сил резко изменилось в пользу немцев.

Вермахт в апогее

28 июня под покрытым грозовыми облаками небом наступление фон Бока — операция «Блау» — грянуло как удар грома. Три армии, наступавшие из районов северо-восточнее и южнее Курска по сходящимся направлениям, прорвали фронт русских, и одиннадцать немецких танковых дивизий устремились по степи к Воронежу и Дону. Через два дня перешла в наступление находящаяся южнее 6-я армия Паулюса (четыре пехотных и один танковый корпус), а Клейст переправил 1-ю танковую армию через Северский Донец.^[112]

С самого начала немцы создали значительный численный перевес в живой силе и технике, и нехватка танков не позволяла русским предпринять даже местные контратаки. Из четырех советских армий, противостоящих немецкому натиску, 40-я, по которой пришелся основной удар танков Гота, была рассеяна и частично окружена, 13-я армия Брянского фронта быстро отступала на север. Две другие армии — 21-я и 28-я, — еще не успевшие восстановить силы после неудачных майских боев на Северском Донце, оказались вынужденными отходить с рубежа на рубеж; управление некоторыми армиями нарушилось, на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов образовалась брешь, в которую устремились немецкие войска.

Продвижение немецких колонн можно было заметить с расстояния в 50–60 километров. Огромное облако пыли, смешанной с пороховым дымом и пеплом горевших деревень, поднималось в небо. Густой и темный в авангарде колонны дым еще долго висел в неподвижном июльском воздухе после прохода танков, коричневатая дымка пеленой тянулась на запад до самого горизонта. Военные корреспонденты, сопровождавшие немецкие части, восторженно писали о «неудержимом мастодонте», или моторизованном каре («Мот Пулк») — так эти колонны выглядели на марше с грузовиками и артиллерией, двигавшимися в окружении танков. «Это строй римских легионов, перенесенный ныне в двадцатый век для укрощения монголо-славянских орд!»

Во время этого успешного для немцев периода войны нацистская пропаганда расистских «теорий» достигла своего пика, и каждый репортаж и фотоснимок с фронта подчеркивали расовое превосходство

наступавших «нордических» армий над своим врагом. Издательство СС выпустило даже специальный журнал под названием «Унтерменш» («Недочеловек»).

Не требуется особой психологической проницательности, чтобы понять предназначение этой пропаганды — «теоретически» подкрепить неограниченное право эксплуатировать и угнетать «низшую расу», которая к тому же имела наглость оказывать сопротивление своим поработителям. «Русский сражается, даже когда борьба бессмысленна, — жаловался один немецкий корреспондент, — он воюет неправильно, сражается, если есть хоть малейший шанс на успех».

Советские резервные армии были сосредоточены поблизости от Москвы на случай возобновления немцами наступления на центральном участке фронта; к тому же отсюда их было легче перебросить по железным дорогам к Ленинграду или на юг, как только станут очевидны намерения противника. Мощь начавшегося на юге немецкого наступления явилась, однако, неожиданностью для русских, и, когда 5 июля немецкие танковые дивизии прорвались к Дону по обе стороны Воронежа, Верховное Главнокомандование еще не могло с уверенностью знать, не предпримут ли немцы, переправившись через Дон, бросок на север с поворотом в тыл советским войскам в районе Ельца и Тулы. Соответственно Тимошенко получил приказ прочно удерживать «опорные» фланговые позиции в районе Воронежа и Ростова и вывести из-под удара войска Юго-Западного и Южного фронтов, чтобы избежать окружения и, отдавая пространство, выиграть время. Из отошедших дивизий Брянского фронта и срочно переброшенных Ставкой резервов был создан новый, Воронежский фронт, в командование которым 14 июля вступил генерал Н. Ф. Ватутин, непосредственно подчинявшийся Москве.

В этот момент сопротивление советских войск, хотя и недостаточно организованное и спорадическое, начало сказываться на немецком оперативном планировании. Во второй неделе июля русские стойко обороняли свои позиции лишь в районе Воронежа и южнее Северского Донца. В широком коридоре между Доном и Северским Донцом Красная Армия отступала. Корреспондент газеты «Фолькишер беобахтер» описывал, как «русские, которые ранее упорно сражались за каждый километр территории, отходили без выстрела. Наше

продвижение задерживали лишь разрушенные мосты и налеты авиации. Когда русские арьергарды не могли избежать боя, они выбирали позиции, которые позволяли им продержаться до наступления темноты... Было весьма необычным углубляться в эти широкие степи, не видя признаков противника».

По всей видимости, это дезорганизованное (как казалось немцам) отступление русских войск было неожиданным для Гитлера, так же как и для многих его генералов. В ОКВ Гитлер находился в более бравурном настроении, чем когда-либо после падения Франции. В его разговорах с Гальдером по телефону уже не было той характерной для прошлого года раздражительности и настороженности. «С русскими покончено», — заявил он начальнику генерального штаба ОКХ 20 июля, а ответ последнего: «Должен признать, похоже, что так оно и есть» — отражает царившую в ОКВ и главном командовании сухопутных войск эйфорию. И, исходя из этого убеждения, ОКВ приняло два решения, оказавшие существенное влияние на дальнейший ход летней кампании. Первоначально, согласно директиве № 41, Гот должен был проложить Паулюсу своими танками дорогу в Сталинград, затем передать этот «блокгауз» 6-й армии и отвести свои дивизии в мобильный резерв. Но после начала летнего наступления командующий группой армий «Юг» фон Бок, встревоженный мощью советских контрударов в районе Воронежа, предложил задержать основные силы 6-й армии для атаки на русские позиции в этом секторе фронта и бросить в стремительное наступление на Сталинград одну 4-ю танковую армию Гота. Теперь же, 13 июля, ОКВ решило, что Гот вообще не будет наступать на Сталинград, а повернет свою армию на юго-восток и поможет армиям группы «А» «форсировать Дон в его нижнем течении». Паулюс же должен суметь захватить Сталинград своими силами — при условии, что армии группы «Б» обеспечат оборону на рубеже от Воронежа до большой излучины Дона. 12 июля из-за разногласий с Гитлером фон Бок был смещен с поста командующего группой армий «Юг», и две армейские группы стали самостоятельными и получили самостоятельные — и противоположные — оперативные задачи. Директива № 45 от 23 июля о продолжении операции «Брауншвейг»^[113] постановила: «Группа армий “А” (под командованием генерал-фельдмаршала Вейхса) должна нанести удар по Сталинграду, разгромить сосредоточившуюся

там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой». Таким образом, новый приказ предусматривал значительное расширение стратегических масштабов операций. Спасительной оговорки о том, что можно будет «перекрыть Волгу артиллерийским огнем», больше не было, а поход на Кавказ уже не ограничивался захватом Майкопа и Пролетарской, а включал в себя оккупацию всех нефтяных районов.^[114]

Критическое значение, несомненно, имело решение об изменении направления удара 4-й танковой армии. ОКХ, видимо, также сочло его желательным. Из показаний Паулюса явствует, что поворот армии Гота на юго-восток первоначально был задуман с целью окружения советских войск, сдерживавших танки Клейста и 17-ю армию в Донецком бассейне. Но через несколько дней после получения Готом этого приказа советские войска в Донбассе оставили свои позиции и начали быстро отходить в южном направлении. Возможность отрезать им пути отхода исчезла.

В результате две немецкие танковые армии вышли к Дону почти одновременно — гигантский бронированный кулак, удар которого пришелся по воздуху. Переправы через Дон русские фактически не обороняли. Войска Южного фронта уже отошли за Дон и закреплялись на рубежах Манычского канала.

23 июля немецкие войска вступили в Ростов, а 25 июля передовые отряды Клейста форсировали Дон. 4-я танковая армия захватила плацдарм на южном берегу Дона в районе Цимлянской 29 июля, но через два дня она получила новый приказ — направить 16-ю моторизованную дивизию на юго-восток в район Элисты, а основными силами наступать в направлении Котельниково, через реку Аксай и ворваться в Сталинград с его незащищенной южной стороны.

Форсировав Дон, танковые корпуса Клейста устремились на юг, 29 июля немцы ворвались в Пролетарскую (конечный рубеж продвижения согласно прежнему плану ОКХ), через два дня вступили в Сальск, где одна танковая колонна повернула на Краснодар, чтобы прикрыть левый фланг 17-й армии, а вторая двинулась прямо на Ставрополь. 7 августа немцы заняли Армавир, а 9 августа — Майкоп.

Но для армии Паулюса, наступавшей на Сталинград по коридору между Доном и Донцом, ситуация складывалась по-иному. Поскольку лишь 14-й танковый корпус Витерсгейма был полностью моторизован,

остальные корпуса армии растянулись на многие десятки километров, и перспектив успешно атаковать с марша противника, который решит перейти к жесткой обороне, у нее было немного. 12 июля Ставка Верховного Главнокомандования создала новый, Сталинградский фронт (его командующим 23 июля был назначен генерал-лейтенант В. Н. Гордов) и начала быстро — насколько позволяла железнодорожная сеть — перебрасывать на него подкрепления. В течение трех недель шла гонка, знакомая еще по летним сражениям 1941 года, между спешившими к Сталинграду колоннами немцев и спешно выдвигавшимися и разворачивавшимися резервными армиями русских. На этот раз русские опередили немцев, но ненамного.

Генерал В. И. Чуйков, который позднее станет одним из видных советских командиров, которые руководили обороной Сталинграда и своим примером вдохновляли защитников города, в начале июля занимал должность командующего резервной армией, находившейся в районе Тулы. Полученный его 64-й армией приказ о передислокации в район Сталинграда дает наглядное представление о срочности и сложностях переброски четырех стрелковых дивизий и четырех бригад армии к Дону, связанных с прибытием и выгрузкой воинских эшелонов на семи различных железнодорожных станциях и форсированным маршем от 100 до 200 километров по степи на запад к Дону.

Из рассказа Чуйкова также видно, что, помимо необходимости упредить приближавшиеся к Дону дивизии Паулюса, не менее важно было также повысить дисциплину и боевую стойкость отступавших частей Красной Армии. Советская тактика в этот период 1942 года сводилась к отводу войск на новые рубежи, когда противник прорывался на флангах, чтобы избежать дорогостоящих боев в окружении. Но в условиях длительного отступления по горячей родной земле трудно поддерживать дисциплину и боевой дух войск, особенно среди новобранцев и недостаточно обученных и закаленных солдат, из которых в основном состояли в тот период соединения и части Красной Армии. Мужество и героизм, проявленные при обороне Сталинграда, — наилучший критерий возрождения высокого боевого духа и моральной стойкости воинов Красной Армии. Этого буквально за несколько недель сумели добиться такие командиры, как Чуйков, Еременко, Родимцев.

Между 23–29 июля, пока механизированные дивизии Гота бороздили степь в районе Цимлянской, 6-я армия предприняла попытку с ходу ворваться в Сталинград. Незначительное сопротивление, оказываемое до этого отходившими советскими войсками, поощрило Паулюса атаковать своими дивизиями по мере их подхода 62-ю советскую армию, получившую приказ занять оборону по реке Чир и в большой излучине Дона. В результате и подтягивавшиеся немецкие подкрепления, и выдвигавшиеся советские резервы, включая части 64-й армии, вступали в бой по мере их подхода примерно в равной пропорции.

Паулюс, имевший значительное превосходство в танках, бросил в наступление сперва три, затем пять, потом семь пехотных дивизий. Завязалось ожесточенное сражение, проходившее с переменным успехом, в ходе которого русские войска постепенно вытеснялись из большой излучины Дона. Но 6-я армия была столь изрядно потрепана, что у нее уже не хватало сил, чтобы форсировать Дон. Немцы также не сумели очистить от русских войск излучину реки в районе Клетской, что позднее в ноябре привело к катастрофическим последствиям.

Неожиданная мощь русского сопротивления убедила Паулюса, что 6-я армия не сможет одна в одиночку переправиться через Дон, и в первой неделе августа наступило временное затишье, пока 4-я танковая армия с боями приближалась к Сталинграду с юго-запада. В этот период соотношение сил заметно изменилось в пользу немцев, так как 64-я армия, сыгравшая столь важную роль в отражении первого натиска Паулюса, оказалась вынужденной все дальше и дальше растягивать свой левый фланг в южном направлении в связи с приближением танков Гота. К 10 августа 6-я армия подтянула все свои дивизии и артиллерию к Дону.

К тому же — что весьма показательно с точки зрения того, как Сталинград постепенно начал притягивать к себе все ударные силы вермахта, — 8-й авиационный корпус Рихтгофена, ^[115] обеспечивавший поддержку операций танковой армии Клейста на Кавказе, был перебазирован на аэродром в Морозовске для участия в предстоящем наступлении немцев на Сталинград.

Прошла еще неделя, пока Гот пробивался от Аксая на север, а затем 17–19 августа немцы предприняли первое концентрированное наступление с целью овладеть Сталинградом.

Паулюс, как старший командующий, которому была подчинена армия Гота, сосредоточил свои танковые корпуса на флангах, чтобы охватить города с севера и юга—две танковые и две моторизованные дивизии на северном, три танковые и две моторизованные на южном фланге, в центре наступали девять пехотных дивизий.^[116]

Фронт оборонявшихся советских войск тянулся дугой от Качалинской на севере вниз по берегу Дона, а затем уходил на восток к Волге по реке Мышкова. Его протяженность составляла несколько сот километров, но в поперечнике — всего 60–70 километров. Его защищали две армии — 62-я и 64-я — одиннадцать стрелковых дивизий, многие неполного состава, остатки нескольких танковых бригад и других частей.

Вначале наступление развивалось медленно. Готу, в частности, никак не удавалось прорвать оборонительные рубежи русских между Абганерово и озером Сарпа.

22 августа немецкие войска сумели форсировать Дон и создать плацдарм у Песковатки. На рассвете следующего дня 14-й танковый корпус Витерсгейма пробил узкую брешь в обороне русских в районе Вертячего, прорвался в северные пригороды Сталинграда и к вечеру 23 августа вышел на высокий крутой берег Волги. Теперь Паулюсу и командующему группой армий «Б» Вейхсу казалось, что Сталинград находится у них в руках. Отрезанный с севера танками Витерсгейма от остальных советских войск Сталинградского фронта, гарнизон города оказался в тяжелом положении: проблема его снабжения и тем более переброски ему подкреплений казалась непреодолимой. В прорыв был введен 5-й пехотный корпус Зейдлица, и немцы полагали, что атакой с севера они быстро сомнут 62-ю армию. В тот же вечер люфтваффе получило приказ нанести нокаутующий удар.

По числу участвующих самолетов и весу сброшенных бомб воздушный налет на Сталинград в ночь с 23 на 24 августа был самой массовой операцией люфтваффе после 22 июня 1941 года. В нем приняли участие все авиакорпуса (I, IV и VIII) 4-го воздушного флота Рихтгофена вместе с имевшимися эскадрильями транспортных трехмоторных Ю-52 и дальними бомбардировщиками с аэродромов в Керчи и Орле. Многие из пилотов сделали по три вылета, и более половины сброшенных бомб были зажигательными. Почти все деревянные здания — в том числе многочисленные рабочие поселки

на окраинах Сталинграда — сгорели дотла, пожар бушевал всю ночь, и было так светло, что можно было читать газету в 70 километрах от города. Это был акт террора, предпринятый с целью убить как можно больше мирных жителей города, вывести из строя городские службы, вызвать панику, деморализовать защитников Сталинграда и устроить погребальный костер на пути отступающих войск — по примеру Варшавы, Роттердама и Белграда.

«Весь город охвачен пожаром, — с удовлетворением запишет в дневнике офицер 267-го полка 94-й дивизии Вильгельм Гоффман, — по приказу фюрера люфтваффе предало его огню. Так им, этим русским, и надо, чтобы они прекратили сопротивление...»

Но 24 августа наступило и прошло, а за ним и 25-е, дни сменяли друг друга, и стало ясно, что русские полны решимости сражаться на подступах к городу и, если потребуется, в самом Сталинграде. Витерсгейм удерживал пробитый им коридор, тянувшийся к Волге, но расширить его в южном направлении не мог. 62-я армия русских медленно отступала к городу, но закрепились на его окраинах. Огромный перевес в танках и авиации позволил Готу оттеснить 64-ю армию к Тундутово, но она продолжала обороняться, и надежды прорвать ее фронт мощным танковым ударом не сбылись.

Второе за месяц крупное наступление немцев захлебнулось, и одним из незапланированных обоими противниками последствий этого явилось то особое магнетическое притяжение, которое Сталинград станет оказывать на обе воюющие стороны. 25 августа городской комитет обороны, возглавляемый первым секретарем обкома ВКП(б), обратился к сталинградцам с воззванием о защите осажденного города:

«Дорогие товарищи! Родные сталинградцы!.. Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью». [\[117\]](#)

В этот же самый день Гитлер со своей свитой перебрался из Растенбурга в новую штаб-квартиру «Вервольф» под Винницей, где он будет находиться до конца 1942 года. Командующий группой армий «Б» Вейхс получил приказ начать новое наступление и «очистить весь правый берег Волги», как только армия Паулюса завершит подготовку.

12 сентября, за день до «последнего» штурма, оба генерала были вызваны в новую ставку фюрера, где Гитлер повторил им, что «сейчас необходимо сосредоточить все имеющиеся силы и как можно быстрее овладеть всем Сталинградом и берегом Волги». Он также заявил, что им нет необходимости беспокоиться о своем левом фланге вдоль Дона, так как переброска армий сателлитов (которые должны оборонять его) проходит организованно.

Дополнительно Гитлер выделил еще три свежие пехотные дивизии (две из расформированной 11-й армии Манштейна), которые придут в 6-ю армию в ближайшие дни. [\[118\]](#)

Примерно в это же время, когда Гитлер переехал в Винницу, Ставка Верховного Главнокомандования тоже сделала вывод, что центр военных действий необратимо сместился на юг и дальнейший ход борьбы на советско-германском фронте будет решаться в Сталинграде. Незадолго до этого маршал Тимошенко был переведен на Северо-Западный фронт, и 29 августа в район Сталинграда прилетел единственный командующий в Красной Армии, никогда не знавший поражений, генерал Г. К. Жуков, а также те авиационные и артиллерийские специалисты, вроде начальника артиллерии Красной Армии Н. И. Воронова, которые вместе с Жуковым выработали победоносный план контрнаступления под Москвой.

«Верден на Волге»

Боевые действия на советско-германском фронте содержат в себе весь спектр военной истории. Сталь холодного оружия и лихие кавалерийские атаки мало чем отличаются от сражений средних веков; лишения и страдания, испытываемые солдатами в вонючем окопе под непрерывающейся бомбардировкой, напоминают о боях первой мировой войны. Однако в целом характерной чертой сражений на Восточном фронте был их смешанный характер. Маневренные операции на открытой местности, схожие с теми, которые велись в Ливийской пустыне, чередуются с периодами ожесточенных позиционных боев, напоминающих схватки в подземельях форта Во (центральной форте Верденской крепости).

Безусловно, гигантскую битву, которая велась в Сталинграде, уместнее всего сравнить со страшной верденской «мясорубкой» Фалькенхайна.^[119] Но есть и существенная разница. В Вердене противники редко видели друг друга, они уничтожали друг друга фугасными снарядами или расстреливали пулеметным огнем на расстоянии. В Сталинграде каждая битва выливалась в схватку между отдельными лицами. Солдаты выкрикивали ругательства и издевались над противником, от которого их отделяла улица; часто, перезаряжая оружие, они слышали дыхание врага в соседней комнате; рукопашные поединки кончались в сумеречном дыму и клубах кирпичной пыли ножами и топорами, кусками камня и искореженной стали.

Вначале, когда немцы были на окраинах города, они еще могли извлекать выгоды из своего превосходства в танках и авиации. Дома здесь были деревянными, и все они сгорели во время массированного воздушного налета 23 августа.

Бои велись в гигантском окаменелом лесу из почерневших печных труб, где защитники города могли найти укрытие лишь в обуглившихся развалинах отдельных деревянных домов и рабочих поселков, опоясывавших город. Но по мере того как немцы все глубже и глубже пробивались в район канализационных труб, кирпича и бетона, их прежний оперативный план утратил свою ценность.

В тактическом плане решающее значение в обороне Сталинграда имел контроль над переправами через Волгу, от которых зависела

судьба Сталинградского гарнизона... Хотя тяжелая и средняя артиллерия русских находилась на левом берегу реки, оборонявшимся требовалось огромное количество боеприпасов для легкого стрелкового оружия и минометов, и в этом и во многих других отношениях, вплоть до эвакуации раненых, они полностью зависели от бесперебойной работы переправ. Небольшой изгиб и многочисленные островки в русле реки между Рынком и Красной Слободой затрудняли фланкирующий обстрел всех переправ, даже после установки немцами орудий на правом берегу Волги, и тем более ночью, когда в основном осуществлялись перевозки. Немцы с самого начала недооценили значение этого факта и сосредоточили свои усилия на том, чтобы пробиться к Волге сразу в нескольких пунктах через узкую полосу городской территории, обороняемой войсками 62-й армии. Каждое из трех крупных наступлений, предпринятых немцами во время осады Сталинграда, преследовало именно эти цели. В результате, даже когда немцам удавалось вклиниться в оборону русских, они застревали в паутине огневых точек и укрепленных пунктов противника, пробитые коридоры были слишком узкими, а немцы на острие клина сами оказывались в роли обороняющихся.

Таким образом, тогда как русские в ходе оборонительных боев проявили большое искусство и находчивость в выработке новых тактических приемов, Паулюс с самого начала пошел по неверному пути. Немцы были сбиты с толку ситуацией, с которой им до этого не приходилось сталкиваться в своей военной практике, и они реагировали на нее в свойственной им манере: применением грубой силы все в более и более массированных дозах.

Эта растерянность охватила как высших военачальников, так и рядовых солдат. Уже упоминавшийся Вильгельм Гоффман (ранее ликовавший в своем дневнике по поводу бомбежки Сталинграда) отразил ее в эпитетах, которыми он награждает защитников Сталинграда и в которых можно увидеть изумление и негодование, страх и жалость к себе.

1 сентября: «Неужели русские действительно собираются сражаться на самом берегу Волги? Это же безумие».

8 сентября: «...безрассудное упрямство».

11 сентября: «...фанатики».

13 сентября: «...дикие звери».

16 сентября: «Варварство... это не люди, а черти».

Затем Гоффман в течение месяца воздерживается от высказываний о характере противника, в это время записи в дневнике насыщены мрачными размышлениями о горестной судьбе товарищей по оружию и самого себя.

27 октября: «Русские — это не люди, а какие-то железные существа. Они никогда не устают и не боятся огня».

28 октября: «Каждый солдат считает себя обреченным человеком».

Когда Паулюс вернулся в свою штаб-квартиру после совещания с Гитлером 12 сентября, до начала третьего наступления оставались считанные часы. На этот раз 6-я армия собиралась бросить в бой одиннадцать дивизий, в том числе три танковых. Русские имели всего три стрелковые дивизии, отдельные части четырех других дивизий и бригад и три танковые бригады. К этому времени 14-й танковой дивизии Гота наконец 9 сентября удалось пробиться к Волге в районе Купоросное, пригороде Сталинграда, и отсечь 62-ю от 64-й армии. Таким образом, 62-я армия, оборонявшаяся на внутреннем обводе города в центральной части Сталинграда и северных заводских районах, оказалась полностью изолированной от остальных советских войск. 12 сентября вызванный в штаб фронта генерал Чуйков был назначен командующим 62-й армией и вечером этого же дня переправился на пароме в горевший город.

«Неискушенному в боях человеку, — вспоминает Чуйков, — показалось бы, что в пылающем городе уже нет места для жизни, что там все разрушено, все сгорело. Но я знал: на том берегу продолжается бой, идет титаническая борьба».^[120]

Сталинград был подвергнут круглосуточному обстрелу — вся артиллерия 6-й армии прокладывала путь для массированного наступления Паулюса. Командующий сосредоточил две ударные группировки, которые должны были взять в клещи южную часть города и замкнуть их в районе так называемой центральной переправы напротив Красной Слободы. Три пехотные дивизии — 71, 76 и 295-я — должны были наступать вниз от железнодорожной станции Гумрак, захватить центральную больницу, до Мамаева кургана. Еще более сильная группировка — 94-я пехотная дивизия и 29-я моторизованная при поддержке 14-й и 24-й танковых дивизий — наносила удар в северо-восточном направлении из шахтерского поселка Ельшанка.

Обороняющимся предстояло решать сложные задачи: необходимо было прочно удерживать фланги, примыкающие к реке. Каждый метр крутого волжского берега имел исключительную ценность для русских, вырывших в нем подземные туннели для складов боеприпасов горючего и другого снаряжения, госпиталей и даже гаражи для установленных на автомашины «катюш». Последние выезжали из своих подземных укрытий, выпускали залп ракет и укрывались снова в «пещерах» менее чем за пять минут. Северный фланг ниже Рынка был более надежным, ибо там железобетонные сооружения Тракторного завода и заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь», по существу, не поддавались уничтожению. Но на южном фланге здания не были столь прочными, местность была относительно открытой, и над грудями развалин и отдельными прогалинами выжженного бурьяна возвышалось несколько элеваторов. Тут пролегал кратчайший путь к центральной переправе — вдоль по руслу Царицы, к нервному узлу сталинградской оборонительной системы, командному пункту генерала Чуйкова, который находился в блиндаже-туннеле, так называемом «царицынском подземелье», сооруженном на берегу около моста на Пушкинской улице.

К вечеру 14 сентября наступавшие на центральную часть города немецкие войска прорвали оборону и продвинулись к Мамаеву кургану и Центральному вокзалу. Чтобы ликвидировать прорыв, Чуйков перебросил из своего небольшого резерва — тяжелой танковой бригады (19 танков), находившейся в южной части Сталинграда, которая также подверглась сильным атакам противника, — один танковый батальон. В бой были втянуты также группа штабных работников и рота охраны командного пункта армии. Просочившиеся немецкие автоматчики находились в нескольких сотнях метров от «царицынского подземелья», установленные немцами в домах крупнокалиберные пулеметы обстреливали Волгу и центральную переправу. Создалась угроза, что до подхода обещанного Чуйкову подкрепления — сильной 13-й гвардейской дивизии генерала А. И. Родимцева (который приобрел опыт городских сражений еще на улицах Мадрида в 1936 году) — противник рассечет 62-ю армию пополам и выйдет к центральной переправе.

В этот период боев немецкая тактика, хотя и шаблонная и приводившая к крупным потерям среди наступавших, позволяла им

прогрызать тонкую линию растянутой до предела обороны 62-й армии. Немцы использовали «пакеты» из трех-четырех танков, поддерживаемых ротой пехоты. Поскольку оборонявшиеся в домах русские не открывали огонь по одним танкам, пропуская их в глубь оборонительных порядков, где они оказывались в зоне огня противотанковых орудий и укрытых «тридцатьчетверок», немцам, как правило, приходилось посылать вперед пехотинцев, чтобы выявить огневые точки русских. Как только немцы засекали их, танки, прикрывая друг друга, в упор всаживали снаряд за снарядом в здание, пока оно не превращалось в развалины. Там, где дома были высокими и прочными, операции по их захвату принимали и затяжной, и сложный характер. Танки неохотно углублялись в узкие улицы, где они становились легкой добычей бронебойщиков или брошенной сверху на тонкую броню гранаты. Поэтому в каждую такую группу приходилось включать несколько огнеметчиков, чтобы струей огня сжечь дом и выкурить из него обороняющихся.

В первые дни сентябрьского наступления немцы имели почти трехкратное превосходство в людях и артиллерии и шестикратное — в танках, а немецкая авиация господствовала в воздухе. Период с 13 по 23 сентября, когда 6-я армия была относительно свежей, а у русских оборонялись остатки частей, измотанных в предыдущих боях, был самым опасным для Сталинграда.

В ночь на 15 сентября положение обороняющихся настолько ухудшилось, что переправившуюся дивизию Родимцева пришлось бросать в бой побатальонно, как только бойцы сходили с паромов и лодок. В результате свежие части, не успев осмотреться и закрепиться, вступали в жестокие бои, и многие из них на рассвете оказывались среди немецких частей, в развалинах домов. Но даже в этих тяжелых условиях мужество русских солдат, сражавшихся до последнего патрона, сыграло свою роль в срыве немецкого наступления.

К 24 сентября обе стороны истощили свои силы, и бои в центре города стали затухать. Немцам удалось продвинуться по руслу реки Царицы к Волге и установить орудия в нескольких метрах от центральной пристани. Они также овладели районом жилых домов позади Центрального вокзала, между рекой Царицей и Крутым оврагом. Чуйков был вынужден перенести свой командный пункт на берег Волги восточнее Мамаева кургана. С потерей центральной

пристани защитники Сталинграда зависели теперь от переправ, действовавших в северной части города в районе заводов.

На этой стадии битвы немцы были близки к тому, чтобы овладеть всей южной частью города вплоть до Крутого оврага, так как к югу от реки Царицы оборонялись лишь части двух бригад. Но продвижение дивизий Гота сдерживали отдельные изолированные очаги сопротивления, с которыми немцам не удалось справиться во время их первого танкового удара 13 и 14 сентября. Один из главных очагов сопротивления находился в районе элеваторов, и о борьбе за один такой элеватор рассказывается в сохранившихся воспоминаниях непосредственных участников боя. Вот выдержки из дневника немецкого солдата:

«16 сентября. Наш батальон вместе с танками атакует элеватор, из которого валит дым — горит пшеница. Говорят, русские сами подожгли ее. Батальон несет тяжелые потери. В ротах осталось по 60 человек. В элеваторе сражаются не люди, а дьяволы, которых не берет ни пуля, ни огонь.

18 сентября. Бои идут в самом элеваторе. Русские внутри него обречены. Наш батальонный командир говорит, что комиссары приказали этим людям сражаться в элеваторе до конца.

Если все здания в Сталинграде будут обороняться, как это, ни один из наших солдат не вернется домой.

20 сентября. Битва за элеватор продолжается. Русские ведут огонь со всех сторон. Мы сидим в подвале, выбраться на улицу нельзя. Старший сержант Нушке был убит, когда перебежал улицу. Бедняга, у него трое детей.

22 сентября. Сопротивление русских в элеваторе сломлено. Наши войска продвигаются к Волге. В элеваторе мы нашли трупы сорока убитых русских. Половина из них в военно-морской форме — морские дьяволы. В плен взяли только одного тяжелораненого, который не может говорить — или притворяется».

Этим «тяжелораненым» был командир пулеметного взвода 92-й морской стрелковой бригады Андрей Хозяинов, и его рассказ, приведенный в мемуарах генерала Чуйкова,^[121] создает впечатляющую картину боев на улицах Сталинграда, где личная храбрость и стойкость горстки солдат и младших командиров, часто утративших

связь со своим командованием и считающихся погибшими, оказывали влияние на весь ход сражения.

Немецкое наступление, начавшееся столь блестяще и за несколько коротких недель подтвердившее способность вермахта заставить весь мир затаить дыхание, раздвинуло границы завоеваний рейха до их высшего предела. Однако было очевидным, что сейчас оно прочно застопорилось. На протяжении почти двух месяцев штабные карты оставались без изменений.

Министерство пропаганды утверждало, что ведется «величайшая битва на истощение из всех, которые когда-либо видел мир», и ежедневно публиковало цифры, которые показывали, как истекают кровью советские армии. Но верили ли этому немцы или нет, положение дел было совсем иным. Не Красная Армия, а немецкое командование было вынуждено неоднократно повышать ставки.

С тем же хладнокровием, которое отличало его отказ ввести в бой сибирские резервные дивизии, пока исход битвы под Москвой не стал очевидным, Жуков свел посылаемые 62-й армии подкрепления до минимума. За два критических месяца — с 1 сентября по 1 ноября — только пять дивизий были переправлены через Волгу — едва достаточно для покрытия потерь. Однако в этот же самый период из призывников, новой материальной части, кадрового костяка из опытных офицеров и закаленных младших командиров было сформировано 27 новых стрелковых дивизий и 19 танковых бригад. Все они были сосредоточены в районе между Поворино и Саратовом, где завершили учебно-боевую подготовку, а затем некоторые из них были на непродолжительный срок переброшены на центральный участок фронта для приобретения боевого опыта. Таким образом, в то время как немецкое командование постепенно изматывало и обескровливало все свои дивизии, Красная Армия создавала мощные резервы живой силы и танков.

К чувству горечи, что приходится остановиться в нескольких шагах (как казалось немцам) от «полной победы», вскоре стало примешиваться предчувствие беды, которое усиливалось по мере того, как недели сменяли одна другую, а 6-я армия оставалась все на той же позиции.

В то время как настроение немецких солдат колебалось от лихорадочного оптимизма до депрессии, обстановку в высших

эшелонах немецкого командования оживляли взаимные упреки и личные распри.

Первыми были смещены два генерала танковых войск — Витерсгейм и Шведлер. Суть их претензий состояла в том, что танковые дивизии тратят себя в операциях, к которым они совершенно не приспособлены и что после еще нескольких недель уличных боев они не будут в состоянии выполнять свои основные задачи — вести боевые действия против вражеских танков в маневренных сражениях. Однако правила военного протокола не разрешают даже заслуженным командирам корпусов выступать с критикой широких стратегических принципов, и каждый из них предпочел высказывать жалобы по более узким вопросам тактики.

Генерал фон Витерсгейм командовал 14-м танковым корпусом, который первым из немецких частей вышел к Волге в районе Рынка в августе 1942 года. Витерсгейм намекнул Паулюсу, что потери от огня русской артиллерии с обеих сторон коридора в секторе Рынка столь неблагоприятно сказываются на его танковых дивизиях, что их следует отвести назад и поручить пехоте удерживать коридор. Он был смещен с поста, отправлен в Германию и закончил свою военную карьеру в качестве рядового фольксштурма в Померании в 1945 году.

Дело генерала фон Шведлера, командира 4-го танкового корпуса, интересно тем, что он был первым генералом, предупредившим об опасностях сосредоточения всех танков на острие захлебнувшегося главного удара и уязвимости флангов для атаки русских. Но осенью 1942 года мысль о русском наступлении считалась «пораженческой», и Шведлера также уволили со службы.

Следующей (9 сентября) покатила голова генерал-фельдмаршала Листа, командующего группой армий «А».

После быстрого броска через Кубань и выхода 1-й танковой армии Клейста к Моздоку в конце августа немецкое наступление застопорилось, и линия фронта, проходившая по реке Терек и Главному Кавказскому хребту, стабилизировалась. Соппротивление советских войск возросло, к тому же 8-й авиакорпус Рихтгофена был переброшен в район Сталинграда.

В результате первоначальный план захвата нефтяных районов претерпел изменения. ОКВ приказало Листу наступать через перевалы в западной части Главного Кавказского хребта и овладеть Туапсе и

Черноморским побережьем Кавказа вплоть до турецкой границы. Подкрепления, включая три альпийские дивизии, которые весьмагодились бы Клейсту, были переданы 17-й армии. Но, несмотря на это, прорвать оборону русских войск Листу не удалось. В сентябре генерал-полковник Йодль был направлен в качестве представителя ОКВ в штаб-квартиру Листа, чтобы выразить «недовольство фюрера» и попытаться добиться более активных действий.

Но Йодль вернулся с неутешительными новостями, что «Лист действовал, пунктуально соблюдая приказы Гитлера, но русские повсюду оказывали сильное сопротивление, используя сложный рельеф местности».

В ответ на упреки Гитлера Йодль (в первый и последний раз) сослался на то, «что фюрер своими приказами вынудил Листа наступать на очень растянутом фронте».

Последовала «бурная сцена», и Йодль впал в немилость.

«После этого Гитлер полностью изменил привычный распорядок дня. Он перестал посещать столовую, где ранее ежедневно обедал и ужинал вместе с остальными генералами. Почти не покидал днем свои апартаменты, даже перестал присутствовать на ежедневных обзорах обстановки на фронтах, которые с этого момента докладывались ему в его кабинете в присутствии строго ограниченного круга лиц. Он демонстративно отказывался обмениваться рукопожатиями с генералами ОКВ и отдал приказ о замене Йодля другим офицером».

[\[122\]](#)

Йодль так и не был заменен и, усвоив полученный урок, вскоре вновь завоевал расположение Гитлера. Тем не менее возможность его замены «другим офицером», как мы вскоре увидим, имела определенные последствия.

К этому времени отношения между Гитлером и Гальдером значительно ухудшились, и 24 сентября Гальдер был отстранен от должности начальника штаба сухопутных войск, а его место занял генерал-полковник Курт Цейтцлер.

Смещение Гальдера представляет особый интерес для историков, изучающих вторую мировую войну, из-за перемен, которые были внесены в процедуру проведения ежедневных совещаний у Гитлера. Эти совещания превратились в главный орган руководства военными, операциями и принятия приказов и директив. Окончательным шагом

по закреплению их ключевой роли деле стратегического и тактического руководства войной было учреждение «службы стенографии», которая прилежно записывала буквально каждое высказывание Гитлера и других участников совещаний. Часть этих стенограмм сохранилась, и они представляют огромную документальную ценность с точки зрения изучения того, что происходило в ставке фюрера.

Наибольшую выгоду из этой перетасовки извлек главный адъютант фюрера генерал Шмундт, преданный Гитлеру нацист, назначенный на влиятельный пост начальника управления кадров сухопутных войск.

Вскоре после назначения Шмундт прилетел в штаб-квартиру Паулюса, где командующий 6-й армией сразу же начал сетовать на состояние войск, нехватку снаряжения, мощь русского сопротивления, опасность истощения сил 6-й армии и далее в том же духе.

У Шмундта, однако, был припасен неотразимый для любого недовольного командира ответ. После вступительных фраз о желании фюрера, чтобы Сталинградская операция «была доведена до успешного завершения», он сообщил восхитительную новость. Тот «другой офицер», которого прочат на пост начальника штаба оперативного руководства ОКБ, — это не кто иной, как сам Паулюс! Правда, пока что смещение Йодля не утверждено, но Паулюс «определенно намечен» для выдвижения на более высокий пост, а место командующего 6-й армией займет генерал фон Зейдлиц.

Паулюс, возможно, был неплохим штабным офицером; как фронтовой командир он недостаточно быстро оценивал обстановку и мыслил шаблонно. Но, судя по его карьере, он хорошо понимал значение источников власти и знал, как держать нос по ветру. Услышав от Шмундта об открывающихся перспективах, Паулюс с особым энтузиазмом взялся за подготовку очередного, четвертого наступления.

* * *

На этот раз Паулюс решил нанести главный удар по наиболее сильному участку обороны противника — территории крупных заводов — Тракторного, «Баррикады», «Красный Октябрь» в северной части Сталинграда в нескольких сотнях метров от берега Волги. Начавшееся 14 октября новое наступление немцев привело к самому затяжному и наиболее ожесточенному сражению в этом разрушенном

городе. Оно бушевало почти три недели. Паулюс усилил свои войска рядом специализированных частей, в том числе полицейскими батальонами и саперными отрядами, имеющими опыт уличных боев и подрывных работ. Но русские, несмотря на огромный численный перевес противника,^[123] превосходили немцев в тактике боев за каждый дом. Они усовершенствовали практику использования «штурмовых групп» — небольших отрядов солдат, вооруженных легкими и тяжелыми пулеметами, автоматами, гранатами, противотанковыми ружьями, которые поддерживали друг друга стремительными контратаками, выработали тактику создания «зон смерти» — густо заминированных домов и площадей, к которым оборонявшаяся сторона знала все доступы и в которые надлежало канализировать немецкое наступление.

Практика научила нас, писал Чуйков, что «успех в значительной мере основан на скрытом сближении с противником».

«...Двигайся ползком, используя воронки и развалины; рой ночью траншеи, на день маскируй их; накапливайся для броска в атаку скрытно, без шума; автомат бери на шею; захвати 10–12 гранат — тогда время и внезапность будут на твоей стороне.

...Врывайся в дом вдвоем — ты да граната, оба будьте одеты легко — ты без вещевого мешка, граната без рубашки; врывайся так: граната впереди, а ты за ней; проходи весь дом опять же с гранатой — граната впереди, а ты следом».

Внутри дома «вступает в силу неумолимое правило: успевай поворачиваться! На каждом шагу бойца подстерегает опасность. Не беда — в каждый угол комнаты гранату, и вперед! Очередь из автомата по остаткам потолка; мало — гранату, и опять вперед! Другая комната — гранату! Поворот — еще гранату! Прочесывай автоматом! И не медли!

Уже внутри самого объекта противник может перейти в контратаку. Не бойся! Ты уже взял инициативу, она в твоих руках. Действуй злее гранатой, автоматом, ножом и лопатой! Бой внутри дома бешеный. Поэтому всегда будь готов к неожиданностям. Не зевай!»^[124]

Медленно, неся колоссальные потери, немцы прокладывали себе путь по территории заводов, мимо мертвых станков и машин, через литейные, монтажные цехи и конторы. «Боже, почему ты покинул

нас? — писал лейтенант 24-й танковой дивизии. — Мы сражались пятнадцать дней за один дом, используя минометы, гранаты, пулеметы и штыки. Уже на третий день в подвалах на лестничных клетках и лестницах валялись трупы 54 убитых немцев. “Линия фронта” проходит по коридору, разделяющему сгоревшие комнаты, по потолку между двумя этажами. Подкрепления подтягиваются из соседних домов по пожарным лестницам и дымоходам. С утра до ночи идет непрерывная борьба. С этажа на этаж, с почерневшими от копоти лицами, мы забрасываем друг друга гранатами в грохоте взрывов, клубах пыли и дыма, среди куч цемента, луж крови, обломков мебели и частей человеческих тел. Спросите любого солдата, что означает полчаса рукопашной схватки в таком бою. И представьте себе Сталинград. 80 дней и 80 ночей рукопашных боев. Длина улицы измеряется теперь не метрами, а трупами...»

Погребение 6-й армии

К концу октября русские позиции в Сталинграде представляли собой несколько очагов сопротивления среди каменных развалин на правом берегу Волги, глубина которых редко превышала 300 метров. Тракторный завод был в руках немцев, которые усеяли мертвецами каждый метр заводской территории. «Баррикады» были наполовину захвачены немцами, сидевшими на одной стороне литейного цеха против пулеметов русских, укрытых в потухших мартеновских печах, на другой. Оборонительные позиции русских на территории завода «Красный Октябрь» оказались расколоты на три части.

Но эти последние островки сопротивления, закаленные в горниле непрекращающихся атак, были неистребимы. 6-я армия выдохлась, она была так же истощена и измотана боями, как английские дивизии Хейга^[125] в битве при Пасшенделе четверть века тому назад, и с чисто военной точки зрения идея еще одного наступления в городе была бессмысленна.

Очевидной аргументации в пользу немедленного отвода немецких войск на «зимние позиции» можно было противопоставить в целом убедительный для солдат довод об известном «уроке» Ватерлоо и битвы на Марне: «исход сражения решает последний батальон». Немцы, видевшие, как их силы тают в пекле боев неделя за неделей, отказывались верить, что русские не несут потери в таких же пропорциях.

Для многих из них, и особенно для Гитлера, сравнение Сталинграда с Верденом было неотразимым. Когда какой-то пункт на военной карте обретает символическое значение, его потеря может сломить волю обороняющихся независимо от его стратегической ценности. В 1916 году «мясорубка» генерала Фалькенхайна была остановлена тогда, когда еще один месяц боев привел бы к уничтожению всей французской армии. В Сталинграде на карту была поставлена не только воля русских к борьбе, но и оценка всеми другими странами мира военной мощи Германии. Отвод войск с поля боя был бы равнозначен признанию поражения, которое, хотя, возможно, и было бы приемлемым для бесстрастного и расчетливого

профессионального военного ума, было немыслимым с точки зрения германской «мировой политики».

Большинство штабных офицеров группы армий «Б» по-прежнему были заняты подготовкой «последнего штурма» Сталинграда. Рихтгофен пишет, что даже новый начальник генерального штаба ОКХ Цейтцлер считал, что «если мы не сможем довести дело до конца сейчас, когда русские находятся в исключительно трудном положении, а Волга блокирована ледоставом, то никогда уже не сумеем добиться этого». Это мнение начальника штаба ОКХ наверняка бы изменилось, знай он, что русские, вопреки его суждению об их «тяжелом положении», сосредоточили более 500 тысяч солдат, около 900 новых танков, 230 артиллерийских полков и 115 дивизионов реактивных минометов на фронте атаки протяженностью менее 60 километров — самая высокая концентрация живой силы и огневой мощи с начала Восточной кампании.

В то время как 6-я армия собирала силы для решающей атаки на позиции русских в развалинах Сталинграда а на ее флангах советские армии в соответствии с планом Г. К. Жукова скрытно занимали исходные рубежи, странная тишина временами опускалась на казавшийся вымершим город.

Поскольку каждая из сторон постоянно пыталась улучшить свои тактические позиции, местные схватки на уровне рот круглосуточно вспыхивали то на одном, то на другом участке фронта. Немецкий танк выползал из-за угла, медленно разворачивался и осторожно полз к удерживаемым русскими островам зданий: люки наглухо задраены, танкисты нервничают в ожидании боя. Затаившиеся советские бойцы напряженно следят за танком, выжидая появления остальных немецких сил. Второй танк появляется на углу улицы, останавливается, его башня с орудием постепенно поворачивается, прикрывая первый ползущий танк. Внезапно сгустившуюся тишину разрывает грохот взрыва — советская 76,2-мм дивизионная пушка в восточном конце улицы открывает огонь. Первый снаряд летит мимо цели. Мгновенно вся сцена оживает в сумятице и шуме боя. Немецкий танк отчаянно пятится назад, второй, прикрывающий его, тут же выпускает снаряд, затем другой, третий по замаскированному советскому орудью, одновременно взвод немецких пехотинцев, вооруженных автоматами и гранатами, поднимается из своих укрытий

— узких траншей, воронок, груд щебня и обломков, — куда они приползли, и открывает лихорадочную пальбу по советскому противотанковому оружию. В свою очередь советские снайперы и стрелки, скрывавшиеся за карнизами разрушенных домов, остатками балконов и лестничных проемов, «снимают» их одного за другим. Если схватка не перерастает в более крупный бой, с привлечением все более и более тяжелого оружия, то вскоре она затухает; только стонущие от боли раненые остаются лежать там, где их застигла пуля, в ожидании ночи.

Эти «тихие дни» принадлежали снайперам. В искусстве меткой стрельбы пальма первенства принадлежала русским. Особенно опытные снайперы вскоре становились известными не только среди своих войск, но и у противника, и русское превосходство стало столь ощутимым, что начальник снайперской школы в Цоссене штандартенфюрер СС Гейнц Торвальд был командирован в Сталинград, чтобы выправить положение. Один из лучших советских снайперов получил задание выследить одного из таких немецких асов и оставил подробный рассказ об этом поединке. [\[126\]](#)

Для своего последнего наступления 6-я армия пересмотрела тактику и организацию. Танковые дивизии фактически уже утратили свою структуру, поскольку входившие в них танки были поделены на мелкие группы для поддержки пехоты. В город по воздуху перебросили еще четыре саперных батальона, которые намечалось использовать в качестве головных эшелонов четырех ударных групп, призванных завершить расчленение позиций обороняющихся. Последние «гнезда» сопротивления затем предполагалось «пульверизировать» массированным огнем артиллерии. К старой расточительной тактике овладения одного здания за другим, при которой для захвата одного дома с его лестницами, балконами, чердаками могла потребоваться целая рота, прибегали лишь в крайних случаях. По обе стороны линии фронта пехота зарылась в землю: подвалы, канализационные шахты, туннели, подкопы, крытые траншеи — таковы были контуры поля боя. Лишь танки, за которыми внимательно следили укрывшиеся в своих норах снайперы, медленно ползали по поверхности земли.

Наступление Паулюса, начавшееся 11 ноября, было таким же ошибочным и безнадежным, как последнее зимнее наступление

группы армий «Центр» под Москвой за год до этого. Через 48 часов оно свелось к серии ожесточенных рукопашных подземных схваток, не поддающихся какому-либо централизованному руководству. Небольшим группам немцев удалось преодолеть последние отделявшие их от Волги три сотни метров, но, достигнув реки, они оказались окруженными русскими, перерезавшими узкие коридоры, проложенные этими немецкими отрядами. В течение еще четырех дней между этими изолированными группами то вспыхивали, то затухали отчаянные яростные схватки. Пленных не брали, и у сражавшихся было мало надежды на то, что они выживут.

К 18 ноября из-за истощения сил и нехватки боеприпасов наступило вынужденное затишье. В течение ночи пулеметно-ружейная стрельба и глухие разрывы минометных мин затихли, и стороны начали подбирать раненых. Затем, когда рассвет осветил облака дыма, над затухавшими углями Сталинградской битвы прокатился новый и ужасный звук — громоподобный рев двух тысяч орудий генерал-полковника Воронова,^[127] открывших огонь к северу от Сталинграда. И каждый услышавший его немец знал, что он предвещает нечто такое, с чем никогда раньше не сталкивалась немецкая армия.

В 9.30 утра 20 ноября к этому грохоту канонады добавился гул орудий Ф. И. Толбухина, Н. И. Труфанова и М. С. Шумилова, армии которых перешли в атаку к югу от Сталинграда, и масштабы контрнаступления Красной Армии в сочетании с угрозой, которую оно создавало для всей позиции немцев, начали доходить до сознания офицеров 6-й армии Паулюса.

В течение трех дней — с 19 по 22 ноября — фронт румынских и немецких войск на севере был прорван на протяжении 80 километров, а на юге — на 55 километров. В прорыв хлынули шесть советских армий, подавляя уцелевшие островки сопротивления и жалкие попытки контратак частей полковника Симонса и поредевшего 48-го танкового корпуса. Штаб 6-й армии провел две бессонные ночи, лихорадочно пытаясь перегруппировать бесценные танковые части и отвести пехоту из дымящихся развалин Сталинграда для защиты рушащихся флангов. В тылу армии Паулюса царила полнейшая неразбериха, железная дорога к западу от города Калач была в нескольких местах перерезана советской кавалерией; звуки стрельбы доносились со всех сторон, время от времени вспыхивала перестрелка

между немцами,двигающимися к линии фронта, и группами отступающих в беспорядке румын. Широкий мост через Дон северозападнее Калача, через который перевозился каждый фунт провианта и каждый патрон для 6-й армии Паулюса был подготовлен для взрыва и непрерывно охранялся взводом саперов, ожидавших возможного приказа о его уничтожении.

За несколько часов до рассвета саперы услышали шум танковой колонны, подходившей с запада. Командовавший взводом лейтенант вначале думал, что это могут быть русские, но успокоился, решив, что это возвращается немецкая учебная часть. Танки проскочили мост, из грузовиков выпрыгнули русские солдаты, которые перестреляли из автоматов большую часть взвода, а оставшихся в живых взяли в плен. Солдаты разминировали мост, и советские танки двинулись на юго-восток, к городу Калач. К вечеру 23 ноября наступавшие с севера советские танкисты встретились с 36-й бригадой 4-го механизированного корпуса, подошедшего с юго-востока. Первое тонкое звено в цепи, которая должна была задушить четверть миллиона немецких солдат, было выковано, и поворотный момент второй мировой войны наступил.

Когда танки 4-го танкового корпуса, захватив город Калач, соединились с подошедшими с юга войсками Сталинградского фронта, успех русских имел гораздо большее значение, чем даже великолепная победа, которую сулило окружение 6-й армии. Ибо этот блестящий удар знаменовал собой во всех своих аспектах — в выборе момента, сосредоточении сил, форме использования слабостей в расположении войск противника — полное и окончательное изменение стратегического соотношения сил между Советским Союзом и гитлеровской Германией. С этого момента инициатива перешла к Красной Армии, и, хотя немцы неоднократно будут пытаться изменить это положение, их усилия будут иметь не более чем тактическое значение. С ноября 1942 года и впредь немецкие вооруженные силы на Востоке будут, как правило, находиться в обороне.

Разгром под Сталинградом потряс всю Германию, и это потрясение из гущи немецкого народа эхом докатилось до верховного командования германских вооруженных сил. Сознание неизбежного поражения, хотя до фактического проигрыша войны было еще далеко, разрасталось как гигантская тень.

Уильям Крейг

Катастрофа на Волге^[128]

В феврале 1943 года окруженная в Сталинграде 6-я немецкая армия капитулировала, и американские газеты на своих страницах публиковали многочисленные фотоснимки об этой блестящей победе русских войск.

Мое воображение поразила тогда одна из фотографий взятого в плен генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса: изможденное, изрезанное глубокими морщинами лицо, глаза, говорившие о пережитых им кошмарах. Этот некогда гордый и самоуверенный немецкий офицер был сломленным человеком.

Фотография надолго врезалась в память.

За прошедшие с той поры десятилетия в Советском Союзе и в Западной Германии появилась масса книг о Сталинградской битве. Русские с гордостью писали об этой грандиозной победе. Западные немцы так и не захотели отдать должное Красной Армии за ее упорную оборону Сталинграда и блестящее контрнаступление, завершившееся разгромом одной из отборных армий мира.

Я стал писателем и историком и, по-прежнему находясь в плену воспоминаний о той фотографии побежденного Паулюса, задался целью досконально изучить, что же произошло в Сталинграде. Чтобы справиться с поставленной перед собой задачей, мне надо было изучить официальные отчеты и документы частей и соединений — как советских, так и Германии и ее сателлитов, — участвовавших в этой битве, посетить поле боя и пройти по тем местам, где погибло столько людей; отыскать уцелевших участников боев — русских, немцев, итальянцев, румын и венгров, услышать их рассказы; просмотреть их дневники, фотографии и письма. Задача была не из легких.

Итак, я отправился в Волгоград. Приезжий, случайно оказавшийся в этом городе, обнаружит, что Волгоград вновь стал промышленным гигантом Советского Союза. Его широкие бульвары украшают цветочные клумбы. Растянувшиеся на многие мили кварталы ослепительно белых жилых домов напоминают уютные оазисы среди деловито шумящих фабрик и заводов. В центре города на улицах —

толпы спешащих горожан. Около перекрестка группа прохожих обступила и разглядывает легковую автомашину новой марки. Вечерами по набережной прогуливаются парочки, любующиеся огнями проплывающих по Волге пароходов и барж. Место столь мирное, что почти невозможно представить себе ту титаническую битву, которую когда-то вели здесь русские и немцы.

Но кое-что все же напоминает об этой ожесточенной схватке. На бетонной стене элеваторной башни видны пулевые отметины. На здании универмага висит мемориальная доска, рассказывающая о том, что тут в 1943 году капитулировала 6-я немецкая армия. Дальше, к северу, другая прикрепленная к жилому дому мемориальная доска^[129] повествует о 58-дневных боях за это здание осенью 1942 года. Когда я стоял и читал надпись, по заросшему травой двору, когда-то усеянному минами и трупами павших солдат, пробежала стайка детей.

Лишь на Мамаевом кургане, в центральной части города, начинаешь постигать все грандиозное величие того, что происходило здесь. Поднимаясь на вершину кургана, я прошел сквозь строй скульптурных барельефов, напоминающих о триумфе советских войск: скульптура Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова — человека, которого с полным основанием можно назвать «спасителем Сталинграда»; женщина, обнимающая умирающего мальчика; солдаты, ведущие огонь по врагу, пытающемуся сбросить их в Волгу. На вершине кургана, закинув голову, я изумленно глядел на 52-метровую скульптуру Родины-Матери. С ее плеч свисает шаль, в правой руке — меч. Лицо искажено — она кричит, призывая своих соотечественников к победе. В круглой ротонде у подножия скульптуры — Зале Воинской славы — находится братская могила, где покоятся останки 10 тысяч ее сынов, павших на поле брани. Их имена начертаны на внутренних стенах Зала. Лишь траурная музыка нарушает их вечный покой. В центре Зала гордо высится гигантская рука со сжатым в кулаке пылающим факелом Вечного огня.

С балкона посетители, затаив дыхание, смотрят вниз на братскую могилу. Все молчат. Мертвая тишина провожает их, когда они выходят из Зала наружу, где залитый ярким солнцем Волгоград живет своей новой кипучей жизнью. Окопы засыпаны землей, колючая проволока убрана со склонов холма, все поржавевшие танки и пушки увезены. Не сохранилось и следов могил погибших на кургане немецких солдат.

Почти все физические шрамы той ужасной войны стерлись. Но душевные раны не закрылись, и во многих странах мира мужчины и женщины, которые были в Сталинграде в 1942 году, до сих пор с содроганием вспоминают те страшные дни.

Поразительная победа над 6-й немецкой армией в Сталинграде вызвала небывалый подъем среди советских людей. Воодушевленные этим блестящим триумфом над «нацистскими суперменами», советские труженики в тылу и бойцы на фронте готовились к стоявшей перед ними трудной задаче освобождения Родины. И хотя окончательный разгром «третьего рейха» потребует еще длительной и кровопролитной борьбы, русские уже никогда больше не усомнятся в своей победе. После Сталинграда они решительно двинутся на запад, к Берлину, и следы их тернистого пути в центр Германии до сих пор видны на карте Европы. Для Советского Союза дорога к его нынешнему положению одной из двух величайших мировых держав ведет от этого города на Волге, где, по образному выражению Черчилля, начался «поворот судьбы...».

Для немцев Сталинград был самым трагическим событием второй мировой войны. Никогда раньше ни одна из их отборных армий не терпела столь сокрушительного поражения на поле брани. Никогда раньше столько немецких солдат не исчезало без следа в бескрайних просторах чужой страны. Сталинград был цепенящей ум катастрофой для нации, считавшей себя расой господ. Пессимизм, словно инфекция, начал проникать в души тех, кто еще недавно на гитлеровских сборищах шумно скандировал: «Зиг хайль! Зиг хайль!», и миф о гениальности фюрера постепенно развеялся под воздействием суровой реальности Сталинграда. В конфиденциальных беседах люди, ранее испытывавшие чрезмерную робость перед нацистским режимом, начали составлять конкретные планы по его свержению. Сталинград был началом конца «третьего рейха».

После четырех лет напряженного исследования Сталинградской битвы с привлечением источников обеих воевавших сторон я обнаружил, что с течением времени акценты в ее описании сместились — как это вообще присуще истории. Так, успешное наступление немцев к Волге летом 1942 года поблекло при сравнении с самоотверженной обороной русскими Сталинграда. И еще одно: на меня лично наиболее тяжелое впечатление произвело постепенное

физическое и моральное разложение немецких солдат и офицеров после того, как они поняли, что обречены на гибель.

* * *

В глубине соснового бора, неподалеку от украинского города Винницы, в 800 километрах к западу от передовой линии немецких войск на Дону, Адольф Гитлер поднялся на крыльцо бревенчатого дома и вошел в скупобставленную комнату, предназначенную для совещаний. Усевшись на металлический стул спиной к окну во главе стола с разложенными картами, Гитлер внимательно выслушал последние разведывательные и оперативные сводки, которые доложил ему начальник генерального штаба сухопутных войск, педантичный, с аккуратно подстриженными усиками генерал-полковник Франц Гальдер.

Зимняя кампания в России обескровила вермахт. Почти 800 тысяч солдат и офицеров — примерно 80 дивизий — уже были погребены в русской земле. Большинство дивизий имело лишь 50 процентов штатного состава. И хотя около миллиона советских граждан умерли от голода в осажденном Ленинграде в течение кошмарной зимы 1941 года, город продолжал жить и бороться. Москва по-прежнему оставалась политическим и военным центром Советского Союза, а нефтяные вышки Кавказа, как и раньше, обеспечивали советскую военную машину необходимым горючим.

Придавая исключительно важное значение нефти как основе экономики промышленно развитого государства, Гитлер подготовил план летней наступательной операции под кодовым названием «Блау». Одна из основных целей ее состояла в том, чтобы лишить Россию кавказской нефти и тем самым подорвать ее способность вести современную механизированную войну.

Перед началом наступления 1 июня Гитлер прилетел в Полтаву и, окруженный своими генералами, среди которых находился командующий 6-й армией генерал-полковник Паулюс, буквально загипнотизировал присутствующих своим блестящим ораторским искусством. Как и следовало ожидать, генералы не выдвинули никаких возражений против предложенного им оперативного плана, который полностью игнорировал нехватку у немцев живой силы и техники и делал упор на «катастрофическое положение» Красной Армии.

Операция «Блау» началась 28 июня 1942 года, когда 4-я танковая армия Гота перешла в наступление на Воронеж. Два дня спустя к ней присоединилась 6-я армия Паулюса. Советские войска отступали. Но когда немецкие танки ворвались в Воронеж, советское командование подбросило туда подкрепления и навязало немцам тяжелые уличные бои. Вскоре солдаты 4-й танковой армии стали называть Воронеж «проклятым местом». Гитлер был разъярен: главные силы противника, которые он рассчитывал окружить, выскользнули из клещей и отходили на юго-восток по длинному коридору между Доном и Северским Донцом. Гитлер требовал от командующего группой армий «Б» генерал-фельдмаршала фон Бока перехватить их, тот пытался, но безуспешно.

23 июля немцы захватили Ростов. К вечеру 5 августа в ставку Гитлера «Вервольф», под Винницей, стали поступать сообщения, что двигавшаяся через степи к Сталинграду 6-я армия вот-вот сомкнет кольцо окружения вокруг двух советских армий в большой излучине Дона. 2 августа 4-я танковая армия захватила Котельниково — важный железнодорожный узел в 120 километрах юго-западнее Сталинграда. Танковые дивизии Гота изготовились к быстрому броску к Сталинграду и Волге.

5 августа вечером за обедом Гитлер находился в приподнятом настроении: его стратегия оправдалась. Он сообщил всем присутствующим, что Советский Союз стоит на грани краха.

После многодневных ожесточенных боев в излучине Дона 23 августа 14-й танковый корпус переправился ночью через Дон, прорвался в район Вертячего и, рассекая оборонительные порядки русских, вышел к Волге в районе поселка Рынок. Сталинград оказался отрезанным от советских войск, находившихся к северу от него.

Через несколько дней в районе Абганерово 4-я танковая армия Гота прорвала оборону русских и устремилась на север навстречу немецким дивизиям 6-й армии. 2 сентября армии Гота и Паулюса встретились к западу от Сталинграда, но оборонявшиеся в излучине советские войска успели выйти из грозившего им окружения.

* * *

Поздно вечером 27 августа военно-штабная автомашина въехала с запада в Москву и помчалась по затемненным улицам к Кремлю. В

машине сидел командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков, коренастый, сорокашестилетний сын крестьянина. Кризисные ситуации не были ему в новинку. Еще в 1939 году ему пришлось срочно организовать отпор вторгнувшимся в Монголию в районе реки Халхин-Гол японским войскам. Жуков одержал блестящую победу над прославленной Квантунской армией, и этот триумф обеспечил ему дальнейшее быстрое продвижение по службе. В 1941 году, когда немецкие танковые дивизии блокировали Ленинград, Сталин направил его в осажденный город, чтобы возглавить его оборону. Принятые Жуковым энергичные меры по укреплению обороны города помогли ленинградцам мобилизовать свои усилия и отразить натиск врага.

Затем Жуков вновь оказался в горниле решающей битвы, на этот раз под Москвой, где немецкие танки, прорвав фронт, приближались к столице. Жуков лично инспектировал передовые позиции, собирал и спланировал отступавшие советские дивизии и, создав эластичную оборону, остановил немецкие армии, а затем с наступлением зимы нанес вермахту сокрушительное поражение под Москвой.

Теперь Сталину потребовались выдающиеся качества этого полководца в развернувшейся битве на Волге. В окружении других членов Государственного Комитета Обороны Верховный Главнокомандующий рассказал Жукову о сложившейся обстановке в районе Сталинграда и о решении поручить ему общее стратегическое руководство операциями на этом критическом участке фронта. За чаем Сталин обрисовал временные меры, принятые для противодействия немецким войскам. Ставка срочно перебрасывала на Сталинградский фронт части 1-й гвардейской армии, 24-й и 66-й армий. Но разрозненные атаки против пробитого немцами коридора к Волге оказались неэффективными, признал Сталин; он хочет, чтобы Жуков нашел действенное решение. Сталин также сообщил Жукову о его назначении заместителем Верховного Главнокомандующего, что делало Жукова вторым, после Сталина, военачальником Красной Армии.

За несколько дней пребывания на фронте севернее Сталинграда Жуков не смог совершить чуда, но он пытался наладить взаимодействие пехотных частей с артиллерией, немногочисленной авиацией и танками. На это требовалось время, но Сталин настаивал

на необходимости начать наступление, не дожидаясь окончательной готовности войск. Предпринятые 5 сентября атаки советских дивизий на левый фланг немецкого коридора вскоре приостановились.

Жуков доложил Сталину об очень тяжелых боях и упомянул, что Паулюс был вынужден перебросить ряд частей из Сталинграда, чтобы сдержать наступление.

Сталин обрадовался:

— Это уже хорошо, это большая помощь Сталинграду.

Жуков предупредил, что советские войска имеют незначительное продвижение, а в ряде случаев остались на исходных рубежах, но Верховный Главнокомандующий тем не менее приказал:

— Продолжайте атаки. Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника. [\[130\]](#)

* * *

Тем временем немецкие войска начали штурм южных окраин Сталинграда. Установив контакт с 6-й армией, «папаша» Гот повернул свои дивизии на восток в расчете стремительно прорваться к Волге и расчленив 62-ю и 64-ю советские армии. Но когда его танки оказались на узких городских улицах окраинных поселков Сталинграда, война приняла другой характер. Русские солдаты забрасывали танки бутылками с горючей жидкостью. Ведя огонь из окон зданий, снайперы уничтожали целые отделения немецких солдат. Артиллерийские орудия, которые ранее вели огонь по невидимым целям, теперь использовались для стрельбы с 50-метровой дистанции по зданиям, преграждающим путь немецким дивизиям. Наступавшие немцы несли огромные потери. Тем не менее 10 сентября 29-й моторизованной дивизии удалось пробиться к Волге в районе Купоросное.

С выходом частей Гота к Волге 62-я армия, уже отрезанная с севера от других советских соединений, оказалась полностью изолированной. Прижатой к Волге в районе от поселка Рынок до Купоросного, ей предстояло принять на себя всю тяжесть основной массы войск Паулюса, вступивших в западную часть города. 62-я армия была теперь единственной боевой силой, оставшейся в Сталинграде, призванной не допустить его захвата. Она противостояла более 200-тысячной группировке немцев.

* * *

Вечером 12 сентября в Кремле три высших военачальника Красной Армии — И. В. Сталин, Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский — обсуждали тревожные сообщения, поступавшие с фронтов. Выслушав доклад Василевского о ходе сражений на Кавказском фронте, Сталин резюмировал:

— Рвутся любой ценой к грозненской нефти. Ну, теперь послушаем Жукова о Сталинграде.

Жуков не смог сообщить утешительных новостей. Войска Сталинградского фронта не располагали достаточными силами, чтобы ликвидировать коридор противника севернее Сталинграда.

Сталин достал свою карту с расположением резервов Ставки и внимательно изучал ее, Жуков и Василевский отошли от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое «иное» решение? — вдруг, подняв голову, спросил Верховный Главнокомандующий.

Оба генерала были поражены тем, что у Сталина такой острый слух.

— Вот что, — продолжал он, — поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера соберемся здесь. ^[131]

На следующий день Жуков и Василевский вновь встретились со Сталиным в его кабинете в Кремле. Поздоровавшись с ними за руку, Верховный с возмущением заговорил о союзниках.

— Десятки, сотни тысяч советских людей отдают свою жизнь в борьбе с фашизмом, а Черчилль торгуется из-за двух десятков «харрикейнов». А их «харрикейны» — дрянь, наши летчики не любят эту машину.

Затем без всякого перехода Сталин спросил:

— Ну что надумали? Кто будет докладывать?

— Кому прикажете, — ответил Василевский, — мнение у нас одно. Верховный подошел к разложенной на столе карте.

— Это что у вас?

— Это предварительные наметки плана контрнаступления в районе Сталинграда, — пояснил Василевский.

Жуков и Василевский поочередно объяснили свой замысел: прорвав немецкую оборону на обеих флангах в 160 километрах северо-западнее Сталинграда на Дону и в 80 километрах южнее города, наступающие советские войска встретятся в районе города Калач и завершат окружение 6-й армии Паулюса между Доном и Волгой.

Сталин возразил:

— А не далеко ли замахнулись ударными группировками?

Когда оба генерала не согласились с ним, он сказал:

— Над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы.

В ходе обсуждения этого смелого плана позвонил командующий Сталинградским фронтом генерал А. И. Еременко и сообщил, что противник подтягивает к городу танковые части для нового наступления.

Закончив телефонный разговор, Сталин, обратившись к Василевскому, приказал:

— Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева и посмотрите, что еще можно направить туда завтра.

Перед расставанием Сталин предупредил:

— Разговор о плане продолжим позже. То, что мы здесь обсуждали, кроме нас троих, пока никто не должен знать. [\[132\]](#)

В 6.30 13 сентября немецкие войска перешли в наступление. Две дивизии — 71-я и 295-я — наносили удар в центре обороны в направлении центральной переправы, связывающей защитников Сталинграда с правым берегом Волги. После непрерывных ожесточенных боев, длившихся более десяти дней, немцам наконец удалось пробиться к Волге и захватить центральную пристань. За исключением отдельных русских очагов сопротивления, 6-я армия теперь удерживала левый берег реки на несколько километров к северу и югу от русла Царицы. В центре города на Красной площади немецкие солдаты вывесили огромный флаг со свастикой над исхлестанным осколками и пулями входом в Центральный универмаг.

Но у Паулюса не было желания праздновать, поскольку он только что узнал об огромных потерях, которые немецкие войска понесли за шесть недель наступления от Дона к берегу Волги: более 7700 убитых,

31 тысяча раненых. 6-я армия потеряла 10 процентов личного состава. К тому же он знал, что впереди его ждут еще более тяжелые бои. К северу от центральной переправы находились ключевые позиции русских защитников города — Мамаев курган, эпицентр незатухающих сражений, и район заводов. Там 6-й армии предстоит выдержать решающее испытание, от которого зависит исход битвы за Сталинград. А Паулюсу уже не хватало солдат и боеприпасов.

Вернувшись в свою штаб-квартиру в Голубинском на высоком западном берегу Дона, Паулюс направил срочную радиogramму командованию группы армий «Б»: «Наши потери в живой силе в городе превышают получаемые нами пополнения. Если подобное положение не изменится, битва примет затяжной характер».

28 сентября Сталин еще раз обсудил с Жуковым и Василевским план контрнаступления под Сталинградом — операцию «Уран».

Сталин проявил особый интерес к кандидатурам командующих, которым предстояло возглавить фронты и армии в намеченном наступлении. По предложению Жукова, полностью поддержанному Сталиным, новым командующим Сталинградским фронтом был назначен генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский. Было также решено переименовать Сталинградский фронт в Донской, а Юго-Восточный — в Сталинградский, что более соответствовало географическому расположению фронтов.

После подробного обсуждения предстоящего контрнаступления Верховный приказал Жукову:

— Вылетайте обратно на фронт. Принимайте меры, чтобы еще больше измотать и обессилить врага.

Проинспектировав еще раз фронты, Жуков и Василевский вернулись в Ставку и скрепили своими подписями карту-план контрнаступления. Сталин надписал на карте: «Утверждаю».

* * *

В то время как Сталин лично утверждал план окружения и уничтожения 6-й армии, Адольф Гитлер покинул свою ставку в Виннице и возвращался в Германию. Пока натуженно ревели моторы «Юнкерса-52» несли самолет над Украиной, а затем над Польшей, фюрер, уединившись от своих адъютантов, угрюмо размышлял над катастрофическими последствиями летней кампании

на юге России. Его «блицкриг» в степях Дона захлебнулся на улицах Сталинграда. Бросок к нефтяным полям Кавказа увяз в предгорьях Главного Кавказского хребта. Но в Берлине он продолжал отрицать эту суровую реальность и, выступая 30 сентября 1942 года в берлинском «Спортпаласе», заверил аудиторию, что Сталинград будет взят. «Можете быть уверены, — воскликнул он с пафосом, — что, раз мы оказались там, уже никто не сумеет сдвинуть нас с этого места».

В Сталинграде — «этом месте», как назвал его Гитлер, несколько измотанных боями советских дивизий по-прежнему отражали атаки 6-й армии, пытавшейся сбросить их в Волгу. В центральной части города гвардейцы Родимцева удерживали тонкую полосу берега Волги к северу от Крутого оврага. В отдельных местах передний край их обороны проходил в 200 метрах от реки.

Стремясь улучшить тактическую зону обороны, командир 42-го полка полковник И. Елин выбрал два каменных здания, которые могли стать опорными пунктами. Младший лейтенант Н. Е. Заболотный со взводом солдат ворвался в первое здание и овладел им. Новый опорный пункт был тут же назван «домом лейтенанта Заболотного», и, хотя сам лейтенант на следующий день погиб, его солдаты удерживали дом до победного конца.

28 сентября сержант Яков Павлов с тремя солдатами ползком подобрался через двор ко второму разрушенному зданию, бросили в окна первого этажа гранаты и ворвались внутрь. Уцелевшие немцы бросились из дома наутек. На следующий день всегда улыбающийся коренастый сержант получил подкрепление — 20 человек. Советские солдаты быстро организовали круговую оборону: сломали стену между двумя подвалами, установили минометы и пулеметы в ключевых местах и открыли огонь по врагу. Так получилось, что в доме оказались люди из разных концов Советской страны — Грузии, Казахстана, Узбекистана, с Украины. Несмотря на все трудности, бойцы не унывали. Они нашли старый патефон и единственную пластинку с незнакомой им мелодией и ставили ее снова и снова. Вскоре дом превратился в подлинную крепость, державшую под обстрелом важный участок фронта и лишавшую немцев возможности прорваться к Волге, находившейся всего в 250 метрах от дома. Немцы неоднократно пытались захватить этот форпост, и валявшиеся вокруг него трупы убитых врагов наглядно свидетельствовали об

ожесточенных боях, которые вел его немногочисленный гарнизон. Вскоре на картах в штабе 62-й армии здание стало именоваться «Домом Павлова» и превратилось в неотъемлемое звено системы обороны русских и отличный наблюдательный пункт под кодовым названием «Маяк».

Получив в ответ на свои многочисленные телеграммы подкрепления от Гитлера в виде 29-й моторизованной и 15-й танковой дивизий, а также переброшенных с Украины пехотных частей, утром 14 октября Паулюс начал массированную атаку при поддержке авиации и нескольких сот танков на район заводов к северу от Мамаева кургана. К 20 октября немцы овладели Тракторным заводом и прорвались к Волге, проникли в глубь территории завода «Баррикады», а южнее захватили западную часть завода «Красный Октябрь». Однако через несколько дней немецкое наступление выдохлось, линия фронта замерла. Ни у той, ни у другой стороны сил, чтобы победить, не было.

7 ноября 1942 года советский народ отмечал 25-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В опубликованном по этому случаю приказе народный комиссар обороны И. В. Сталин сделал пророческое заявление: «Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»

Но советским людям, оплакивавшим утрату миллионов родных и близких, погибших за полтора года войны, с трудом верилось в близость «праздника». Им, голодным и измученным тяготами войны, единственным лучом надежды было то, что немцам так и не удалось овладеть Кавказом и Сталинградом. Но мечтать о большем они пока не смели.

«Третий рейх» тоже праздновал годовщину «пивного путча» 1923 года.^[133] В мюнхенской пивной «Левенбройкеллер» рабочие старательно украшали зал огромными флагами со свастикой и прочими фашистскими эмблемами. Нервные нацистские функционеры внимательно следили за всеми мелочами. Ожидался приезд почетного гостя — Адольфа Гитлера, который должен был выступить перед своими «старыми товарищами по партии».

8 ноября Гитлер вошел в пивной зал под восторженный рев толпы и пение нацистского гимна «Хорст Вессель».

Одетый в коричневую форму штурмовика с повязкой со свастикой на левой руке, фюрер поднялся на трибуну и произнес пламенную речь. Он пригрозил возмездием Англии за ее воздушные атаки на Германию, высмеял высадку англо-американских войск в Северной Африке и, перейдя к Сталинграду, почти кокетливо заявил:

— Я хотел занять его, и — вы же знаете, мы не любим хвастаться — он практически в наших руках. Осталось всего несколько маленьких плацдармов. Некоторые сейчас говорят: «Почему вы не продвигаетесь быстрее?» Потому что я не хочу иметь второй Верден... а предпочитаю завершить дело небольшими ударными отрядами.

Своды «Левенбройкеллера» вздрогнули от неистовых аплодисментов и криков его приспешников.

Из Оберзальцбурга, куда Гитлер прибыл отдохнуть после своего выступления в Мюнхене, он направил в штаб 6-й армии радиogramму. Указав на трудности, которые принес с собой для защитников Сталинграда начавшийся ледостав, Гитлер подчеркнул необходимость «сделать все возможное, чтобы пробиться к Волге в районе заводов и овладеть этими районами города».

Тем временем генералы Жуков и Василевский, курсировавшие между Москвой и Сталинградским фронтом, завершали подготовку контрнаступления. Они вели рекогносцировку местности, изучали расположение основных сил и общую систему огня противника, намечали цели для артиллерийских ударов, обсуждали с командующими фронтами и армиями вопросы тактики и взаимодействия различных родов войск.

15 ноября, когда Жуков был в войсках генерала Н. Ф. Ватутина (Юго-Западный фронт), он получил следующую важную телеграмму от Верховного Главнокомандующего:

«Товарищу Константинову.

Только лично.

День переселения Федорова и Иванова [день наступления Ватутина и Еременко] можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезду в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев».

Жуков и Василевский, обсудив подготовку фронтов, решили назначить срок перехода в наступление для войск Юго-Западного фронта и 65-й армии Донского фронта 19 ноября, а для Сталинградского фронта — 20 ноября. Сталин утвердил это решение.

До начала операции «Уран» оставалось 96 часов.

* * *

Сосредоточив почти все свои боевые соединения на естественном перешейке между Волгой и Доном с целью захвата Сталинграда, Паулюс разместил большую часть своих баз снабжения и складов на западном берегу Дона, там, где река образует гигантскую излучину, прежде чем снова повернуть на юго-запад к Азовскому морю. Именно этот уязвимый район Советское Верховное Главнокомандование и выбрало в качестве первого объекта своего тщательно подготовленного контрнаступления — операции «Уран».

19 ноября в 7.30 предрассветная мгла между Серафимовичем и Клетской озарилась оранжево-красными сполохами огня, и гром канонады 3500 советских орудий возвестил о начале наступления.

Застигнутые врасплох в своих выложенных соломой траншеях, солдаты 3-й румынской армии с ужасом увидели, как шквал снарядов и мин обрушился на их позиции. Блиндажи и бункеры рушились, погребая сотни людей. Солдаты метались, стараясь укрыться от губительного огня, глухли от оглушительного грохота разрывов. Когда наконец канонада смолкла, румыны слышали зловекий рев танковых моторов — части 5-й танковой и 21-й армий вышли со своих плацдармов и устремились в атаку.

Сквозь туман и снег «тридцатьчетверки» ворвались в оборонительные позиции ошеломленных румынских солдат. Охваченные паникой, румынские солдаты бросили свои окопы и укрытия и побежали. Лишь немногие вступили в бой с советскими танками.

Когда в штабе 6-й армии в Голубинском Паулюс и начальник штаба генерал Шмидт получили первое сообщение о советском наступлении и разгроме 3-й румынской армии, они восприняли его спокойно. Шмидт воскликнул: «Мы сможем выстоять!» Паулюс согласился с ним и отдал приказ 48-му танковому корпусу генерала Гейма,

находившемся в резерве в тылу 3-й румынской армии в 50 километрах юго-западнее Клетской, выступить к месту прорыва.

Уже первые часы наступления армий Юго-Западного фронта принесли русским небывалый успех. Румынские солдаты крупными партиями сдавались в плен, передовые отряды советских танков углубились на десятки километров в тыл обороны противника и приближались к базам снабжения 6-й немецкой армии.

Тактика прорвавшихся подвижных отрядов сбивала с толку и деморализовала немцев. Советские танки появлялись то здесь, то там, обстреливая штабы, уничтожая склады и узлы связи, затем скрывались в туманной дымке и наносили очередной удар в другом пункте. Хлынувшие потоком в штаб-квартиру Паулюса в Голубинском донесения сообщали, что русских видели в 60 километрах южнее Дона, затем в 80 километрах юго-восточнее Дона — повсюду. Истеричные голоса просили у командования 6-й армии подкреплений и указаний.

Дисциплина пошатнулась, командиры частей самовольно приказывали своим солдатам отходить на восток к Сталинграду. Перепуганные угрюмые солдаты не скрывали своего неприязненного отношения к командирам, которые кричали, ругались и грозили военно-полевым судом в попытках восстановить порядок.

20 ноября к югу от Сталинграда три советские армии Сталинградского фронта после мощной артиллерийской подготовки начали второй этап операции «Уран». Через несколько часов фронт 4-й румынской армии был прорван, ее дивизии разбиты и частично пленены, а 4-я танковая армия рассечена надвое.

В штабе «папаши» Гота около Бузиновки усталые офицеры пытались установить связь с рассеянными по степи частями. Посыльные приносили все новые и новые просьбы окруженных полков о помощи. Но Гот был бессилен что-либо предпринять. Румынская армия была фактически уничтожена, а артиллерии и танков не хватало, чтобы остановить противника.

Днем 22 ноября Гот улетел на запад собирать остатки своей разбитой армии. За день до этого Паулюс и начальник штаба Шмидт, получив сообщение о приближающейся колонне русских танков, покинули штаб-квартиру в Голубинском и спешно улетели в Гумрак, а затем в центр связи в Нижнечирской.

Вечером 22 ноября из своей новой штаб-квартиры в Гумраке, куда он срочно вернулся по приказу фюрера, Паулюс направил тревожную радиogramму в штаб группы армий «Б»: «Армия окружена... Запасы горючего скоро кончатся. Танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на шесть дней... Прошу свободы действий... Обстановка может заставить покинуть Сталинград и северный участок фронта между Волгой и Доном...»

Через три часа он получил туманное заверение фюрера, что принимаются меры по организации деблокирующего контрудара. Гитлер пока не решил, как помочь Паулюсу, но был твердо намерен удерживать 6-ю армию на ее прежних позициях. Тем же вечером он покинул свое горное убежище в Баварских Альпах Бергхоф и вылетел в свою ставку в Растенбурге в Восточной Пруссии.

В степи в 50 километрах южнее Серафимовича 48-й танковый корпус вел бои с наседавшими на него русскими танками. Прорваться к окруженным в районе Распопинской румынским дивизиям, все еще продолжавшим сопротивление среди «горящих домов и румынских трупов», ему не удалось. К исходу 23 ноября остатки румынских дивизий капитулировали вместе со своими генералами. Лишь нескольким группам румынских солдат, усеявших трупами обочины дорог, по которым двигались длинные колонны русских танков и автомашин, удалось добраться до расположения частей 48-го корпуса. Собрав свои сильно поредевшие войска, Гейм чудом сумел отвести их на юг за реку Чир. Но через несколько часов Гейм был арестован по приказу Гитлера, обвинившего его в невыполнении отданных указаний об атаке противника в первые критические часы прорыва. Ошеломленный Гейм был отправлен в Германию и предстал перед трибуналом. [\[134\]](#)

В ночь на 23 ноября ледяной ветер выл и стонал над степью, наметая сугробы снега. Температура упала ниже нуля. На сотни километров к западу и востоку от Дона земля казалась безжизненной. Но в степи были люди — группы полузамерзших немцев и румын брели по снегу, гонимые желанием выжить, найти пристанище, пищу и укрытие под защитой немецких орудий.

Другие люди в эту же ночь двигались по степи с иными целями. Моторизованный отряд подполковника Г. Филиппова из пяти танков и

нескольких грузовиков с солдатами мчался с включенными фарами к стратегически важному мосту через Дон около города Калач. На рассвете отряд подошел к мосту через Дон и с ходу проскочил на восточный берег. Немецкая охрана, ничего не подозревая, ждала своей смены, со смехом швыряясь снежками друг в друга. Танки Филиппова немцы приняли за свою учебную часть, оснащенную русскими трофейными машинами. Когда разобрались, было уже поздно. После короткой стычки часть охраны была перебита, остальные спаслись бегством.

Захватив мост, подполковник Филиппов занял круговую оборону и вызвал подкрепление. Через некоторое время к нему подошли части 26-го танкового корпуса. Немецкий гарнизон в Калаче оказал лишь спорадическое и неэффективное сопротивление и после уличных боев был выбит из города.

В 25 километрах юго-восточнее Калача на подступах к хутору Советскому переправившиеся через Дон «тридцатьчетверки» 45-й танковой бригады вели бой с немецким арьергардом. Шум боя привлек внимание танкистов 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта генерала В. Вольского, выходивших к Советскому с запада и юга. Зная, что где-то недалеко должны быть наступавшие с севера передовые части Юго-Западного фронта, танкисты пускали ввысь зеленые опознавательные ракеты, сигнализируя о своем местонахождении. Около 16.00 23 ноября они увидели, как на северо-западе в небо взмыла еще одна партия зеленых ракет, и танки корпуса рванулись вперед. Сотни одетых в белые маскхалаты русских бежали им навстречу. Войска двух фронтов соединились. Встретившиеся в степи солдаты кричали, обнимались, плакали, плясали на снегу, радуясь своей блестящей победе. Менее чем за 96 часов они завершили окружение немецкой 6-й армии. Более 250 тысяч немецких войск оказались пленниками гигантской ловушки.

Утром 24 ноября Гитлер направил командующему 6-й армии личный приказ — «фюрербefeld» — с изложением внешних рубежей новой «крепости Сталинград». Предупредив Паулюса о необходимости удерживать эти рубежи ввиду готовящейся операции по деблокированию, фюрер заявил: «6-я армия должна занять круговую оборону... Нынешние позиции на Волге и на северном

участке фронта удерживать любой ценой... Снабжение будет организовано по воздуху».

Это было невероятное решение. Фюрер лишил Паулюса свободы маневра и решений и тем более шанса вырваться из ловушки, пока кольцо русских войск, охватившее сталинградскую группировку немцев, не было еще достаточно прочным.

Отдавая такой приказ, Гитлер исходил из того, что Паулюс останется послушным своему начальству в этот ответственный момент, и не ошибся. Неспособный по своему складу характера воспротивиться распоряжению фюрера, Паулюс отменил прорыв из окружения и положился на обещания фюрера о «воздушном мосте».

Однако Гитлер пока еще сам не знал, сможет ли люфтваффе снабжать по воздуху 6-ю армию, и ждал авторитетного заключения Германа Геринга.

Находившийся в немилости рейхсмаршал ухватился за эту возможность вернуть расположение Гитлера и восстановить свое потускневшее реноме. В Растенбург он прибыл с готовым ответом:

— Мой фюрер, я уже объявил, что люфтваффе обеспечит снабжение 6-й армии по воздуху.

Возмущенный начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Курт Цейтцлер категорически отрицал, что люфтваффе сможет это сделать. Окруженной в Сталинграде армии необходимо доставлять 700 тонн в день. Даже если окруженные войска перебьют всех лошадей и будут питаться кониной, им потребуется ежедневно 500 тонн снабжения.

Рейхсмаршал самоуверенно заявил, что справится этой задачей.

Цейтцлер взорвался.

— Это ложь! — заорал он.

Во внезапной тишине, которая воцарилась за столом все взоры обратились к покрасневшему как рак Герингу. Со сжатыми кулаками он, казалось, был готов ударить начальника штаба.

Наконец в спор вмешался Гитлер. Жестким неприязненным голосом он заявил разгоряченному Цейтцлеру;

— Рейхсмаршал сделал свое заявление, и я обязан верить ему. Решение приму лично я.

Из ставки Гитлера в Растенбурге был направлен приказ 4-му воздушному флоту доставлять в Сталинград ежедневно по воздуху 300

тонн. А затем, после того как будет задействовано большее число самолетов, увеличить ежедневное снабжение до 500 тонн — минимум того, что требовал Паулюс.

21 ноября генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, находившийся в штабе 11-й армии в Витебске, получил приказ верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ) о своем назначении командующим группой армий «Дон» (только что созданной), в которую входили 6-я армия, потрепанная в боях 4-я танковая армия «папаши» Гота и остатки румынских дивизий. ОКВ сообщило Манштейну, что его первостепенная задача состоит в том, чтобы пробить коридор к 6-й армии, с тем чтобы обеспечить снабжение немецким войскам, сражавшимся на Волге. О выводе 6-й армии из «котла» не было даже речи.

В Новочеркасске, куда Манштейн прибыл поездом, его ожидало письмо румынского диктатора маршала Антонеску, который с горечью жаловался на оскорбительное отношение к его войскам со стороны немецких солдат и офицеров. Манштейн уже знал трагические подробности гибели армий Антонеску. Из 22 румынских дивизий девять были уничтожены в боях, девять других были разбиты и рассеяны. Лишь четыре дивизии сохранили боеспособность.

Предполагая, что обещанный Герингом «воздушный мост» обеспечит сносное снабжение армии Паулюса, Манштейн решил проложить коридор в «крепость Сталинград», нанеся двойной удар. Первый — второстепенный — с запада на Калач, чтобы отвлечь русские силы от второго основного удара из района Котельниково. Когда деблокирующие колонны немецких танков достигнут реки Мышкова, Паулюс должен будет прорвать окружение и соединиться с наступающими с юга немецкими частями. Для этих целей из Франции были переброшены отборная 6-я танковая, а также 16-я моторизованная и 23-я танковая дивизии. Фланги ударной группировки прикрывали два корпуса, сколоченные из оставшихся румынских частей. «Воздушный мост» между аэродромом в Питомнике и ближайшими к Сталинграду авиабазами в Тацинской и в Морозовске начал действовать 25 ноября. Однако за первые два дня удалось доставить лишь 130 тонн вместо требуемых 600.

Тем временем советское командование столкнулось с серьезной проблемой, вызванной успехом гигантского окружения. Ни Сталин, ни

Жуков, ни Василевский не предвидели таких колоссальных масштабов своего триумфа. Приготовившись иметь дело со 100 тысячами окруженных солдат и офицеров противника, они внезапно обнаружили, что им придется держать в мешке и ликвидировать группировку почти в 300 тысяч человек.

28 ноября Сталин позвонил Жукову, находившемуся в штабе Калининского фронта, и приказал представить соображения по ликвидации окруженных немецких войск. Как и в те тревожные дни обороны Сталинграда и подготовки контрнаступления, Верховный Главнокомандующий вновь нуждался в его трезвом анализе обстановки. Жуков ответил телеграммой на следующее утро.

«Окруженные немецкие войска... без вспомогательного удара противника из района Нижне-Чирская — Котельниково на прорыв и выход из окружения не рискнут.

Немецкое командование, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград — Вертячий — Мариновка — Карповка — совхоз Горная Поляна и в кратчайший срок собрать... ударную группу для прорыва фронта наших войск... чтобы... образовать коридор для питания войск окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору.

...Необходимо... окруженную группировку противника под Сталинградом разорвать на две части...»^[135]

Но быстрой формулы для достижения этой цели русские пока не имели.

К этому времени семь советских армий сжимали немецкую группировку в смертельных объятиях: 66-я, 24 и 65-я армии наступали с севера; 21-я преграждала путь на запад; 57-я и 64-я теснили ее с юга. В самом Сталинграде 62-я армия Василия Чуйкова удерживала берег Волги еще с сентября.

Протяженность «котла» с севера на юг достигала 30–40 километров и с запада на восток — 70–80 километров. Западный фас его был вытянутым, как нос гигантского муравья. В центре «котла» вокруг штаб-квартиры Паулюса были разбросаны штабы пяти корпусов, а по периметру держали оборону измотанные в боях немецкие дивизии.

На северном фронте у Волги находились 24-я и 6-я танковые дивизии. Слева от них—поредевшая 60-я моторизованная и 113-я пехотная дивизии. В северо-западном секторе — разбитая 76-я, а

также 384-я и 44-я пехотные дивизии, зализывавшие раны после отступления через Дон. На крайнем западном выступе оборонялись остатки 376-й пехотной дивизии вместе с 3-й моторизованной. На южном фланге «котла» 29-я моторизованная дивизия занимала рубежи обороны по соседству с 297-й и 317-й пехотными дивизиями. 14-я танковая дивизия и 9-я дивизия зенитной артиллерии составляли мобильный резерв. Две румынские дивизии и хорватский полк прикрывали южный участок линии фронта, проходившей вблизи города. В самом Сталинграде вместе с различными специализированными частями шесть пехотных дивизий — 71, 295, 100, 79, 305 и 389-я вели бои в тех же подвалах, траншеях и развалинах домов, которые они заняли в сентябре и октябре.^[136]

12 декабря в 5.15 выкрашенные белой краской танки и бронетранспортеры 6-й танковой дивизии, развернувшись в флангу, рванулись из пригородов Котельникова на север к Сталинграду. Деблокирующая операция «Винтергевиттер» («Зимняя гроза») под командованием Гота началась.^[137]

На следующий день танки Гота переправились через реку Аксай. Вскоре в районе Верхне-Кумского разгорелось ожесточенное сражение, в ходе которого обе стороны несли значительные потери.

19 декабря, введя в бой свежую 17-ю танковую дивизию, Гот захватил станцию Верхне-Кумскую, и его танки устремились на север к переправе через реку Мышкова и захватили плацдарм в селе на северном берегу реки. До окруженных в Сталинграде немцев, подготовивших свои танки и пушки, оставалось около 40 километров. Однако в этот момент путь танкистам Гота преградила 2-я гвардейская армия генерала Р. Я. Малиновского, начавшая теснить немцев обратно.

В 200 километрах к северо-западу, в районе Среднего Дона, немцев ждала новая катастрофа. 16 декабря перешедшие в наступление советские войска разгромили и рассеяли 8-ю итальянскую армию. Введенные в прорыв советские танковые корпуса стремительно двигались к Морозовску, выходя в тыл всей группы армий «Дон». Это была операция «Малый Сатурн» — часть широкого стратегического плана «Большой Сатурн», нацеленного на то, чтобы захватить Ростов и отрезать немецкие войска, находившиеся на Кавказе.

22 декабря Манштейн направил начальнику генерального штаба ОКХ генералу Цейтцлеру телеграмму, в которой указал, что

обстановка на левом фланге — секторе 8-й итальянской армии вынуждает его начать срочную переброску туда подкреплений.

На следующий день Цейтцлер от имени фюрера приказал Манштейну любой ценой удерживать железнодорожный узел Морозовск, а также авиабазы в Тацинской и в Морозовске и дал согласие на переброску в этот район частей из котельниковской группировки Гота.

Через несколько часов 6-я танковая дивизия была выведена из боя на реке Мышкова и направлена за Дон, чтобы попытаться спасти остатки итальянской армии и стабилизировать левый фланг фронта группы армий «Дон».

Тем временем на южном фланге сталинградского «котла» немецкие солдаты вслушивались и вглядывались в темноту в надежде увидеть передовые части идущих им навстречу сил. Но темнота хранила молчание, и окруженные солдаты, дрожащие от холода в своих окопах, пытались отогнать гнетущую мысль, что Манштейн так никогда и не придет им на выручку.

На бумаге число самолето-вылетов в операции по снабжению окруженных немецких войск выглядело внушительным. Но статистика скрывала тот факт, что, хотя самолеты поднимались в воздух со своих авиабаз и брали курс на Сталинград, их грузы не доходили до сидящих в «котле» солдат. Тяжелые погодные условия вынуждали самолеты с полпути возвращаться назад их перехватывали русские истребители, обстреливали подтянутые зенитные батареи. В результате усеянная обломками самолетов степь внизу под авиатрассой была похожа на авиационное кладбище.

На рассвете 24 декабря крупнейшая немецкая авиабаза в Тацинской, в 300 километрах западнее Гумрака подверглась обстрелу артиллерией 3-й гвардейской армии.

Генерал Фибиг, находившийся на контрольной вышке, с ужасом увидел, как взорвались два первых «юнкерса». У него был личный приказ фюрера не эвакуировать авиабазу. Но когда снаряды русских стали обрушиваться на взлетные полосы, окутанные туманом, он отдал приказ о немедленной эвакуации.

В 5.30 — через десять минут после начала атаки русских — первые неуклюжие Ю-52 взревели моторами и начали карабкаться в небо. Началась невообразимая суматоха. Самолеты взлетали со всех концов аэродрома, два Ю-52 столкнулись в воздухе и взорвались. Другие цеплялись друг за друга, ломая крылья и хвосты. В разгар этой паники на летное поле ворвались русские танки.

Когда «тридцатьчетверки» прогремели мимо контрольной вышки, адъютант Фибига закричал: «Господин генерал! Пора уходить!»

Но генерал не мог оторвать глаз от страшной панорамы внизу на летном поле, где последние «юнкерсы» срывались с места, натыкались на обломки уже погибших самолетов, переворачивались и загорались. В 6.07 Фибигу доложили, что русские полностью овладели Тацинской, и через несколько минут самолет потрясенного случившимся генерала поднялся в воздух и взял курс на Ростов.

Внизу под ним на земле догорали обломки 56 так остро необходимых для снабжения 6-й армии «юнкерсов». Лишь 124 самолетам удалось спастись.

* * *

Ободряемые фальшивой надеждой на скорую помощь танковых дивизий Манштейна, солдаты 6-й армии первое время стойчески относились к холоду и скудному рациону. Однако после рождественских праздников усилилось понимание того, что «котел», вероятно, станет их могилой, и моральная и физическая стойкость отощавших защитников «крепости Сталинград» стала быстро приходить в упадок.

Введенные после рождества радикальные меры по экономии продовольственных запасов лишь усилили этот процесс. Но у Паулюса не было иного выхода. Ежедневные поставки снабжения по воздуху не превышали 100 тонн.

Отправленная ночью из штаба 6-й армии телеграмма содержала следующие мрачные факты.

«Сегодня (26 декабря. — У. К.) к 17.00 мы приняли 38 “юнкерсов” и 3 “хейнкеля”, доставивших нам 70 тонн, включая продовольствие, в основном хлеб. Хлеба у нас осталось на два дня, остального провианта — на день, жиров уже нет.

Требуется немедленно доставить по воздуху продовольствия на 250 тысяч человек... Мы полностью зависим от поставок по воздуху... у нас также кончается горючее, завтра мы израсходуем последние 20 тонн... Прошу любым способом обеспечить доставку завтра 200 тонн, из них 150 тонн провианта и 50 тонн горючего. Иначе нам не продержаться. Мы сделаем все, что в наших силах».

Главный квартирмейстер 6-й армии полковник Куновски закончил телеграмму следующим послесловием: «Больше добавить нечего. Я никогда еще не был в таком дерьмовом положении. С наилучшим приветом».

Введенный накануне Нового года жесткий рацион — 60 граммов хлеба на человека, порция супа без масла на обед, банка мясных консервов, если они есть, на ужин или же опять тарелка водянистого супа — нес с собой неизбежное истощение и упадок сил. Поэтому Паулюс попытался еще раз напомнить своему вышестоящему начальству, что целая армия находится на краю гибели.

«Тяжелые потери, холод и недостаточное снабжение ослабили боеспособность дивизий. Поэтому я обязан Доложить следующее:

1. Армия способна отражать еще некоторое время мелкие атаки и справляться с локальными кризисными ситуациями при обязательном условии улучшения ее снабжения.

2. Если противник снимет значительные силы с фронта перед частями Гота и использует их... против 6-й армии, последняя не сможет оказать длительного сопротивления.

3. Прорыв более невозможен, если заранее не будет пробит коридор, а армия не будет пополнена.

Ввиду этого я прошу сделать представление на самом высоком уровне (Гитлеру. — У. К.), чтобы обеспечить принятие энергичных мер по оказанию срочной помощи если общая ситуация не требует принести армию в жертву...»

Получив это мрачное послание, командующий группой армий «Дон» Эрих фон Манштейн переслал его Гитлеру.

К западу от Сталинграда в степи советские танки захватили передаточную подстанцию, обеспечивавшую телетайпную связь между Паулюсом и Манштейном. Теперь 6-я армия могла рассчитывать лишь на тысячеваттную радиостанцию и несколько других вспомогательных радиопередатчиков меньшей мощности. Для некоторых немецких офицеров это выглядело зловещим предзнаменованием.

В Москве Сталин всемерно торопил командующих фронтами быстрее покончить с окруженной 6-й армией и высвободить войска семи советских армий, необходимых для разгрома противника на других фронтах.

На заседании Государственного Комитета Обороны в конце декабря Верховный Главнокомандующий предложил: руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека. Сейчас действия двух командующих фронтами мешают ходу дела.

Присутствовавшие на заседании поддержали это мнение. После краткого обсуждения выбор остановился на генерал-лейтенанте К. К. Рокоссовском, командовавшем Донским фронтом.

30 декабря 1942 года по приказу Ставки три армии Сталинградского фронта — 57, 62 и 64-я — были переданы под командование Рокоссовского.

В Новочеркасске генерал-фельдмаршал фон Манштейн встретил Новый год в мрачном настроении. Его попытка спасти Паулюса провалилась, и он знал, что судьба 6-й армии предрешена.

Но новый кризис, еще более крупного масштаба, маячил на горизонте. В 650 километрах южнее Сталинграда группа армий «А» в составе 1-й танковой и 17-й армий оказалась в весьма опасном и уязвимом положении, застряв в предгорьях Северного Кавказа. Если Манштейн не сумеет своевременно отвести эти армии на север через Ростов, Советское Верховное Главнокомандование сможет устроить немцам еще один гигантский «котел» — «супер-Сталинград», чего и хотел Сталин.

Сразу же после того, как Манштейн отозвал танковые дивизии Гота от Сталинграда, он ежедневно звонил в Восточную Пруссию, настаивая на быстром отводе немецких войск с Кавказа. И лишь 28

декабря Адольф Гитлер отдал приказ об отступлении 1-й танковой армии. Сейчас, в первый день нового года, немецкие танкисты, повернув свои Т-III и Т-IV, отходили на север, моля бога о том, чтобы Манштейн сумел удержать Ростов достаточно долго и дал им возможность спасти свою жизнь.

* * *

С первых дней окружения 6-й армии немецкие военные цензоры за пределами «котла» внимательно следили за письмами, которые доставлялись самолетами из Сталинграда в Германию.

Вначале, по подсчетам цензоров, более 90 процентов авторов писем выражали полное доверие к своим руководителям и уверенность в способности выдержать трудности, связанные с временной зависимостью от «воздушного моста». К тому же, поскольку многим из них ранее приходилось вести бои в окружении, когда немецкие танковые клинья прорывались в тыл врага, солдаты, проводя параллель с окружением в Сталинграде, твердо верили, что, как и раньше, «эти поражения обернутся победой». Разве не генерал Зейдлиц-Курцбах лично участвовал в деблокировании 100-тысячной группировки немцев, окруженной прошлой зимой в Демянске?^[138] Поэтому первоначально поток писем, хлынувших в рейх, отражал казавшееся непоколебимым убеждение, что вермахт по-прежнему непобедим.

Эта уверенность сохранялась до рождественских праздников. Однако за период между 25 декабря и концом года цензоры заметили резкий упадок боевого духа. Солдаты начали требовать улучшения работы военно-полевой почты, ускорения доставок продовольственных посылок из дома, чтобы пополнить свой скудный паек. Они открыто жаловались на холод, снежные заносы, вшей, блох и крыс.

Проанализировав переписку, цензоры направили предупреждение вышестоящему начальству о том, что в январе «следует ожидать упадка боевого духа по мере того, как надежда на помощь... исчезнет...». Это тревожное предсказание подтвердилось: моральное состояние войск необратимо ухудшалось, число прощальных писем резко возросло.

Тон этих посланий отражал внезапное понимание того факта, что развитие событий сводит к минимуму шансы на выживание каждого из окруженных. Когда число прощальных писем, завещаний и последних распоряжений умножилось, цензоры, помимо купюр, с помощью чернил и карандашей замазывали и подправляли слова таким образом, словно сам отправитель внес эти поправки или допустил ошибку.

Один отчаявшийся офицер писал своей семье: «...эти проклятые птицы, почему они не сдохнут от голода... У них здесь полное превосходство в воздухе и днем и ночью, ничего, кроме этих прожорливых птиц. Я не могу представить себе, когда все это кончится, и это меня добивает...»

Квартирмейстер Карл Биндер отправил свое двадцать шестое письмо с русского фронта, в котором явно готовил родных к своей близкой смерти:

«Дорогая жена. Я все еще жив и здоров. Сегодня — в воскресенье — я присутствовал на похоронах нескольких солдат моей интендантской роты. То, что видишь на кладбище, вселяет ужас. Если я вернусь домой, то никогда мне не забыть, что я видел. Эта трагедия не сравнима ни с чем.

Смерть гостит у нас ежедневно. Она меня больше не страшит... Если я погибну, то скорее переезжай жить в Швебиш-Гмюнд. Жизнь там дешевле. У меня на счету в банке хранится 1900 рейхсмарок. Мои вещи в небольшом чемодане, большой сумке, коробке из-под сапог и маленьком деревянном сундуке. Не знаю, получишь ли ты эти вещи... Местная комендатура и управление в Штутгарте сообщат тебе сведения о твоей пенсии.

Выбрось мою военную форму. Остальное все твое».

* * *

В первых числах января встревоженные немецкие наблюдательные посты на южном и западном флангах «котла» донесли о массированном наращивании русскими своих сил. Наблюдатели насчитали несколько сот русских танков Т-34, автомашин с солдатами, пронесившихся мимо немецких позиций в укрытые пункты сосредоточения. Кроме того, были замечены тысячи орудий, начиная от «катюш» до тяжелых 203-мм гаубиц.

В своих холодных окопах немцы были бессильны что-либо предпринять. Боеприпасы необходимо было беречь для отражения русского наступления.

Советское командование готовилось к ликвидации группировки Паулюса. Талантливый артиллерист Николай Воронов в качестве представителя Ставки прибыл в район Сталинграда, чтобы помочь координации планов окончательного разгрома окруженного противника. ^[139] На десятикилометровом фронте главного направления атаки Воронов предложил сосредоточить около 7 тысяч орудий и минометов — более чем достаточно, чтобы сломить немецкую оборону.

Ключевая роль в новом советском наступлении отводилась также генералу Василию Чуйкову, находившемуся со своей армией в Сталинграде. Зная, что, несмотря на нехватку войск на других участках своего фронта, Паулюс по-прежнему держит семь дивизий на Волге, Ставка Верховного Главнокомандования поручила 62-й армии провести важную тактическую операцию по окончательной ликвидации «котла».

Чуйков узнал об этом от самого командующего Донским фронтом генерала Константина Рокоссовского, который приехал к нему, переправившись по льду через Волгу, на командный пункт, укрытый в туннеле под обрывом. Сидя на земляном стуле, командующий рассказал ему о предстоящей наступательной операции. В то время как советские войска начнут одновременное наступление на окруженного противника с запада, севера и юга, на 62-ю армию возлагалась задача активными действиями с востока отвлекать на себя больше сил противника и не допускать его к Волге, если он попытается через замерзшую Волгу вырваться из окружения.

На вопрос Рокоссовского, сможет ли 62-я армия помешать противнику осуществить такой отчаянный маневр, заместитель командующего 62-й армии генерал Крылов ответил за своего начальника: «Если Паулюс летом и осенью с полными силами не мог сбросить нас в Волгу, то голодные и полузамерзшие гитлеровцы не пройдут на восток и десяти шагов». ^[140]

* * *

«Раз, два, три! Раз, два, три!» — раздавалась в степи четкая команда — немецкие офицеры внутри «котла» готовили новых пехотинцев. Писари, повара, телефонисты, вестовые, штрафники, отбывавшие наказание, — все они маршировали в тесном строю взад и вперед по балкам.

Солдаты, которых готовили к боям, находились в состоянии шока. Мало кто из них думал, что им придется столкнуться лицом к лицу с русскими в бою. Когда командир отдал последние приказания, прежде чем направить их на передовую, с одним из солдат случилась истерика. Он буквально вцепился в лейтенанта и, рыдая умолял пощадить его.

К западу от Мамаева кургана на своем командном пункте рядом с аэродромом Гумрак Паулюс узнал, что трое русских парламентариев намерены пересечь линию фронта и вручить ультиматум командованию 6-й немецкой армии. Передачу ультиматума русские предложили осуществить в 10 часов утра 8 января. Хотя Паулюс не дал ответа на это обращение русских, в назначенный час парламентарии под белым флагом добрались до немецких позиций и передали пакет с ультиматумом удивленному, но вежливому капитану Виллигу.

В ультиматуме Рокоссовский обещал сдавшимся офицерам и солдатам нормальные условия жизни в плену и возвращение на родину после войны, обеспечение нормального питания и медицинской помощи раненым и обмороженным, сохранение личных вещей и ценностей, а высшему командному составу — холодного оружия. Ультиматум требовал ответа в течение 24 часов, а в случае отказа грозил «полным уничтожением».

Фридрих Паулюс довел это предложение до сведения Гитлера и попросил предоставить ему «свободу действий».

Вернувшийся 9 января в Сталинград самолетом генерал-танкист Ханс Хубе, видевшийся с Гитлером в Восточной Пруссии, рассказал Паулюсу и Шмидту, что фюрер планирует еще одну попытку деблокирования 6-й армии в середине февраля, для чего из Франции перебрасываются три танковые дивизии. Отчаявшийся Паулюс был готов поверить в чудеса. Несколькими часами ранее Гитлер вновь отказал ему в праве решить самому, как поступить с ультиматумом русских. Фюрер настаивал, чтобы окруженные войска сражались насмерть, потому что «...каждый день, который армия продержится, помогает всему фронту...».

Поскольку «вышестоящее начальство» объявило агонию 6-й армии жизненно важной необходимостью, Паулус предупредил свои войска, что «любые предложения о переговорах... следует отклонять, на них не отвечать, а парламентариев отгонять силой оружия».

На рассвете 10 января 1943 года, на 48-й день окружения, в 8.05 семь тысяч орудий и минометов открыли ураганный огонь по укреплениям 6-й армии в районе Карповки. Одновременно армада советских самолетов атаковала немецкие позиции.

Спустя два часа в обороне немцев появились бреши, в которые быстро ворвались «тридцатьчетверки» с автоматчиками на броне. Некоторые немецкие дивизии почти полностью погибли под этим ливнем огня и стали, другие были разбиты, рассечены на части. К концу дня войска 6-й армии отступали или бежали к развалинам Сталинграда. К 11 января положение в «котле» еще более ухудшилось. Генерал Карл Роденбург, накануне имевший в своем артиллерийском полку 50 тяжелых орудий, остался с одним, а из его 76-й дивизии, когда-то насчитывавшей 10 тысяч солдат и офицеров, уцелело всего 600 человек.

Радиограмма штаба 6-й армии, отправленная 11 января в 9.40 Манштейну, гласила: «Противник осуществил прорыв на широком фронте... отдельные укрепленные пункты пока еще держатся. Мы пытаемся собрать вместе и использовать остатки интендентских и строительных частей, чтобы создать линию сопротивления».

Но было уже безнадежно пытаться отсрочить неизбежное. В 19.00 радиостанция окруженных сообщила: «Оборона прорвана в глубину... ширина прорыва шесть километров. Противник понес тяжелые потери... наши потери значительны. Сопротивление войск быстро падает из-за нехватки боеприпасов, сильного мороза и отсутствия укрытий от мощного артиллерийского огня противника».

Капитан Винрих Бер, вернувшись из поездки на передовую, написал своему другу Клаусу фон Белову краткое письмо. Бер рассказал ему то, о чем штаб 6-й армии не упоминал ни в одном из своих официальных донесений. Немецкие солдаты дезертировали большими группами, многие фронтовые офицеры утратили волю к руководству; часовые спали на посту, закутав голову одеялом; лишенные поддержки танков, перепуганные немцы обращались в бегство перед наступавшим противником.

В старом школьном здании к югу от «котла» командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Родион Малиновский принимал группу иностранных журналистов, в том числе Александра Верта из английской «Санди таймс», корреспондента Ассошиэйтед Пресс Эдди Гилмора и Ральфа Паркера из газеты «Таймс». Высокий, с зачесанными назад темными волосами и загорелым обветренным лицом, Малиновский не скрывал от своих гостей, что декабрьский бросок Манштейна к Сталинграду застал русских врасплох. Затем он дал высокую оценку успешному контрнаступлению Красной Армии и его воздействию на противника: «Впервые немцы проявляют признаки серьезного замешательства. Пытаясь затыкать образующиеся бреши, они перебрасывают свои войска с места на место... Немецкие офицеры, которых мы захватили в плен, разочарованы в своем верховном командовании и в самом фюрере».

Когда журналисты спросили его о начатом наступлении с целью разгрома окруженной группировки Паулюса, Малиновский уверенным голосом сказал: «Сталинград — это лагерь вооруженных военнопленных. Положение его безнадежно».^[141]

Наступление советских войск продолжалось, и «котел» начал заметно сжиматься по мере того, как немецкие войска бежали на восток. Восемь дивизий фактически были уничтожены.

К аэродрому в Питомнике прорвались русские танки. Диспетчеры на контрольной вышке отменили дальнейшие посадки транспортных самолетов, и шесть истребителей М-109 взлетели в воздух, чтобы перебазироваться на небольшой и плохо оборудованный аэродром Гумрак. При посадке пять из них разбились. Шестой истребитель неуверенно покрутился над аэродромом, затем взял курс на запад и исчез за горизонтом. Совершив посадку на немецкой авиабазе, летчик доложил, что Питомник более не находится под немецким контролем. С потерей этого аэродрома 6-я армия получила смертельную рану. Конец почти наступил.

Радиостанция в Гумраке сообщила об этой агонии командованию группы армий «Дон»:

«Положение со снабжением катастрофическое. В ряде мест войска не могут перебросить снабжение к фронту из-за отсутствия горючего».

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн не был удивлен. Под угрозой танковых рейдов русских он сам оказался вынужден отступить на

запад к Таганрогу, откуда руководил теперь операциями своих войск. На Верхнем Дону в районах Острогожска, Россоши и Воронежа свежие советские армии в середине января нанесли удар по итальянскому альпийскому корпусу, а также по всей 2-й венгерской армии. Это последнее наступление привело к быстрому разгрому войск сателлитов и открыло новую широкую брешь на левом фланге группировки Манштейна.

К этому времени созданные генерал-фельдмаршалом оперативные группы «Фреттер-Пико», «Холлидт» и другие понесли серьезные потери в непрерывных маневренных операциях, с помощью которых пока удавалось сдерживать продвижение русских к Ростову. Сейчас их снова приходилось перебрасывать на запад, чтобы остановить новую лавину советских войск, наступавших с Дона на юг.

В своем бункере в двух километрах от аэродрома Гумрак Паулюс продолжал слать в эфир радиотелеграммы Манштейну с просьбой о возобновлении «воздушного моста». Люфтваффе отклонило утверждение Паулюса о пригодности аэродрома Гумрак и требовало принять надлежащие меры, чтобы обеспечить безопасную посадку самолетов.

Прилетевший 19 января в Гумрак офицер люфтваффе майор Тиль с поручением уладить разногласия между 6-й армией и своим командованием был поражен царившим на аэродроме хаосом. К узкой взлетно-посадочной полосе вплотную подступали громоздившиеся обломки и остовы разбитых самолетов, воронки не были засыпаны, только что выпавший снег не расчищен.

При встрече с Тилем Паулюс обрушился на него с такой яростью, что офицер был потрясен.

— Если ваши самолеты не смогут совершать посадку, моя армия будет обречена на гибель! — кричал Паулюс. — Каждая приземлившаяся машина может спасти жизнь тысяч людей. Сбрасываемые с воздуха контейнеры нам бесполезны. Люди слишком ослабли, чтобы разыскивать их, нет и горючего, чтобы их забрать. Мои люди сидят без пищи уже четыре дня. Съедены последние лошади.

В тот же вечер Тиль вернулся на аэродром и еще раз убедился в том, что наземные службы пришли в полный упадок. Никто не удосужился даже разгрузить транспортный самолет, прилетевший 9

часов назад. Тиль вернулся из «котла» и доложил, что, по его мнению, 6-й армии уже ничем нельзя помочь.

23 января русские танки ворвались в Гумрак, и укрывшиеся в руинах Сталинграда немцы, за исключением горстки нацистских фанатиков, поняли, что этот город станет их могилой. Брошенные на произвол судьбы, они изливали свою бессильную ярость в письмах. Один из последних самолетов, вылетевших из «котла», привез семь мешков писем, написанных на туалетной бумаге, картах — на всем, что годилось для письма.

В Таганроге немецкие цензоры просмотрели письма, соответственно рассортировали их по категориям и направили доклад в Берлин, где министр пропаганды Геббельс ознакомился с их анализом:

1. В пользу того, как осуществляется руководство войной, — 2,1 процента.
2. Сомневаются — 4,4 процента.
3. Настроены скептически и критикуют — 57,1 процента.
4. Активно против — 3,4 процента.
5. Не составили мнения, безразличны — 33 процента.

Почти двое из трех писавших теперь выражали острое недовольство Гитлером и верховным главнокомандованием вермахта. Опасаясь воздействия этих писем на население, Геббельс приказал их уничтожить.

26 января 1943 года к северо-западу от Мамаева кургана в районе рабочего поселка «Красный Октябрь» танки 65-й армии генерала Батова и передовые подразделения 21-й армии, сломив разрозненные очаги сопротивления немцев, соединились с частями 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. Родимцева. Окруженная в Сталинграде немецкая группировка была разрезана на две части. В этот день впервые с 10 сентября 1942 года, то есть через 138 дней, дивизии Василия Чуйкова, сражавшиеся внутри Сталинграда, вступили в непосредственный контакт с другими советскими армиями.

Родимцев, с ходу бросивший свою дивизию в бой 14 сентября, чтобы остановить немцев между Мамаевым курганом и устьем Царицы, увидел командира батальона Усенко и закричал: «Передайте своему командиру, что у нас сегодня счастливый день!..» Более 8 тысяч гвардейцев его дивизии погибли за последние четыре месяца.

Заклучив друг друга в объятия, генерал и капитан не могли сдержать слез.

Несколько часов спустя штаб 6-й армии перебрался в подвал универмага. От окружавших площадь зданий остались одни остовы — без окон, с зияющими пробоинами. Дома, в которых находились редакция газеты «Сталинградская правда», городской Совет и почтамт, сгорели. Театр лежал в руинах.

Паулюс прошел мимо разбитых зданий и спустился вниз в подвал универмага, где ранее находился склад. Пока его адъютанты оборудовали пункт радиосвязи для последних переговоров с Манштейном, генерал-полковник зашел в отгороженную для него зелеными шторами крошечную комнату, где стояли стул и койка. Тусклый свет из зарешеченного окна падал на его исхудавшее, небритое лицо.

Позднее в этот же день к нему в комнату ворвался начальник штаба генерал-лейтенант Артур Шмидт и заявил: «14-й танковый корпус помышляет о капитуляции. Мюллер (начальник штаба 14-го корпуса. — У. К.) говорит, что силы солдат на исходе и у них не осталось боеприпасов. Я сказал ему, что состояние войск нам известно, но приказ продолжать боевые действия по-прежнему остается в силе и о капитуляции не может быть и речи. Тем не менее, на мой взгляд, вы должны встретиться с этими генералами и поговорить с ними».

28 января русские рассекли окруженные немецкие войска на три части: 11-й корпус был изолирован в районе Тракторного завода, 8-й и 5-й корпуса — к западу от Мамаева кургана, а остатки 14-го и 4-го корпусов — в центральной части города вокруг универмага.

Из окна подвала по соседству с универмагом сидевший за пулеметом унтер-офицер Альберт Пфлюгер смотрел на возвышавшийся на перекрестке улиц фонтан. На протяжении многих дней фонтан был центральным пунктом ожесточенной перестрелки. Пфлюгер убил нескольких русских, пытавшихся подобраться к фонтану. Здесь же лежали трупы немецких солдат, сраженных пулями, когда они пробовали проползти по льду к фонтану и набрать воды в пустые фляги.

Для него война свелась к схваткам за глоток воды, и Пфлюгер был готов сдаться в плен. Но сперва ему хотелось услышать речь Адольфа

Гитлера 30 января, посвященную десятой годовщине «третьего рейха». В полдень он вместе с другими солдатами подошел к радиоприемнику и ждал, когда голос фюрера зазвучит в подвале. Но диктор объявил, что вместо фюрера выступит Герман Геринг.

Рейхсмаршал и на этот раз выступил в своей обычной напыщенной манере: «...то, что совершил наш фюрер, — это подвиг Геракла... из бесформенной массы, людской массы... он выковал нацию, прочную как сталь. Враг силен, но немецкий солдат стал еще более закаленным... Мы отобрали у русских уголь и железо, а без них они не могут производить оружие в массовом количестве... Над всеми этими гигантскими сражениями как колоссальный монумент высится Сталинград... Настанет день, когда эта битва получит признание как величайшее сражение в нашей истории, битва героев... Это легендарная поэма о героической, не имевшей себе равных борьбе, борьбе Нибелунгов. Они тоже сражались до конца...»

Солдаты застонали, кто-то пустил отборное проклятие по адресу «толстяка» в Берлине.

Геринг продолжал: «...мои солдаты, тысячи лет назад небольшой горный перевал в Греции защищал с тремя сотнями солдат необыкновенно мужественный и храбрый человек — царь Леонид и его триста спартанцев... Затем пал последний из них... и сейчас осталась только надпись: “Спутник, если случится тебе посетить Спарту, скажи спартанцам, что ты нашел нас павшими здесь, как велел нам долг...” Когда-нибудь люди прочтут: “Если ты приедешь в Германию, скажи немцам, что ты видел нас павшими в Сталинграде, как велел нам долг...”»

Внезапно Пфлюгеру и тысячам других немецких солдат, слушавших эту речь у радиоприемников, стало ясно, что Гитлер уже считает их мертвецами.

По окончании речи Геринга раздались звуки национального гимна. Пфлюгер и его товарищи подхватили: «Германия, Германия превыше всего...» Когда же после гимна зазвучала мелодия нацистской песни «Хорст Вессель», кто-то в подвале с размаху врезал прикладом по приемнику, разбив его вдребезги.

Пытаясь хоть как-то смягчить катастрофу, фюрер прибегнул к последней уловке. От отдал приказ о повышении в званиях целой группы старших офицеров 6-й армии и, главное, присвоил Паулюсу

звание генерал-фельдмаршала. Зная, что никогда еще ни один немецкий фельдмаршал не сдавался в плен, Гитлер надеялся, что Паулюс поймет намек и покончит жизнь самоубийством.

Но Паулюс не сделал этого. Перед рассветом его переводчик Борис фон Нейдхардт вышел из подвала на темную площадь и подошел к русскому танку, в башне которого стоял молодой советский старший лейтенант Федор Ильченко. Увидев размахивающего руками немецкого офицера, Ильченко спрыгнул с танка, и Нейдхардт сообщил лейтенанту, что «немецкий главный начальник хотел бы поговорить с советским главным начальником».

Ильченко, покачив головой, ответил, что его начальника сейчас здесь нет, у него много других дел. Так что немцам придется иметь дело с ним. Вскоре к Ильченко подошли группа вооруженных советских солдат и два офицера.

Через некоторое время Ильченко с двумя другими советскими бойцами, сопровождаемые Нейдхардтом, спустились в подвал универмага, где собрались сотни немецких солдат и офицеров.

После того как командир 7-й пехотной дивизии генерал-майор Раске объяснил Ильченко, что он и генерал-лейтенант Шмидт уполномочены вести переговоры от имени командующего и договориться об условиях капитуляции, Раске попросил русских сделать одолжение: отнести к Паулюсу как к частному лицу и увезти его на автомашине с надежным эскортом, чтобы оградить от мести солдат Красной Армии. Весело рассмеявшись Ильченко согласился. Затем его провели по коридору в комнату, где находился Фридрих Паулюс, небритый но полностью одетый в генеральскую форму.

«Значит, конец», — вместо приветствия сказал Ильченко. Понуры фельдмаршал растерянно посмотрел в глаза советского лейтенанта и уныло кивнул головой. ^[142]

После дополнительных переговоров с прибывшими из штаба 64-й армии советскими офицерами ^[143] Паулюс и Шмидт вышли из затхлых подвалов универмага и уселись в автомашину, которая доставила их в 12.00 31 января 1943 года в Бекетовку, где их встретил командующий 64-й армией генерал-майор Михаил Шумилов.

* * *

В своей ставке «Вольфшанце» в Восточной Пруссии 1 февраля 1943 года Адольф Гитлер болезненно встретил сообщение о капитуляции 6-й армии.

Сидя перед большой картой России в конференц-зале, он обсуждал с начальником генерального штаба сухопутных войск Цейтцлером, генерал-фельдмаршалом Кейтелем и другими последствия разгрома: «Они сдались там по всем правилам. Можно было поступить иначе: сплотиться, занять круговую оборону, оставив последний патрон для себя».

Цейтцлер согласился: «Я тоже не могу этого постигнуть. Мне все еще думается, что может это не так, что, возможно, он [Паулюс] лежит там тяжело раненный».

В северной части Сталинграда в районе завода «Баррикады» и Спартаковки командир 11-го корпуса генерал Штреккер еще двое суток оказывал бессмысленное сопротивление.

Утром 2 февраля русские, стянув в этот район всю находившуюся поблизости артиллерию и реактивные минометы, в течение двух часов вели непрерывный ураганный огонь по остаткам окруженной группировки. Затем орудия смолкли, и тысячи русских солдат бросились на штурм подвалов, погребов и разрушенных зданий, откуда немецкие пулеметчики в ряде мест все еще продолжали вести огонь до последнего патрона.

Разъяренные русские вытаскивали из укрытий этих фанатиков, проклиная «фашистских свиней», продолжавших бессмысленное кровопролитие после того, как Паулюс сдался.

Внезапно из окон разрушенных зданий и заводских корпусов появились белые флаги. Последний немецкий оплот рухнул, началась массовая сдача в плен уцелевших немецких солдат и офицеров. ^[144]

Вынужденное реагировать на советские официальные сообщения об этом блестящем триумфе, нацистское правительство скрепя сердце сообщило немецкому народу о том, что 6-я армия полностью погибла. В течение беспрецедентных трех дней все немецкие радиостанции передавали похоронную музыку, в тысячах домов «третьего рейха» воцарился траур. Рестораны, театры, кинотеатры, все увеселительные заведения были закрыты, и население рейха тяжело переживало трагедию этого тяжкого поражения.

В Берлине Геббельс начал набрасывать речь, призывающую население Германии осознать необходимость готовиться к «тотальной войне».

Через два дня после прекращения организованного сопротивления немцев первый секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов позвонил за Волгу директору Тракторного завода. «Пора возвращаться», — сказал он, и рабочие, многие месяцы ожидавшие этого сообщения, упаковали свое снаряжение и отправились домой.

Они возвращались в Сталинград по льду через Волгу мимо регулировщиков, направлявших длинные колонны пленных немцев, покидавших город, и торжествующие русские смеялись при виде жалкого вида своих врагов, закутанных в шали, старое женское тряпье, во что попало.

За пять месяцев боев и бомбежек 41 тысяча жилых домов (90 процентов жилого фонда города) была уничтожена. 309 промышленных предприятий, 113 больниц и школ лежали в руинах. Перепись гражданского населения показала, что из более чем 500 тысяч, проживавших в Сталинграде летом 1942 года, осталось всего 1515 человек. Большинство погибло в первые дни Сталинградской битвы либо покинуло город и временно поселилось в Сибири и Средней Азии. Никто не знал, сколько из них было убито, но, несомненно потери были колоссальными.

62-я армия покидала Сталинград для заслуженного отдыха на восточном берегу Волги. Через месяц отдохнувшие и пополнившие свои ряды дивизии армии^[145] двинутся на запад вслед за своим командармом Василием Чуйковым на поля новых сражений.

Дуглас Орджилл^[146]

Самый лучший танк в мире

Из всех видов боевой техники, с которыми столкнулись немецкие войска во второй мировой войне, ни один не вызвал у них такого шока, как русский танк Т-34 летом 1941 года. Блестящие успехи немецких танковых дивизий во время кампании во Франции в предшествовавшем году укрепили старательно насаждавшуюся нацизмом веру в немецкое превосходство. Открытие, что «унтерменшен» («недочеловеки») — так нацистские идеологи пренебрежительно называли русских — сумели создать танки, которые явно превосходят их собственные боевые машины, вызвало страх как в верхних, так и в низших эшелонах гитлеровской армии. Один за одним ведущие немецкие танковые военачальники угрюмо отдавали должное танку Т-34.

«Исключительно высокие боевые качества, — заявил начальник штаба 58-го танкового корпуса генерал-майор фон Мелентин. — Мы ничего подобного не имели...» «Самый лучший танк в мире» — такова оценка генерал-фельдмаршала Эвальда фон Клейста, командующего 1-й танковой армией.

Наиболее мрачный для немцев вывод сделал самый известный из немецких танковых командиров генерал-полковник Гейнц Гудериан, командовавший в 1941 году 2-й танковой армией: «Очень тревожные донесения о качестве русских танков... Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрые решающие победы».

Советские конструкторы, создавшие Т-34, сосредоточили свои усилия на важнейших характеристиках, избегая каких-либо усложнений конструкции и даже внутреннего комфорта, который на Западе считали необходимым для эффективной работы танкового экипажа.

В итоге им удалось решить основное уравнение, которое должно быть написано золотыми буквами над столом каждого конструктора танков: эффективность оружия прямо пропорциональна его

способности занять правильную позицию, чтобы нанести решающий удар и выдержать без ущерба для себя удары, наносимые противником.

Это уравнение кажется детски несложным, но советские конструкторы танков понимали его гораздо глубже, чем английские или немецкие специалисты, руководившие производством бронетанковой техники в годы, предшествовавшие второй мировой войне. Вот почему Т-34 предстал как чудо-оружие, когда немецкие танковые дивизии впервые столкнулись с ним в пыльном зное русских степей летом 1941 года.

Истоки создания Т-34 уходят в 30-е годы, когда начало развиваться советское танкостроение и была заложена основа, на которой русские специалисты создали бронетанковые войска следующего десятилетия. Небывалый взрыв таланта и энергии, который произошел тогда в области советского танкостроения, — одно из наиболее выдающихся событий в истории создания военной техники.

Судите сами: в 1924 году в Советском Союзе был построен первый грузовой автомобиль, а к 1939 году Советское государство создало бронетанковые войска, которые численно превосходили танковые армии других стран мира. Бронированные машины, находившиеся на вооружении Красной Армии, были разными по своим качествам, но некоторые из них в свое время не уступали танкам, находившимся на вооружении армий других стран, а подчас и превосходили их.

Колесно-гусеничный танк БТ-2 — «быстроходный танк» — был первым из знаменитой серии, кульминацией которой стал после ряда существенных конструктивных изменений танк Т-34.

За БТ-2 в период с 1931 по 1938 год последовали БТ-5, БТ-7 и БТ-7М.^[147] Общей чертой их была смешанная колесно-гусеничная ходовая часть, заимствованная у американского конструктора Кристи, позволявшая танку, в зависимости от местности, передвигаться либо на гусеницах, либо на колесах, и наклонная лобовая броня, увеличивающая противоснарядную защиту. Еще более примечательно то, что каждая новая серия танков БТ оснащалась более мощным оружием: от 37-мм пушки на БТ-2 до 45-мм на БТ-5 и 76-мм на БТ-7М.

Русские смогли делать это, потому что они, как гласит английская пословица, «не клали все яйца в одну корзину». Более мощные танковые пушки для серии БТ появились потому, что русские строили наряду с легкими также и тяжелые танки. Танки БТ поставлялись в

войска в массовом количестве: к 1935 году, например, в строю числилось около 3500 таких танков различных серий.

Но кроме них советские конструкторы создали и выпускали более крупные, традиционные типы танков, такие, как средний танк Т-28 и тяжелый Т-35. Т-28 был первоначально оснащен 76,2-мм пушкой с длиной ствола 16,5 калибра, которая, однако, вскоре была заменена более мощным орудием с длиной ствола 26 калибров. Такое прогрессивное наращивание мощности артиллерийского вооружения танков резко отличалось от английской практики, где даже на самом тяжелом танке «Матильда» была установлена 40-мм пушка.

Наиболее крупные немецкие танки Т-IV, небольшое количество которых находилось в строю во время битвы за Францию летом 1940 года, были оснащены 75-мм пушкой. Но это было короткоствольное орудие с небольшой начальной скоростью снаряда и низкой бронепробиваемостью. Кроме того, в отличие от английских танков, башни советских танков позволяли размещать в них более мощные орудия, чем те, которыми они были вооружены первоначально, — значительное производственно-технологическое преимущество ввиду набиравшего темпы соревнования между броней и орудием.

Еще более важным с точки зрения будущего развития советских бронетанковых войск было то, что производство танков серии БТ сопровождалось ростом уверенности русских в своих способностях решать сложные технические задачи и привело к возникновению одного из наиболее талантливых конструкторских бюро в истории танкостроения. Этим бюро руководил Михаил Ильич Кошкин, выпускник Ленинградского политехнического института, который ранее принимал участие в разработке экспериментального колесно-гусеничного танка Т-29. В 1937 году конструкторское бюро Кошкина получило задание создать новый танк, который по своим характеристикам почти не отличался от танков серии ВТ. Этим танком был колесно-гусеничный А-20 — 18-тонный быстроходный средний танк с покатой броней, толщина которой на башне составляла 22 мм, и 45-мм пушкой. Ввиду использовавшегося традиционного комбинированного — колесо и гусеница — движителя управлялся танк рулевым колесом. А-20 сочли слишком легким для его роли, и в 1939 году по инициативе Кошкина был создан более тяжелый, чисто гусеничный крейсерский танк Т-32. С первого взгляда комбинация

колеса и гусеницы может показаться заманчивой: танк на колесах наносит меньший ущерб сети дорог, по которым он передвигается, да и двигаться он может с большей скоростью. Однако реальности поля боя делали эту комбинацию бессмысленной, и к тому же двойной движитель усложнял технологию массового серийного производства танка, к чему стремился Кошкин. Он хотел построить средний танк с более мощным орудием — танк достаточно простой в производстве, который мог бы выпускаться на различных заводах — не только хорошо, но и среднетехнически оснащенных. В своем предварительном докладе о Т-32 Кошкин выдвинул предложение, что «ввиду тактического нежелания использовать танки ВТ в их колесной роли и дополнительных технических трудностей, связанных с производством танков, способных передвигаться как на колесах, так и на гусеницах... предлагается сосредоточить дальнейшие усилия на создании менее сложной машины на чисто гусеничном ходу...».

Вместе со своими товарищами Александром Морозовым и Николаем Кучеренко он начал работу над проектом Т-34. Кошкин уже был больным человеком и в 1940 году умер от воспаления легких. Но именно его новаторский ум сделал многочисленные правильные выводы из опыта работы над танками типа ВТ и воплотил их в проекте боевой машины, которая хотя и не была идеальной, но среди всех прочих танков лишь одна отвечала требованиям современности.

Работа над новым танком велась быстро. К концу 1939 года проектирование оказалось завершенным, и вскоре были построены два первых опытных образца. В феврале — марте 1940 года эти две машины совершили в тяжелых зимних условиях испытательный пробег, как того требовала техническая комиссия, по маршруту от завода в Харькове, где они были построены, в Москву и обратно.

Так появился на свет танк Т-34. Он был детищем не внезапного наития гения, а трезвого здравого смысла. Своим рождением он был обязан людям, которые сумели увидеть поле боя середины XX столетия лучше, чем смог это сделать кто-нибудь другой на Западе. Творческая инициатива, проявленная конструкторским бюро Кошкина на Харьковском машиностроительном заводе в 1939 году, была призвана изменить историю войны, а тем самым историю Европы и всего мира.

Первые «тридцатьчетверки»

Новый танк весил 26,5 тонны. Длина равнялась 610 см, высота — 240 см, ширина гусеницы — 47 см, а клиренс (дорожный просвет) — 40 см. Экипаж состоял из четырех человек: механика-водителя и пулеметчика в переднем отделении танка и двух человек в башне — заряжающего и командира танка, который одновременно выполнял обязанности стрелка-наводчика. Танки в 1940 году не были столь совершенными, особенно с точки зрения удобств для экипажа, какими они стали позднее, и в этом отношении новый русский танк не был исключением. Изучение оборудования и обязанностей членов экипажа Т-34 показывает, что их задача была не из легких.

Механик-водитель сидел на смещенном влево от продольной оси танка жестко закрепленном мягком сиденье с откидной спинкой. Он управлял силовой установкой танка — частично сделанным из алюминия дизельным двигателем В-2. Это был исключительно экономичный 12-цилиндровый танковый двигатель, развивающий максимальную мощность 400 л. с. при 1700 оборотах в минуту. Дизель сконструировали в 1936 году два советских инженера: Я. Вихман и Т. Чупахин.

Система управления была обычной для танков. Рулевое колесо, применявшееся на ранних танках БТ и в опытном танке А-20, заменили традиционными рычагами управления, регулировавшими скорость вращения гусениц. В остальном механик-водитель полагался на обычную педаль сцепления, ножной тормоз и акселератор, расположенные слева направо, как в автомашине; контрольно-измерительные приборы были сведены до минимума, необходимого для эффективной эксплуатации. В танке использовалась электрическая система запуска двигателя, но в качестве резервной была также установлена система воздушного запуска. И наконец, коробка передач с тремя передачами для переднего и одной передачей для заднего хода. В более поздних моделях танка ее заменили коробкой с пятью передачами планетарного типа.

Стрелок лобового пулемета сидел справа от водителя на таком же сиденье. Его оружие — 7,62-мм танковый пулемет, созданный на базе ручного пулемета пехоты ДП. Боепитание — дисковый магазин с 60

патронами; максимальная скорострельность — 500–600 выстрелов в минуту, хотя более реальным и экономичным темпом ведения огня в бою было примерно 100 выстрелов в минуту.

Башня даже для двоих танкистов была тесновата, что, несомненно, осложняло действия командира танка в бою. Помимо командования танком он должен был также наводить и стрелять из пушки, а на все это у него в башне имелось лишь около 115 см.

Командир вел огонь из двух систем оружия — 76,2-мм пушки и спаренного с ней танкового пулемета ДТ калибром 7,62 мм. В боекомплект превосходной 76,2-мм танковой пушки входили как бронебойные, так и осколочно-фугасные снаряды. На первых моделях Т-34 устанавливалась 76,2-мм пушка с длиной ствола 30,5 калибра, но затем ее заменили более совершенным орудием с длиной ствола 41,2 калибра. Бронебойный снаряд этого орудия пробивал броню толщиной 69 мм на расстоянии 500 метров, а 54-мм броню — на дистанции 1,6 км, более чем достаточно для борьбы с основными танками, имевшимися у немцев в 1941 году.

Для стрельбы из установленных в башне пушки и пулемета применяли ножной и ручной спусковой механизм. Командир-стрелок сидел, опираясь пальцами ног на две пружинные педали, установленные по обе стороны колонны привинченной к люльке пушки, — педаль для орудия слева, а для пулемета справа. В другой половине башни заряжающий мог также стрелять из пулемета, в случае необходимости нажав на ручной спусковой крючок. Такой же ручной спуск имелся и на 76,2-мм орудии. Этот последний ручной спусковой механизм имел существенное значение, потому что командир Т-34 был исключительно загруженным человеком. Поскольку водитель имел ограниченное поле обзора — только прямо перед собой — командир, пользуясь своим лингафоном, должен был отдавать ему более подробные и точные команды, чем в некоторых западных танках, где поле обзора у водителя шире. К тому же командиру приходилось следить за тем, поразили ли цель выпущенные им снаряды и пули.

Поэтому, отдавая команды водителю, куда направить или как развернуть танк, выкрикивая указания заряжающему, какой снаряд послать в казенник — бронебойный или фугасно-осколочный, припадая к прицелу, чтобы навести орудие, вычислить расстояние и

нажать на спуск, тут же отвернув корпус от откатывающегося назад орудийного ствола, командир почти не имел времени посмотреть, что делают другие танки. Если к тому же он командовал взводом, то сообщить о своих намерениях подчиненным мог, только семафоря из башни цветными флажками, поскольку радиопередатчики на танках взводных командиров не ставились. Используя ручной спуск вместо ножной педали, командир по крайней мере мог более длительное время находиться в верхней части башни.

Башня имела два мелких, но неприятных недостатка. Верхний башенный люк открывался прямо вперед перед лицом командира, вынуждая его приподниматься из башни по плечи и выглядывать из-за люка слева или справа, подставляя тем самым себя под пули вражеских солдат. Задняя часть башни выступом нависала над корпусом, в результате чего возникал опасный и уязвимый зазор.

Все эти недостатки, однако, в основном были незначительными. Они могли бы сыграть заметную роль лишь в том случае, если бы танки, с которыми Т-34 встретился на поле боя, были равноценны ему в более существенных отношениях. Боевые качества танка определяются тремя основными характеристиками: огневой мощностью, броневой защитой и маневренностью. Степень успешного сочетания этих трех фундаментальных факторов в конечном итоге и определяет судьбу танка. По каждому из этих показателей Т-34 мог бросить грозный вызов любому танку, находившемуся на вооружении в армиях других стран.

Начнем с маневренности и проанализируем результаты, показанные Т-34 в ходе марафонского испытательного пробега зимой 1940 года. Они были изумительно высокими: удельная мощность двигателя — соотношение между мощностью двигателя и весом машины — равнялась 18 л. с. на тонну веса, максимальная скорость — 55 км/час. Это соотношение имеет важное значение для оценки танка как машины, ибо оно раскрывает, независимо от веса танка и размеров двигателя, коэффициент эффективности, достигнутой в сочетании этих двух важных показателей. Поэтому Т-34 с удельной мощностью в 18 л. с. на тонну веса занимает почетную ступень рекордсмена в истории танкостроения. Средний немецкий танк Т-III в его позднейших модификациях имел удельную мощность в 14 л. с. на тонну,

английский танк «Матильда» — 7,2 л. с. на тонну, американский «Шерман» — около 14 л. с. на тонну.

Что касается брони, то Т-34 отнюдь не был наиболее защищенным танком тех дней. Но он имел гораздо более толстую броню по сравнению со всеми боевыми машинами, обладавшими примерно такой же скоростью и запасом хода. Максимальная толщина брони литой башни на первых серийных танках не превышала 45 мм. Корпус, сваренный из броневых листов, был тоньше, хотя прочность его брони была более высокой, чем броня английских танков того периода. Толщину брони после опыта первых боев 1941 года быстро увеличили, и она в скором времени достигла 65 мм на башне и 45 мм на корпусе.

Пожалуй, самый примечательный аспект броневой защиты Т-34 заключался в том, что броня корпуса была покатой и установленной под большим наклоном. На этот способ бронирования танков ни английские, ни немецкие конструкторы тогда еще не обратили большого внимания. Наклонная броня значительно усиливала противоснарядную стойкость Т-34. Баллистические испытания, проведенные позднее, показали, каким дальновидным было конструкторское бюро Кошкина в этом отношении. Например, броневый лист толщиной 100 мм, расположенный под углом в 60 градусов, обладает такой же противоснарядной стойкостью, как вертикально стоящая бронеплита около 330 мм толщиной, хотя это соотношение меняется в зависимости от характеристики используемого снаряда. Лобовая броня Т-34 как раз и была расположена под углом в 60 градусов.

Однако наиболее ощутимое превосходство Т-34 проявилось в его вооружении. Бронебойный снаряд 76,2-мм пушки образца 1940 года с длиной ствола 41,2 калибра, ставшей его стандартным оружием, обладал начальной скоростью 662 м/с — примерно такой же, как у 75-мм пушки, установленной на американском «Шермане», который будет запущен в серийное производство лишь через два года, и гораздо более высокой, чем начальная скорость снаряда — 390 м/с — короткоствольной 75-мм пушки танка Т-IV. Этот последний, наиболее тяжело вооруженный немецкий танк еще только начал поступать на вооружение танковых дивизий вермахта.

Таким образом, установка русскими на своем быстроходном среднем танке мощного 76,2-мм орудия в огромной мере способствовала тому, что все типы немецких танков с момента появления Т-34 на поле боя оказались устаревшими. Великобритания также осталась далеко позади, застряв на полпути между предвоенной верой в эффективность легких танков, которая была серьезно подорвана во время сражений 1940 года, и еще более традиционной доктриной танка сопровождения пехоты, такого, как «Валентайн» или «Матильда», вооруженных 40-мм пушкой.

Пока гитлеровские армии не столкнулись в первые недели операции «Барбаросса» с «тридцатьчетверкой», военные специалисты мира считали немецкий средний танк Т-III «королевой полей» танковых сражений. Несомненно, для своего времени это был хороший танк, но к 1941 году он уже начал устаревать. Легкие победы 1940 года дали основание германским танкостроителям не беспокоиться насчет его качеств. Однако данные о возможностях этого основного немецкого боевого танка в момент нападения на Советский Союз наглядно говорят о том шоке, который предстояло пережить гитлеровскому командованию.

Заказ на производство Т-III был размещен в 1935 году, и небольшое число опытных образцов появилось в 1936 году. Первый основной серийный тип танка «Модель Ф» начал выпускаться в 1940 году. Танк этого образца имел боевую массу около 20 тонн, скорость около 55 км/час. Максимальная толщина брони корпуса и башни — 30 мм. Удельный вес двигателя — 14 л. с, а реальный запас хода был в два с лишним раза меньше, чем у Т-34, — весьма важный фактор для операций танковых сил в трудных условиях передвижения по большей части разрушенным шоссейным дорогам России. Т-III имел запас горючего в 240 литров, что хватало ему на 160 километров хода по шоссе, тогда как Т-34 нес в своих баках 455 литров газойля и имел запас хода по шоссе более 300 километров с дополнительными баками — 465 километров).

Разница в вооружении была еще более разительной. Танк Т-IIIФ первоначально оснащался 37-мм пушкой. Для брони Т-34 это было чем-то вроде хлопушки. Ко времени вторжения в Россию танки Т-III по большей части перевооружили более мощным 50-мм орудием. Однако длина ствола этого танкового орудия равнялась 42 калибром,

начальная скорость снаряда была низкой и, следовательно, способность пробивать броню неудовлетворительной.

Гитлер, внимательно следивший за состоянием своих бронетанковых войск, ранее приказал, что при перевооружении танка Т-III на нем следует установить длинноствольную 50-мм пушку, но управление вооружения сухопутных сил решило игнорировать этот приказ и избрало пушку с меньшей длиной ствола.

Инспектируя танки за несколько недель до начала операции «Барбаросса», Гитлер заметил, что его приказы оказались невыполненными, и пришел в ярость. Присутствовавший при этой вспышке гнева генерал Гудериан писал, что даже годы спустя Гитлер «ссылался на этот случай непослушания и неоперативности, когда кто-либо пытался в его присутствии защищать управление вооружений».

Времени перевооружить Т-III до начала вторжения в Россию не было. Большинство танков уже находилось в составе выделенных для операции дивизий. Немецкие армии, вторгшиеся в Россию в июне 1941 года, располагали 2068 танками типа Т-III. Из этого числа 131 танк Т-III имел 37-мм орудие, 1893 танка были вооружены короткой 50-мм пушкой, и только на 44 танках успели установить длинноствольную 50-мм танковую пушку. Таким образом, основная масса немецких танков оказалась оснащенной малоэффективным оружием.

Ни одна из сторон до начала операции «Барбаросса» не имела четкого представления о том, как далеко русские ушли вперед в области проектирования и конструирования танков. Весной 1941 года Гитлер, видимо стремясь убедить русских, что он не планирует нападать на Советский Союз, распорядился, чтобы советской военной делегации были показаны немецкие танковые школы и заводы и чтобы от нее ничего не скрывали. Результаты этого осмотра удивили немецких танкистов, сопровождавших делегацию.

Русские представители упорно отказывались верить, что танк Т-IV может быть самым тяжелым танком Германии, и протестовали, что приказ Гитлера показать им все, не выполняется. Постепенно до озадаченных немцев дошло, что сами русские, по-видимому, имеют более мощные танки, чем предполагалось. «Только когда в конце июля 1941 года на фронте появился танк Т-34, — утрюмо заметил позже

немецкий генерал-танкист, — тайна нового типа советского танка оказалась раскрытой».

Во время войны танк Т-34 был тщательно обследован в английской школе танкостроения. В отчете, посвященном двигателю, указывалось, что «качество работы неодинаково. Тогда как наиболее важные детали по своей обработке сравнимы с соответствующими деталями серийных английских авиадвигателей, поверхность отлитых компонентов несравнимо груба. Несмотря на это, на поверхности нет признаков пористости и раковин. Большинство из важных болтов и штифтов подвергнуты низкотемпературному отпуску и притерты, уровень изготовления некоторых деталей очень высок. На определенных компонентах хорошо видны клейма технических контролеров...»

Отчет английских специалистов о Т-34 представляет сейчас особый интерес, потому что о танке судили на основе технологических критериев того времени, без того, что известно сейчас. Содержащийся в отчете окончательный вывод дает заслуженную высокую оценку М. И. Кошкину и его конструкторскому бюро, как людям, сосредоточившим свои усилия на самых важных характеристиках, определяющих боевые качества проектируемого танка, и исключительно четко понимавшим, чего они хотят.

«Конструкция танка свидетельствует о четком понимании его важнейших боевых качеств и требований войны с должным учетом особенностей подготовки русского солдата, театра военных действий и имеющихся производственных мощностей. Если принять во внимание, что Россия совсем недавно создала тяжелую промышленность и что значительная часть ее индустриальных районов занята противником, создание и производство таких высококачественных танков в таком большом количестве представляет собой инженерно-техническое достижение самого высокого класса...»

Таким образом, к моменту немецкого нападения на Советский Союз конструкторское бюро Кошкина снабдило русских боевой бронированной машиной, которая по своим техническим данным была способна преградить путь немецким танковым колоннам. Однако число этих машин еще было невелико; к июню 1941 года в советском танковом парке насчитывалось 1110 «тридцатьчетверок», да и они начали поступать в танковые батальоны лишь в самом конце весны и были разбросаны по пяти военным округам. ^[148]

Помимо «тридцатьчетверки», которая могла быть использована в двойной роли — и для глубоких стремительных рейдов, и для поддержки пехоты, советские конструкторы создали новый тяжелый танк. Это был 47-тонный КВ-1, оснащенный таким же двигателем, как и Т-34, но ввиду большего веса имевший меньшую скорость — около 35 км/час. КВ-1 был вооружен той же 76,2-мм пушкой, что и «тридцатьчетверка». Его броня, однако, была значительно толще: лоб корпуса — 75 мм, башня — 95 мм, борт — 75 мм — образцовая боевая машина для борьбы с танками противника.

Эти два типа танков обеспечивали советское командование всем, что было необходимо, для танковой войны. Их производство упрощалось тем, что многие компоненты двигательной установки и вооружения были общими. Уже одно это сулило огромные преимущества в условиях военного времени.

Опыт советско-финской войны 1940 года в сочетании с успешными операциями немецких танковых корпусов во Франции привел к пересмотру советским командованием роли бронетанковых сил и их реорганизации. Началось воссоздание танковых дивизий и механизированных корпусов. Каждая дивизия должна была состоять из двух танковых полков, полка мотопехоты и артиллерийского полка — 400 танков различных типов: БТ, Т-34, КВ. В механизированный корпус входили две танковые дивизии и одна моторизованная. К осени 1941 года планировалось создать 20 новых механизированных корпусов. В июне 1941 года многие из этих корпусов фактически существовали только на бумаге.

Подготовленных технических и командных кадров для них пока не имелось. Подавляющая часть личного состава набранного из пехоты и кавалерии, не смогла к началу войны получить необходимой специальной подготовки. Поставка новых танков значительно запаздывала. В результате к моменту немецкого нападения большинство корпусов оказалось неукomплектованными. Так, 14-й механизированный корпус, входивший в состав войск ключевого Западного фронта, согласно штатному расписанию должен был иметь 1025 танков, в том числе Т-34 — 420 и КВ-1 — 126. В действительности же корпус располагал всего 508 устаревшими легкими танками БТ. Но даже и эти танки корпус получил только в

конце апреля. К тому же ощущалась острая нехватка транспортных машин и ремонтных средств.

Первые бои

Когда 22 июня 1941 года началась операция «Барбаросса», задачи, стоявшие перед немецкими армиями вторжения, были огромны. Во время битвы за Францию 1940 года немцы сделали рискованную ставку на стремительный маневр своих танковых дивизий и выиграли. Русская авантюра была чревата несоизмеримо большим риском. Немцам была необходима быстрая сокрушительная победа, русским необходимо было выиграть время. В этой схватке танкам Т-34 уже в первые недели войны предстояло сыграть важную роль. Их первые успехи, однако, наносили противнику скорее моральный, чем материальный урон. Впервые за почти два года успешных боев немецкие танкисты, столкнувшись с этим танком, испытали, что такое настоящий страх.

8 июля 1941 года танки 17-й танковой дивизии медленно продвигались вперед к Днепру в районе города Сенно, вминая гусеницами рожь и картофельную ботву. То тут, то там над полем в небо поднимались столбы черного маслянистого дыма, отмечая место последней битвы русского легкого танка Т-26 или немецкого Т-III. У немецких танков, далеко оторвавшихся от своих тыловых подразделений, боеприпасы были на исходе. Как раз в тот момент, когда усталые канониры в своих душных, пропахших пороховым дымом башнях получили приказ экономить снаряды, из густой ржи выполз приземистый Русский танк, силуэт которого был немцам незнаком. Несколько немецких танков открыли по нему огонь, но снаряды рикошетом отлетали от его массивной башни. Русский танк свернул на проселочную дорогу, на которой стояла немецкая 37-мм противотанковая пушка. Немецкие артиллеристы выпускали снаряд за снарядом в надвигавшийся танк, пока он не подошел к пушке вплотную, развернулся на своих широких гусеницах и вдавил ее в землю. Затем, оставив позади себя подожженный Т-III, танк углубился в немецкую оборону на 15 километров, пока не был подбит с тыла снарядом из 100-мм орудия. Таким было первое знакомство танкистов 17-й танковой дивизии с Т-34.

Подобные стычки, как эта, происходили и на других участках Восточного фронта в первые недели операции «Барбаросса».

Встречи с Т-34 производили гнетущее впечатление на немецких танкистов, чей боевой дух частично основывался на твердой уверенности в превосходстве немецкой техники. «Чудо-оружие, — говорилось в одном немецком докладе о Т-34, — сеющее страх и ужас везде, где оно появляется...» Тем временем немецкие пехотинцы придумали ехидное прозвище для штатной 37-мм противотанковой пушки — «армейская хлопушка».

Более тяжелый собрат «тридцатьчетверки» — КВ-1 также вызывал страх у немцев. 1-я танковая дивизия, входившая в группу армий «Север», столкнулась с этим танком три дня спустя после начала войны. Вот что говорится в журнале боевых действий этой дивизии.

«Наши танковые роты открыли огонь с расстояния в 700 метров, но он оказался неэффективным. Мы сблизились с противником, который со своей стороны невозмутимо двигался прямо на нас. Вскоре нас разделяло расстояние в 50-100 метров. Началась фантастическая артиллерийская дуэль, в которой немецкие танки не могли добиться никакого видимого успеха. Русские танки продолжали наступать, и все наши бронебойные снаряды просто отскакивали от их брони. Возникла опасная ситуация прорыва советских танков через боевые порядки нашего танкового полка к позициям немецкой пехоты и в тыл наших войск... В ходе сражения нам удалось повредить несколько советских танков, используя специальные противотанковые снаряды с расстояния от 30 до 50 метров».

Советскому командованию было известно, что немецкие танковые группировки испытывают трудности, но оно само находилось в исключительно трудном положении. Советские армии, корпуса и дивизии были лишь частично укомплектованы личным составом, танковый парк резко сократился. О создании крупных механизированных корпусов не могло быть и речи. Русские вернулись к практике создания отдельных танковых бригад. Но на практике даже эти бригады в редких случаях были полностью укомплектованы. Вскоре число танков в бригадах снизилось в среднем до 50 танков, сведенных в два батальона. Такая организационная форма применения танков лучше отвечала требованиям момента, командирам советских танковых соединений необходимо было пройти переподготовку в ходе

боевых действий. К тому же небольшие бригады легче было перебросить, чтобы заткнуть брешь в прорванной линии обороны. Русские стремились укомплектовать танковые бригады возможно большим числом «тридцатьчетверок», на выпуске которых были сосредоточены их основные усилия. И главное, эти танки наносили немцам ощутимый урон, который танковым заводам «третьего рейха» было трудно восполнить. Так, например, в начале вторжения немцы имели в строю 531 танк Т-IV, которым они спешно стремились заменить свой основной танк Т-III; девять месяцев спустя, к 1 апреля 1942 года, этих средних танков насчитывалось всего 552. Производство едва успевало восполнять боевые потери.

Москва, зима и Жуков

Успешные оборонительные операции Красной Армии под Москвой были одним из поворотных моментов второй мировой войны. Как ни странно, однако, роль советского солдата в этой победе явно принижается: грязь, а затем мороз, твердят нам снова и снова, остановили немецкие танки. Главным противником была зима, которой помогли досадные просчеты Гитлера. Эта версия получила хождение потому, что немецкие генералы написали гораздо больше мемуаров, чем русские полководцы: воспоминания Манштейна, Гудериана, Меллентина, Зенгера,^[149] Гальдера были полностью переведены на английский язык, а Клейст, Блюменталь и другие излили свою душу в журнальных статьях и воспроизведенных в печати интервью с английскими и американскими журналистами и историками. У русских же только воспоминания маршалов Г. К. Жукова и В. И. Чуйкова изданы на английском языке.

Если же на оборону Москвы взглянуть с другой — русской стороны холма, то мы увидим совсем иную картину. Провал немецкого наступления вызван как стратегическими просчетами Гитлера, так и тактическими неудачами командиров немецких танковых соединений. Эти существенно важные тактические неудачи произошли потому, что на пороге триумфа немецкие танковые дивизии понесли тяжелые потери от ударов новых советских танков.

Хотя танковые группировки немцев добились еще одного крупного успеха в районе Вязьмы и Брянска, широкие черные стрелы на

штабных картах, показывающие продвижение немецких войск, вползали в зиму. К тому же, опьяненные успехом, немецкие командиры стали допускать тактические ошибки, которые были умело использованы накопившими боевой опыт русскими танкистами.

Осень была неблагоприятным периодом для операций немецких танковых дивизий. Их танки беспомощно застревали в грязи проселочных дорог и полей. Русские же Т-34 без особого труда преодолевали распутицу благодаря своим широким гусеницам — 47-мм по сравнению с 42-мм у Т-III — и более высокой мощности двигателей. Тут именно и проявила себя их высокая маневренность.

Наступил момент для русского танкового контрудара. Пусть даже небольшого масштаба. Да он и не мог быть крупным, так как к этому времени на всем Западном фронте у русских имелось всего 383 танка.

В первых числах октября вновь сформированная 4-я танковая бригада под командованием полковника М. Катукова, только что переброшенная под Москву, получила срочный приказ выдвинуться в Мценск и закрыть танковым колоннам Гудериана дорогу на Тулу.

В авангарде танковой армии Гудериана находилась 4-я танковая дивизия, которой командовал генерал фон Лангерманн. 3 октября танки этой дивизии столь внезапно ворвались в Орел, что на улицах все еще ходили трамваи. Впереди лежало открытое пространство. Путь на Москву был, по существу, открыт. Бригада Катукова с ее 50 танками оказалась единственной танковой частью русских, ставшей на пути дивизии Лангерманна.

Катуков действовал без промедлений. Выставив приданный ему стрелковый батальон в качестве оборонительного заслона, он выдвинул вперед танковые засады. Когда утром 6 октября колонна немецких танков выступила из Орла, «тридцатьчетверки» нанесли ей столь свирепый фланговый удар, что более 30 немецких танков остались догорать на поле боя. Катуков благоразумно отвел свои танки назад. Его потери неизвестны, но Гудериан, осматривая поле боя тремя днями позже, сосчитав подбитые танки, заметил: «Русские понесли значительно меньшие потери, чем они нанесли нашим танкам...» И мрачно добавил: «Они научились воевать».

Немцы обнаружили, что в танковых дуэлях Т-34 имеют особенно ощутимое тактическое превосходство над Т-IV, короткоствольное 75-мм орудие которого было способно вывести из строя русский танк

лишь в случае прямого попадания в корму, где находится вентиляционная решетка, прикрывающая двигатель, тогда как снаряд русской 76,2-мм пушки почти при любом попадании пробивал и уничтожал как Т-III, так и Т-IV. «Тяжелые потери, — отметил командир немецкой танковой группы. — Намеченное нами быстрое продвижение вперед пришлось пока отложить».

Генералу Лангерманну, действительно, пришлось задержаться на два дня. Затем он снова двинулся к Мценску. Дороги были усеяны воронками, обочины раскисли, и 4-я танковая дивизия растянулась на добрые 20 километров, когда ее передовые танки подошли к горящему городу. И вновь выкрашенные белой краской «тридцатьчетверки» бригады Катукова как привидения появились на флангах немецкой колонны, рассекли ее на части и уничтожили. Через несколько часов дивизия Лангерманна была, по существу, разбита. Немецкие башенные стрелки, со своей стороны, обнаружили, что новые русские боевые машины — это не легко уязвимые БТ и Т-26 первых дней Восточной кампании. Немецкий младший офицер-танкист сделал следующий вывод: «...нет ничего более ужасного, чем танковый бой против превосходящих сил. Численный перевес здесь ни при чем, мы к этому привыкли. Но когда у противника танк лучше, это — страшно. Ты даешь полный газ, но твой танк слишком медленно набирает скорость. Русские танки такие быстрые, на близком расстоянии они успевают взмахнуть на холм или проскочить болото быстрее, чем ты можешь развернуть башню. И сквозь шум, вибрацию и грохот ты слышишь удар снаряда в броню. Когда они попадают в наши танки, по большей части раздается глубокий затяжной взрыв, а затем ревущий гул вспыхнувшего бензина, гул, слава богу, такой громкий, что мы не слышим вопли экипажа...»

Редко, когда значение технического превосходства было бы продемонстрировано столь убедительно.

Советское командование, разумеется, высоко оценило успешные действия бригады Катукова, показавшие, что танковые дивизии врага могут быть остановлены и разбиты. Катукovu присвоили звание генерал-майора, наградили орденом Ленина, а 4-я танковая бригада удостоилась чести стать первым гвардейским танковым соединением: она была переименована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

Подобные успешные действия были важны в том плане, что они задержали продвижение немецких войск до прихода зимы и выиграли время, необходимое русским для обороны и решающего контрудара. Такие же небольшие по численности, но грозные по своей эффективности группы Т-34 внезапно появлялись на флангах немецких танковых дивизий, легко спускались с холмов на своих широких гусеницах, наносили урон врагу и исчезали снова в ранних зимних сумерках.

К началу декабря немецкие армии были остановлены, измотаны и растянуты до предела. Наступил момент для русского контрнаступления, и человек, который готовился начать его, уже стоял во главе советских армий. Командовать решающим Западным фронтом, оборонявшим Москву, Сталин в октябре назначил генерала армии Г. К. Жукова.

Решительный, требовательный, наделенный кипучей энергией, Жуков начал оттачивать свое военное искусство в боях против японских войск в Монголии в 1939 году. Одним из его стратегических приемов было позволить противнику истощить свои силы в атаках, нанося ему при этом максимально возможный урон, тогда как он сам незаметно накапливал силы, чтобы создать местный численный перевес. Затем, когда силы противника были растянуты до предела, Жуков наносил контрудар по дезорганизованному и обескураженному противнику на участке фронта, где наступление врага провалилось. Это была превосходная тактика против танковых дивизий, которая, несмотря на свою кажущуюся простоту, требовала, однако, высокого мужества от принимавшей на себя первый удар противника русской пехоты, и высокого, приобретенного дорогой ценой мастерства от немногочисленных советских танковых частей.

Для контрнаступления Жуков собрал все имевшиеся у него под Москвой силы, включая превосходные стрелковые дивизии, переброшенные из Сибири, но танков у него было явно недостаточно. В общей сложности у него имелось 17 армий (русская армия по своей численности обычно равнялась английскому или американскому войсковому корпусу), хотя термин «армия», пожалуй, несколько претенциозен применительно к некоторым из этих спешно созданных группировок и соединений. Одной из таких оперативных группировок

командовал отличившийся в боях под Мценском генерал-майор Катуков.

Начавшееся в декабре советское контрнаступление имело решающее значение для ликвидации немецкой угрозы Москве. Войска группы «Центр» были отброшены от советской столицы и на ряде участков оказались на грани уничтожения. Оставляя сотни танков и орудий на заснеженных полях, немецкие части отступали от Москвы, а войска Западного фронта продвинулись вперед на 70—100 километров и, как скупно отметил Жуков, «несколько улучшили общую оперативно-стратегическую обстановку на западном направлении».^[150]

Однако окружить и уничтожить основную массу немецких войск не удалось. Причина была простой: у русских не было достаточно танков для такой операции. Сам Жуков сделал следующий лаконичный вывод: «Опережать маневр противника, быстро обходить его фланги, перерезать тыловые пути, окружать и рассекать вражеские группировки можно только с помощью мощных танковых и механизированных соединений».^[151]

Тем не менее первая половина поставленной русскими перед собой задачи была ими решена. Контрудар, нанесенный Жуковым под Москвой, дал Советскому Союзу необходимое время. Больше всего это относилось к их танковым войскам. Будут и ошибки, и просчеты, и суровые испытания. Но русские бронетанковые войска имели превосходное оружие и достаточно времени. У них также был полководец, который четко представлял, что танки могут и чего они не могут сделать.

Вызов и ответ

Неудивительно, что трудности, с которыми немецкие танковые дивизии столкнулись в России, усилили тревогу немцев по поводу технического превосходства советских танков.

Гудериан потребовал создать комиссию из представителей управления вооружений сухопутных сил, министерства вооружений, танкостроительных заводов и конструкторов и прислать ее срочно на фронт для изучения подбитых и захваченных «тридцатьчетверок». Он также предложил немедленно начать производство противотанковых орудий, способных вести борьбу с новыми русскими танками.

Немецкая танкостроительная промышленность и конструкторские бюро переживали состояние замешательства, граничащего с паникой. Лихорадочное переоснащение средних танков Т-III длинноствольной 50-мм пушкой можно было посчитать не более как промежуточным решением, поскольку этот танк значительно уступал Т-34 в других важных отношениях. Выбор по необходимости пал на Т-IV, который фактически стал основным танком немецких бронетанковых соединений до конца войны, после того как на нем установили более мощные 75-мм орудия различных модификаций.

Одновременно началось проектирование нового 56-тонного танка Т-VI, оснащенного 88-мм пушкой и толстой 100-мм лобовой броней. Прототип этого гиганта был создан к 20 апреля 1942 года — дню рождения Гитлера, — и через три месяца началось серийное производство этого тяжелого танка, названного «тигром».

Оснащение танковых дивизий таким танком, как «тигр», свидетельствовало о начавшейся эрозии наступательного духа немецких танковых войск. «Тигр», по существу, был отличным оборонительным оружием, используемым либо для поддержки пехоты при штурме укрепленных позиций, либо как стационарная огневая точка. Его скорость по пересеченной местности равнялась примерно 30 км/час, запас хода не превышал 110 километров, а удельная мощность двигателя — жалкие 12,3 л. с. на тонну веса, что значительно затрудняло применение «тигров» в высокоманевренных операциях. «Тигры» к тому же часто страдали от технических

поломок, и потерпевший аварию танк мог отбуксировать лишь другой «тигр».

Требовался иной танк — такой, как Т-34, но с более мощной пушкой и лучшей броней. От немецких танкистов, воевавших на Восточном фронте, поступило предложение — оскорбительное, несомненно, для немецких конструкторов, — чтобы Т-34 был скопирован и выпущен в немецком варианте. Это предложение было с ходу отклонено не столько по причинам уязвленной гордости, а потому, что немецкая промышленность была не способна в короткие сроки наладить массовое производство алюминиевого дизельного двигателя.

Поэтому немцы начали создавать новый средний танк Т-V, позднее названный «пантерой». Это был 45-тонный танк, покатаая и наклонная броня которого была скопирована с Т-34. Он имел 75-мм орудие с длиной ствола 70 калибров. Толщина башенной брони равнялась 120 мм, скорость по шоссе составляла около 50 км/час, а удельная мощность двигателя — 15 л. с. на тонну. Казалось, немцы наконец-то нашли, что противопоставить Т-34, так как «пантера», безусловно, была одним из наиболее удачных танков второй мировой войны. Она начала поступать на вооружение танковых дивизий весной 1943 года, но, как выяснилось позднее, страдала серьезными техническими неполадками.

Тем временем русские тоже не стояли на месте. Русские инженеры-танкисты хорошо понимали, что в Т-34 они имеют чемпиона, но первым моделям танка также были присущи некоторые недоработки, требующие устранения. В суматохе и организационных сбоях, вызванных перебазированием танковых заводов в восточные районы страны, многого сделать было нельзя, хотя определенная модернизация, не затрагивающая темпы производства этих срочно необходимых фронту машин, была проведена.

На более поздние модели ставилась литая шестигранная башня с командирской башенкой, уязвимый зазор между башней и корпусом был существенно сокращен, запас горючего увеличен, улучшена коробка передач — ее заменили на пятиступенчатую, повышена толщина брони — на новых башнях она достигла 90 мм. В 1942 году Русская промышленность выпустила более 5 тысяч танков Т-34, оснащенных 76,2-мм пушкой.^[152] Однако в связи с появлением новых,

более мощных немецких танков стала очевидной необходимостью в существенной модернизации «тридцатьчетверки».

На танк установили новую литую, с расширенным погоном башню, в которой разместили еще одного члена экипажа — наводчика, и поставили длинноствольную 85-мм пушку, тактико-технические характеристики которой были приблизительно такими же, как у 88-мм пушки, стоявшей на первых моделях «тигра».

Установка более мощного орудия, более тяжелой башни и увеличение толщины брони привели к возрастанию веса танка с 27 до 32 тонн. Тем не менее боевые качества Т-34-85 говорят о высокой эффективности модернизированной конструкции танка. Когда зимой 1943 года его запустили в серийное производство, он был самой грозной боевой машиной по сравнению с танками других армий мира, хотя, возможно, в некоторых отношениях уступал «пантере». Сами русские, однако, не разделяют этого утверждения. Сообщения с фронта указывают на то, что русские танкисты, сравнивая Т-34-85 с захваченными «пантерами», предпочитали советский танк, поскольку он практически сохранил свои прежние великолепные маневренные качества и проходимость, тогда как «пантеры» страдали от механических неполадок и, главное, легко загорались.

Пожалуй, наиболее существенное преимущество Т-34-85 заключалось в том, что создание этой более мощной боевой машины, способной противостоять новому поколению немецких танков, не отразилось на темпах и количестве выпускаемых в Советском Союзе танков. Кошкин уже умер, но совершенство основной конструкции танка и заложенные в ней технические резервы давали советским танковым заводам огромные преимущества в том, что касалось количества выпускаемых боевых машин.

В 1943 году советская промышленность выпустила около 10 тысяч танков, из них примерно 60 процентов составляли Т-34.^[153] В 1944 году, несмотря на некоторую перестройку технологического процесса в связи с запуском новой модели танка, советские заводы дали фронту 11 тысяч Т-34-85.

Что же касается немцев, то в 1943 году было построено около 1780 «пантер», в 1944 году — 3740, а «тигров» с августа 1942 по август 1944 года было выпущено всего около 1350. Таким образом, основу немецких бронетанковых войск по-прежнему составляли различные

модификации Т-IV, который явно уступал Т-34-85. Всего немцы за годы войны выпустили около 9 тысяч этих средних танков, так что общее превосходство по числу танков совершенной конструкции оставалось за русскими, поскольку военная промышленность «третьего рейха» оказалась не в состоянии наладить производство новых моделей в достаточных количествах.

Окружение и уничтожение 6-й немецкой армии в Сталинграде имело важное значение для русских бронетанковых войск по двум причинам. Во-первых, тактика и стратегия «блицкрига», вновь примененная генерал-полковником Готом и генерал-фельдмаршалом Клейстом на широких просторах русских степей еще раз показала, что она приносит успехи, но не победу. Во-вторых, под воздействием неудач под Сталинградом, а затем катастрофы на Волге упал боевой дух немецких танковых войск. Давая оценку действиям немецких войск летом 1942 года, один из прославленных защитников Сталинграда маршал В. И. Чуйков отметил: «...я ожидал от артиллерии противника классического взаимодействия, четкой организации огневого вала, молниеносного маневра огнем и колесами. Но этого не было. Я встретился с далеко не новым методом медленного прогрызания последовательно одной траншеи за другой...

Немецкие танки не шли в атаку без пехоты и без поддержки авиации. На поле боя не заметно было “доблести” немецких танкистов, их смелости и быстроты действий, о которых писали зарубежные газеты».^[154]

После Сталинграда характер танковых операций изменился, и обе стороны были заняты поисками новой тактики и стратегии. Для немцев дни «блицкрига» канули в Лету.

Прежде всего на характере танковой войны сказывалось появление нового оружия: новые тяжелые немецкие танки «тигр» и русские ИС радикально отличались от Т-III и Т-34. Был создан новый тип бронированных боевых машин — самоходные артиллерийские установки (САУ). Это оружие более подходило для растущего боевого мастерства русских, чем для сломленного боевого духа немецких танковых дивизий.

Что касается немцев, то самоходные артиллерийские установки «ягдпанцер» символизировали перемены в их теоретическом подходе к танковой войне. САУ в их роли истребителей танков были, по

существо, оборонительным оружием, которое лучше подходило для использования в засаде или в полустационарных позициях. Гитлер уже доверительно сообщил некоторым своим генералам, что «время танков, вероятно, скоро истечет». Этот пессимизм был вызван созданием кумулятивных боеприпасов и ручных гранатометов типа базука, или фаустпатрон для пехотинцев, способных в руках смелых и решительных солдат вывести из строя тяжелый танк.

Однако русские подходили к САУ с других позиций. Использование тяжело вооруженных, но более простых в производстве самоходных артиллерийских установок позволяло наращивать ударную мощь танковых соединений, да и в целом артиллерийские традиции русских основывались на концепции сопровождения наступающих войск огнем и колесами и оказания им непосредственной огневой поддержки.

В 1942 году растущая потребность в эффективной, но более простой бронированной машине привела к проектированию и созданию первой советской самоходной артиллерийской установки СУ-76. Это была проверенная в боях и хорошо зарекомендовавшая себя 76,2-мм дивизионная пушка, установленная на шасси легкого танка Т-70. Ко времени ее широкого поступления в войска это орудие, однако, оказалось недостаточно эффективным для борьбы с новыми типами немецких танков, и возникла необходимость в создании более тяжело вооруженных САУ.

Основой для новой самоходной установки послужило шасси Т-34, на которое была установлена 85-мм пушка. СУ-85 была спроектирована как истребитель вражеских танков, но это же орудие при использовании фугасных снарядов могло с успехом применяться и для поддержки пехоты при штурме оборонительных позиций противника. Осенью 1944 года появляется более мощная самоходка на шасси Т-34 — СУ-100. Эти две самоходные установки составляли основу советских самоходных противотанковых орудий до конца войны. Третьим САУ созданным на шасси «тридцатьчетверки», была СУ-122 — 122-мм дивизионная гаубица, успешно использовавшаяся для сопровождения пехоты.

По мере поступления этих новых самоходных артустановок они заняли прочное место в бронетанковых соединениях. В 1942 году сама организация советских бронетанковых войск вновь претерпела

изменения, и в последующие два года их организационно-штатная структура была значительно усовершенствована. Танковые бригады теперь начали объединяться в более крупные соединения — танковые и механизированные корпуса и даже танковые армии.

Новые танковые корпуса первоначально отличались друг от друга по своим размерам и композиции. В максимальном варианте корпус имел в своем составе три танковые бригады^[155] — примерно 200 танков Т-34, КВ-1 и Т-70, мотострелковую бригаду и сильные части поддержки: мотоциклетный батальон, разведывательный батальон, три полка САУ, зенитный и минометный полки, легкий артиллерийский полк, дивизион «катюш», подразделения материально-технического обеспечения и управления. Таким образом, советский танковый корпус имел сильную мотопехоту для развития успеха после прорыва танками обороны противника.

Структура новых механизированных корпусов отличалась тем, что танковые и механизированные бригады как бы поменялись ролями: три механизированные бригады (в составе танкового полка и трех мотострелковых батальонов каждая и одна танковая). Эти корпуса предназначались для ввода в прорыв и развития наступления вместе с танковыми корпусами.^[156]

Одновременно продолжалось формирование отдельных танковых бригад, число танков в которых заметно возросло (в основном средние и тяжелые боевые машины). Самоходные артиллерийские полки использовались в качестве мощного средства огневой поддержки танковых и мотострелковых частей, особенно в оперативной глубине.

Имелся еще один вид бронетанковых соединений — отдельные тяжелые танковые полки, имевшие на вооружении вначале танки КВ (всего 21 танк), а с 1944 года — новый тяжелый танк ИС-2. Этот 46-тонный танк имел лобовую броню толщиной 120 мм и развивал скорость около 34 км/час. Он был вооружен грозной 122-мм танковой пушкой, снаряд которой весил 25 кг и имел начальную скорость 790 м/сек. В конце войны появился новый тяжелый танк ИС-3. Этот последний танк обладал скоростью до 40 км/час и имел улучшенную броневую защиту.

Тяжелые танковые полки использовались для прорыва подготовленной обороны. В этой роли их дополняли самые тяжелые советские САУ — СУ-152 — 152-мм пушка-гаубица на шасси КВ. За

сокрушительное действие снарядов этой САУ против немецких «тигров» и «пантер» русские пехотинцы прозвали ее «зверобоем».

Пока вся эта новая боевая техника все в больших и больших количествах поступала на вооружение войск, советское командование, и Жуков в частности, занималось поисками новой стратегии и тактики применения танковых корпусов и армий. Стил лихих кавалерийских рейдов, практиковавшихся в начале Восточной кампании немецкими танковыми дивизиями, ими был отвергнут. Русские сделали упор при наступлении на массированное применение танков, а в оборонительных операциях — на глубокоэшелонированную оборону.

И таким образом, 1943 год стал годом проверки боевых качеств новых советских бронетанковых войск. Он ознаменовался величайшим танковым сражением в истории мира — битвой на Курской дуге. Эта битва имела далеко идущие последствия, потому что после нее немецкие танковые войска навсегда утратили роль наступательных стратегических сил.

В начавшейся 5 июля 1943 года грандиозной битве под Курском ставки для обеих сторон были огромны. Русские сосредоточили в районе Курского выступа 3600 танков и САУ — одну треть своих танковых сил, около 20 тысяч орудий и минометов, 1,3 миллиона человек и 2400 самолетов.^[157] Для немцев, однако, риск был еще большим — на карту были поставлены основная масса их бронетанковой техники и престиж восстановленных танковых дивизий.^[158] Без танковых сил Гитлер не мог выиграть войну. Под Курском он рискнул наконец бросить их на чашу весов судьбы.

Операция, названная немцами «Цитадель», оказалась обреченной на провал с самого начала.

Атака группировки генерала Моделя на северном фланге дуги захлебнулась в противотанковой обороне армий Центрального фронта генерала Рокоссовского. В южном секторе Курского выступа, где 4-й танковой армии Гота удалось продвинуться в глубь советской обороны на 20 километров, кризис наступил через неделю. Подвергаясь контрударам с флангов и неся с каждым днем возрастающие потери, Гот решил предпринять обходной маневр и пробиться в район деревни Прохоровки, к юго-востоку от Обояни, откуда он мог нанести удар в тыл русских войск. Несмотря на понесенные потери, танковые

дивизии Гота все еще составляли грозную силу — около 600 «тигров», «пантер», Т-IV и САУ. Наступил переломный момент битвы.

Советское командование решило бросить в бой свой танковый резерв — 5-ю гвардейскую танковую армию генерала П. А. Ротмистрова и превратить этот шахматный маневр немцев в смертельную для них западню.

Утром 12 июля в район Прохоровки навстречу прорвавшейся бронированной фаланге танков Гота^[159] устремилась лавина «тридцатьчетверок» Ротмистрова. Передовой эшелон русских танков на полном ходу врезался в боевые порядки немецкой армады, рассекая их по диагонали и стреляя в упор в духе прежних отчаянных кавалерийских атак. Никогда раньше и после танки не использовались подобным образом в таких масштабах. Более 1200 боевых машин крутились на узком пространстве, сбившись в гигантский клубок, окутанный густыми тучами пыли и черного маслянистого дыма горящих танков и самоходок. В этом «рукопашном» бою, где дистанция огня часто не превышала 100 метров, 76,2-мм пушки «тридцатьчетверок» пробивали толстую броню «тигров» и «пантер», длинные и более мощные орудия которых в свою очередь сеяли смерть среди советских танков. Когда наступила ночь, темноту еще долго озаряли искры и бушевавший огонь над сотнями и сотнями горевших танков и самоходных орудий и обломками сбитых самолетов. По подсчетам русских, Гот потерял за один этот день 350 танков и более 10 тысяч танкистов и пехотинцев.^[160] Точных сведений о русских потерях нет, но они несомненно, были чувствительными. С этого дня и до конца войны немецкие бронетанковые войска никогда уже более не смогут восстановить свою мощь, и инициатива прочно перейдет к окрыленным своей победой русским.

Еще в ходе сражения на Курской дуге русские перешли к осуществлению второй части своего стратегического плана — контрнаступлению. 12 июля они начали наступательные операции против немецких войск в районе Орла, а 3 августа — против ослабленных немецких армий на южном фланге и добились блестящих успехов. 5 августа они овладели Белгородом и Орлом, 23 августа — Харьковом. В сентябре был освобожден Донбасс, а 22 сентября русские танки 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко достигли берега Днепра в районе Канева. Как и для немцев, так и для

русских это были решающие события. С этого момента началось последовательное и безжалостное преследование отступающих немецких армий, которое закончится весной 1945 года в Берлине.

Алан Кларк

Величайшая танковая битва в истории^[161]

Из всех крупных операций второй мировой войны, пожалуй, ни одна так не напоминает сражения 1914–1918 годов, как немецкое наступление на Курской дуге в 1943 году. Справедливо названное величайшим из всех танковых сражений — в разгар его почти 3 тысячи танков одновременно передвигались на поле боя, — оно с самого начала и до конца было колоссальной битвой на обескровливание и уничтожение противника, ожесточенной схваткой, которая велась в узкой полосе фронта глубиной не более 30 километров, где минные поля, мощь и плотность огня и количество боеприпасов (а не маневренность) играли решающую роль. Есть и другая сторона этой битвы, сломившей хребет немецких танковых войск и навсегда передавшей стратегическую инициативу в руки русских, которая заставляет вспомнить первую мировую войну — длительные проволочки и споры, предшествовавшие началу немецкого наступления.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн, командующий группой армий «Юг», первоначально собирался нанести удар по Курскому выступу сразу же после захвата немцами Харькова и Белгорода в марте 1943 года, но ввиду начинавшейся оттепели и трудности убедить командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге перейти в наступление на северном фасе Курской дуги этот план не был реализован. К нему вернулись вновь в апреле на совещании начальников штабов, которое начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Цейтцлер созвал в штаб-квартире ОКХ в Летцене. К этому времени Манштейн был больше склонен к нанесению мощного танкового удара (операция «Пантера») юго-восточнее Харькова, но Цейтцлер рассудил, что наступление под Курском сопряжено с меньшим риском и «не потребует столь значительных резервов». Проект операции, предлагавший нанести два сходящихся удара по Курскому выступу войсками генерал-фельдмаршалов фон Клюге (9-я армия генерала Моделя) и фон Манштейна (4-я танковая армия Гота), был представлен Гитлеру 11 апреля. Фюрер, однако, колебался. В предложенном Цейтцлером плане

говорилось, что для обеспечения успеха наступления потребуется 10–12 танковых дивизий, поддержанных пехотой. Гитлер считал это недостаточным, и, когда Цейтцлер заметил, что для захвата Харькова понадобилось всего пять танковых дивизий, фюрер возразил: успех был достигнут благодаря применению тяжелых танков «тигр», «батальон которых стоит обычной танковой дивизии». Для своего весеннего наступления Гитлер твердо решил использовать также новейшие средние танки «пантера».

Споры о плане новой наступательной операции тянулись несколько недель, причем Гитлер, судя по всему, действительно испытывал сомнения, а производство танков «пантера», которые страдали рядом неустраненных технических дефектов, оставалось на низком уровне — 12 машин в неделю. В апреле полемика по поводу нового летнего наступления охватила все верхние эшелоны нацистского командования. Начальник штаба оперативного руководства ОКБ генерал-полковник Йодль был против операции «Цитадель», считая опасным использовать стратегический резерв, когда в Средиземноморье складывается опасная ситуация, чреватая новыми кризисами. Цейтцлер парировал этот довод парадоксальным аргументом, что вооруженные силы Германии на Восточном фронте настолько слабы, что не могут бездействовать и «ждать удара», а должны сами предпринять активные действия, чтобы ослабить наступательный порыв русских. Не обошлось, разумеется, и без личных распрей. Заместитель начальника штаба оперативного руководства генерал Варлимонт пишет, что «Цейтцлера не интересовали эти далекие от Восточного фронта проблемы, но сам факт, что он, начальник генерального штаба ОКХ, отстранен от участия в них, был источником его постоянного недовольства. Поэтому Цейтцлер тем более настаивал на проведении “своего” наступления и жаловался Гитлеру на вмешательство Йодля в его сферу ответственности».

Штаб оперативного руководства ОКБ, в свою очередь еще в большей степени был отстранен от решения вопросов, связанных с Восточным фронтом. Из центра общего руководства военными усилиями Германии он теперь стал чем-то вроде филиала оперативного отдела штаба сухопутных войск, ответственного за положение на всех других театрах войны, за исключением России.

Только один человек — Гитлер имел возможность видеть общую картину стратегического положения Германии, а те лица, которые докладывали ему по военным, экономическим или политическим вопросам, могли дать совет лишь на основании своих ограниченных и узковедомственных знаний. В результате большинстве приверженцев проведения операции «Цитадель» были из числа генералов, занимавших командные посты на советско-германском фронте, а противники операции (за исключением Гудериана) не имели доступа к подробной информации, которой их оппоненты могли свободно жонглировать в поддержку своей точки зрения.

Если разногласия между Цейтцлером и Йодлем таили в себе элемент личной неприязни, то вражда между Гудерианом и Клюге носила открытый и скандальный характер. Они почти не разговаривали друг с другом даже на торжественных церемониях, а в мае Клюге обратился к Гитлеру за разрешением вызвать Гудериана на дуэль. Как командующий группой армий «Центр», Клюге был горячим сторонником операции «Цитадель». На протяжении последнего года его группа армий находилась в обороне и ничем не проявила себя. Гудериан же после смещения с командного поста в декабре 1941 года находился в опале, но в феврале 1943 года Гитлер вызвал его в свою ставку в Растенбург, назначил на влиятельный пост генерал-инспектора бронетанковых войск и наделил широкими полномочиями. Для Клюге и других немецких генералов, завидовавших влиянию Гудериана, было нетрудно преподнести его возражения против «Цитадели» как результат опасений, что эта операция может ослабить его контроль над немецкими бронетанковыми войсками.

Тем временем Гитлер через своего старшего адъютанта Шмундта продолжал выяснять мнения полевых командиров. Большинство из них высказалось за проведение операции, но было одно примечательное исключение. Генерал Модель, который командовал 9-й армией и подчинялся Клюге, доложил, что сомневается в успехе наступления. Воздушная разведка и донесения патрулей свидетельствуют о том, что русские знают, где и когда немцы собираются нанести удар, и энергично готовятся к отражению атаки. В ответ на это сторонники операции привели следующий довод. Если русские действительно готовятся дать бой на Курской дуге, то это является признанием стратегической важности этого участка фронта и

приведет к тому, что значительная часть советских бронетанковых войск будет втянута в сражение.

Недели сменяли друг друга, и в связи с наращиванием русских сил первоначальный замысел операции «Цитадель» претерпел существенное изменение: из короткого внезапного удара, который должен был сорвать наступательные планы русских, она превратилась в лобовую массированную атаку, пробу сил обеих сторон, исход которой должен был решить весь ход летней кампании 1943 года.^[162] В начале мая Гитлер по-прежнему никак не мог решиться утвердить директиву о наступлении, и 3 мая в Мюнхене было созвано совещание командующих армиями и группами армий для обсуждения перспектив операции. На этом двухдневном совещании только Гудериан твердо выступил против наступления (его, правда, поддержал также министр вооружений Шпеер в части, касающейся военной техники и производства вооружений). Цейтцлер и Клюге решительно высказались за наступление. Манштейн, как правило терявшийся в присутствии Гитлера, ограничился заявлением, что наступление имело бы успех, если бы его смогли начать в апреле, теперь же ему трудно составить определенное мнение. Наиболее убедительные аргументы против наступления, казалось, привел сам Гитлер, который, кратко изложив соображения генерала Моделя, завершил свое выступление следующими словами: «Модель сделал правильный вывод, что противник рассчитывает на наше наступление, поэтому, чтобы добиться успеха, нам нужно избрать новый тактический подход».

Однако Гитлер все еще не хотел принимать окончательное решение и в присущей ему манере уклонился от этого, вновь вернувшись к вопросу о танках «пантера». К этому времени было построено только 130 этих средних танков и из них менее 100 вступили в строй. Первоначально планировалось выпустить к концу мая 250 машин. Шпеер объяснил, что возникшие технические трудности теперь преодолены, допущенное отставание успешно ликвидируется и к 31 мая будет выпущено 324 танка. Это означало, что для использования под Курском значительного числа «пантер» начало наступления придется перенести на июнь. Была намечена условная дата 12 июня, чтобы в ожидании окончательного решения начать оперативное планирование и подготовку.^[163]

Эти данные о производстве танков обсуждались на отдельном совещании в имперской канцелярии 10 мая. После окончания совещания Гудериан подошел к Гитлеру, и между ними состоялся примечательный диалог, в ходе которого Гитлер признался, что при мысли об этом наступлении «у него начинает болеть живот». Гудериан, горячо убеждавший фюрера отказаться от операции, спросил, почему Гитлер вообще хочет начать наступление на Востоке именно в этом году. Вмешавшийся в разговор Кейтель заявил: «Мы должны начать наступление из политических соображений», на что Гудериан ответил: «Вы думаете, что люди знают, где находится Курск? Миру совершенно безразлично, находится ли Курск в наших руках или нет...» После этого Гитлер, признав, что его самого одолевают сомнения, подчеркнул, что «никоим образом не чувствует себя связанным» в решении этого вопроса.^[164]

* * *

Если бы выступавшие за проведение операции «Цитадель» немецкие генералы знали правду о приготовлениях русских, едва ли они проявляли бы такой энтузиазм. Первый анализ возможных немецких действий летом 1943 года был сделан советским командованием еще в начале апреля, в нем с поразительной глубиной предвидения предсказывался конечный план операции «Цитадель».^[165] В течение двух последующих месяцев русские укрепляли фланги Курского выступа артиллерией и танками гораздо более высокими темпами, чем противостоявшие немецкие армии.

Для координации действий трех фронтов и разработки плана контр наступления, которое намечалось начать после того, как немецкий натиск выдохнется, Ставка Верховного Главнокомандования направила в Курск Жукова и Василевского. Они пришли к выводу, что основной удар немцы нанесут из района Белгорода в секторе Воронежского фронта, которым командовал генерал армии Ватутин. В этом секторе оборону держали две ранее участвовавшие в Сталинградском сражении армии — 21-я и 64-я, переименованные теперь в 6-ю и 7-ю гвардейские армии, и сильное бронетанковое соединение — 1-я танковая армия.^[166] Северный фас Курской дуги обороняли войска Центрального фронта генерала Рокоссовского. На протяжении мая и июня на фронт подтягивались подкрепления, и в

конечном итоге в его состав вошли пять общевойсковых армий — 48, 13, 70, 65, 60-я — в первом эшелоне и 2-я танковая армия — во втором.

Два этих фронта располагали достаточными силами, чтобы сдержать немецкое наступление. Но Жуков, с присущим ему искусством сочетать тщательную подготовку наступления (характерную для планирования Сталинградской битвы) с организацией глубокой обороны (что он продемонстрировал в битве под Москвой в 1941 году), создал позади этих двух фронтов новый Степной фронт^[167] под командованием генерала И. С. Конева, в который были включены резервные силы Ставки. Этот фронт в составе нескольких общевойсковых армий, а также 5-й гвардейской танковой армии и шести отдельных танковых и кавалерийских корпусов представлял собой наиболее мощный стратегический резерв, накопленный Советским Союзом за все время войны. Он выполнял три оперативные задачи. Во-первых, служил источником подкреплений для тех участков Центрального и Воронежского фронтов, где могли возникнуть трудности; во-вторых, обеспечивал свежие войска для развития оперативного успеха и контрнаступления, как только немецкое наступление выдохнется; в-третьих, если ход сражения на Курской дуге окажется неблагоприятным, он должен был создать заслон (на заранее оборудованных позициях) у основания дуги — так что, даже если бы немцам и удалось пробиться на флангах выступа, им пришлось бы начинать все сначала, чтобы добиться прорыва советской обороны. Нельзя недооценивать и огневую мощь этих новых советских армий. В целом на выступе имелось больше артиллерийских, чем стрелковых, полков, в некоторых секторах соотношение между ними составляло пять к одному. К началу июля русские сосредоточили здесь более 20 тысяч орудий и минометов всех калибров, в том числе около 6 тысяч противотанковых пушек и 920 установок реактивных минометов.

Главная полоса обороны глубиной 5–8 километров, включавшая в себя батальонные узлы сопротивления, противотанковые препятствия и запасные инженерные сооружения, состояла из трех позиций, причем в первой из них было две-три сплошные траншеи полного профиля, соединявшиеся ходами сообщений; вторая и третья позиции имели одну-две траншеи. Вторая полоса обороны, удаленная от переднего края главной полосы на 10–15 километров, была

оборудована подобным же образом. Тыловая армейская полоса, проходившая в 20–40 километрах от переднего края, примыкала к трем фронтовым оборонительным рубежам общей глубиной 30–50 километров. А позади них находился оборонительный рубеж, занятый войсками Степного фронта!

Вся оборонительная система состояла не менее чем из восьми оборонительных полос и рубежей общей глубиной 250–300 километров. Передовая тактическая зона обороны представляла собой развитую сеть опорных пунктов, каждый из которых имел от трех до пяти 76-мм орудий, около пяти противотанковых ружей, до пяти минометов, подразделения саперных войск и пехотинцев, вооруженных пулеметами и автоматами. Несколько таких укрепленных пунктов, объединенных общим командованием и общей системой огня, составляли «противотанковый район». Средняя плотность минирования достигала на важнейших направлениях 1,5 тысячи противотанковых и 1,7 тысячи противопехотных мин на один километр фронта (в 6 раз больше, чем в обороне под Москвой, и в 4 раза больше, чем под Сталинградом).

Во всех оборонявшихся войсках велась непрерывная напряженная боевая подготовка к отражению ожидавшегося немецкого наступления.

«В период ожидания солдаты проходили физическую подготовку, совершали марш-броски. Экипажи танков соревновались в преодолении препятствий, скорости и стрельбе. На встречах с молодыми солдатами ветераны делились своим боевым опытом. В состав каждого танкового экипажа включались один-два коммуниста или комсомольца, призванных подавать пример... В свободное время демонстрировались кинофильмы, организовывались спортивные игры, опытные воины выступали с лекциями».^[168]

Основу советских бронетанковых соединений по-прежнему составляли «тридцатьчетверки», но часть тяжелых танков КВ сейчас имела 85-мм орудия, а танковым корпусам стали придаваться полки мощных самоходно-артиллерийских установок СУ-152. В инструкциях экипажам Т-34 указывалось, что «наилучший метод борьбы с “тиграми” — по возможности быстрее сблизиться с этим танком, лишив его тем самым превосходства в вооружении. Хотя лобовая броня не пробивается 76,2-мм снарядом, его бортовая броня весьма уязвима».^[169]

Эти несколько оптимистические инструкции подкреплялись тщательной боевой подготовкой. Один офицер Красной Армии описал, как его бригада, стоявшая во втором эшелоне, заранее подготовила траншеи, капониры и укрытия на передовом рубеже обороны. Были намечены маршруты выдвижения, тщательно изучена топография местности, намечены ориентиры, выверена глубина бродов и грузоподъемность мостов, заблаговременно продумана система кодов и условных сигналов, дублирована связь со штабом дивизии. Проводились ночные и дневные учебные тревоги.

С времен «бойни Нивеля» в апреле 1917 года,^[170] пожалуй, ни к одной наступательной операции противники не готовились так долго и так тщательно, как к немецкому наступлению на Курской дуге. Советский капитан-танкист так описал царившую в Красной Армии атмосферу: «В начале войны все делалось в спешке, и времени постоянно не хватало. Теперь мы вступаем в бой спокойно».

Как ни парадоксально, но в то время как приготовления русских велись энергично и изобретательно, немцы страдали от постоянных задержек и слухов об изменении плана операции и ее отмены. Наступил июнь, и запланированное число «пантер» было поставлено. Но к этому времени разведывательные сводки о приготовлениях русских стали столь тревожными, что немецкое командование решило подождать еще три недели, чтобы получить дополнительное количество «пантер» для оснащения двух батальонов и передать их дивизиям генерала Моделя на северном фланге дуги — в дополнение к тем, которые уже находились в составе 11-й танковой дивизии, моторизованной дивизии «Великая Германия» и трех танковых дивизий 2-го корпуса обергруппенфюрера СС Хауссера. Это означало, что срок начала операции «Цитадель» был вновь передвинут со второй недели июня на первые числа июля. Манштейн наконец собрался с духом и заявил, что операция не представляется более возможной и должна быть отменена. Но было уже поздно. Единодушная позиция ортодоксальных генералов и генштабистов — Кейтеля, Цейтцлера и Клюге — убедила фюрера, который, приняв решение, никогда не менял его, назначить наступление на 5 июля.

В свете имевшихся ранее у Гитлера колебаний можно предположить, что, дав согласие на проведение операции «Цитадель», фюрер руководствовался не только тактическими соображениями, но,

каковы были его более широкие мотивы, точных сведений нет. Генерал Варлимонт, в частности, считает, что Цейтцлер умело использовал патологическое предубеждение Гитлера против отвода войск, доказывая, что альтернативой этому является наступление. Доводы Йодля о назревающих угрозах в Средиземноморье и слухи о шатком положении Муссолини делали действительно необходимым предотвратить наступление русских на южном фланге и их продвижение к Балканам. Несомненно, сказался также гипнотический эффект, который оказывает перспектива крупной битвы на всех, связанных с ее планированием. Немецкие генералы указывали — и вполне обоснованно, — что им всегда удавалось добиться прорыва оборонительных позиций русских с первого удара; трудности начинались потом, когда ударная мощь танковых клиньев расплывалась в безбрежных полях и степях России. На этот раз немцы ставили перед собой ограниченную цель — два танковых клина, две бронированные клешни должны были с боями пройти менее 60 километров каждый. Безусловно, это было по плечу войскам, которые в предыдущих кампаниях одним махом совершали бросок на сотни километров. Огневая мощь и мобильность атакующих сил были более высокими, чем в 1941–1942 годах, концентрация войск более плотной, цели несравнимо менее амбициозные. Разве дело не обстояло а таким образом, что ни одна армия в мире не могла выдержать первый удар вермахта в крупной наступательной операции?

Несомненно, по любым критериям — иным, чем советские армии, — в своем окончательном виде изготавившаяся к броску немецкая группировка в последние дни июня 1943 года выглядела исключительно грозной. За счет безжалостного оголения других участков Восточного фронта число танковых дивизий было доведено до 17. 9-я армия Моделя имела в своем составе не менее трех танковых корпусов (семь танковых и моторизованных дивизий) и двух пехотных. На южном фланге Курской дуги 4-я танковая армия Гота представляла собой наиболее мощное танковое соединение, когда-либо находившееся под командованием одного командира в немецких сухопутных войсках.^[171] В полосе наступления его армии, которую с флангов поддерживали три пехотных корпуса, плечом к плечу наступали 3-я танковая, «Великая Германия», 11-я танковая, дивизии СС «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова», 6, 19, 7-я танковые

дивизии — девять лучших дивизий вермахта на фронте шириной 45 километров!^[172]

В последние дни перед наступлением странное чувство — не столько уверенность, сколько фатализм — охватило немецких танкистов: если эта сила, эта гигантская армада танков, штурмовых орудий, бронетранспортеров и артиллерии не сможет сломить русских, тогда ничто не сломит их.^[173] Педантично следуя инструкциям о соблюдении строжайшей секретности и не ведая о том что советская разведка полностью осведомлена о готовящемся наступлении, немецкие офицеры-танкисты сменили свои черные мундиры прежде, чем отправиться на передовую линию фронта для последней рекогносцировки. Изучая в бинокли позиции противника, они видели «простиравшуюся во все стороны равнину с многочисленными долинами, небольшими рощами, разбросанными там и сям деревнями с избами под соломенными крышами, речками и ручьями, из которых река Пена струила свои быстрые воды меж крутых берегов. К северу местность становилась выше, что благоприятствовало обороняющимся. Обширные поля густой и высокой пшеницы затрудняли наблюдение».

Таким было поле боя, где вермахт предпримет свое последнее крупное наступление на Восточном фронте, где произойдет величайшая танковая битва в истории человечества и одно из самых важных и ожесточенных сражений второй мировой войны.

* * *

2 июля Ставка Верховного Главнокомандования направила на фронты телеграммы, предупреждавшие о том, что немцы могут перейти в наступление в период 3–6 июля, а в ночь на 4 июля перебежчик-чех из саперного батальона 52-го армейского корпуса рассказал, что всем немецким солдатам роздан сухой паек на пять дней и дополнительные порции шнапса. Рассудив, что в ближайшие часы немцы перейдут в наступление, командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин на рассвете 5 июля, следуя намеченному плану, отдал приказ артиллеристам открыть упреждающий огонь по немецким передовым позициям и местам сосредоточения войск. Интенсивная артиллерийская контрподготовка длилась около получаса,^[174] но артиллерия противотанковых районов, подчиняясь приказам, огня не

открывала. Пока немецкие солдаты укрывались в своих блиндажах и окопах от смертоносного шквала советских снарядов и мин, им зачитали личное воззвание фюрера:

«Солдаты рейха!

Сегодня вы начинаете великое наступление, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом.

С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепится убеждение в тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам».

Любопытное отсутствие изобретательности и гибкости, весьма типичное для военного мышления немцев, которое нашло свое отражение в шаблонном тактическом планировании операции «Цитадель», вскоре проявилось и в ее осуществлении. Старая формула «блицкрига» — налет пикирующих бомбардировщиков, короткая интенсивная артподготовка, массированный танковый удар при поддержке пехоты — вновь была принята без должного учета изменившихся условий, за исключением разве что простого арифметического увеличения мощности составных компонентов атаки.

В 6.00 немецкие танки — около 2000 в первой волне, — лязгая гусеницами, выползли из своих укрытий и сухих балок и медленно, с закрытыми люками двинулись вперед через желтовато-зеленые пшеничные поля ложбины Северского Донца.

«Мы двигались вперед, а вокруг нас от огня русской артиллерии дыбом вставала земля, — писал радист “тигра”. — Иван, с присущей ему хитростью, не открывал огня в предшествовавшие недели и даже нынешним утром, когда наши орудия обрушили на него град снарядов. Но сейчас весь фронт опоясывали вспышки выстрелов. Казалось, что мы вползаем в огненное кольцо. Четыре раза наш отважный “Росинант” содрогался от прямых попаданий, и мы благодарили судьбу за прочность добротной крупновской стали».

Немцы начали наступление при фактическом равенстве в танках с русскими (хотя ни один немецкий отчет о Курской битве не признает этого) и определенном качественном преимуществе в тяжелых и средних «тиграх» и «пантерах»,^[175] но по числу орудий, весу залпа и управлению огнем артиллерия русских была несравнимо сильнее немецкой. Имевшиеся в распоряжении Манштейна артиллерийские

орудия не смогли разрушить оборонительные позиции русских или расчистить проходы через минные поля. В результате многие танки подорвались на минах на подступах к русским позициям и вскоре остались позади наступавшей немецкой пехоты. Экипажи танков получили строгие инструкции: «Ни при каких обстоятельствах не останавливать танк для оказания помощи поврежденным машинам. Техническая помощь является обязанностью только инженерных частей. Командиры танков должны продолжать наступление, пока танк не утратил мобильность. В случаях утраты танком подвижности, но при сохранении боеспособности орудия (например, технической поломки или повреждения гусеницы) экипаж должен продолжать вести огонь из неподвижного танка».

Этот приказ, по существу, обрекал на смерть экипаж поврежденного танка, так как многочисленные советские орудия могли расстрелять остановившийся танк за считанные минуты после подрыва его на mine. У русских были также специальные группы истребителей танков, укрытые в узких щелях посреди минных полей, которые особенно успешно действовали на северном фланге Курской дуги против бронетанковых войск генерала Моделя. Немцы избрали тактику наступления несколькими танковыми клиньями — «панцеркейле». На острие клина двигались «тигры», а за ними ползли средние танки «пантеры» и Т-IV. Вооруженные карабинами, автоматами и гранатами группы гренадеров наступали позади танков, а остальные пехотинцы с пулеметами и минометами следовали за ними в бронетранспортерах у основания клина. Подобная тактика означала отказ от традиционного принципа использования танковой армии как меча для нанесения глубокого удара на узком участке фронта с выходом в тыл противника. Теперь меч заменили боевым топором, которым намечалось взломать оборону противника на широком фронте. Немцы были вынуждены прибегнуть к этой новой тактике ввиду упорства, с которым советские войска обычно удерживали позиции по обе стороны прорыва, препятствуя его расширению, и значительно возросшей к лету 1943 года огневой мощи Красной Армии, что делало самостоятельные операции танковых дивизий весьма опасными — по крайней мере на ранних стадиях сражения.

Фактически и Модель, и Манштейн начали наступление, используя свои танки для непосредственной поддержки и сопровождения пехоты

в надежде, что у них останется достаточное количество боеспособных машин для развития успеха после прорыва обороны противника. Но в данном случае силы оборонявшихся не уступали наступавшим, а заблаговременно созданная русскими прочная оборона позволяла им приберечь значительную часть своих танков для заключительного этапа сражения.

Русские выработали систему управления артиллерийским огнем (немецкие солдаты называли ее «пакфронт»), основанную на создании противотанковых узлов обороны из трех противотанковых опорных пунктов в каждом — 10–12 противотанковых орудий под единым командованием, которые могли сосредоточить огонь на одной цели. Минные поля были расположены таким образом, чтобы направить наступающие танки в зону огня нескольких противотанковых узлов обороны, имевших в глубину до 8 километров. Поскольку каждый залп трех батарей мог предположительно уничтожить один танк, было очевидным, что наступающие танковые дивизии должны будут понести очень тяжелые потери, прежде чем они смогут достигнуть артиллерийских позиций русских и преодолеть их.

В немецких боевых приказах разъяснялось, что танкам не ставится задача самостоятельно подавить все артиллерийские позиции русских — эта задача входит в обязанность сопровождающей их пехоты, — хотя танкам, конечно, придется вести бой с орудиями, препятствующими их продвижению. Однако немцы грубо просчитались в оценках количества и глубины противотанковых узлов обороны русских, и к тому же противотанковые орудия русских прикрывались пулеметными и минометными гнездами, имевшими строгий приказ вести огонь только по немецкой пехоте и, как правило, в поддержку своих противотанковых батарей.

В результате только к исходу дня немцы получили достаточно полное представление о глубине и мощности оборонительных позиций русских, и к этому времени боевые порядки танковых клиньев серьезно нарушились. Противотанковая артиллерия русских в своем большинстве состояла из стандартных дивизионных 76,2-мм пушек, снаряды которых могли пробить лобовую броню «тигра» лишь с близкого расстояния, поэтому многим из этих гигантских танков удалось преодолеть первый рубеж обороны без существенных повреждений. Следовавшие за ними средние танки Т-IV, однако,

понесли серьезные потери, а многие «пантеры» вышли из строя из-за технических поломок или подорвались на минах. Окутавшая поле битвы ночная мгла застала основную массу наступавших войск увязшей среди многочисленных узлов сопротивления, артиллерийских позиций и узких траншей первой оборонительной полосы. Группы «тигров» вклинились в глубь обороны русских. В течение короткой июльской ночи поисковые группы гренадеров пробирались по полю боя в попытке достичь подбитые и изолированные танки, чтобы обеспечить им поддержку; то тут, то там ночную темноту озаряли вспышки осветительных снарядов и ракет, белые пунктиры трассирующих пуль и жаркие оранжевые выплески ранцевых огнеметов — это гренадеры сталкивались с советскими разведывательными патрулями и подразделениями истребителей танков.

В 4 часа утра солнце осветило классическую панораму позиционной войны — казалось, лишь усложнившаяся боевая техника свидетельствует о том, что с 1917 года прошло более трех десятков лет. Гонимые легким западным ветром над полем боя медленно плыли облака коричневатого дыма горевших полей пшеницы и кукурузы и деревенских хат, который смешивался с черной маслянистой копотью догорающих танков; непрерывная дробь и стрекотание пулеметных и автоматных очередей тонули в монотонном гуле канонады советских орудий, пронзительном вое залпов ракетных установок, грохоте разрывов снарядов и бомб; периодически отрывистый высокий звук выстрела 88-мм танковой пушки напоминал о защищавшихся в глубине советской обороны «тиграх». Ценой огромных усилий немецкой пехоте за ночь удалось овладеть главной полосой обороны и нейтрализовать большинство противотанковых опорных пунктов, хотя немало советских пехотинцев все еще оставалось в своих укрытиях, откуда они продолжали вести огонь по немецким саперам, пытавшимся расчистить проходы в минных полях. Немцам по-прежнему никак не удавалось преодолеть вторую столь же прочную полосу обороны русских, артиллерия которой вела прицельный массированный огонь по местам сосредоточения немецких войск. Русские подтянули за ночь значительную часть своих танков и разместили их в заранее оборудованных укрытиях. И хотя передовой рубеж обороны был захвачен немцами, огневая мощь оборонявшихся

во второй день битвы была такой же, как и в первый день немецкого наступления. В отличие от русских наступавшие немецкие группировки уже оказались дезорганизованными: шедшие впереди роты «тигров», рации которых непрерывно слали в эфир донесения об обстановке и просьбы о помощи, оторвались от поредевших обрубков танковых клиньев, приводивших себя в порядок и готовившихся к повторной атаке.

Из двух бронированных клешней, которые должны были сомкнуться восточнее Курска, группировка Моделя потерпела неудачу уже в первые дни наступления. Здесь, на северном фланге дуги, во главе танковых клиньев 47-го танкового корпуса наступали 90 самоходных орудий «фердинанд».^[176] Так же как «тиграм» дивизий СС на Воронежском фронте, им сравнительно легко удавалось вклиниваться в оборону русских благодаря своей массивной броне. Но через несколько часов после участия их в бою советские пехотинцы обнаружили, что они не имеют пулеметов. Грозные для «тридцатьчетверок» и в дуэлях со стационарными орудиями, «фердинанды» были беспомощными против укрывшейся в траншеях пехоты. Вскоре они оказались отсеченными от сопровождавших их средних танков и один за другим были уничтожены группами советских солдат.

По мнению Гудериана, эти самоходные орудия «не соответствовали требованиям ближнего боя и не были снабжены в достаточной мере даже боеприпасами» (то есть бронебойными и фугасными снарядами). «Положение обострялось еще и тем, что они (“фердинанды”) не имели пулеметов и поэтому, когда врывались на оборонительные позиции противника, буквально должны были стрелять из пушек по воробьям. Им не удалось ни уничтожить, ни подавить пехотные огневые точки и пулеметные гнезда противника, чтобы дать возможность продвигаться своей пехоте. К русским позициям они вышли одни, без пехоты. Несмотря на исключительную храбрость и неслыханные жертвы, пехота дивизии Вейдлинга не смогла использовать успех танков...»^[177]

Да и дебют «пантер» оказался не столь грозным, как ожидали. Начальник штаба 48-го танкового корпуса докладывал, что эти танки «не оправдали возлагавшихся на их надежд. Они легко загорались, система снабжения горючим и маслом не защищена, а экипажи недостаточно подготовлены...»

* * *

На южном фланге дуги через сутки после начала наступления объединенными усилиями 48-го танкового корпуса генерала Кнобельсдорфа и 2-го танкового корпуса СС обергруппенфюрера Хауссера немцам удалось вклиниться в оборону русских на левом фланге и в центре наступавшей группировки Манштейна. Здесь русские части были оттеснены на 8-10 километров ко второй полосе обороны, проходившей вдоль рек Пена и Березовая, по берегам которых стояли деревушки Завидовка, Раково, Алексеевка, Луханино, Сырцев. За ночь grenadiers сумели очистить от русских южный берег рек, и Гот решил с первыми лучами солнца нанести удар через реку Березовая силами 3-й танковой дивизии и дивизии «Великая Германия». Но ночью разразилась гроза, хлынул проливной дождь, вода в реке вышла из берегов и превратила прилегающие луга в топкое грязное болото. Под покровом темноты русские подтянули артиллерию и танки к развалинам и уцелевшим домам на северном берегу, и обе немецкие танковые дивизии понесли чувствительный урон от прямого огня русских, когда они на рассвете выстраивались в плотные боевые порядки. В течение дня под прикрытием дымовых завес немецкие саперы упорно наводили переправы. Над их головами бушевала яростная артиллерийская дуэль между советскими орудиями и сосредоточившимися танками, сопровождавшаяся непрерывными налетами немецких пикирующих бомбардировщиков, которыми Гот стремился компенсировать нехватку тяжелой артиллерии. К вечеру немцы, несмотря на серьезные потери, так и не смогли продвинуться ни на шаг. В ночь с 6 на 7 июля обе дивизии были оттянуты назад и переформированы. Решительным контрударом русские выбили немцев из Завидовки, и 3-я танковая дивизия была переброшена на левый фланг, чтобы вновь захватить эту деревню и переправиться через Березовую около ее слияния с рекой Пена. 11-я танковая дивизия выдвигалась на рубеж атаки справа от дивизии «Великая Германия» в очередной попытке пробить брешь в обороне противника между деревнями Сырцев—Яковлево. Выполнению этой задачи, по расчетам немцев, должно было помочь дальнейшее продвижение дивизий СС «Рейх» и «Адольф Гитлер», которые на 6–7 километров вклинились в русские позиции на крайнем правом фланге 48-го танкового корпуса.

На третий день наступления почва достаточно подсохла, и немецкие танки, форсировав реку, овладели деревней Сырцев. Одновременно непрерывные атаки 3-й танковой дивизии постепенно выдавливали оборонявшихся с их позиций на реке Пена. Вечером огонь артиллерии русских ослаб, и 48-й танковый корпус смог наконец переправиться на северный берег реки. Армия Гота теперь почти наполовину преодолела армейскую зону обороны русских и вплотную подошла ко второй оборонительной полосе. Правее корпуса Кнобельсдорфа три дивизии СС сумели даже глубже вклиниться в оборонительные порядки русских, но, в отличие от Кнобельсдорфа, командиру корпуса СС не удалось оттеснить русских на широком фронте. Вместо этого каждая танковая дивизия СС пробила собственную брешь и теперь, неся крупные потери, под непрерывным фланговым огнем противника пыталась продвинуться дальше на север. 9 июля Готу стало ясно, что критический момент битвы вот-вот наступит. Большинство его солдат уже пятый день без передышки участвовали в боях, боеприпасы были на исходе, а интенсивный огонь русских делал весьма трудным ремонт и заправку танков. Единственный вселяющий надежду успех, казалось, был достигнут в центре наступавших войск 48-го танкового корпуса, где авангардные части дивизии «Великая Германия» сумели прорвать в районе Верхопенья вторую полосу обороны русских. К вечеру 9 июля в прорыв удалось ввести полк гренадеров, поддерживаемых сорока танками, которые повернули на запад в тыл артиллерийских позиций русских с целью расшатать оборонительную систему противника, сдерживавшую левый фланг танковой армии Гота. Это принесло свои плоды: ночью русские войска оставили деревню Раково, где они блокировали продвижение 3-й танковой дивизии, а также отвели свои войска на правом фланге корпуса Кнобельсдорфа, что позволило 11-й танковой дивизии установить локтевую связь с дивизией «Адольф Гитлер».

Этим же вечером Гот обсудил оперативную обстановку с Манштейном и утром 10 июля приказал Хауссеру и Кнобельсдорфу очистить прорванные позиции от противника с помощью штурмовых орудий и гренадеров и собрать в кулак все боеспособные танки для решающего, как он надеялся, удара по последней, третьей полосе обороны русских между Новоселовкой и Круглик. В течение двух дней

гренадеры 3-й танковой дивизии и мотопехота «Великой Германии» упорно штурмовали позиции русских. В непрерывных ожесточенных боях они овладели рядом деревень, оседлавших долину реки Пена, к вечеру 11 июля вынудили русских отступить в поросший лесом район к северу от Березовки. В оборону Воронежского фронта был вдавлен четырехугольный выступ глубиной примерно 15 и шириной 25 километров — жалкий итог недели колоссальных усилий и потерь, но достаточный, по меньшей мере, для того, чтобы дать возможность командирам танковых дивизий привести в порядок и перегруппировать свои войска за пределами досягаемости огня советской артиллерии. Той же ночью дивизия «Великая Германия» была выведена из боя, а ее участок фронта передан 3-й танковой дивизии.

В секторе наступления танкового корпуса СС даже этого ограниченного успеха достичь не удалось. Гренадеры оказались вынужденными вести столь тяжелые бои по защите флангов вклинившихся танковых дивизий, что дивизионные командиры с трудом смогли оттянуть оказавшиеся на острие клиньев танки. 11 июля дивизии «Рейх» и «Адольф Гитлер» сумели соединиться друг с другом, но дивизия «Мертвая голова» все еще оставалась изолированной от них.

Это была последняя и наиболее яростная битва, которую вели дивизии СС, укомплектованные одними немцами. После операции «Цитадель» Гиммлер откроет доступ в войска СС притоку добровольцев из оккупированных стран и уголовному сброду из гражданских тюрем рейха.^[178] Но те солдаты и офицеры войск СС, которые сражались под Курском, все до одного прошли всестороннюю тщательную подготовку в военной школе СС Бад-Тельц с ее суровой дисциплиной.

Теперь эти «супермены» встретились в бою с представителями «низшей расы» и были потрясены, обнаружив, что те так же хорошо вооружены, изобретательны и храбры, как и они сами.

* * *

Несмотря на вклинение противника в боевые порядки Воронежского фронта, Жуков и Василевский имели все основания быть довольными оперативной обстановкой в ночь на 11 июля. Успешное блокирование натиска северной группировки Моделя дало

им возможность сосредоточить свои усилия на борьбе против 4-й танковой армии Гота, а 5-я гвардейская танковая армия — их бронетанковый резерв — пока еще в бой не вступала. Понимая, что до решающей схватки с танковыми дивизиями врага остались считанные часы, Ставка Верховного Главнокомандования передала 5-ю гвардейскую танковую армию в подчинение генерала Ватутина, и в ночь с 11 на 12 июля она получила приказ нанести контрудар по рвавшемуся к Прохоровке 48-му танковому корпусу и 2-му танковому корпусу СС Хауссера. Одновременно утром 12 июля, согласно планам Ставки, войска Западного и Брянского фронтов перешли в наступление на орловском направлении, а 15 июля к ним присоединились войска Центрального фронта, атаковавшие левый фланг группировки Моделя.

Всего этого Гот, конечно, не знал, но оперсводки 3-й танковой дивизии свидетельствовали о том, что оборона русских на участке Новоселовка — Круглик с каждым часом крепнет, а их активность на левом фланге его армии возрастает. Независимо от состояния войск Хауссера и Кнобельсдорфа, командующий 4-й танковой армией твердо решил прорвать последний рубеж расшатанной обороны русских и выйти на оперативный простор. Утром 12 июля все боеспособные танки корпусов Кемпфа,^[179] Хауссера и Кнобельсдорфа — около 600 боевых машин — были собраны в кулак и брошены в решающую схватку.

Вскоре юго-западнее Прохоровки лавина немецких танков лоб в лоб столкнулась с устремившимися навстречу ей танковыми корпусами 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова, и в гигантском клубящемся облаке пыли и дыма, в удушливой июльской жаре закипело и загромыхало крупнейшее встречное танковое сражение второй мировой войны. Советские танкисты были свежими, их боевые машины исправными, имевшими полный комплект боеприпасов. Две бригады САУ к тому же были оснащены тяжелыми орудиями, не уступавшими длинноствольным пушкам «тигров» и «пантер». В противоположность им немцы были измотаны непрерывными ожесточенными боями с русской пехотой и артиллерией. Многие из немецких танков уже чинились и латались на поле боя, и часть их — особенно «пантеры» — вскоре вновь вышла из строя из-за технических поломок. Кроме того, «нас (писал немецкий танкист) предупредили, что мы встретимся с противотанковыми

орудиями и отдельными закопанными в землю танками, а также, возможно, с несколькими отдельными бригадами тихоходных КВ. Фактически же мы столкнулись с казавшейся неистощимой массой русских танков — никогда раньше я не получал столь наглядного впечатления о русской мощи и численности противника, как в тот день. Облака густой пыли делали невозможным получить поддержку от люфтваффе, и вскоре многочисленные “тридцатьчетверки” прорвали наш передовой заслон и, как хищные звери, рыскали по полю боя».

К вечеру русские оттеснили немцев, и поле битвы с неподвижно застывшими корпусами подбитых и поврежденных (но тем не менее ценных) танков и ранеными танкистами осталось за ними.^[180] Резкий контрудар советских войск на левом фланге 48-го танкового корпуса выбил немцев из Березовки, и потрепанной дивизии «Великая Германия» пришлось срочно вступать в бой, чтобы предотвратить окружение 3-й танковой дивизии. На следующий день Гитлер вызвал к себе в ставку Манштейна и Клюге и сообщил, что операцию «Цитадель» следует прекратить. Англо-американские войска высадились в Сицилии, и существует опасность выхода Италии из войны. Клюге полностью согласился с тем, что операция дальше продолжаться не может, но Манштейн проявив явное непонимание реального положения, утверждал, что «нам никак нельзя прекращать сражение пока брошенные в бой противником бронетанковые резервы не будут полностью разгромлены».

Гитлер, однако, отклонил соображения Манштейна^[181] и через несколько дней немцы начали отводить свои войска назад на исходные рубежи атаки. Гудериан, увидев, как выпестованные им танковые войска были наголову разбиты за какие-то десять коротких дней, слег больным.

В это время основное внимание в ставке Гитлера было приковано к государственному перевороту в Италии. События в Риме серьезно встревожили фюрера и его ближайшее окружение. 25 июля Муссолини был свергнут, и к власти пришло правительство маршала Бадольо.

Крах итальянского диктатора отодвинул на задний план все другие мысли и планы Гитлера в ущерб руководству военными действиями на других фронтах, и прежде всего операцией «Цитадель», которая к

этому времени завершилась отходом усталых и потрепанных немецких соединений на их прежние позиции.

Однако здесь, на южном крыле Восточного фронта, назревала ситуация ничуть не менее грозная, чем та, которая складывалась в Италии.

Эта ситуация отчасти возникла в результате типичных для немецких фронтовых командиров, и особенно Манштейна, ошибочных оценок сил и намерений противника. Хотя немецкие генералы понимали, что операция «Цитадель» провалилась, они по-прежнему тешили себя надеждой, что сражение на Курской дуге настолько ослабило советские бронетанковые соединения, что оставшуюся часть лета можно будет посвятить серии мелких «тактических решений», которые приведут к выпрямлению и консолидации линии фронта до наступления зимы. Немцы упорно отказывались признать тот факт, что им, как более слабой армии, предстоит теперь противостоять наступательным инициативам русских и зимой и летом вместо того, чтобы чередовать свои наступательные и оборонительные действия в зависимости от времени года, как это было до сих пор.^[182]

Манштейн откровенно пишет об этом и в своих мемуарах. «Мы надеялись, что нанесли противнику в ходе операции “Цитадель” столь ощутимый урон, что сможем теперь рассчитывать на передышку в этом секторе фронта, — писал он, — и поэтому группа армий “Юг” решила временно перебросить крупные танковые силы с этого участка фронта, чтобы выправить положение в районе Донбасса».^[183]

В результате почти все танковые дивизии были отведены с Курской дуги. Большинство дивизий понесло серьезные потери, а количество танков в них еще более сократилось после строгой технической инспекции, которая выявила все требовавшие ремонта боевые машины и направила их в мастерские в Харькове и Богодухове.

Эти ремонтные депо в скором времени оказались столь перегруженными работой, что после 1 августа танки и самоходные орудия, нуждавшиеся даже в мелком ремонте коробки скоростей или механизма наводки орудия пришлось отсылать дальше в тыл вплоть до Киева. Когда проверка различных танковых дивизий, участвовавших в операции «Цитадель», завершилась, стало ясно, что найти «крупные танковые силы» будет не так-то просто. Манштейн сумел выкроить несколько частей для усиления 3-го танкового корпуса и направил их на юг вместе с 3-й танковой дивизией, которая менее других пострадала в сражении на Курской дуге. Но поскольку намечалось, что эта танковая группировка — остаток стратегического бронетанкового резерва Германии, в создание которого за прошедшие полгода Гудериан вложил столько энергии, — должна будет нанести два последовательных контрудара в Донбассе и на реке Миус, потребовались дополнительные подкрепления.

Единственным имевшимся у немцев соединением был танковый корпус СС, выведенный с Курской дуги раньше других регулярных танковых дивизий и поэтому сохранивший более высокую боеспособность. К тому же привилегированное положение дивизий СС в получении новой техники и оружия позволило корпусу быстрее возместить понесенные им потери.

Однако для использования войск СС Манштейну необходимо было заручиться согласием ОКБ и, следовательно, самого Гитлера. Даже в лучшие времена это не всегда легко удавалось, а в последние числа июля Гитлер, поглощенный событиями в Риме, к тому же решил перебросить 2-й танковый корпус СС в Италию. Между командованием группы армий «Юг» и штабом ОКБ начался лихорадочный обмен телеграммами, в который время от времени непосредственно вмешивался сам фюрер. Вначале весь корпус СС получил приказ отправиться в Италию. Затем только одна дивизия «Адольф Гитлер». Потом корпусу было приказано прибыть в Харьков, за исключением дивизии «Адольф Гитлер», которая должна была

возглавить контрудар 3-го танкового корпуса, а потом по железной дороге отбыть в Италию. И наконец, последовал приказ весь корпус перебросить на юг Украины для контрудара при условии, что дивизия «Адольф Гитлер» потом будет выведена и отправлена в Италию, когда для нее подготовят железнодорожные составы.

Но Гитлер теперь выдвинул новое требование. Полагаясь на свою интуицию — подобных сведений от разведки он, безусловно, не получал, и ни один командующий армией его точку зрения не разделял, — фюрер решил, что русские, по всей вероятности, предпримут новое наступление между Рыльском и Белгородом, и поэтому запретил Манштейну использовать танковые дивизии СС в операции на Северском Донце, а приказал им немедленно направиться для контрудара по русскому плацдарму на реке Миус.

* * *

Тем временем советские бронетанковые соединения на Курском выступе постепенно восстанавливали свою мощь. Число танковых бригад, с которыми Рокоссовский и Ватутин начали оборонительное сражение, практически осталось прежним, хотя количество танков в них, естественно, сократилось. Но, завладев полем боя, русские смогли к концу июля эвакуировать и на месте отремонтировать большинство легко поврежденных боевых машин. К 5 июля в составе Центрального и Воронежского фронтов имелось 3444 танка и САУ, к 13 июля это число снизилось до 1500, а к 3 августа вновь возросло до 2750. Представляется маловероятным, чтобы значительное число новых боевых машин прибыло за это время (хотя в конце июля Ватутин получил три новых полка САУ). Ввиду этого восстановление боевой мощи советских танковых соединений следует отнести за счет мастерства и энергии солдат и офицеров ремонтно-восстановительных подразделений.

В этот краткий период затишья обе стороны спешили завершить подготовку намеченных ими операций. Немцы намеревались нанести «короткий резкий удар с целью улучшения позиций 1-й танковой армии южнее Северского Донца», а затем использовать «все имеющиеся танковые силы для ликвидации крупного плацдарма противника в секторе 6-й армии и восстановления фронта на реке Миус». Ставка Верховного Главнокомандования в свою очередь

стремилась быстрее закончить отработку планов разгрома всего немецкого фронта на юге России.

Нанеся поражение немцам в колоссальной танковой битве на Курской дуге, Советское Верховное Главнокомандование запланировало три отдельные операции, чтобы заставить немцев распылить свои резервы. Из них наступление на Орел уже началось. Но наступательная операция Воронежского и Степного фронтов была задумана как глубокий охватывающий маневр против харьковской группировки немцев. Вспомогательный удар должны были нанести войска Юго-Западного фронта.

Таким образом, нетрудно увидеть, что рокировка всех боеспособных танковых дивизий на крайний южный фланг советско-германского фронта для контрудара по советскому плацдарму на реке Миус была наиболее опасным шахматным ходом из всех, которые могли сделать немцы. 30 июля 3-й танковый корпус и две танковые дивизии СС начали свое наступление на переправившиеся через реку Миус войска Южного фронта. У русских почти не было танков (на всем плацдарме немецкая разведка обнаружила лишь одну танковую бригаду), и через несколько дней советские пехотинцы оказались вынужденными отойти назад за реку.

Это был один из последних тактических успехов немцев на Восточном фронте, который к тому же привел к серьезным стратегическим последствиям. Ибо в тот самый момент, когда 3-й танковый корпус подсчитывал доставшиеся ему трофеи, в 800 километрах к северо-западу армии Воронежского и Степного фронтов выдвигались на исходные рубежи атаки, и через несколько дней под градом последовательных сокрушительных ударов, наносимых то в одном, то в другом секторе фронта, группа армий «Юг» постепенно распадается на части.

2 августа разведка 4-й танковой армии на основании радиоперехватов доложила Манштейну, что новое русское наступление «должно начаться в течение двух-трех дней». Воздушная разведка также подтвердила, что в распоряжение войск генерала Ватутина подтягиваются с севера дополнительные танковые части. Манштейн немедленно отдал приказ о возвращении 3-го танкового корпуса и двух дивизий СС с фронта на реку Миус, но не успели

чернила высохнуть на приказе, как на рассвете 3 августа войска Воронежского и Степного фронтов перешли в наступление.

Русские нанесли удар из района северо-западнее Белгорода в стык 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф». Танков в обеих этих группировках было мало, и немецкие части сразу же оказались вынужденными оставить свои позиции.^[184] Большинство их боевых машин все еще ремонтировалось или приводилось в порядок и было захвачено русскими в полевых ремонтных мастерских. Прорвав немецкую оборону, советские танковые соединения, рассекая немецкие боевые порядки, устремились на юг и запад, и к 8 августа между двумя немецкими группировками образовался разрыв в 55 километров. 3-й танковый корпус все еще путешествовал по железной дороге из Запорожья на Харьков, через Полтаву и Кременчуг.

«Было, однако, очевидным, — писал Манштейн, — что никакие действия этих сил, да и всей группы армий “Юг”, не способны обеспечить долгосрочное устранение возникших трудностей. Потери наших дивизий уже достигли опасного уровня, а две дивизии полностью распались в результате длительного перенапряжения сил... Не могло быть и тени сомнений, что противник был сейчас преисполнен решимости разгромить южное крыло немецких войск».

8 августа начальник генерального штаба ОКХ Цейтцлер прилетел в штаб-квартиру группы армий «Юг» к Манштейну, который «прямо заявил, что отныне мы не можем более ограничиваться решением таких частных проблем, как можно ли использовать такую-то дивизию, следует ли эвакуироваться с Кубанского плацдарма или нет». Остались лишь две возможности, продолжал Манштейн, либо немедленно покинуть весь район Донбасса, либо передать группе армий «Юг» дополнительно десять дивизий с других участков Восточного фронта. (В этом случае группа армий Манштейна имела бы численность, равную общей численности всех остальных немецких войск, сражающихся в России.)

Цейтцлер, естественно, уклонился от каких-либо обещаний, и после его отлета неоднократные обращения Манштейна в штаб ОКХ не дали ничего, кроме формальных отписок. Через несколько дней нажим русских войск на Харьков усилился до такой степени, что Манштейн оказался перед альтернативой — или «запереть» оперативную группу генерала Кемпфа в городе и уготовить ей роль 6-й

армии Паулюса, или полностью оставить Харьков. Гитлер направил ему личное послание, приказывающее удерживать город любой ценой и подчеркивающее, что сдача Харькова окажет «неблагоприятное воздействие» на позицию Болгарии и Турции. «Как бы там ни было, — желчно прокомментировал Манштейн, — группа армий “Юг” не собиралась жертвовать армией ради Харькова». 22 августа немецкие войска покинули город. Но незадачливый генерал Кемпф был принесен в жертву. Его оперативная группа была переименована в «8-ю армию», а командующим армией стал генерал Велер. Сам Манштейн сыграл в этом деле, мягко говоря довольно двусмысленную роль. «Хотя я был в хороших отношениях с генералом Кемпфом, я не возражал против замены». Генералом, назначенным вместо Кемпфа был не кто иной, как начальник штаба 11-й армии, которой ранее командовал Манштейн. Похоже, что и Манштейн, и Гитлер пришли к молчаливому согласию в выборе козла отпущения.

* * *

К концу лета 1943 года три отдельных фактора оказали глубокое впечатление на Гитлера и отрицательно сказались на гибкости его мышления — перемена, влияние которой на ход войны вскоре наглядно проявит себя.

Первым и наиболее очевидным из них был крах «Цитадели». Эта наступательная операция была задумана, подготовлена и проводилась высшими офицерами вермахта. Они выбрали место, оружие и время. Гитлер вмешался в ее проведение только один раз на стратегическом уровне (когда исход битвы был уже predetermined). Он с самого начала испытывал сомнения по поводу этой операции. Два генерала, которым он наиболее доверял: Гудериан и Модель разделяли его опасения. Однако подавляющее большинство «профессионалов» — Кейтель, Цейтцлер, Манштейн, Клюге — выступали за ее проведение. Результат? Полное поражение, разгром немецких танковых войск, отступление к Днепру и дальше.

Почти одновременно недоверие, которое Гитлер питал к профессиональным военным, еще более усилилось в результате событий в Италии. Он рассматривал совершенный маршалом Бадольо государственный переворот как классический пример поведения военной клики, которая, не колеблясь, силой отстранит нацистскую

партию от власти, как только потеряет уверенность в победоносном исходе войны. Гитлер всегда с подозрением относился к лояльности генералов: их послушания на полях сражений, казалось, можно было добиться только посредством неослабного контроля (Гитлер не забыл событий 1941 года); их профессиональная компетентность, даже когда они получали возможность действовать самостоятельно, оказалась сомнительной.

Между августом и декабрем 1942 года было предпринято пять покушений на жизнь Гитлера. Они не удались из-за случайных обстоятельств, и Гитлеру ничего о них не было известно. Но он инстинктивно чувствовал, что его жизнь в опасности. Названный им словно бы в шутку предлог для развязывания войны — «В любой момент я могу быть убит преступником или безумцем» — обрел зловещую силу пророчества. До взрыва бомбы полковника Штауффенберга оставалось менее года.

К концу лета 1943 года моральный дух всего вермахта, от высших офицеров до солдат, необратимо изменился.

Душный знойный август прошел. Наступил сентябрь сего бодрящей прохладой и вечерними туманами. Прежние поля сражений 1941 года — Брянск, Конотоп, Полтава — вновь оживали в оперативных сводках и отступали на задний план. Под треск пулеметных очередей, рассказывающих о последних расправах с гражданским населением, глухой гул взрывов, заложенных подрывниками зарядов, немецкие войска отходили на запад, оставляя за собой дым пожарищ, брошенные машины и танки и наспех засыпанные землей неглубокие могилы.

Дуглас Орджилл

«Сталинград» на Днепре^{[\[185\]](#)}

Вознаграждение и возмездие

К началу 1944 года в ходе кровопролитных боев советские бронетанковые войска из боевой палицы постепенно превратились в широкий обоюдоострый разящий меч. Боевая подготовка танковых экипажей и командиров достигла уровня, позволяющего проводить дерзкие по замыслу наступательные танковые операции. События зимы и весны 1944 года содержат достаточно убедительные доказательства, свидетельствующие о том, что советские танкисты, проявляя глубокое понимание нового характера танковой войны, начали вносить в нее свой особенный и решающий вклад.

По мере того как оружие становилось острее, росло и боевое мастерство владевших им людей. Уверенность в успехе боя проникает в войска сверху, и в Красной Армии огненная кузница войны выковала военачальников, достойных занять почетное место среди великих полководцев истории. Одним из них, конечно, был Георгий Константинович Жуков, человек железной воли, требовательный и подчас беспощадный к тем, кто не выполнял свой служебный долг, наделенный блестящим умом и особым полководческим даром предвидения развития боевых событий — способностью «читать боевую обстановку». Жуков интуитивно понял и проверил на практике, что искусство обороны вновь правит полем боя, что победоносному наступлению должна предшествовать успешная оборона и что оружием такой победы являются бронетанковые войска Красной Армии, если, разумеется, не будут допущены старые ошибки распыления танковых частей. Находившиеся на вооружении типы советских танков представляли собой почти идеальный инструмент для реализации доктрины Жукова, которой теперь предстояло полностью претвориться в жизнь.

Другим выдающимся советским командующим был генерал армии Иван Степанович Конев. Он должен был нанести сокрушительный удар по армиям одного из лучших немецких командиров; удар, который убедительно подтвердит способность советских бронетанковых войск, уже отличившихся в оборонительных боях на Курской дуге, помериться силами с немцами и одержать верх в технике проведения наступательных операций.

В январе 1944 года у русских появилась возможность устроить немцам «Сталинград» на Днестре, хотя и меньшего масштаба. Эта возможность возникла в результате решения Гитлера удерживать силами группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Манштейна так называемый Каневский выступ в излучине Днестра, где оборонялась группировка из десяти немецких дивизий, входивших в состав 1-й танковой армии и 8-й армии. Этой группировке теперь грозило окружение в результате двух сходящихся ударов: с севера — войсками 1-го Украинского фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина, с юга — войсками 2-го Украинского фронта, которым командовал И. С. Конев.

В ударную группировку Конева входила 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова, отличившаяся в гигантском сражении на Курской дуге. Перейдя в наступление 24 января, войска Конева вбили глубокий танково-пехотный клин в оборону противника. Спустя два дня началось наступление войск 1-го Украинского фронта, и 28 января русские клещи сомкнулись в районе Звенигородки. Десять немецких дивизий оказались внутри «котла». Когда-то летом 1941 года в «котлы» попадали советские дивизии. Но на этот раз, однако, окруженные войска почти не имели возможности вырваться наружу. Используя уцелевшие танковые дивизии, Манштейн попытался пробить коридор для прорыва окруженной группировки в южном направлении.

К месту прорыва Конев бросил главные силы 5-й танковой армии Ротмистрова. Бельгийский офицер, находившийся в «котле» вместе с бригадой СС «Валлония», позднее описал страшную картину удара советских танков по пытавшимся вырваться из окружения немецким колоннам. «Тридцатьчетверки» волнами накатывались на немцев, сокрушая гусеницами повозки, автомашины и орудия. Когда части немецких войск удалось достичь преграждавшей им путь реки, многие солдаты и офицеры бросились в ледяную воду в надежде добраться до противоположного берега, в то время как советские танки поливали свинцовым дождем эту барахтающуюся в воде массу людей. Тысячи немецких солдат нашли смерть на заснеженных берегах реки.

Другая колонна, в которую входили остатки танковой дивизии СС «Викинг» и бригады СС «Валлония», пытавшаяся пробиться ночью 17 февраля поблизости от деревни Шендеровка, была на рассвете рассеяна и уничтожена русскими танками и кавалерией. ^[186]

Советское командование и советские танкисты одержали выдающуюся победу, имевшую важное психологическое значение. Она продемонстрировала, что советские бронетанковые войска способны умело использовать слабости обороны противника, окружать и уничтожать врага — урок, важный не только для Красной Армии, но и для немцев. С этого момента ни одно немецкое соединение не могло не считаться с возможностью подобного окружения. Для Манштейна Корсунь-Шевченковская операция была началом конца. Она означала, что его армии более не смогут сдержать натиск русских войск. Генералу Коневу она принесла звание Маршала Советского Союза.^[187]

Тем временем после ранения генерала Ватутина маршал Г. К. Жуков взял на себя оперативное руководство 1-м Украинским фронтом ввиду предстоявших на этом фронте крупных наступательных операций.

Советское наступление на Правобережной Украине возобновилось 4–6 марта 1944 года. 10 марта танковые армии Конева овладели Уманью и затем через неделю вышли к реке Южный Буг. Моральное состояние пленных немецких солдат было необычно низким — прямой результат, как отмечали обозреватели, победоносной Корсунь-Шевченковской операции.

26 марта наступил кульминационный момент русского наступления. Армии Конева, успешно форсировав Днестр и Прут, вышли на государственную границу СССР и вступили на территорию Румынии. Позади них лежала почти полностью освобожденная Украина. В Германии 31 марта два видных немецких командующих — Манштейн и Клейст предстали перед Гитлером. Фюрер лично вручил им очередные высшие награды. Затем оба генерал-фельдмаршала были смещены со своих командных постов (командующим группой армий «Юг» был временно назначен генерал-фельдмаршал Модель).^[188] Учитывая, что незадолго до этого был уволен в отставку командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Гот, Жуков и Конев добились внушительной психологической победы, устранив сразу трех наиболее опытных и умелых танковых командиров вермахта.

Очистив от захватчиков Украину, советские армии начали перегруппировку и подготовку к своей самой крупной наступательной операции 1944 года, которая должна была привести к уничтожению группы армий «Центр». На этой стадии уместно бросить взгляд назад

и подвести итоги тому, что советские бронетанковые войска сумели достичь со времени драматических событий лета 1941 года. В глазах противника эти достижения были поразительными.

Наибольшее впечатление на немцев производило массированное применение русскими бронетанковых соединений, их численность и тщательное, детальное планирование каждой последующей операции. К 1944 году времена недостаточно продуманных и плохо организованных наступлений, вроде наступления армий маршала Тимошенко под Харьковом весной 1942 года, миновали навсегда. Каждый советский командующий — и это особенно относилось к танкистам, — следуя примеру Жукова, планировал боевую операцию вплоть до действий каждого взвода и танка и не начинал ее, не будучи уверенным в победе.

Это влекло за собой скрупулезную предварительную проработку каждой наступательной операции, строгую регламентацию количества выделенных солдат, танков и орудий. Манштейн, давая оценку тактическим приемам и оперативным методам русских, мрачно заметил, что наступление могло вначале развиваться медленно, «но если оно начиналось, то следовало ожидать, что оно будет проводиться непрерывно и с широким размахом. Ни необходимость закрепления захваченной местности, ни приход ночи не были способны приостановить его. Наступление не прекращалось, пока не иссякали силы наступающих, их боеприпасы и снабжение...».

Когда 23 июня 1944 года — ровно три года спустя с начала операции «Барбаросса» — четыре советских фронта перешли в наступление в Белоруссии советские войска, в авангарде которых наступали танковые армии и корпуса, нанесли один из самых сокрушительных ударов за всю историю войн: за пять недель они продвинулись на запад до 550–600 километров уничтожили 25 дивизий и полностью разгромили группу армий «Центр». Подобный удар и подобные темпы наступления были по плечу только танковым войскам постигшим науку современной войны, и генералам, полностью овладевшим мастерством вождения этих войск.

К середине июля армии генерала И. Д. Черняховского освободили Минск и Вильнюс, а к 17 августа подошли к границам Восточной Пруссии. Войска маршала К. К. Рокоссовского освободили Брест,

вступили на территорию Польши и в начале августа форсировали Вислу.

По другую сторону линии фронта для еще недавно блиставших немецких танковых генералов во главе с Гудерианом это были горькие дни и недели. Танковые дивизии вермахта по-прежнему сражались упорно и храбро, но их потери продолжали возрастать, а у русских, казалось, имелись неистощимые резервы боевых машин и экипажей. [189] Гудериан с тяжелым сердцем и профессиональным восхищением следил за стремительным продвижением на запад армий Рокоссовского и Черняховского. «Потрясающие события... — писал он, — казалось, что ничто и никогда не сможет остановить их». На южном фланге советско-германского фронта Румыния уже выбыла из войны, и войска 2-го Украинского фронта, которыми теперь командовал генерал Р. Я. Малиновский, [190] приближались к Бухаресту. «Тридцатьчетверки» еще раз наглядно продемонстрировали свою высокую маневренность и способность к глубоким крейсерским рейдам.

Взломав в первый день наступления, 20 августа, оборону противника в районе города Яссы, [191] Малиновский ввел в прорыв 6-ю танковую армию генерала А. Г. Кравченко. Через 12 дней, пройдя с боями около 400 километров, танки Кравченко очистили от немецких частей нефтяной район Плоешти и вступили в Бухарест. Это был один из наиболее блестящих танковых бросков второй мировой войны.

16 апреля 1945 года началась завершающая наступательная операция советских войск — штурм Берлина. После упорных боев 25 апреля передовые части 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко и 2-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко замкнули стальное кольцо вокруг немецкой столицы. К 27 апреля русские танки пробились к Потсдамерплац, в нескольких сотнях метров от имперской канцелярии, во дворе которой находился бункер — ставка обреченного фюрера, — стены которого теперь вздрагивали в такт разрывам снарядов танковых пушек. В часы, предшествовавшие самоубийству Гитлера, те немцы, которые отважились выйти из бункера в пустынный двор канцелярии, могли услышать лишь грохот артиллерийской канонады да равномерный скрежет гусениц «тридцатьчетверок».

Символ

Во многих отношениях танк Т-34 символизирует сам дух и характер войны, которую вели русские с 1941 по 1945 год. Возможно, в глазах западных специалистов он выглядел недостаточно усовершенствованным — в нем отсутствовали удобства и технические приспособления, которые считались желательными и даже обязательными в боевых машинах Англии, Германии и Соединенных Штатов. Но, как ни парадоксально, этот танк пользовался большей любовью и доверием танкистов, чем любой другой танк в армиях всех воюющих государств: «Шерман» был хорошей боевой машиной, но, когда он появился на свет, его уже существенно обогнали немецкие танки последней конструкции. «Пантеру» некоторые считают одним из лучших танков последнего этапа войны, но она оказалась в руках экипажей, которые к этому времени вели уже проигранную войну.

Могучая сила Т-34 заключалась в том, что его творцы сосредоточили свое внимание на основных боевых качествах — пушке, броне и маневренности. Ни в одном танке мира в 1940 году эти качества не были воплощены столь удачно и столь идеально сбалансированы. Отсутствие комфорта и несовершенство некоторого вспомогательного оборудования для русских не имело существенного значения. Русские танкисты, которые сидели в первых Т-34 и Т-34-85, не были, да и не могли быть, точной копией молодых людей, которые входили в составы экипажей танков Т-III, «Шерман» или «Матильда». Перед войной в Советском Союзе у большинства юношей почти не было возможностей водить автомашину, тем более иметь свою собственную. Автомшины и двигатели внутреннего сгорания не были для них предметами досуга, как для многих юношей в США, Германии и Англии.

Техническое обучение призванных в армию молодых деревенских парней начиналось с азов, когда их учили, как водить машину, стрелять и командовать Т-34 в бою. В подобных обстоятельствах люди пользуются той техникой, какую им дают, и не ощущают отсутствие того, чего они никогда не имели.

Помимо всего прочего, Т-34 дал русскому солдату, от рядового до генерала, уверенность, которая заложила основу для будущих блестящих успехов советских танковых армий. Трудно переоценить также значение последствий того обстоятельства, что превосходная конструкция Т-34 была разработана и запущена в серийное

производство столь своевременно. Начнись выпуск Т-34 хотя бы на год позже — у русских не было бы ни такого надежного многоцелевого шасси для создания других боевых машин, ни отработанной несложной технологии производства в тот критический момент, когда целые заводы полностью демонтировались и перебазировались на Урал, да и число бронетанковых соединений, которые так умело использовались маршалами Г. К. Жуковым и И. С. Коневым, было бы гораздо меньше. Кроме того, военно-техническое превосходство советских танков помогло русским уравновесить недостаточную выучку профессиональную подготовку танковых экипажей, с которыми они вступили в войну. Так же как изобретатели английских истребителей «спитфайер» и «харрикейн»,^[192] Кошкин и его конструкторское бюро внесли ощутимый вклад в историю мира.

Однако еще более впечатляющим, чем создание самого оружия, была массовая и квалифицированная подготовка танкистов, которые вели эти танки в бой. Этот феномен — один из самых удивительных в истории войны — незаслуженно оказался в тени громких похвал по адресу бронетанковых войск другой стороны — немецких танковых дивизий. Ореол лихих рейдов и лязг гусениц этих танковых дивизий, избороздивших вдоль и поперек Европу в операциях по захвату и уничтожению, увлек воображение западных военных обозревателей и историков, энтузиазм которых подогревали обильные мемуары немецких танковых командиров, не жалевших красок для описания своей причастности к созданию этих отборных войск вермахта и принадлежности к ним.

Истина же, которую даже теперь не все еще полностью осознали, заключается в том, что танковые дивизии вермахта приносили успехи, но не победы.

В конечном итоге именно русские внесли наиболее ощутимый и долгосрочный вклад в теорию и практику танковой войны. Эта теория предусматривала более тесное взаимодействие пехоты и танков, чем было в моде на Западе после 1918 года; она требовала гораздо более решительного и глубокого прорыва фронта противника — обычно с помощью артиллерии, пехоты и тяжелых танков — до ввода в прорыв механизированных соединений; она предусматривала также и более твердый контроль за действиями бронетанковых соединений, даже когда они вырывались на оперативный простор, чем это было

приемлемо для Роммеля и Гудериана. Советская военная доктрина не ставила своей целью исторгать возгласы изумления искусством и дерзостью танковых экипажей и командиров. Она приносила победу.

В основе доктрины лежало массированное применение боевой техники, что означало массовую подготовку экипажей, и с этим связано одно из величайших достижений русских. Взять десятки тысяч фабричных рабочих, служащих и крестьян и за короткий срок превратить их в командиров, механиков-водителей, заряжающих и наводчиков — это уже само по себе целое событие, требующее создания учебных полигонов, техники, инструкторов и танковых школ в небывалых масштабах, да и к тому же в тяжелых условиях войны.

Еще более внушительное впечатление производит создание широкой инфраструктуры, необходимой для танковых сражений: службы снабжения, восстановительно-ремонтных мастерских, аварийно-ремонтных частей, диспетчерско-дорожной службы, системы связи и пр. Танковая армия не может пройти с боями 450 миль за пять недель, как это сделали русские летом 1944 года, без штабной работы и технической организации высочайшего класса. Более того, для этого необходим высокий морально-боевой дух, дисциплина, энтузиазм и решительность. Те, кто обучал в советских танковых школах танкистов, сидевших в танках армий Жукова, Конева и Ротмистрова, сумели подготовить из них бойцов, которым было по плечу схватиться в бою с самолюбивой элитой нацистской Германии. Боевая подготовка экипажей отвечала боевым качествам оружия, а применительно к Т-34 это означало, что класс подготовки был высоким.

Что же касается самого танка, то он продолжает жить. За последние 20 лет мало какой из сошедших с конвейеров танков не обязан чем-то творческому мышлению Михаила Кошкина в 1939 году. Т-34 по-прежнему достаточно хорош, чтобы снова вступить в бой. Нам, пожалуй уместно, однако, предоставить здесь последнее слово командующему танковой армией вермахта генерал-фельдмаршалу Эвальду фон Клейсту, который больше других пострадал от встреч с «тридцатьчетверкой». Как известно, именно он лаконично сказал, что это бы «самый лучший танк в мире».

Пауль Карелл

Битва за Крым^[193]

«Кого боги хотят покарать, того они сперва лишают разума». Битва в Крыму — третья катастрофа, постигшая немецкие армии на южном фланге советско-германского фронта весной 1944 года, — наилучшая иллюстрация к этому древнему афоризму. Уж если что и было совершенно неоправданным и бесцельным, так это гибель 17-й немецкой армии на этом роковом полуострове Черного моря между 20 апреля и 12 мая 1944 года.

До этого обстановка на самой южной оконечности Восточного фронта оставалась относительно сносной. 17-я немецкая армия покинула Кубанский плацдарм в сентябре 1943 года в соответствии с планом общего отвода немецких войск, эвакуировалась с Таманского полуострова и переправилась через Керченский пролив без серьезных потерь. Главное командование сухопутных войск дало этой операции кодовое название «Маневр Кримхильда», используя игру слов, объединившую название полуострова с именем белокурой героини саги о Нибелунгах.^[194]

В течение 34 дней военно-морские корабли и переправочные средства инженерных войск перевезли через Керченский пролив 227 484 немецких и румынских солдат и офицеров, 28 486 человек вспомогательного персонала, 72 486 лошадей, 21 230 боевых, специальных и транспортных машин на механической тяге и 1815 артиллерийских орудий. Крупные боевые корабли Черноморского флота, базировавшиеся в кавказских портах Батуми и Поти, опасаясь немецких пикирующих бомбардировщиков, не предприняли серьезных попыток ударами с моря сорвать операцию «Кримхильда».

Решение оставить половину 17-й армии после ее эвакуации с Таманского полуострова в Крыму вместо переброски всех ее соединений — а не части их — на оказавшийся под угрозой южный фланг немецких войск на Украине, например на фронт 6-й армии на реке Миус или в помощь группы армий «Юг» на Днестре, представляется спорным. Получив в свое распоряжение все 16 дивизий этой армии, генерал-фельдмаршал фон Манштейн, вероятно, мог бы успешнее действовать в критических ситуациях, возникавших

между Мелитополем и Киевом. Альтернативное решение — оставление всех соединений 17-й армии в Крыму — позволило бы организовать более прочную оборону полуострова. Однако ни того, ни другого сделано не было, а была предпринята попытка одновременно решить обе эти задачи.

Причины, побудившие Гитлера оборонять «Крымскую крепость», не следует легко сбрасывать со счетов. В середине августа 1943 года Гитлер сам обдумывал идею переброски немецких и румынских дивизий генерал-полковника Э. Енеке с Кубанского плацдарма за Днепр на новый «Восточный вал». Целых 16 дивизий! Примерно столько дивизий как раз и не хватало Манштейну, чтобы помешать советскому броску через Днепр.

Но Гитлеру пришлось отказаться от этой заманчивой идеи. Маршал Антонеску, глава правительства Румынии, отчаянно противился подобному оголению восточных бастионов Черноморья, опасаясь за безопасность румынского побережья. Царь Болгарии также был против ухода с Кубанского плацдарма. Наконец, необходимо было учитывать позицию Турции — важной нейтральной страны в южной части Черного моря.

Когда ход военных операций сделал эвакуацию Кубанского плацдарма неизбежной, политические и военные соображения, связанные с балканскими союзниками «третьего рейха» и нейтральной Турцией, немедленно сосредоточились на Крыме.

17-я армия вместе с немецкими военно-морскими силами и эскадрильями люфтваффе сковывали значительные силы русских в районе Черного моря. Вплоть до апреля 1944 года они препятствовали превращению Крыма в советскую военно-воздушную базу для рейдов на нефтяные источники Румынии и плацдарм для высадки десантов на румынском и болгарском побережье. Присутствие немецких сил в Черном море побуждало Турцию сохранять нейтралитет и разрешать торговым судам союзников Германии беспрепятственно проходить через Дарданеллы, несмотря на давление США и Англии. И наконец, присутствие немецких войск в Крыму создавало угрозу южному флангу советских армий на Украине.

Однако обстановка радикально изменилась, и немецкое верховное командование столкнулось с новой и неожиданной ситуацией, когда войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф.

И. Толбухина, прорвав 24 октября 1943 года оборону 6-й немецкой армии севернее Мелитополя, устремились через Ногайскую степь к низовьям Днепра. Как только советские части выйдут к Перекопскому перешейку, 17-я армия будет полностью отрезана от остальных немецких армий на Украине. Новый Сталинград!

Генерал-полковник Эрвин Енеке, командующий 17-й армией, особенно болезненно реагировал на эту ситуацию, поскольку до середины января 1943 года он был командиром 4-го корпуса в Сталинграде. Предвидя надвигающуюся опасность, Енеке составил план под названием «Операция Михаель», предусматривавший своевременный прорыв 17-й армии через Перекоп и включение ее в оборонительные порядки немецких войск на нижнем течении Днепра. Ключевым словом в этом плане было «своевременный».

Прорыв готовился на 29 октября, и были отданы соответствующие приказания. Но 28 октября в 21.00 Гитлер запретил эту операцию.

Удался ли бы этот прорыв — вопрос другой: танки 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта появились у Перекопа 30 октября. Что бы случилось, если бы они атаковали 17-ю армию на марше в момент ее отвода из Крыма? Армию, тяжелые средства противотанковой обороны которой сократились до двух бригад штурмовых самоходных установок и нескольких батарей 88-мм зенитных орудий, а соединения которой в основном пользовались конно-гужевым транспортом?

Но запрет Гитлера основывался не на этих соображениях. Гитлер по-прежнему исходил из политико-стратегических аргументов в пользу обороны Крыма, даже после того как все сухопутные коммуникации 17-й армии были перерезаны. Его взгляды разделял и поддерживал главнокомандующий немецкими военно-морскими силами гросс-адмирал Дениц. Сдача Крыма, предупредил он Гитлера, исключительно неблагоприятно скажется на военно-морской обстановке в Черном море. А если вдруг возникнет необходимость эвакуации войск, то немецкий флот проведет ее без особого труда. Плавучие транспортные средства способны обеспечить переброску 20 тысяч человек с полным снаряжением за четыре дня. Таким образом, вся 17-я армия с ее 200-тысячным личным составом, лошадьми, оружием и прочим техническим оснащением может быть эвакуирована в течение 40 дней, а в случае плохой погоды — в пределах 80 дней.

Поэтому в конце октября Гитлер подтвердил свой приказ об обороне Крыма.

В ноябре 1943 года войска 4-го Украинского фронта ворвались на Перекопский перешеек, форсировали Сиваш и овладели плацдармом на его южном берегу, а войска Северо-Кавказского фронта в результате десантной операции захватили плацдарм на Керченском полуострове. Но попытки с ходу добиться решительного прорыва в глубь Крыма не удались.

Немцы усилили снабжение своих войск в Крыму морем со своих баз в Одессе и Констанце. Для срочных транспортных операций — эвакуация раненых, доставка подкреплений — использовалась эскадрилья огромных шестимоторных самолетов Me-323 «Гигант».

Сегодня мы знаем, почему в это время советские крупные корабли, крейсеры и эсминцы оставались в своих портах — Батуми и Потти. Ставка Советского Верховного Главнокомандования запретила привлекать крупные надводные корабли для ведения операций на море вдали от своих баз без ее разрешения.^[195] Поэтому понятно, что ключевую роль в обороне Крыма играла немецкая авиация, базирующаяся на полуострове, — 120–160 пикирующих бомбардировщиков, штурмовиков, бомбардировщиков и истребителей 1-го авиакорпуса. Судьба 17-й армии — как это уже было ранее со всеми окруженными немецкими группировками в ходе войны на Восточном фронте — в конечном итоге зависела от люфтваффе, от надежного прикрытия с воздуха, от господства немецкой авиации в небе над Россией. Вскоре мы увидим трагическое подтверждение этого тезиса.

Генерал-полковник Енеке располагал для обороны Крыма тринадцатью дивизиями: шесть немецких пехотных дивизий, три румынские горнострелковые, две кавалерийские и две пехотные дивизии. После передачи 13-й танковой дивизии в 6-ю армию танков почти не осталось, но, с другой стороны, имелись две превосходно оснащенные бригады штурмовых орудий — 191-я и 279-я под командованием соответственно майора Альфреда Мюллера и капитана Хоппе, а также горноегерский полк «Крым» и два батальона зенитных орудий.^[196] Среди специальных соединений следует выделить 9-ю дивизию ПВО генерала Пикерта, которая надежно прикрывала Перекопский перешеек от танковых атак своими 88-мм орудиями.

Принимая во внимание, что эти соединения представляли собой внушительную силу, угрожавшую южному флангу советских войск на Украине, трудно отрицать, что крымский бастион имел определенную стратегическую ценность, по крайней мере пока сохранялся Никопольский плацдарм восточнее Днепра, и советским армиям грозила опасность немецких концентрических ударов с целью восстановления сухопутных коммуникаций с Крымом. Пока существовала эта угроза, русское командование было вынуждено держать сильную группировку войск у Перекопа и на Керченском полуострове. В конечном итоге для штурма Крыма Советским Верховным Главнокомандованием было сосредоточено три армии, танковый корпус, несколько отдельных бригад — 30 стрелковых дивизий.^[197] Таким образом, шесть немецких и семь румынских дивизий сковывали значительные силы противника.

29 ноября капитан Ханс Рупрехт Гензель, офицер оперативного отдела штаба 17-й армии, записал в своем дневнике: «Крым похож на остров, вокруг которого где-то вдали шумит и пенится прибой». Он одновременно указал, что многие штабные офицеры мечтают лишь об одном — поскорее выбраться из Крыма. Однако создавалось впечатление, что в Крыму никто не воспринимает войну всерьез. Многие штабы вместо строительства укреплений использовали инженерные войска для ремонта и благоустройства штабных помещений. Перестраивались целые дома, а их интерьер декорировали под стиль немецких крестьянских домов, хотя солдат можно было бы с гораздо большей пользой использовать для восстановления и укрепления оборонительных сооружений.

Подобные настроения отрешенности были порождены таившейся в душе тревогой, сознанием того, что 17-я армия не сможет противостоять массированному советскому наступлению с севера и востока полуострова и тем более морской десантной операции на одном из участков 400-мильного побережья Крыма. Это было ясно каждому офицеру, каждому командиру дивизии и, конечно, командующему армией Эрвину Енеке и начальнику его штаба генерал-майору Риттеру фон Ксиландеру, которые не питали на этот счет никаких сомнений.

Поэтому их усилия были направлены на то, чтобы побудить Гитлера отменить свой приказ об обороне Крыма и подготовиться к

планомерной и своевременной эвакуации 17-й армии морем.

В ноябре 1943 года был составлен план эвакуации под названием «Рудербоот» («Гребная шлюпка»), его заменил план «Глейтербоот» («Глиссер») и, наконец, в начале апреля 1944 года план «Адлер». Основной замысел плана состоял в том, чтобы в течение шести-семи дней отвести войска из всех секторов полуострова в укрепленный район Севастополя, откуда они будут вывезены транспортными судами. Чтобы задержать преследующие бронетанковые соединения противника во время отвода немецких войск к Севастополю, создавались оборонительные заградительные полосы и запасные позиции с противотанковыми рвами. Главная линия обороны — «линия Гнейзенау», дугой окружавшая Севастополь, прикрывала все основные дороги, ведущие к этому городу-порту. Севастополь намечалось удерживать в течение трех недель. За это время армию предстояло вывезти на судах, используя портовые пристани и пирсы.

Таким образом, 17-я армия ждала. Она ждала перехода советских войск в наступление и приказа об эвакуации. В восточной части полуострова у Керченского пролива оборону держал 5-й армейский корпус генерала Альмендингера в составе 73-й и 98-й немецких пехотных дивизий, 6-й кавалерийской и 3-й горнострелковой дивизий румын. 49-й альпийский корпус генерала Конрада прикрывал оборонительные рубежи на Перекопском перешейке и вдоль Сивашской дамбы. В его состав входили 50-я и 336-я дивизии немцев, а также 10-я и 19-я пехотные и 9-я кавалерийская дивизии румын. Две горнострелковые румынские дивизии охраняли прибрежные районы и вели борьбу против партизан в глубине полуострова. Переброшенная в Крым с юга Украины в начале марта 111-я немецкая пехотная дивизия находилась в резерве. Одна бригада штурмовых орудий находилась у Перекопа, вторая — в районе Керчи.

С середины марта 1944 года стало очевидным, что момент перехода советских войск в решительное наступление приближается. Немецкий плацдарм у Никополя был ликвидирован, армии группы «А» отброшены за Днестр, Одесса — основная база снабжения 17-й армии — оказалась в безнадежном положении и 10 апреля была взята советскими войсками. Теперь советские армии, находившиеся между Перекопом и Днепром, обрели свободу маневра, и логическим

стратегическим ходом должен был стать удар по немецким войскам в Крыму. Так и произошло.

Вечером 7 апреля около восьми батальонов атаковали опорные пункты 10-й румынской пехотной дивизии в районе Сиваша. На следующий день в 9.00 начался массированный штурм немецких позиций на Перекопе. Командующий 4-м Украинским фронтом генерал Толбухин бросил в бой две армии. После мощной артиллерийской подготовки 18 стрелковых дивизий при поддержке танкового корпуса нанесли удар по дивизиям 49-го горнострелкового корпуса генерала Конрада.

50-я пехотная дивизия вместе с частями 111-й пехотной дивизии первый день удерживала свои позиции в районе Татарского рва и переходила в контратаку. Стойко держалась и 336-я немецкая пехотная дивизия в районе Сиваша. Но 10-я румынская дивизия, на которую пришелся основной удар советских танков, нанесенный с Сивашского плацдарма, дрогнула. После ожесточенного боя ее полки понесли тяжелые потери и в ряде пунктов оборона была прорвана.

9 апреля капитан Гензель, ознакомившись с поступившими в штаб армии донесениями, записал в своем дневнике: «Северный фронт сообщает о крупном наступлении противника на Перекопском перешейке при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня. 50-я пехотная дивизия вынуждена отступить на новую линию обороны. Еще в более критической ситуации оказалась 10-я румынская пехотная дивизия на Сивашском участке фронта. Армия запросила у штаба группы армий “А” разрешение на операцию “Адлер”. Это означает отступление войск к Севастополю. Ночью разрешение получено. Операция “Адлер” начинается».

10 апреля он записал: «Северный фронт удержать нельзя. 50-я пехотная дивизия, понеся тяжелые потери с трудом сумела отойти на запасную линию обороны... Но сильная танковая группировка русских наступает сейчас через брешь в румынском секторе обороны создавая угрозу нашим тылам. Мы лихорадочно трудимся над тем, чтобы подготовиться к размещению войск на оборонительной “линии Гнейзенау”. Мне было приказано вылететь в 5-й корпус на Керченском полуострове, чтобы доставить туда приказ об отступлении к Севастополю. “Совершенно секретный” документ. Наш связной “Шторх” отчаянно болтало над грядой Яйла. Я отпрапортовал

полковнику Бруну, начальнику артиллерии корпуса, и передал ему привезенные документы. 5-й корпус получил приказ оторваться от противника в течение ближайшей ночи и отходить к Севастополю».

73-я и 98-я пехотные дивизии и две дивизии румын, входившие в 5-й корпус, получили закодированный сигнал о начале операции «Адлер» в пасхальное воскресенье, 10 апреля. Отвод войск должен был начаться в 19.00. Медлить было нельзя. Путь отхода на запад до «линии Гнейзенау» через промежуточный Ак-Монайский оборонительный рубеж составлял около 150 миль.

Началась драматическая гонка. Советское наступление велось энергично. Руководил им генерал армии А. И. Еременко, командовавший Отдельной Приморской армией в составе двенадцати стрелковых дивизий и танковой бригады, которую поддерживала 4-я воздушная армия. Все эти силы атаковали арьергардные части отступавшего 5-го немецкого корпуса.

Генерал Еременко узнал, что происходит, как только немцы начали готовиться к отступлению. Сведения были безошибочными. Их источником была не только войсковая разведка и агентура, а сами немцы, которые нервничали и часто нарушали дисциплину. Некоторые румынские части, так же как и подразделения немецких ВВС и ВМС, не выполняли приказа о соблюдении секретности. Велось многочисленные ненужные разговоры по радио и телефону. Румынские и немецкие артиллеристы береговой обороны спешно расстреливали запасы снарядов, которые они не могли увезти с собой, поджигали казармы и наблюдательные вышки, приступили к уничтожению аэродрома в Багерово. С возмущением штаб корпуса и командиры соединений взирали на опасный упадок дисциплины, но были бессильны что-либо сделать.

В результате советское командование было осведомлено о предстоящем отступлении немцев еще до того, как оно началось. И как только немецкие части в назначенный час стали покидать свои позиции, советские войска сразу же перешли в наступление. Моторизованные советские части неотступно преследовали 5-й армейский корпус, который после длительного пребывания в обороне отвык от маневренной войны и во многом зависел от конно-гужевого транспорта. В начавшейся смертельной гонке советские танки и мотопехота должны были неизбежно опередить немцев.

Тем не менее ценой больших потерь 73-й и 98-й немецким пехотным дивизиям удалось к 12 апреля достичь промежуточного Ак-Монайского оборонительного рубежа и удержаться на его укрепленных позициях до наступления темноты.

Поскольку наступавшие с севера советские бронетанковые части уже вступили в Симферополь и могли в любой момент появиться в тылу 5-го корпуса, его дивизии повернули на юг, чтобы продолжать отход на запад по приморской дороге через Судак и Ялту. 13 апреля отступавшие немецко-румынские войска достигли подножия Крымского хребта.

В 9.00 со стороны Старого Крыма появились первые советские танки. Хвост отступавшей колонны 5-го корпуса как раз втягивался в перевал Чатырдаг. Противотанковый заслон сумел задержать передовой отряд советских войск, и немецкая колонна была спасена. Однако переправить артиллерийские орудия через перевал не удалось. Шестерке лошадей было не по силам втащить орудия вверх по крутой горной дороге. Орудия и повозки пришлось взорвать, лошадей пристрелить. К вечеру 13 апреля части 5-го корпуса достигли Судака, а к утру 14 апреля вступили в Алушту. С рассветом следующего дня отступающие части колонны немцев и румын двинулись к Ялте. То тут, то там их обстреливали скрывающиеся в горах партизаны.

16 апреля в 11.00 последние арьергардные отряды 5-го корпуса вошли в Севастопольский укрепленный район. Около 10 тысяч солдат и офицеров корпуса, ранее погруженные на военно-морские корабли в портах Южного берега Крыма, уже прибыли в Балаклаву. Тепел все надеялись на быструю эвакуацию из Крыма, но и ожидало разочарование. 5-й корпус направили в отведенный ему сектор Севастопольского укрепрайона.

Вернемся теперь к 49-му горнострелковому корпусу генерала Конрада. 12 и 13 апреля его поредевшие полки получив временную передышку благодаря контрудару двух бригад штурмовых орудий, сумели отойти на «линию Гнейзенау» и закрепиться на ней. Подошедшие советские танки устремились в обход укрепленных немецких позиций. Их удалось на какое-то время задержать, бросив в бой пикирующие бомбардировщики и выставив заслоны из тяжелых зенитных орудий. Но все было бесполезно. 13 апреля советские части ворвались в Симферополь, где всего 12 часов назад размещалась штаб-

квартира генерал-полковника Енеке, — так стремительно развивалось советское наступление.

14 апреля основные силы 49-го горнострелкового корпуса, которым удалось спасти тяжелую артиллерию, достигли внешнего обвода укрепленного района Севастополя. Вскоре туда же подошла оборонявшая от советских атак аэродром Сатабус боевая группа генерал-лейтенанта Сикста, составленная из частей 50-й пехотной дивизии, транспортных подразделений и нескольких батарей зенитных орудий.

Советские танки неотступно преследовали отступавшие немецкие войска, и было чудом, что операцию по отводу соединений 17-й армии под непрерывным воздействием превосходящих сил противника вообще удалось завершить.

Конечно, достигшие Севастопольского укрепрайона дивизии 17-й армии были в плачевном состоянии. Румынские соединения, по существу, распались, а немецкие дивизии практически превратились в усиленные полки. Немецкие потери составили 13 131 человек, румынские — 17 652 человека. Личный состав армии к 18 апреля сократился до 124 233 человек.

Эвакуация морем велась непрерывно с 12 апреля. В первую очередь вывозились тыловые службы, транспортные подразделения, власовцы, военнопленные и гражданские служащие. К 20 апреля было эвакуировано 67 тысяч человек, то есть ежедневно транспортные суда перевозили более 7 тысяч человек. Еще 18 дней — и можно будет завершить всю операцию.

Общая ситуация выглядела обнадеживающей. Оборонительные и блокирующие позиции трех укрепленных полос города-крепости можно было бы удерживать еще две-три недели. Пока они не были прорваны, аэродромы внутри укрепрайона находились вне досягаемости огня советской артиллерии, и самолеты люфтваффе могли пользоваться ими, а пока немецкая авиация обеспечивала прикрытие с воздуха, эвакуация морем могла продолжаться. Таким образом, все было взаимосвязано. 17-ю армию еще можно было спасти и, если действовать умно и смело, попытаться спасти даже ее арьергардные части в последний день эвакуации. Командование 17-й армии верило в это, судя по запискам начальника оперативного отдела ее штаба подполковника Вайтерхаузена.

Но роковой приговор ей уже был передан в эфир. Гитлер снова принял одно из своих непонятных решений. 12 апреля он подписал приказ: «Севастополь оборонять до конца. Боеспособные войска не эвакуировать!» В город перебрасывались новые батальоны. Севастополь должен держаться!

Генерал-полковник Енеке, а также генерал-полковник Шернер, командовавший группой армий «Южная Украина» с 31 марта 1944 года после смещения генерал-фельдмаршала фон Клейста, равно как и начальник генерального штаба сухопутных войск Цейтцлер, напрасно пытались убедить Гитлера отменить этот приказ.

21 апреля Шернер прилетел в Бергхоф, чтобы уговорить Гитлера пересмотреть приказ об обороне Севастополя. Гитлер привел свои контраргументы. Позиция Турции, заявил он, после крушения фронта у Керчи и Перекопа стала неопределенной и зависит теперь от того, удастся ли удержать Крым, иначе говоря, Севастополь. Таков главный мотив его решения об обороне Севастополя. «Для ведения войны мне прежде всего необходимы две вещи — румынская нефть и турецкая хромовая руда. И то и другое будет потеряно, если я оставлю Крым». Затем он несколько смягчил свое заявление: нет необходимости, разумеется, удерживать Крым бесконечно, достаточно продержаться всего восемь — десять недель. Как только ожидавшееся вторжение союзников во Францию будет успешно отражено, через несколько недель можно будет спокойно оставить Севастополь без особого политического риска. Гитлер заверил Шернера, что в Севастополь будут направлены подкрепления.

В апреле 1944 года для обороны Севастополя немцы располагали пятью ослабленными дивизиями. Артиллерия состояла из тех орудий, которые удалось спасти при отступлении 49-го корпуса. Правда, основной рубеж обороны был хорошо укреплен, его оборонительные сооружения прикрыты колючей проволокой, но железобетонные доты в глубине обороны существовали лишь в тактически важных секторах. Вторая и третья оборонительные линии, где дислоцировались резервы, были значительно слабее. Старые форты и железобетонные укрытия не были восстановлены и использовались лишь как госпитали и пункты сосредоточения войск. Укрепления в юго-восточном секторе внешнего обвода города были более слабыми, а траншеи недостаточно глубокими. 5-й корпус не имел тяжелой артиллерии, не хватало и

тяжелого стрелкового оружия. 98-я пехотная дивизия оказалась без шанцевого инструмента. Кирки и лопаты пришлось собирать по всему укрепрайону, а саперам срочно изготавливать к ним рукоятки. Только после этого началось сооружение земляных укреплений. Вокруг города-крепости стояли готовые к штурму три советские армии, танковый корпус, три артиллерийские дивизии и несколько самостоятельных бригад. Около 6 тысяч орудий и минометов были готовы обрушить на него ливень снарядов и мин.

27 апреля перед лицом неотвратимо надвигавшейся катастрофы генерал-полковник Енеке направил в штаб группы армий «Южная Украина» телеграмму, предназначенную Гитлеру. Шернер немедленно передал ее в ставку фюрера, Енеке, который тремя днями ранее сделал запрос относительно двух дивизий, обещанных ему в качестве подкрепления, теперь категорически требовал немедленной присылки одной дивизии, а также просил предоставить ему «свободу действий».

Для Гитлера последние слова были крамолой. Енеке был вызван в ставку для доклада и отстранен от командования армией. Новым командующим был назначен генерал Альмендингер. Лишился своего поста и командир 49-го корпуса генерал Конрад. Его преемником стал генерал Хартманн.

Советское наступление началось 5 мая в 9.30 двухчасовой артиллерийской подготовкой, в которой участвовало 400 тяжелых орудий и 400 многоствольных ракетных установок. Основной удар пяти советских стрелковых дивизий наносился по позициям 336-й пехотной дивизии. Бои носили исключительно упорный характер, но немецкие войска на северном участке фронта держались двое суток — до 7 мая. [\[198\]](#)

7 мая войска Отдельной Приморской армии нанесли решительный удар по позициям 5-го корпуса в южном и восточном секторах немецкого фронта. Плотность артиллерийского огня достигала до 320 стволов на 1,6 километра фронта. Советские орудия обрушили град снарядов и мин на немецкие узлы обороны и артиллерийские позиции. Затем на штурм пошли советские войска. Они атаковали ослабленные полки 73, 111 и 98-й немецких пехотных дивизий.

Фронт 73-й дивизии был прорван. К 18.00 немецкие потери на этих двух участках обороны составили 5 тысяч человек. Бои велись в исторических местах, хорошо известных еще с времен Крымской

войны 1853–1856 годов — на Английском кладбище, Сапун-горе, Балаклавских высотах.

Форт «Максим Горький», разрушенный еще в 1942 году, служил полевым госпиталем. Там лежали длинные ряды раненых солдат. Стоны и трупный запах. Узкая траншея, проделанная в крутом склоне, вела вниз к причалу, куда переносили раненых для эвакуации. Внизу в воде плавали конские трупы.

Что произошло там, описал в своем дневнике 22 апреля известный нам капитан Гензель: «В соответствии с приказом об эвакуации все лошади были убиты и сброшены в море. Море внизу кишело тысячами трупов мертвых лошадей, которые лениво колыхались в волнах прибоя. Эта кровавая бойня лошадей была одной из многих бессмысленных вещей, совершенных в Крыму. Не желая убивать своих преданных четвероногих друзей поодиночке, румыны подгоняли к краю обрыва целые табуны и расстреливали их из пулеметов. И эта бойня длилась многие часы».

Кризис наступил 8 мая. Советские войска ворвались на господствующую над городом высоту — Сапун-гору. Все попытки отрезать их и сбить с этой высоты, а также отбить Английское кладбище сорвались. Немецкие войска в этом ключевом районе оказывали отчаянное сопротивление. На какое-то время 2-му батальону 282-го гренадерского полка удалось контратакой вернуть одну из высот, но вскоре немцы были снова вынуждены оставить ее. Командир батальона Финке был убит.

Командование армии приказало возобновить контратаки — что еще оставалось делать? Приказа об эвакуации не было, и Севастополь надо было оборонять. Но с потерей Сапун-горы это было невозможно.

Когда советские войска овладели Сапун-горой командование 17-й армии собрало все оставшиеся резервы и снова бросило их в контратаку. В полдень подполковник Вайтерхаузен, начальник оперативного отдела штаба доложил командованию группы армий, что контратака отбита. «Мы сделаем все возможное, чтобы вернуть эту ключевую высоту». Но, несмотря на все отчаянные попытки, немецким войскам добиться этого не удалось. Важнейший рубеж обороны был потерян.

В этой ситуации генерал-полковник Шернер вечером 8 мая направил телеграмму в ставку Гитлера: «Прошу разрешить эвакуацию,

так как дальнейшая оборона Севастополя более невозможна».

Гитлеру пришлось смириться с фактами. В 23.00 он дал согласие. При этом он с горечью сказал начальнику штаба ОКБ Кейтелю: «Самое худшее в этой вынужденной эвакуации, на мой взгляд, то, что русские смогут вывести из Крыма свои армии и использовать их против группы армий “Южная Украина”». Турция на этот раз упомянута не была.

К 2.15 9 мая генерал Альмендингер имел на руках приказ об эвакуации из города. Остатки армии начали срочно отходить на свой последний оборонительный рубеж, прикрывавший западную оконечность мыса Херсонес.

К 16.00 арьергардные отряды 50-й пехотной дивизии отступили из руин Севастополя и заняли позиции на северном участке нового оборонительного рубежа. Вечером этого же дня был убит комендант Севастополя полковник Бетц, который командовал этой дивизией с 1 мая, после того как генерал Сикст был ранен.

Оборонительный рубеж на мысе Херсонес был тщательно спланирован и хорошо укреплен. Главную линию обороны составляли непрерывные линии траншей с дополнительными ходами сообщений, железобетонными дотами и бункерами для солдат, боеприпасов и продовольствия. Запасов продовольствия хватало с избытком. Имелись также достаточные запасы питьевой воды (на Херсонесе источников пресной воды нет). Это имело немаловажное значение для поддержания морально-боевого духа войск. Во главе боевых групп, сформированных из остатков различных родов войск и служб, были поставлены опытные офицеры. В секторе обороны 98-й пехотной дивизии, позади траншей и дотов, в которых находились grenадеры, всех других военнослужащих, имевших боевой опыт, объединили в готовый для контратак тактический резерв — 250 человек, значительная сила по меркам тех дней.

Советские войска, энергично преследовавшие отступавшие немецкие части, попытались с ходу прорвать последний оборонительный рубеж 17-й армии, смять ее боевые порядки и ликвидировать оставшиеся очаги сопротивления. Однако, несмотря на их численное превосходство, немецкая оборона сумела выдержать этот первый натиск.

Но вся эта храбрость была бесполезной. Настал момент, когда 17-я армия лишилась основного козыря своей обороны — базировавшихся в Крыму авиационных соединений генерала Дейчманна. Последний оставшийся у немцев на Херсонесском полуострове аэродром оказался под прицельным огнем советских артиллеристов, которые хорошо просматривали всю западную оконечность полуострова с высоты Сапун-горы. Вечером 9 мая, когда взлетное поле покрылось орудийными воронками, Дейчманн приказал своим последним тринадцати истребителям вернуться на материк. Воздушный зонт над полуостровом был утрачен. Авиабазы на материке находились слишком далеко, и это резко ограничило действия немецкой истребительной и штурмовой авиации. Имевшиеся же двухмоторные истребители были необходимы для прикрытия конвоев.

Последний акт трагедии начался 10 мая 1944 года сокрушительным ударом. Ударом, продемонстрировавшим тесную взаимозависимость военных действий на суше, море и в воздухе.

Как только был отдан приказ об эвакуации, военно-морской флот привел в действие механизм тщательно подготовленной крупномасштабной переправочной операции. Удастся ли ее провести? От ответа на этот вопрос зависела судьба 17-й армии. Первые конвои сразу же вышли в море. Переход из Констанцы в Крым занимал около полутора суток. Ощутимая разница по сравнению с Дюнкерком, где в 1940 году англичанам удалось эвакуировать из Франции целую армию, поскольку переход через Ла-Манш требовал всего несколько часов.

10 мая около 02.00 два крупных транспорта — «Тотила» и «Тейя» подошли к Крыму. Они остановились в двух морских милях к северу от Херсонесского полуострова, так как иначе оказались бы в пределах огня советской артиллерии.

Самоходные паромы и катера перевезли с берега солдат и офицеров, «Тейя» приняла на борт 5 тысяч человек и «Тотила» — 4 тысячи. А затем произошла катастрофа. Советские штурмовики и бомбардировщики в сопровождении истребителей с ревом промчались над судами.

Немецких истребителей в небе не было.

В 05.45, получив три попадания, транспорт «Тотила» загорелся и, потеряв ход, начал дрейфовать в море. Через полчаса он затонул. Спаслись лишь несколько сот человек. Такая же участь постигла

«Тейю». Советский торпедоносец нанес ей столь тяжелые повреждения, что около 15.00 транспорт затонул. Из 5 тысяч уцелели 400 человек. Восемь тысяч нашли смерть в морской пучине в результате одного удара.

17-я армия собиралась эвакуироваться в ночь с 10 на 11 мая. На херсонесских оборонительных рубежах находилось приблизительно около 30 тысяч человек. Военно-морской флот дал согласие. В руководство операцией лично вмешался гросс-адмирал Дениц. Все, что могло держаться на воде, было направлено к Севастополю. В море вышли более 190 немецких и румынских военных катеров, транспортов, буксиров, тральщиков и самоходных барж. Они могли принять на борт 87 тысяч человек — этого было достаточно: ведь на полуострове оставалось немногим более 50 тысяч немцев и румын.

Казалось, что дела обстоят не так уж плохо. Но как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Начался шторм. График нарушился. Командующий операцией контр-адмирал Шульц со своими офицерами работали не покладая рук. Но что они могли сделать с восьмibalльным штормом. Многие конвои были вынуждены повернуть назад или остановиться. Другие опаздывали. Вскоре стало ясно, что суда не смогут достичь Херсонеса к 11 мая. Поэтому эвакуацию перенесли на следующую ночь — с 11 на 12 мая. Это означало, что план одновременной ночной эвакуации всех находившихся на полуострове частей 17-й армии сорвался и, следовательно, необходимо будет еще целые сутки удержись оборонительные рубежи, чтобы спасти армию от гибели.

Днем 11 мая все подразделения получили приказ оставить свои позиции и к 23.00 отойти к намеченным пунктам посадки на корабли и окопаться для обеспечения локальной обороны. При этом указывалось, что если корабли не прибудут в эти пункты, то солдаты должны садиться на любые другие суда, которые они сумеют найти. Учитывая обстановку, это был необходимый приказ, но он открывал также путь к хаосу и панике.

Шел двенадцатый час ночи. Генерал Рейнгардт, командир 98-й дивизии, опросил по радио собравшиеся у мест посадки подразделения дивизии. На его неоднократные запросы поступал один и тот же ответ: кораблей нет.

Кораблей не было. Что могло случиться? Но корабли были. Предназначенный для эвакуации флот стоял на рейде — он не мог подойти к берегу.

В 21.30 контр-адмирал Шульц поднялся на борт флагманского корабля 1-й флотилии сторожевых торпедных катеров. Он собирался сам подвести суда каравана к их якорным стоянкам и причалам. Ночь была темной, но контр-адмирала эта темнота устраивала. Советская артиллерия не сможет вести прицельный огонь, а советская авиация не имела опыта ночных атак.

Рассекая волны, катер устремился к берегу. Нетерпеливо офицеры вскинули к глазам ночные бинокли. Что такое? «Туман», — обронил первый офицер. Все пришли в ужас. «Но откуда он взялся?» Густые белые облака тумана ползли с берега на море, туман сгущался. Пристань и пирсы теперь можно было разглядеть лишь вблизи. Но это был не туман — как не невероятно, но это была дымовая завеса!

Несколько месяцев назад военно-морские специалисты установили систему дымовой маскировки в портах и заливах Херсонеса — несколько сот баллонов. В случае массированных налетов авиации противника военные объекты и особенно места стоянки судов, пристани и причалы предполагалось укрывать дымовыми завесами, чтобы сделать прицельную бомбежку невозможной. Сейчас эти дымовые баллоны взорвались от случайных попаданий артиллерийских снарядов. Немецкие солдаты, удивленные и обрадованные тем, что они оказались укрытыми от вражеских глаз, привели в действие остальную уцелевшую дымозащитную аппаратуру, чтобы обеспечить, как им казалось, еще большую безопасность, не предвидя всех последствий.

Исправить что-либо теперь было уже невозможно. Правда, Шульц нашел транспорт «Дакия» и еще несколько судов и привел их к берегу. Но всего стоявших на рейде кораблей и судов было около шестидесяти, и большинство из них отыскать ему не удалось. К тому же ждать долго они не могли. С наступлением рассвета многие из них вернулись обратно в Констанцу пустыми.

Имелась лишь одна возможность — направить на поиски этих судов остальные торпедные катера 1-й флотилии с приказом эскортировать их к местам погрузки. Но флотилия была единственным боевым соединением, оставшимся у Шульца для отражения атак

советских надводных кораблей. Лишить себя этой возможности Шульц не мог. Что мог бы он тогда предпринять в случае такой атаки? Случись это — и все транспортные суда подверглись бы смертельной опасности. Кто может упрекнуть адмирала за стремление держать наготове свое единственное оружие?

Так начался финальный акт трагедии многих тысяч оставшихся на полуострове солдат и офицеров 17-й армии.

За три прошедших дня с Херсонесского полуострова было взято на корабли 39 808 солдат и офицеров, 31 708 из них прибыли в назначенные им порты. Но многие другие эвакуироваться не смогли.

Особенно неудачно сложилась судьба 111-й пехотной дивизии, переброшенной в марте в Крым на усиление 17-й армии. Ни один из стоявших на рейде транспортов не нашел в темноте и дыму путь к сектору берега, куда отошли остатки дивизии.

Наступило утро 12 мая. Советские Т-34 атаковали последнюю линию опорных пунктов, прикрывавших отведенные этой дивизии пункты посадки на корабли. Тяжелое вооружение уже было уничтожено, у оборонявшихся немецких солдат имелись лишь винтовки и пулеметы.

На берегу у моря подполковник Франц, офицер разведки, спешно жег секретные документы. Организованное сопротивление прекратилось. Вспыхнула паника. Какой-то лейтенант схватил доску, бросился в воду и попытался уплыть в море.

«Тридцатьчетверки» не спешили подойти к берегу. Советская артиллерия обстреливала прибрежную полосу. На узкой грязной и каменистой отмели между высоким отвесным берегом и кромкой моря сгрудилось несколько тысяч человек.

Затем танки медленно двинулись вперед. Люки их были открыты. За ними не спеша шли советские солдаты...

Шесть месяцев спустя подполковника Франца в московской тюрьме допрашивал советский офицер. Офицер был корректен, вежлив и любознателен. Его особенно интересовали действия 111-й дивизии в Крыму. «Мы не спешили, кстати говоря, — заметил он, — со взятием Крыма. В конце концов, это был огромный лагерь военнопленных. Немцы фактически находились на этом полуострове у нас в плену с ноября 1943 года. К тому же они сами снабжали себя.

Сторожили себя. Ездили в отпуска и даже добровольно возвращались обратно».

Если бы финал Крымской битвы не был столь трагичен, можно было бы согласиться с советским офицером, но итог слишком мрачен, чтобы ограничиться удачной шуткой. [\[199\]](#)

Между 8 апреля и 13 мая немцы потеряли убитыми и ранеными 31 700 человек, румыны — 25 800, а вместе — 57 500. Более того, сравнение данных об эвакуации показывает, что судьба 20 тысяч человек осталась неизвестной. Это была катастрофа, равная по своим масштабам Сталинграду.

Пауль Карелл

«Канны» на Березине^[200]

2 августа 216 года до н. э. на Апулийской равнине в Италии, близ городка Канны, карфагенские войска, возглавляемые Ганнибалом, стояли перед римской армией, которой командовал консул Теренций Варрон. Силы римлян превосходили силы карфагенян почти вдвое, но отменная кавалерия Ганнибала более чем уравнивала этот численный перевес.

Битва началась. Армии двинулись навстречу друг другу. Ганнибал воспользовался своим главным козырем: тяжелая африканская кавалерия под предводительством Газдрубала атаковала слабую кавалерию противника на правом фланге армии Варрона и разбила ее. Римские всадники были рассеяны и сброшены в реку Аурид. Пройдя в тылу вражеских боевых порядков, Газдрубал устремился на левый фланг, где трехтысячный отряд римских всадников сражался с легкой конницей карфагенян. Напав на этот отряд сзади, Газдрубал разбил и его. Кавалерия римлян была разгромлена и изгнана с поля боя. Затем кавалеристы Газдрубала ударили в тыл римской пехоте.

Превосходство легионов Теренция Варрона над легковооруженной пехотой карфагенян утратило свое значение. Когда конница Газдрубала оказалась в тылу римлян, а ливийская пехота охватила фланги, судьба римской армии была предрешена. Первое в истории сражение на уничтожение, связанное с окружением главных сил противника маневренными частями и охватом обоих его флангов пехотой, шло к своему логическому концу.

Прусский генерал-фельдмаршал фон Шлиффен оставил подробное исследование боя под Каннами. Римляне, объяснял он, оказались сбитыми в кучу, утратили маневренность, их численное превосходство свелось таким образом на нет. Они предпринимали последние отчаянные усилия. Ганнибал разъезжал по кровавому полю битвы, подбадривая смелых и подталкивая ленивых. Устав от бойни, карфагеняне взяли уцелевших римлян в плен. Небольшое поле было усеяно горами мертвых тел. Римляне потеряли убитыми около 48 тысяч человек. Погибли консул Эмилий Павел и проконсул Сервилий. Варрону с частью пехотинцев и всадников удалось спастись бегством.

Еще несколько тысяч римлян попали в руки победителей в городке Канны и в двух римских лагерях.

В 1909 году Шлиффен писал: «Это было сражение на уничтожение, доведенное до совершенства. За две тысячи лет оружие и способы ведения боя полностью изменились. Солдаты более не сражаются на коротких мечях, а стреляют друг в друга с расстояния в несколько тысяч метров. Место лука заняло орудие, а место пращи — пулемет. Вместо избиения — плен. Но в общих чертах боевые условия остались без изменения. Бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану, выработанному Ганнибалом много веков тому назад».

Граф Шлиффен был прав. Летом 1944 года «Канны» римлян были повторены в России на Березине.

* * *

Как весь ход войны против России пестрит ошибочными решениями немцев, так и последний акт Восточной кампании начался с рокового просчета верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Этот просчет таил в себе семена решающего поражения вермахта на Востоке — крах центрального фронта летом 1944 года.

Кто бы мог подумать в 1941 году, что через какие-нибудь три года отборные армии группы «Центр» потерпят крупнейшую в военной истории катастрофу, что их ждет сражение на уничтожение, «Канны», не имеющие параллели?

Группа армий «Центр» играла ключевую роль в операции «Барбаросса». Имея в своем составе две танковые группы и две мощные пехотные армии, она должна была разбить основные вооруженные силы противника к западу от Днепра, а затем молниеносным броском достигнуть сердца Советского Союза — Москвы.

Армии группы с головокружительной быстротой прошли путь от Бреста до Минска, форсировали Днепр и достигли Смоленска. Затем Гитлер заколебался. Он отошел от первоначального плана наступления на Москву. Немецкие войска повернули на юг, к Киеву, чтобы сперва захватить Украину. Лишь спустя несколько недель в распутицу, на пороге зимы, наступление на Москву было возобновлено. Но было уже поздно. Немецкие войска и их оружие не могли противостоять свежим русским дивизиям, подтянутым из Сибири, и русской зиме с ее

морозами. На подступах к советской столице армии группы «Центр» потерпели поражение.

События зимы 1941/42 года привели к коренному повороту во всей войне на Восточном фронте. В стратегии немецкого верховного командования центральный фронт и чисто военные соображения захвата столицы противника — важнейшего центра коммуникаций — отошли на второй план, уступив место экономическим целям на юге Советского Союза, целям, которые Гитлер, в отличие от своих генералов, считал решающими для исхода войны: уголь, сталь и нефть. Донецкий бассейн и Кавказ стали рассматриваться в качестве главных театров военных действий. Там наносились основные удары, там решалась судьба всей русской кампании.

В глазах немецкого верховного командования группа армий «Центр» после своего отступления от Москвы находилась на «второстепенном театре войны». 2-я танковая армия Гудериана, которая, согласно плану «Барбаросса», должна была обойти Москву с юга и захватить ее, в течение двадцати месяцев, вплоть до августа 1943 года, оставалась в районе Орла, куда она отступила после поражения под Тулой. Армия прикрывала подступы к Орлу против возможного наступления русских. Однако после победы на Волге в намерения Сталина входил разгром немецких войск не в центре, а на юге страны.

Немцы проигрывали на юге одно сражение за другим и потеряли завоеванные богатства: железо и уголь, никель и марганцевую руду, зерно Украины и южный бастион — Крым.

К июню 1944 года карта военных действий красноречиво свидетельствовала о трагических событиях на южном крыле Восточного фронта. Советские войска продвинулись далеко на запад. Линия фронта шла теперь от Одессы на Черном море вдоль восточных и северных отрогов Карпат до города Коломыя, а затем резко поворачивала на север, к Припятским болотам возле Ковеля. Здесь начинался фронт армий группы «Центр», который по конфигурации представлял собой огромный выступ на восток площадью около 250 тысяч квадратных километров: восточный фас фронта в районах Орши и Могилева проходил в 50 километрах за Днепром. Тыловые коммуникации этого выступа уже находились под угрозой с юга в западной оконечности Припятских болот.

К счастью для немцев, эта угроза, образно говоря, утонула в весенней распутице. Немецкое верховное командование, таким образом, получило столь необходимую для войск передышку, а вместе с ней возможность хотя бы временно стабилизировать вклинившийся опасный участок фронта между Карпатами и Припятскими болотами.

Как в ставке фюрера «Вольфшанце», так и в штаб-квартире главного командования сухопутных войск Германии в это время мучительно искали ответ на вопрос: «Что предпримет противник после весенней распутицы? Где он начнет свое летнее наступление?»

Гитлер и его советники дали ошибочный ответ на этот кардинальный вопрос 1944 года, и этот неправильный ответ, основанный на неверной оценке положения, стал одной из причин катастрофы.

В течение восемнадцати месяцев Гитлер отказывался признать, что Сталин пытается навязать немцам решающее сражение на южном крыле фронта. В течение восемнадцати месяцев он недооценивал мощь Советских Вооруженных Сил и их возросший боевой опыт. Теперь Гитлер допустил новый просчет. Он убедил себя, что Сталин нанесет решающий удар не иначе как на юге, поскольку в Галиции перед советскими войсками открывалась блестящая стратегическая перспектива для наступления на Варшаву, к Висле и, следовательно, в тыл группы армий «Центр». Гитлер отбросил все сомнения: русские, заявил он, нанесут удар между Припятскими болотами и Карпатами! Они должны ударить здесь!

Изо дня в день Гитлер проводил долгие часы над картой Восточного фронта, изучая обстановку и планируя ход возможных операций. И в каждом составленном им плане он приписывал противнику свои собственные выводы. Конечно, идея охвата гигантскими клещами выдававшегося выступом на восток немецкого фронта и окружения двух групп армий — «Север» и «Центр» выглядела весьма заманчивой. В конце концов, от истоков реки Припять до Балтийского моря расстояние не так уж велико — каких-нибудь 450 километров, причем без серьезных естественных препятствий. Отличные условия для стремительного броска. Подобный замысел, безусловно, должен прийти в голову любому смелому полководцу, располагавшему достаточными силами!

Любопытно отметить, что не только Гитлер, но и его военные советники — генерал-полковник Йодль и начальник оперативного отдела генерал Хойзингер упорно придерживались подобной трактовки грядущих событий. Вера в русское наступление в Галиции была так сильна, что, даже когда после 10 июня стали поступать сведения о подготовительных мероприятиях противника на фронте группы армий «Центр», они игнорировались как отвлекающие маневры русских. Призрак советского наступления вдоль Вислы к Балтийскому морю так заморозил штаб-квартиру фюрера, что возможность нанесения советским командованием решающего удара в другом месте просто не допускалась.

Вследствие этого главное командование сухопутных войск Германии сконцентрировало все имевшиеся в его распоряжении резервы, и прежде всего танковые дивизии в Галиции. Это были значительные силы: четыре танковых корпуса в составе восьми танковых и двух моторизованных дивизий,^[201] и верховное командование вооруженных сил Германии с уверенностью ожидало предстоящую битву на фронте группы армий «Северная Украина». Новый командующий фронтом генерал-фельдмаршал Модель также разделял официальный оптимизм: впервые, указал он, массированный удар советских войск будет встречен столь же мощным контрударом немцев.

Но то были тщетные надежды. Они свидетельствовали о недостаточной осведомленности немецкого верховного командования, о его неспособности правильно оценить положение дел. В течение ряда лет в ставке фюрера недооценивали Красную Армию, теперь же с завышенными мерками судили о дерзости стратегических замыслов русских.

Летом 1944 года Верховное Главнокомандование Советских Вооруженных Сил не вынашивало столь далеко идущих стратегических планов, которые приписывал ему Гитлер. К тому же Советское Верховное Главнокомандование очень редко атаковало противника на тех направлениях, где позиции немцев были особенно сильны. Превосходно поставленная разведывательная служба давала советскому командованию возможность планировать свои операции на основе точных сведений о положении противника. Летом 1944 года русские поступили иначе, чем предполагали немцы. Сталин сделал то,

что Манштейн летом 1943 года предложил сделать на Курской дуге, когда оценил исключительную мощь оборонительных позиций советских войск на северном и южном фасах этого фронта: ударить в центр дуги, где оборона противника была слабее, чем на флангах.

Именно эти соображения лежали в основе русского плана операции против выступа, занимаемого группой армий «Центр». К сожалению, немецкое командование не имело своих разведчиков в Ставке Советского Верховного Главнокомандования, которые могли бы снабдить немцев соответствующей информацией.

Немецкое верховное командование пребывало в заблуждении до самой последней минуты, о чем весьма убедительно свидетельствует доклад об общем военном положении начальника штаба ОКВ генерал-фельдмаршала Кейтеля, сделанный им 20 июня 1944 года. В этом докладе Кейтель утверждал, что русские не начнут наступления, пока силы вторжения западных союзников, высадившиеся 6 июня в Нормандии, не добьются крупного успеха, и что главный удар русские после этого нанесут в Галиции, а не по армиям группы «Центр».

Спустя 48 часов утверждение Кейтеля было опровергнуто самым драматическим образом. Советские войска перешли в наступление. Но не в Галиции.

22 июня 1944 года исполнилась третья годовщина начала операции «Барбаросса» — нападения Германии на Советский Союз. Отдавая себе точный отчет о воздействии этой даты на умы и сердца русских людей, Сталин использовал ее, чтобы поднять боевой дух своих войск. [202] Так же как ранее он отдал приказ взять Киев 7 ноября 1943 года — в день Октябрьской революции, так и теперь он приурочил начало решающего летнего наступления 1944 года ко дню вторжения Германии в Россию. Чтобы заставить немецкое командование подольше теряться в догадках относительно главного направления летнего наступления, маршал Г. К. Жуков — один из двух представителей Ставки, ответственных за координацию действий участвовавших в наступлении советских войск избрал последовательный порядок проведения операций против фронта армий группы «Центр».

Начало было положено партизанами. В ночь на 20 июня на территории за линией фронта партизаны провели широкие диверсионные операции. К рассвету 10 500 взрывов полностью вывели

из строя железнодорожные коммуникации в районе между Днепром и Минском и к западу от этого города. Стратегически важные мосты были взорваны. Подвоз снабжения был приостановлен во многих случаях больше чем на сутки.

Парализованными оказались не только железные дороги: сеть телеграфной и телефонной связи, тянувшаяся вдоль дорог, также была выведена из строя. Движение железнодорожного транспорта почти полностью прекратилось, что сыграло существенную, роль в трагических событиях последующих 48 часов.

Когда начальник транспортного управления группы армий «Центр» полковник Теске облетел подведомственную территорию на своем самолете, он воочию убедился в масштабах катастрофы. Все железнодорожные станции и разъезды были забиты составами. Паровозы передвигались со скоростью улиток. В тех немногих местах, где поезда еще ходили, вагоны и даже паровозы были облеплены людьми — по большей части беглецами из районов, оказавшихся под угрозой.

Следующие цифры могут служить наглядной иллюстрацией трудностей, с которыми столкнулись немцы. 1 июля немцы должны были эвакуировать из Минска 8 тысяч раненых. 7 июля с запада к армиям группы «Центр» двигалось 98 железнодорожных эшелонов. Всего же в этот день в районе расположения армий группы «Центр» было 216 поездов, в том числе 138 эшелонов с войсками, 59 товарных составов, 12 эшелонов с грузами для люфтваффе и 7 поездов администрации железных дорог. Все они встречали огромные трудности на своем пути и по большей части простаивали. Срочно необходимые подкрепления — войска и боеприпасы — не достигали фронта.

Второй этап грандиозной битвы начался 23 июня. 3-я танковая армия генерал-полковника Рейнгардта подверглась ударам войск 1-го Прибалтийского фронта и 3-го Белорусского фронта северо-западнее и юго-восточнее Витебска. Через 24 часа началось советское наступление на участке фронта 4-й немецкой армии генерал-лейтенанта фон Типпельскирха. Здесь войска 2-го Белорусского фронта обрушились на линию обороны в секторе между Оршей и Могилевом. Наконец, 24 июня соединения 1-го Белорусского фронта, которым командовал генерал армии Рокоссовский,^[203] перешли в

наступление против 9-й армии генерала Йордана. Основной целью русских был Бобруйск на реке Березина.

Таким образом, лишь 24 июня до сознания верховного немецкого командования дошло, что главный удар русские наносят по фронту армий группы «Центр». А за день до этого в ставке Гитлера все еще тешили себя мыслью, что русские атаки на фронте армий группы «Центр» не более как ложный маневр, призванный отвлечь внимание от ожидавшегося основного удара в Галиции.

Мощь советского наступления, подавляющее превосходство в артиллерии, танках и авиации стали очевидными уже через 48 часов. Не веря своим глазам, Гитлер и его советники взирали на поступающие с фронта тревожные оперсводки. Они ужаснулись, обнаружив то, чего не смогла установить немецкая разведка, — беспрецедентную концентрацию советских войск, неотразимый по своей разрушительной мощи вал огня и стали, который за несколько часов взломал немецкую оборону, до этого в течение года выдерживавшую удары русских.

Растянувшийся почти на 1000 километров фронт армий группы «Центр» обороняли четыре немецкие армии генерал-фельдмаршала Буша в составе 34 дивизий.^[204] 2-я немецкая армия прикрывала южный фланг и обеспечивала связь с армиями группы «Северная Украина». Единственная танковая дивизия — 20-я — дислоцировалась в тылу 9-й армии в районе Бобруйска. Почти все другие танковые дивизии, имевшиеся на Восточном фронте, находились в Галиции или в районе западнее Ковеля, где ожидалось летнее наступление противника. Что же касается остальных резервов, то позади 4-й армии стояла 14-я пехотная дивизия, а на правом фланге 3-й танковой армии — 95-я пехотная дивизия. В Могилеве, то есть в секторе 9-й армии, дислоцировалась моторизованная дивизия «Фельдхернхалле», а на левом фланге сектора — 707-я пехотная дивизия. И это все. Или почти все. Имелся, правда, еще 6-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Риттера фон Грейма. Но в день начала русского наступления в воздушном флоте осталось лишь 40 исправных истребителей.^[205] Все остальные были в Германии или во Франции, где начавшееся несколько недель назад вторжение союзников проходило при их подавляющем превосходстве в воздухе. Это был второй фронт, открытия которого Сталин добивался от союзников в

течение трех лет. Сталин ждал 16 дней, чтобы убедиться, что высадка в Нормандии не окажется еще одним Дьепским рейдом, а станет настоящим вторжением на Европейский континент, а затем сам нанес удар. Теперь он мог быть уверен, что Гитлер не перебросит из Франции ни одной дивизии, ни одного танка, ни одного самолета, чтобы помочь армиям группы «Центр», втянутым в тяжелые бои.

Советскими войсками, наносившими удар по армиям генерал-фельдмаршала Буша, руководили два выдающихся советских полководца — маршалы Жуков и Василевский. Русские обладали значительным численным преимуществом, особенно в боевой технике. В распоряжении четырех участвовавших в наступлении фронтов насчитывалось 20 общевойсковых армий, усиленных танковыми соединениями, и пять воздушных армий — более 200 дивизий, около 2,5 миллиона человек, 6 тысяч танков и САУ, 45 тысяч орудий и минометов и 7 тысяч самолетов.^[206]

Перед лицом этих превосходящих сил немецкие армии, выстоявшие против русских атак зимой 1943/44 года, сейчас оказались в безнадежном положении. Они не только уступали противнику по своему материальному обеспечению. Жесткий приказ Гитлера любой ценой «оборонять и удерживать занимаемые рубежи» лишал стратегического маневра и серьезно затруднял даже тактические действия. К тому же многие из немецких дивизий были привязаны к так называемым «укрепленным районам», которые создавались по примеру крепостей и фортов прошлых войн. Идея таких районов была заимствована Гитлером из практики первой мировой войны, особенно из опыта сражений за Верден и форт Луомон. На этом устаревшем опыте Гитлер основывал свою новую стратегию жесткой обороны — стратегию войск, численно уступающих противнику, — и надеялся подобным образом сорвать крупные наступательные операции Советских Вооруженных Сил.

В соответствии с подобной несложной концепцией важные центры коммуникаций, промышленные районы, города, имеющие политическое и историческое значение, надлежало оборонять до последней возможности, до последнего патрона. Предполагалось, что подобные «крепости» прикуют к себе столь крупные силы противника, что посылка подкреплений к прорвавшимся через линию фронта соединениям будет серьезно нарушена и ударная мощь врага ослабнет.

В районе расположения армий группы «Центр» такими «укрепленными районами» были объявлены города Слуцк, Бобруйск, Могилев, Орша, Витебск и Полоцк. Для их обороны выделялось по одной фронтовой дивизии, а для защиты Витебска — целых три.

Это был неплохой замысел, но он страдал одним существенным недостатком. Он мог сработать только в том случае, если противник действительно начнет штурмовать эти «укрепленные районы» и сосредоточит против них свои силы. Однако противник мог вообще не атаковать эти «крепости», а просто обойти их, выставив сторожевые заслоны, и, таким образом, не позволить сбить темпы своего наступления.

К тому же немецкие армии и корпуса не могли рассчитывать, что им удастся закрыть брешь в своей обороне, если враг сумеет прорвать линию фронта, так как все имеющиеся в их распоряжении дивизии были привязаны к этим «укрепленным районам».

Но Гитлер отменил возражения командующих немецкими армиями. Он отказывался видеть, что на полях сражений 1944 года появилась совершенно новая советская армия, коренным образом отличавшаяся от Красной Армии 1941–1942 годов. Советское командование участвовавшие в боях войска сделали важные выводы и операций 1943 года. Прежде всего они научились сосредоточивать свои усилия на решающих участках фронта, умело использовать подвижные войска и проводить крупномасштабные операции бронетанковыми соединениями.

Более того, советские армии оказались щедро оснащенными боевой техникой и боеприпасами. Советская военная экономика достигла в 1944 году своего зенита. Своими призывами к защите Отчизны, русскому патриотизму коммунистическое правительство вызвало в советском народе небывалый трудовой подъем. Освобождение обширных районов страны советскими войсками и пагубная оккупационная политика Гитлера с ее философией «низшей расы» еще более укрепили эти тенденции. К 1944 году своего пика достигли американские поставки по ленд-лизу: многие дивизии Красной Армии передвигались на американских грузовиках, ели хлеб из канадской пшеницы, носили шинели, сшитые из американского сукна.

Таким образом, решающая битва летнего наступления советских войск началась в тот момент, когда военные усилия Советского Союза достигли своего зенита — как в военно-экономическом, так и в морально-политическом плане. Германия же переживала небывалый упадок. В то время как над «третьим рейхом» нависала тень 20 июля — дня покушения на Гитлера, Советский Союз переживал мощный прилив патриотических настроений. Сотни тысяч советских людей приносили торжественную присягу, давали клятву сражаться с врагом до последней капли крови.

Вот один из многочисленных примеров. На массовом митинге радистка 103-й танковой бригады Вера Прошина, выражая свои мысли и чувства, сказала: «Сегодня сбывается моя мечта — уничтожить гитлеровцев из танка, отомстить за страдания моего народа, отомстить за мое личное горе. Фашисты убили у меня отца и мать. Я буду беспощадно уничтожать их и докажу, на что способна советская девушка. Смерть проклятым оккупантам!»

Эта боевая клятва со многими другими подобными клятвами солдат и офицеров распространялась на фронте в форме листовок миллионными тиражами, находя тысячи и тысячи последователей. Верность, храбрость и усилия Советских Вооруженных Сил пользовались поддержкой всего народа.

Что же касается стратегической подготовки Белорусской операции, [\[207\]](#) как было названо это летнее наступление, то она описана рядом ее участников, в том числе командующим 1-м Белорусским фронтом маршалом Рокоссовским, оставившим исключительно интересные воспоминания.

Дважды Герой Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский — когда-то работавший каменщиком и служивший унтер-офицером в драгунском полку царской армии — был типичным генералом, рожденным Октябрьской революцией: храбрый, хладнокровный, от природы одаренный полководческим талантом. Общительный и обаятельный человек, в характере которого сохранились черты драгунской удачи.

В середине марта 1944 года Рокоссовскому позвонил Сталин и в общих чертах ориентировал его относительно роли 1-го Белорусского фронта в планируемой операции. В начале мая началась детальная отработка плана операции. Войска Рокоссовского должны были

нанести один из основных ударов. В качестве первой цели наступательных действий фронта предусматривался захват Бобруйска, важного центра железных и шоссейных дорог в лесисто-болотистой местности низовий Березины.

Бобруйск имел огромное значение для дальнейших наступательных операций в направлении Бреста. Рокоссовский и его штаб пришли к выводу о целесообразности нанести два одинаковых по силе удара и взять город в клещи. Один удар с северо-запада — силами двух армий и танкового корпуса из района Рогачева на Бобруйск, другой — такими же силами с юга в обход Бобруйска на Слуцк.

Совещание по отработке плана наступления проходило 22–23 мая в Ставке Верховного Главнокомандования. Решение Рокоссовского о двух ударах вызвало бурные споры. Сталин и несколько других представителей Ставки потребовали, чтобы Рокоссовский сосредоточил все силы для одного главного удара — с плацдарма на Днестре в районе Рогачева. Доводы опытного генерала, что для такого удара район действий слишком мал, местность позволяет сосредоточить в начале наступления лишь ограниченные силы и фланг окажется открытым для удара с севера, были отклонены. Сталин упорно настаивал том, чтобы был нанесен один главный удар. В принципе, конечно, он был прав, но в данном конкретном случае обстановка требовала отказа от обычного правила. Представляет интерес метод, с помощью которого Сталин пытался заставить своих маршалов и командующих фронтами принять его точку зрения. Вот что пишет об этом Рокоссовский:

«Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого “продумывания” приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили».^[208]

Однако не обошлось без едкого замечания Сталина об упрямстве командующего фронтом и предупреждения об ответственности за операцию. Рокоссовский взял всю ответственность на себя. Он отстаивал свою точку зрения.

* * *

С первой же попытки советские войска глубоко вклинились в оборону 3-й танковой армии на левом фланге фронта группы армий «Центр». Спустя сутки «укрепленный район» Витебска оказался зажатым в тиски наступавших советских войск.

То же самое повторилось и на участке фронта 4-й армии. Дивизии 2-го и 3-го Белорусских фронтов нанесли удары в направлении Орши и Могилева и вскоре пробили широкую брешь в обороне армии генерала фон Типпельскирха восточнее Могилева. Позади Могилева стояла моторизованная дивизия «Фельдхернхалле».

Первые действия этой дивизии в развернувшемся летнем сражении стали типичными для событий, происходивших между Днепром и Березиной. С середины мая после упорных боев к северу от Витебска дивизия была выведена в резерв для отдыха и пополнения. Часть ее артиллерии и танков все еще находилась в Германии. Ее личный состав был пополнен переброшенными из Норвегии войсками, привыкшими к спокойной жизни в оккупированной стране, а не к суровым тяготам войны на Востоке. Последний эшелон с пополнением прибыл в середине июня, за восемь дней до русского наступления.

Вечером в первый же день советского наступления «Фельдхернхалле» получила приказ ликвидировать прорыв к востоку от Могилева. Когда командир дивизии генерал Штейнkelлер доложил об этом командиру 59-го корпуса генералу Мартинеку, тот покачал головой: «Какой именно прорыв вы должны ликвидировать? У нас здесь одни сплошные прорывы. Ваше место на Березине, чтобы обеспечить там резервную линию обороны на случай, когда мы не сможем держаться на Днепре. А это случится довольно скоро».

Мартинек был прав. Березина находится в 70 километрах к западу от Днепра. Если бы «Фельдхернхалле» заняла оборону вместе с 18-й моторизованной дивизией на Березине с целью обеспечения рубежа для отхода потрепанным дивизиям 4-й армии, катастрофы, вскоре постигшей немецкие войска на этой реке, возможно, удалось бы избежать.

Но приказ надлежало выполнять. «Фельдхернхалле», вступив в бой в 100 километрах восточнее Березины за Днепром, оказалась в безнадежном положении. «В ночь с 25 на 26 июня, — позднее докладывал генерал Штейнkelлер, — мне удалось скорее благодаря счастливому случаю, чем умелому командованию, переправить свои

войска обратно через Днепр у Могилева». В то время как бронетанковые части Штейнклера двигались на восток навстречу прорвавшимся советским танкам, начальник его штаба полковник Фельш получил в полдень 24 июня следующее сообщение из 12-го армейского корпуса: «Войска с боями пробиваются на запад, 12-я пехотная дивизия обороняет Могилев». С этого момента управление немецкими войсками в этом районе боевых действий, по существу, развалилось. Дороги, ведущие на запад, были забиты обозами и частями различных дивизий, потоком хлынувших назад без каких-либо четких целей или определенного маршрута. То тут, то там отступавшие колонны подвергались атакам советских танков.

В этот же день советские войска нанесли свой основной удар на правом крыле армий группы «Центр» — 1-й Белорусский фронт Рокоссовского начал наступление на Бобруйск.

Командующий 65-й армией генерал Батов выбрал для прорыва участок фронта, где 9-я немецкая армия генерала Йордана менее всего ожидала танкового удара русских, — полукилометровое болото, считавшееся непроходимым. Операция была проведена мастерски. Под прикрытием дымовых завес инженерно-саперные части 65-й армии проложили через болото гати из заранее подготовленных бревен и жердей, как если бы они наводили через реку понтонный мост.

24 июня в шлемофонах танкистов Донского танкового корпуса (1-го гвардейского) раздался условный сигнал для перехода в наступление: «Буря, пять, пять, пять». Боевые машины двинулись по бревенчатым гатям, за болотом находилась лишь тонкая линия пикетов немецкой 36-й моторизованной дивизии. Вместе с танками наступала пехота. Советские пехотинцы переправлялись через болотные топи, как лыжники по глубокому снегу: на ногах у них были самодельные лыжи — мокроступы, сплетенные из лоз. Это был еще один пример изобретательности и находчивости русских. Болота, дремучие леса, ночь были их союзниками, и они превосходно справлялись с встречавшимися на пути трудностями.

41-й танковый корпус немцев, в состав которого помимо 36-й моторизованной дивизии входили две пехотные дивизии, был захвачен врасплох. Что мог предпринять в этих обстоятельствах генерал Гоффмайстер? Как очевидное решение напрашивался контрудар силами стоявшей в резерве около Бобруйска 20-й танковой дивизии,

которая находилась в исключительно выгодном для этого положении, по советским механизированным соединениям, неожиданно прорвавшимся к шоссе между Бобруйском и Могилевом. Но командующий 9-й армии генерал Йордан в надежде, что 41-й корпус сумеет сам справиться с возникшей критической ситуацией, колебался целый день, прежде чем принять решение. Потеря времени оказалась роковой. Надо сказать, что подобного рода ошибки со стороны опытных немецких командиров были вообще типичны для всего этого сражения.

К востоку от бобруйского моста через Березину стоял усиленный танковый батальон 21-го полка 20-й танковой дивизии, который можно было бы использовать для удара как по северному, так и по южному клинью русских. Батальон был полностью укомплектован боевой техникой. В нем насчитывалось более 100 танков Т-IV. Но он не получил никаких приказов. Наконец командир батальона майор Пауль Шульце по собственной инициативе бросил три танковые роты наперерез наступавшим к северу от Бобруйска танковым частям 48-й армии. Но они не смогли предотвратить прорыв русских танковых соединений на стыке 9-й и 4-й немецких армий. Оставив одну из рот — около 20 танков — в резерве, Шульце двинулся с остальными танками дальше на север, чтобы ударить во фланг прорвавшихся войск противника.

Однако в этот момент на его имя поступил приказ из штаба 9-й армии: нанести удар к югу от Бобруйска. Там наконец-то поняли, что основная угроза исходит от Донского танкового корпуса армии Батова, стремительно продвигавшегося к рокадному шоссе. Тем не менее распоряжение о переброске батальона Шульце на юг было неправильным. Его результатом явилось то, что сильная танковая группировка немцев не смогла эффективно вмешаться ни на одном из угрожаемых участков фронта.

Майор Шульце справедливо отметил в своем дневнике: «Пока мы разъезжали с севера на юг, русские подавили узлы сопротивления и захватили оборонительные рубежи наших пехотных дивизий. На протяжении всего пути я встречал лишь отступавшие немецкие части».

Контратака немецких танкистов поначалу имела успех. Но в то время как немецкие танки вели бои с прорвавшимися русскими

частями вблизи линии фронта, русские осуществили прорыв северо-западнее Бобруйска и выходили в тылы группы Шульце.

Майор вывел одну танковую роту из боя и повернул ее на север, надеясь удержать важный перекресток дорог и мост восточнее Бобруйска.

Сильная танковая часть под руководством решительного командира могла бы достичь ощутимых результатов. Но других подобных воинских частей у немцев в этом районе не было. Добрая треть всех танковых и самоходно-артиллерийских сил, входивших в состав армий группы «Центр», находилась на весьма неудачно выбранных позициях — в секторе 2-й армии.

Нерешительные действия генерала Йордана привели к тому, что он стал первым козлом отпущения в этом гигантском летнем сражении. Он был смещен со своего поста, командуя 9-й армией назначили генерала фон Формана, опытного и энергичного военачальника. Однако трудно было бы найти худший момент для вступления в командование этой армией.

К утру 28 июня поступавшие из корпусов донесения красноречиво свидетельствовали о масштабах катастрофы. Главные силы 9-й армии были окружены у Бобруйска на восточном берегу Березины, а передовые соединения советских войск к этому времени находились уже к западу от реки.

29 июня «крепость» Бобруйск пала. В ночь на 29 июня гренадеры и танкисты 20-й танковой дивизии предприняли отчаянную попытку вырваться из города и пробиться через блокирующие части противника. В подготовке прорыва приняли участие командиры трех разбитых пехотных дивизий и начальник оперативного отдела штаба 20-й танковой дивизии подполковник Шенайх. Во главе прорывавшейся колонны шли гренадеры, поддерживаемые последними уцелевшими танками майора Шульце и самоходными орудиями капитана Браде. После ожесточенной схватки части немецких войск удалось вырваться из окружения и достичь резервных позиций 9-й армии. В Бобруйске осталось около 5 тысяч раненых! Всего из бобруйского «котла» сумели ускользнуть приблизительно 30 тысяч человек. 30 тысяч из 100 тысяч! Сколько немецких солдат и офицеров нашло смерть в быстрых водах Березины или погибло в лесах и болотах — этого точно никто не знает. ^[209]

Удар Рокоссовского на южном крыле фронта 9-й армии немцев увенчался полным успехом. Советский полководец досрочно выполнил поставленную перед ним задачу: Ставка предусматривала окружение Бобруйска на восьмой день наступления, его войска взяли этот город на четвертый.

* * *

Вернемся теперь на северное крыло фронта группы армий «Центр», где немецкая 3-я танковая армия вела тяжелые бои с наступавшими войсками 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Здесь первой стратегической целью русских был Витебск. Эта «крепость» на Западной Двине была охвачена с флангов двумя широкими клиньями, однако непосредственно на сам город атак не предпринималось — еще один убедительный пример неэффективности стратегии «укрепленных районов».

Советское наступление и тут явилось неожиданностью для немецкого командования. Правда, командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Рейнгардт ранее неоднократно докладывал об опасном положении своего сектора фронта. Еще в середине мая в докладе об обстановке на фронте он обращал внимание генерал-фельдмаршала Буша на сосредоточение крупных сил противника перед левым крылом его армии и делал из этого вывод о необходимости уделить особое внимание укреплению обороны в районе севернее Витебска. Однако генерал-фельдмаршал Буш и главное командование сухопутных войск не согласились с этими оценками Рейнгардта. Им не верилось в возможность удара русских в глубь немецкой обороны в обход Витебска; они предпочитали думать, что русские начнут мощное наступление на сам Витебск, а гарнизон города, действуя как волнорез, сорвет это наступление.

— А что я могу сделать? — риторически спрашивал генерал-фельдмаршал Буш в своей штаб-квартире в Минске начальника штаба генерал-лейтенанта Кребса, имея в виду, что ему не под силу отстоять собственную точку зрения на обстановку перед Гитлером. И поскольку ответа на этот вопрос не предвиделось, Буш утешал себя тем, что его закаленная в боях 3-я танковая армия так или иначе, безусловно, выполнит свою задачу «волнореза».

Однако армия Рейнгардта уже утратила прежнюю боевую мощь. Почти треть ее дивизий перебросили на другие участки фронта. Ее мощная артиллерия сократилась почти наполовину. Единственными резервами, которыми она располагала, были 14-я пехотная дивизия, несколько саперно-инженерных батальонов, а также находившиеся в армейском тылу 201-я охранная дивизия и карательный батальон.

Действуя в соответствии с директивами Гитлера, Буш к тому же приказал 3-й танковой армии сосредоточить три-четыре дивизии — почти треть ее ударных сил — в «укрепленном районе» Витебск.

Что оставалось делать Рейнгардту? Приказ, несмотря на его сомнительную целесообразность, требовал от него разместить в Витебске целый корпус и превратить город в мощную крепость. И все это делалось в расчете, что русские непременно атакуют город и окажутся вынужденными бросить против него не менее 20–30 дивизий. Но, как уже отмечалось выше, русские просто обошли эту «крепость», тем самым нарушив все оборонительные планы и замыслы немецкого командования.

Возникает вопрос: почему немецкое командование оказалось в полном неведении относительно намерений и мощи сил противника?

Тот факт, что немецкая сторона не располагала информацией о стратегических замыслах и планах Советского Верховного Главнокомандования, не вызывает удивления — у германской разведывательной службы не было своих агентов в высших эшелонах советского командования. У Германии не нашлось своих Рихардов Зорге и Вертеров.^[210] Но то, что от немцев остались скрытыми даже намерения командования противника в прифронтовой полосе, — это, безусловно, было необычным явлением. Как правило, аэрофотосъемки, опрос дезертиров, данные войсковой разведки, подслушивание телефонных линий связи, радиоперехваты дают довольно четкое представление о тактических намерениях врага. Радиоразведка и перехваты радио- и телефонных разговоров часто давали весьма ощутимые результаты в этом отношении. Почему же эти обычные способы и методы разведки подвели армии группы «Центр» летом 1944 года?

Ответ дают русские источники. Так, бывший начальник штаба 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант А. П. Покровский в своих содержательных мемуарах подробно описывает мероприятия,

обеспечившие скрытность подготовки летних наступательных операций и дезориентацию противника. Солдаты, например, рыли траншеи и укрепляли оборону вплоть до самого начала наступления. Тем самым даже их самих заставляли поверить, будто их дивизии готовятся к длительному периоду позиционной войны. И все это делалось с целью ввести в заблуждение немецкую воздушную разведку, агентов и осведомителей. Были введены строгие меры по соблюдению секретности даже среди старшего командного состава. Письменная документация готовилась узким числом офицеров и передавалась только из рук в руки. Передача какой-либо информации, имеющей отношение к наступлению, по телефону, телеграфу или по радио строго запрещалась. Письменные приказы были посланы по армиям лишь за два дня до начала операции. Эти суровые, чрезвычайные предохранительные меры, без сомнения, принесли свои результаты. Поскольку сосредоточение таких крупных сил — более 20 армий — полностью скрыть было невозможно, советское командование создало специальные группы истребителей, осуществлявших непрерывное барражирование над фронтом, чтобы воспрепятствовать воздушной разведке немцев. Конечно, эти меры не давали стопроцентной гарантии, но они помешали немецкой разведке собрать убедительные данные.

Тем не менее каждую мелочь не предусмотреть и абсолютно безукоризненных планов не существует. В начале июня одну из русских «швейных машинок» — тихоходный связной биплан По-2 — сбили в зоне расположения 252-й пехотной дивизии. Вместе с самолетом в руки немцев попал майор — сотрудник штаба советской дивизии ВВС. В его планшете нашли исключительно интересные документы 3-й воздушной армии, позволявшие сделать далеко идущие выводы о предстоящем наступлении. Командир дивизии генерал-лейтенант Мельцер послал соответствующее донесение в 9-й корпус. Но какая польза от раскрытых секретов, если в них никто не хочет верить?

* * *

Генерал-полковник Иван Данилович Черняховский, командующий 3-м Белорусским фронтом, ^[211] был одним из талантливейших молодых советских полководцев. Отважный в бою, хорошо знающий все виды

современного оружия и новейшие технические достижения. Да и по своему характеру он идеально подходил для советской системы командования, основанной на тесном сотрудничестве командира, начальника штаба и члена Военного совета. Погиб он в ходе боев в Восточной Пруссии в 1945 году.

Черняховский и его сосед справа — лысеющий, предусмотрительный генерал армии Баграмян действовали в соответствии с разработанной Ставкой директивой. Вначале была проведена массированная артиллерийская подготовка, в которой участвовало около 10 тысяч стволов. За ней последовал удар с воздуха более чем тысячи бомбардировщиков, а потом двинулась пехота. Наступавшие в первом эшелоне армии 3-го Белорусского фронта нанесли удар по 6-му немецкому корпусу южнее Витебска. Основная тяжесть удара пришлась на 299-ю пехотную дивизию, которая была разбита и рассеяна. Черняховский держал в резерве танковый корпус и подвижную конно-механизированную группу. Как только немецкий фронт был взломан, танки и мотострелковые бригады устремились в прорыв, подавляя уцелевшие узлы сопротивления и быстро обтекая Витебск с юга.

Севернее Витебска войска 1-го Прибалтийского фронта генерала Баграмяна также успешно развивали наступление. Здесь им путь преграждал 9-й корпус генерала Вутманна. Особенно яростные бои шли в секторе 252-й пехотной дивизии, где русские войска глубоко вклинились в оборону. На контратаки немцев русские отвечали ударами танков и налетами бомбардировочной авиации. Через 12 часов пехотинцы 252-й дивизии были вынуждены оставить свои позиции. 9-й корпус отошел назад на резервную линию обороны в 30 километрах западнее Витебска. Там на какое-то время генералу Вутманну удалось восстановить непрерывную линию фронта.

Через три дня наступавшие части армий Баграмяна и Черняховского сомкнули кольцо окружения вокруг «укрепленного района» Витебск. Надежды, что Витебск превратится в препятствие на пути русского наступления и будет защищаться четырьмя дивизиями генерала Гольвитцера до последнего патрона, чтобы приковать к себе основные силы русских, оказались несбыточными.

Генерал-полковник Рейнгардт понял возникшую опасность и в последний момент сумел вывести из Витебска одну из дивизий — 4-ю

авиаполевую дивизию.^[212] Но было уже поздно. К утру 24 июня советские армии прорвались глубоко в тыл немецких войск, оставив Витебск позади себя, и «укрепленный район» потерял свое значение. 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск Ротмистрова уже изготовилась к броску между Днепром и Березиной на Толочин и Борисов. В ее стратегическую задачу входил прорыв на минскую автостраду и далее на Минск вдоль этого ключевого шоссе, по которому когда-то от Бреста к Днепру рвались танки Гудериана.

Оставшиеся в Витебске немецкие дивизии, в которых так остро нуждался прорванный фронт, были обречены. С каждым часом это становилось все яснее и яснее. Но в ставке Гитлера все еще надеялись обойтись полумерами. В 18.30 24 июня Гитлер направил генерал-полковнику Гольвитцеру приказ, разрешавший 53-му корпусу пробиваться к своим войскам, при условии, однако, что «одна дивизия останется в Витебске и будет его удерживать. Имя командира сообщите мне».

Таким образом, одной дивизии поручалось сделать то, что не смогли сделать четыре. Командование армии выбрало для этой почетной смерти 206-ю пехотную дивизию генерала Гиттера. Но все было напрасным. Поступившее вечером 24 июня разрешение на прорыв оказалось невыполнимым. 25 июня в 13.12 в штабе 3-й танковой армии приняли радиogramму генерала Гольвитцера: «Обстановка резко изменилась. Полностью окружен. 4-я авиаполевая дивизия уничтожена. 246-я пехотная дивизия и 6-я авиаполевая дивизия ведут тяжелые бои в окружении. Ожесточенные бои на улицах Витебска».

53-й корпус с его 35 тысячами солдат и офицеров был обречен. В 19.30 командир корпуса передал свою последнюю радиogramму из города: «Даю личную клятву сражаться до конца. Гольвитцер». Это была обдуманная ссылка на вошедшую в историю радиogramму, которую 23 августа 1914 года комендант немецкой крепости Циндао направил кайзеру Вильгельму. Капитан Мейер-Вальдек тогда радировал из укрепленной немецкой базы в Китае: «Лично клянусь выполнять свой долг до конца». После этой телеграммы капитан защищал Циндао со своими 4 тысячами солдат против 40 тысяч японцев в течение двух с половиной месяцев.

Гольвитцер не продержался со своим корпусом и двух дней. Утром 26 июня он приготовился прорываться в юго-западном направлении. Отдельным немецким частям Удалось к 27 июня достичь района в 20 километрах к юго-западу от Витебска. О том, что произошло дальше, повествует «История Великой Отечественной войны Советского Союза»: «Прорваться удалось лишь группе, насчитывавшей до 8 тыс. человек. Но она была вновь окружена и вскоре уничтожена. Утром 27 июня остатки вражеских дивизий приняли ультиматум советского командования о капитуляции и сдались в плен. Противник потерял под Витебском 20 тыс. убитыми и более 10 тыс. пленными. В плен сдались командир 53-го армейского корпуса генерал пехоты Гольвитцер и начальник штаба этого корпуса полковник Шмидт».^[213]

А что случилось с 206-й пехотной дивизией, которая должна была удерживать Витебск? Несмотря на непрерывные радиogramмы из ставки Гитлера, требовавшего от 206-й дивизии «оборонять город до подхода подкреплений», ничто не могло противостоять порыву наступавших советских войск. Стоявшие к северу от Витебска немецкие части были разбиты. Город стал могилой для тысяч немецких солдат. Понимая это, генерал-лейтенант Гиттер днем 26 июня под свою ответственность отдал приказ прорываться из окружения. Раненых погрузили на повозки и на артиллерийские тягачи, и в 22.00 немецкие части устремились из города.

Передовые отряды смогли продвинуться на несколько километров. Затем они были остановлены и окружены соединениями 39-й армии русских. Отчаянная попытка прорвать линию советских войск штыковым ударом с криками «ура» провалилась. Это было последнее сражение 301, 312 и 413-го гренадерских полков, известных своими боевыми традициями в Восточной Пруссии. Те, кто уцелел после боя, были взяты в плен в лесу. Лишь горстке солдат и офицеров удалось спастись. После долгих скитаний они добрались до немецких позиций, где и рассказали о трагической участи дивизии.

Поскольку Восточная Пруссия находилась под угрозой вторжения, пункт по расформированию дивизии открылся в городе Рудольфштадте, Тюрингия. После кропотливой и трудоемкой работы — все документы и архивы погибли в витебской катастрофе — были восстановлены списки личного состава дивизии, и 12 тысяч похоронных извещений разосланы родственникам погибших и

пропавших без вести солдат и офицеров. 18 июля 1944 года было официально объявлено о гибели дивизии и отдан приказ о ее расформировании. Эту официальную дату гибели дивизии использовали для ее нового номера полевой почты — 18744 — как надпись о дне смерти, высеченную на надгробной плите.

* * *

Возникает вопрос: в чем же причина столь скорой и трагической гибели целой дивизии? Как удалось русским смести с полей сражения столько храбрых, закаленных в боях на Восточном фронте немецких дивизий и уже через 48 часов после начала своего наступления поставить армии группы «Центр» на грань катастрофы?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать факторы, обеспечившие победу Советским Вооруженным Силам. Численное превосходство? Но немецкие войска на Восточном фронте раньше не раз выдерживали удары превосходящих сил противника. Огневая мощь советской артиллерии? Но и это было немцам не в новинку и, безусловно, не может считаться основной причиной краха центрального фронта. Немецкие дивизии и до этого неоднократно подвергались воздействию массированного артиллерийского огня. Новым важным фактором — помимо значительного численного перевеса и первоклассного технического оснащения советских сухопутных войск — было прежде всего появление многочисленной и высококачественной советской авиации, что привело к коренному сдвигу в соотношении сил. Завоевание русскими господства в воздухе явилось, пожалуй, самым неприятным сюрпризом для немецких войск на Востоке. Многолетнему превосходству немцев в воздухе над полями сражений внезапно пришел конец. Военно-Воздушные Силы СССР, США и Англии очистили небо от немецкой авиации. Существенную помощь русским в борьбе за господство в воздухе оказали их западные союзники. [\[214\]](#)

Вскоре после высадки союзников в Нормандии стало ясно, что исход битвы за Францию будет зависеть того, сумеют ли немцы оказать достаточное противодействие воздушным армадам Эйзенхауэра. Обладая подавляющим превосходством в воздухе, авиация союзников делала, по существу, невозможным контратаки бронетанковых сил немцев; немецкие моторизованные дивизии

подвергались сокрушительным ударам с воздуха когда они еще только двигались к побережью, укрепления «Атлантического вала» рушились под непрерывным воздействием авиации противника. Поскольку люфтваффе не имело достаточно сил во Франции, другого выхода как снять часть эскадрилий с Восточного фронта, у немецкого командования не было. ^[215]

Выше уже указывалось, что на 22 июня 6-й воздушный флот располагал всего лишь сорока боеспособными истребителями. Конечно, после начала советского наступления в Белоруссии командование люфтваффе поспешило перебросить всю имеющуюся у него авиацию на Востоке на угрожаемый участок фронта, но это оказалось каплей в море. В борьбе за господство в воздухе немцы потерпели сокрушительное поражение. Немецкие войска в решающий момент оказались незащищенными против оружия, имеющего исключительно важное значение в современной войне. Советские Военно-Воздушные Силы стали хозяевами неба, и это было ключевым фактором в катастрофическом разгроме армий группы «Центр».

Роль, которую сыграли советские Военно-Воздушные Силы в наземных операциях, наглядно выявилась в ходе боев на центральном участке фронта, где войска 2-го Белорусского фронта под командованием генерала Захарова наступали на позиции, удерживаемые 4-й немецкой армией. Главный удар русские наносили здесь на Могилев. Двадцати двум русским стрелковым дивизиям и четырем танковым бригадам, которых поддерживала 4-я воздушная армия, противостояли десять немецких дивизий, в том числе такие закаленные в боях соединения, как 78-я ударная, 18-я моторизованная и 12-я пехотная дивизии.

Перевес сил был на стороне противника, но он не был значительным, чтобы сделать поражение немцев неизбежным. Правда, как раз накануне советского наступления среди высшего командного состава 4-й армии произошел ряд перестановок. В начале июня на пост командующего армией назначили генерала фон Типпельскирха, а его 12-й корпус передали генерал-лейтенанту Мюллеру. Были заменены командиры 35-го и 41-го корпусов, а также командиры некоторых дивизий. Эти перемены, разумеется, не способствовали повышению боевого духа войск. К тому же генерал-лейтенанту Типпельскирху, который ранее никогда не командовал армией,

поставили исключительно трудную задачу. Наряду с ответственностью за центральный сектор немецкого фронта с Оршей и укрепленным Могилевом, он получил приказ при любых обстоятельствах удерживать немецкие позиции на Днепре, которые как наконечник копья вонзились здесь в плоть обороны противника. Типпельскирх имел в своем распоряжении две бригады штурмовых самоходных орудий и танковый батальон — значительные силы, но недостаточные, чтобы компенсировать все слабости позиций немцев на этом участке фронта.

Маршал Жуков отдавал себе отчет в том, что 4-я армия будет крепким орешком, и нацелил против этого сектора фронта воздушную армию генерала Вершинина. Советская авиация провела тщательную разведку всей системы обороны врага, уделяя особое внимание огненным позициям немецкой артиллерии.

Одновременно с ударом наземных войск генерала Захарова над полем боя появилась советская авиация. Бомбардировщики и штурмовики бомбили немецкие позиции, они висели над дорогами, ведущими к фронту, сметая пушечно-пулеметным огнем живую силу и огневые средства противника, расстреливали командные пункты и укрепленные точки. Мосты разрушались с пикирования, минные поля и проволочные заграждения — массированными бомбовыми ударами. Специальные группы штурмовиков на небольшой высоте охотились за самоходными орудиями. Немецкие войска оказались беззащитными перед «красными соколами». Воздух был очищен от немецких истребителей.

Особенно важное значение на решающем этапе борьбы между Днепром и Березиной имели воздушные операции против немецкой артиллерии. Вследствие ухудшения боеспособности пехотных дивизий и нехватки танков артиллерия стала костью немецкой обороны. Многие из орудий были выдвинуты на передовые рубежи и открытые позиции, чтобы укрепить противотанковую оборону. Армии, корпуса и дивизии в основном рассчитывали на артиллеристов для отражения опасных ударов советских механизированных корпусов и танковых бригад. Командование советских войск своевременно разгадало эту тактику немцев, и советские Военно-Воздушные Силы применили успешные контрмеры.

Хорошо подготовленными ударами с воздуха по выявленным заранее или засеченным в ходе боев артиллерийским позициям русским удалось уничтожить немецкие батареи. Хребет обороны немцев был сломан. Немецкая пехота оказалась беспомощной против бронетанковых частей противника. Советская авиация бомбила и штурмовала отступающие немецкие колонны, обозы и подтягивающиеся резервы в местах их скопления на перекрестках дорог и переправах. Эффект был сокрушительным. На дорогах царил хаос. Переброска частей оказалась невозможной, линии снабжения парализованными. Перед лицом этого внезапного превосходства противника в воздухе немецкие дивизии испытывали отчаяние, их незащищенность часто приводила к панике. Немецкое командование было бессильно чем-либо помочь.

Подавляющее превосходство советских Военно-Воздушных Сил наиболее красноречиво продемонстрировало коренное изменение военного положения на Восточном фронте. Воздушное пространство над Россией было завоевано русскими. Без надежного прикрытия с воздуха в конечном итоге нельзя удержать ни один фронт на земле. Русские столкнулись с этим в 1941 и 1942 годах. Теперь это испытали на себе немецкие армии — как на Востоке, так и на Западе.

* * *

К 28 июня карта военной обстановки в штабе армий группы «Центр» представляла собой ужасное зрелище. Какой-либо сплошной, прочной линии фронта не было и в помине, оборона немцев была прорвана во всех секторах. Многократные телефонные разговоры генерал-фельдмаршала Буша со ставкой Гитлера в надежде убедить фюрера отказаться от жесткой стратегии удерживания позиций и перейти к эластичной обороне ни к чему не привели. Буш был хорошим боевым командиром, хотя и не обладал такими полководческими способностями, как Манштейн. Северный фронт, на котором он в течение ряда лет командовал армией, к тому же не являлся тем участком, где можно было проявить свое полководческое искусство. Но самое главное — Буш не был тем человеком, который мог бы отстаивать свое мнение перед Гитлером. Он слишком часто уступал нажиму фюрера, красноречие и политические доводы которого каждый раз брали верх над внутренней неприязнью и чисто

военной аргументацией Буша. Теперь же, когда войска группы армий «Центр» оказались перед лицом катастрофы, Буш был избран козлом отпущения и смещен со своего поста. Глубоко уязвленный и оскорбленный, он молча покинул свою штаб-квартиру. Его преемником стал генерал-фельдмаршал Вальтер Модель, прославившийся своим умением организовать жесткую оборону. Возглавив группу армий «Центр», Модель одновременно сохранил за собой пост командующего группой армий «Северная Украина». За всю войну Гитлер не предоставлял ни одному человеку столь широких военных полномочий.

Модель был известен как талантливый импровизатор, бесстрашный человек с железными нервами, который с честью выходил из кризисных ситуаций под Ленинградом, Ржевом и Орлом. Сможет ли он предотвратить катастрофу, нависшую над армиями группы «Центр»?

Модель испробовал все, что было возможно. Но без эффективной поддержки люфтваффе, без достаточных противотанковых средств, без мобильных и пехотных резервов даже такой смелый и пользующийся благосклонностью военной фортуны генерал, как Модель, не мог сдержать натиск наступавших советских войск.

25 июня советское командование ввело в прорыв 5-ю гвардейскую танковую армию, и она устремилась вперед через Толочин и Сенно вдоль минской автостреды на Борисов, куда только что прибыла переброшенная из-под Ковеля 5-я танковая дивизия немцев. Вместе с полицейскими подразделениями и частями по охране тыла генерал-лейтенанту Деккеру удалось временно — на два дня — приостановить дальнейшее продвижение передовых частей 5-й танковой армии. 27 июня в секторе 4-й армии русские овладели важным коммуникационным центром — Оршей.

Вступив в командование армиями группы «Центр», генерал-фельдмаршал Модель ввиду создавшегося положения решил перейти к гибкой обороне. 5-я танковая дивизия стала ядром оперативной группы генерала фон Заукена, которая получила задачу прикрыть широкую брешь, образовавшуюся к северу от Минска. 12-я танковая и 4-я танковая дивизии, подтянутые с юга, были переброшены в район Столбцов, к югу от Минска, чтобы обеспечить для отступавшей 4-й армии переправы через Березину. 2-й армии был дан приказ нанести удар своими бригадами штурмовых орудий и кавалерийскими

соединениями в направлении 9-й армии и восстановить контакт с 4-й армией. Тщетные усилия. Все оказалось бесполезным. Советское наступление остановить было уже нельзя.

* * *

Столицей Белоруссии — Минском, где размещалась главная штаб-квартира группы армий «Центр», русские войска овладели 3 июля. Город более трех лет находился в руках немцев. Из Минска вела автострада на Москву — в сердце СССР. Изгнание немцев из этого важного административного центра Белоруссии поэтому имело символическое значение. Минск был первым крупным городом, захваченным немецкими танковыми частями в летней кампании 1941 года. Сейчас этот важный политический центр западной части Советского Союза был освобожден. Неудивительно, что в честь этого события 3 июля 1944 года в Москве был дан артиллерийский салют.

Но дело было не только в освобождении крупного города. Главные силы 4-й армии и часть сил 9-й армии оказались окруженными в большом «котле» к юго-востоку от Минска. Стремясь спасти то, что еще можно было спасти, Модель попытался создать новый фронт позади Минска вдоль линии, проходящей восточнее Молодечно — Барановичи, и задержать наступающие войска противника свежими соединениями, переброшенными с фронта армий группы «Северная Украина», — тремя танковыми, одной горнострелковой и двумя пехотными дивизиями. Ожесточенные бои велись за перекрестки основных дорог, идущих через лесные массивы Белоруссии, за узкие участки сухой земли между болотами, за переправы через реки. От исхода этих боев зависела судьба уцелевших частей 4-й и 9-й армий, которые продолжали сражаться восточнее Минска и пытались вырваться из окружения.

5-я Силезско-Судетская танковая дивизия к северу от Минска удерживала важную железную дорогу и шоссе Минск — Молодечно — Вильнюс, по которым прибывали подкрепления из армий группы «Север». 12-я Померанская танковая дивизия была брошена наперерез передовым частям 1-го гвардейского танкового корпуса юго-восточнее Минска. 4-я танковая дивизия и 28-я горнострелковая дивизия заняли оборону на Немане по обе стороны Столбцов, прикрывая дорогу на Барановичи — единственный оставшийся путь для отступления

окруженных немецких армий. 170-я пехотная дивизия была подтянута к Молодечно.

Такова была тактика Моделя. Заткнув наиболее опасные бреши и подкрепив разваливающийся фронт, он беспрерывно разъезжал по своим соединениям, подбадривая войска, корректируя действия командиров, подчас лично руководя ходом боя.

Жуков вскоре заметил новый стиль командования со стороны немцев. Из опыта боев за Ржев и Орел он знал способности этого немецкого фельдмаршала и, разумеется, не собирался позволить Моделю вырвать из своих рук заслуженную победу. Это была схватка двух колоритных, двух волевых личностей. Их решающий поединок должен был состояться у Барановичей.

Жуков потребовал от командующего 65-й армией генерала Батова продолжать наступление, не давая противнику передышки, и овладеть важнейшим железнодорожным узлом и опорным пунктом немецкой обороны Барановичи.

В течение целой недели генерал Батов вместе с офицерами своего штаба неотлучно находился в передовых частях своей наступающей армии. 7 июля, когда дивизия генерала Фроленкова завязала бои на окраине Барановичей, а 15-я Сивашская дивизия подошла к городу с востока, усталый командующий армией вернулся к себе на КП в деревне Велька, чтобы побриться, пообедать и отдохнуть. В этот момент к дому подъехал маршал Жуков. «Почему не взяты Барановичи?» — холодно спросил он. Подробный доклад Батова не удовлетворил маршала. Член Военного совета армии Радецкий попытался прийти на помощь своему командующему. Он заявил, что ожидает с минуты на минуту сообщения о вступлении советских войск в город. «А почему вы так уверены в этом? — усмехнулся маршал. — Есть лишь один способ убедиться, — добавил он, — езжайте в Барановичи и не возвращайтесь пока город не будет взят!» С этими словами Жуков резко повернулся и быстрым шагом вышел из комнаты.

[\[216\]](#)

Через 24 часа Совинформбюро сообщило об освобождении Барановичей. Жуков победил.

* * *

В низине между Березиной и ее притоком Волмой было душно и жарко. В воздухе кружились тучи слепней. Генерал фон Штейнкеллер сидел под ивой на берегу небольшой речки, разложив на коленях карту. Его дивизия вместе с остатками пяти немецких корпусов сражалась в треугольнике между Минском, Червенем и Борисовом. В этом огненном «котле» солдаты и офицеры 9-й и 4-й армий гибли, как скот.

— Есть какие-нибудь новости об обстановке, Ратцель? — поинтересовался Штейнкеллер у командира артполка.

— Никаких, кроме коммюнике, — ответил подполковник.

Единственная информация, на основании которой они должны были выбрать направление выхода из окружения, было коммюнике верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Но коммюнике не могло заменить оперативную сводку — в нем положение на фронтах приукрашивалось, чтобы повысить боевой дух солдат и вселить оптимизм. Однако у немецких войск, попавших в «мешок» между Минском, Червенем и Борисовом, оснований для оптимизма не было.

Артиллерийский полк дивизии «Фельдхернхалле» считался ее наиболее стойким соединением. Унтер-офицерский состав полка был укомплектован обстрелянными фронтовиками. Поэтому артиллеристы со своими орудиями неизменно шли в авангарде прорывавшихся колонн. Кроме них в дивизии осталось несколько сот grenадеров, шесть танков, шестнадцать бронемашин и десяток грузовиков, до отказа набитых ранеными.

На совещании, в котором участвовали командиры корпусов и других частей и соединений, было принято решение прорываться на северо-запад. Но, узнав из коммюнике верховного главнокомандования вермахта, что немецкие танковые дивизии начали наступление на Минск, командиры сочли необходимым изменить направление прорыва и пробиваться на запад и юго-запад.

Штаб 27-го корпуса, части 78-й ударной дивизии, 14-й пехотной дивизии, 18-й моторизованной дивизии и 57-й пехотной дивизии двинулись в западном направлении, «фельдхернхалле» направилась на юго-запад. Но все дороги были блокированы русскими частями. Неоднократные попытки генерала Тровитца пробиться через позиции 1-го гвардейского танкового корпуса ни к чему не привели.

5 июля в 19.30 генерал Фелькерс отдал распоряжение о роспуске 27-го корпуса и приказал уходить на запад группами и в одиночку. Этот горький приказ был воспринят с облегчением. Выпустив последние снаряды, артиллеристы взорвали орудия. Та же участь постигла грузовики и бронемашин. Раненых и больных решено было оставить и передать в плен русским.

В 23.00 войска приготовились к прорыву в общем направлении на Барановичи. Внутри «котла» горели деревни, русская артиллерия вела непрерывный огонь, со всех сторон доносились звуки пулеметной и автоматной стрельбы. С пением гимна «Германия превыше всего», криками «ура» немецкие части предпринимали одну отчаянную атаку за другой. Русские не ожидали столь неистового, яростного натиска, и в ряде мест немецкие колонны сумели разжать кольцо окружения. Но вырваться на свободу им не удалось. Они оказались в новом «мешке». Советские войска еще три дня назад освободили Минск, Слуцк был очищен от немцев пять дней назад, а советские авангардные соединения уже находились в 30 километрах восточнее Барановичей, от которых окруженные немецкие войска отделяло расстояние в 180 километров.

Многие из пробивавшихся на запад немецких дивизии какое-то время все еще держались вместе. Но к северу от шоссе Червень — Минск выставленные русскими прочные заслоны отразили все попытки немцев продвинуться через шоссе в южном направлении. Непрерывные бомбовые и штурмовые атаки советской авиации сеяли смерть и панику среди немецких колонн. Вскоре управление войсками было окончательно утрачено, и координированным действиям немецких частей наступил конец.

Отдельные группы пытались уйти в сторону от основных дорог. Одной такой группой командовал генерал Траут, испытанный в боях командир 78-й ударной дивизии. Принявший на себя после смерти генералов Мартинек и Шюнеманна командование 39-м танковым корпусом, генерал-лейтенант Мюллер также пытался вывести из захлопнувшейся ловушки остатки этого и своего 12-го корпуса.

Но все эти усилия оказались тщетными. Прославленные немецкие дивизии, имена которых вошли в немецкую историю, дивизии, проделавшие длинный путь по бесконечным дорогам России и участвовавшие в решающих сражениях, были обескровлены и

погибали. Группу Траута уничтожила в упорном бою советская 49-я армия. 8 июля около города Шалина прекратили сопротивление и сдались в плен остатки частей, которыми командовал генерал Мюллер. К моменту его капитуляции немецкий фронт был отброшен далеко за Минск. Рассеянные по лесам и болотам отдельные группки немцев еще длительное время пытались пробираться на запад. Эксперты определяют их общее число в 10–15 тысяч человек. Но лишь немногим из них удалось достичь новой линии фронта после двухмесячных скитаний в тылу советских войск — всего восьмистам.

Три недели спустя советские войска оставили позади себя Брест и вышли к Мемелю (Клайпеда) и на Вислу, где немецкие части с трудом сумели на какое-то время задержать их дальнейшее продвижение. За пять недель они прошли с боями 700 километров — темпы наступления советских войск превышали темпы продвижения танковых групп Гудериана и Гота по маршруту Брест — Смоленск — Ельня во времена «блицкрига» летом 1941 года.

Но решающее значение имела не утрата немцами огромной территории. Решающим фактором было уничтожение армий группы «Центр», невозполнимая утрата людских ресурсов. Из 38 немецких дивизий, участвовавших в боях, 28 были разбиты и уничтожены. Немцы потеряли почти 400 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Из них, согласно советским данным 200 тысяч было убито, а 85 тысяч взято в плен. [\[217\]](#)

Наиболее наглядное представление о масштабах катастрофы дают следующие цифры. Из 47 участвовавших в сражении немецких генералов — командиров корпусов и дивизий — 10 были убиты или пропали без вести, а 21 взят в плен. Ниже приводится этот страшный послужной список группы армий «Центр».

3-я танковая армия

53 армейский корпус	генерал от инфантерии Гольвитцер	в плену
246-я пехотная дивизия	генерал-майор Мюллер-Бюлов	в плену
4-я авиаполевая дивизия	генерал-лейтенант Писториус	убит в бою
6-я авиаполевая дивизия	генерал-лейтенант Пешель	убит в бою
206-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Гиттер	в плену
6-й армейский корпус	генерал артиллерии Пфайффер	убит в бою

197-я пехотная дивизия	полковник Хане	пропал без вести
256-я пехотная дивизия	генерал-майор Вюстенхаген	убит в бою

4-я армия

39-й танковый корпус	генерал артиллерии Мартинек	убит в бою
110-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант фон Куровски	в плену
337-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Шенеманн	убит в бою
12-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Бамлер	в плену
31-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Охснер	в плену
1-й армейский корпус	генерал-лейтенант Мюллер	в плену
18-я моторизованная дивизия	генерал-лейтенант Цутаверн	покончил с собой
267-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Дрешер	убит в бою
57-я пехотная дивизия	генерал-майор Тровитц	в плену
27-й армейский корпус	генерал от инфантерии Фелькерс	в плену
78-я ударная дивизия	генерал-лейтенант Траут	в плену
260-я пехотная дивизия	генерал-майор Кламп	в плену

9-я армия

Старший начальник инженерно-технической службы	генерал-майор Шмидт	в плену
35-й армейский корпус	генерал-лейтенант фон Лютцов	в плену
134-я пехотная дивизия	генерал-лейтенант Филипп	покончил с собой
6-я пехотная дивизия	генерал-майор Гейне	в плену
45-я пехотная дивизия	генерал-майор Енгель	в плену
41-й танковый корпус	генерал-лейтенант Гоффмайстер	в плену
36-я пехотная дивизия	генерал-майор Конради	в плену

Среди резервных частей, участвовавших в боях

95-я пехотная дивизия	генерал-майор Михаэлис	в плену
-----------------------	------------------------	---------

707-я пехотная дивизия	генерал-майор Гир	в плену
Моторизованная дивизия «Фельдхернхалле»	генерал-майор фон Штейнкеллер	в плену
Комендант бобруйского гарнизона	генерал-майор Гамман	в плену

В подробном анализе нет необходимости. Запланированные Советским Верховным главнокомандованием «Канны» удались. Можно приводить различные объяснения и выискивать различные причины, но эти факты отрицать нельзя.

Разгром группы армий «Центр» не был обособленным эпизодом войны или несчастным случаем, вызванным стечением неблагоприятных обстоятельств. В нем как в зеркале отразилась неспособность немецких войск справиться с новыми, резко возросшими требованиями, которые предъявила к ним война, упадок военного потенциала Германии и приближающийся крах «третьего рейха». Такова подоплека этого поражения Германии и победы Советского Союза. Надо сказать, что русские, похоже, сами были удивлены масштабами своей победы. Они не ожидали, что добьются такого колоссального успеха за столь короткий срок. Наступление 3-го Белорусского фронта было первоначально запланировано на глубину 180 километров — до верховьев Березины. Но 28 июня Ставке пришлось срочно издать новый приказ о переправе через Березину и продолжении наступления на Минск. Показательно также, что приказ Ставки предписывал 2-му Белорусскому фронту взять Минск не позже 8 июля. Фактически же столица Белоруссии была освобождена войсками 1-го и 3-го Белорусских фронтов гораздо раньше — 3 июля.

События развивались столь стремительно, что опережали все планы.

* * *

К концу июля 1944 года линия фронта проходила у границ Восточной Пруссии и по Висле. Гигантские колонны войск четырех советских фронтов двигались по пыльным, выжженным солнцем дорогам Белоруссии на запад, к Висле. «На Берлин!» — смеясь,

кричали советские солдаты. Поднимался занавес перед последним актом войны. Начиналась битва за Германию.

Эдвард Стеттиниус

«Аргонавт»^[218]

Крымская (Ялтинская) конференция 4—11 февраля 1945 года была самым важным совещанием руководителей трех союзных держав — Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки — военного времени. В Ялте президент Рузвельт, премьер-министр Черчилль и маршал Сталин в первый раз достигли важнейших конкретных договоренностей по вопросам послевоенного урегулирования.

Хотя это была вторая встреча трех руководителей союзных держав, впервые вместе с ними в совещании участвовали все три министра иностранных дел. В Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 года) принимали участие В. М. Молотов и Антони Иден, но государственного секретаря США Корделла Хэлла в Тегеране не было.

На Ялтинской конференции начальники штабов трех держав обстоятельно изучили положение на фронтах союзнических сил и детально обсудили вопросы более тесной координации военных операций. В Тегеране обсуждались сроки открытия второго фронта и связанные с этим военные вопросы, однако лишь в Ялте, когда между союзниками уже возникло достаточное доверие, состоялся откровенный и свободный разбор будущих оперативных планов.

Таким образом, Ялтинская конференция ознаменовала высокий уровень сотрудничества между Великобританией Советским Союзом и Соединенными Штатами в вопросах ведения войны и послевоенного урегулирования. В первые же дни после окончания конференции большинство американских газет выступило с положительными оценками достигнутых на конференции результатов.

Газета «Нью-Йорк тайме» 13 февраля 1945 года писала: «Соглашения, опубликованные по окончании этой второй конференции между президентом Рузвельтом, премьер-министром Черчиллем и маршалом Сталиным и представленные сейчас на суд мирового общественного мнения, носят столь широкий и радикальный характер, что для серьезной оценки их подлинного значения необходимы тщательный анализ и проверка на практике. Однако даже первого взгляда достаточно для вывода о том, что, хотя, возможно, отдельные

личности и будут разочарованы ими, эти соглашения оправдали и превзошли многие возлагавшиеся на эту историческую встречу надежды, а изложенные в них цели и намерения указывают путь к быстрой победе в Европе, прочному миру и более светлым перспективам на будущее.

Союз “Большой тройки” прочен. Прогресс достигнут. Надежды на дальнейший успех велики. Эта конференция стала важной вехой на пути к победе и миру».

«Нью-Йорк геральд трибюн» назвала итоговое коммюнике Ялтинской конференции «замечательным документом». «Самое главное, — подчеркнула газета, — состоит в том, что конференция дала еще одно неоспоримое доказательство единства союзников, их силы и способности принимать решения». Филадельфийская «Рекорд» охарактеризовала конференцию как «величайшую победу Объединенных Наций в этой войне».

Такие лидеры конгресса, как сенаторы Баркли, Ванденберг, Уайт, Килгор и Коннелли, высоко оценили результаты конференции. Составленный госдепартаментом в конце февраля обзор о реакции общественности на итоги встречи показал, что американский народ считает Ялтинскую конференцию успешной. В обзоре отмечалось, что в результате конференции среди американцев возросли надежды на длительный мир, усилилось удовлетворение тем, как развивается сотрудничество между тремя союзническими державами и как президент и государственный департамент отстаивают американские интересы за границей.

Хотя американская общественность в целом с явным удовлетворением восприняла Ялтинские соглашения имелось незначительное меньшинство, которое выбрало объектом для атак отдельные аспекты этих соглашений. Некоторые подвергли критике процедуру голосования в Совете Безопасности на том основании, что принцип единогласия великих держав оставит будущую международную организацию без достаточных полномочий. Некоторые резко атаковали коммюнике за то, что в нем не раскрывается содержание понятия «безоговорочная капитуляция Германии». Значительная доля критических замечаний меньшинства приходилась на договоренности о польских границах и польском правительстве. Несмотря на все эти критические высказывания, общая

реакция страны на решение польского вопроса, так же как и других, была благоприятной.

Однако три года спустя конференция в Крыму подверглась ожесточенным нападкам. «На Ялтинской конференции соглашения достигло своей высшей точки...» — гласила подпись под фотографией конференции, опубликованной в журнале «Лайф» 6 сентября 1948 года. В этом же номере журнала Уильям С. Буллитт утверждал, что, хотя Рузвельт был тяжело болен, «он по-прежнему стремился умиротворить Сталина».

Ялтинская конференция подверглась также многим другим злобным выпадам. Некоторые из них были вызваны непониманием, другие — предубежденностью... Вопреки этим утверждениям, достигнутые в Ялте соглашения свидетельствуют о том, что Советский Союз сделал больше уступок Соединенным Штатам и Великобритании, чем эти державы — Советскому Союзу. Безусловно, по некоторым вопросам каждая из трех великих держав отходила от своих первоначальных позиций, чтобы достичь соглашения. Хотя иногда утверждают, что компромиссы безнравственны, в действительности каждому разумному человеку понятно, что компромисс необходим для достижения договоренности. Компромисс, когда к нему пришли на достойных условиях и при честном отношении всех участников, — единственный справедливый и рациональный способ выработки разумного соглашения, примиряющего две различные точки зрения. Наша оправданная неприязнь и негативное отношение к той политике умиротворения, которая имела место в Мюнхене,^[219] не должны повлечь над нами и толкать нас к неразумному и неоправданному отказу от компромиссов.

Во многих отношениях Ялтинская конференция была кульминацией длительных и настойчивых усилий, корни которых уходят в первый срок президентства Рузвельта, заложить основу для нового международного взаимопонимания с Россией. Но лишь восемь лет спустя после возобновления дипломатических отношений между США и СССР и после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года были предприняты важные шаги к установлению эффективного сотрудничества между двумя этими государствами.

Хотя некоторые американские изоляционисты пытались воспрепятствовать предоставлению Советскому Союзу поставок по

ленд-лизу,^[220] конгресс США в октябре 1941 года значительным большинством голосов утвердил предоставление такой помощи. Как мудро заметил обозреватель Уолтер Липпман, Соединенные Штаты и Советский Союз «разделяла идеологическая пропасть, но связывал мост национальных интересов».

Людям свойственно слишком быстро забывать обстоятельства прошедших событий, и американскому народу следует помнить, что Соединенные Штаты были в 1942 году на грани катастрофы. Если бы Советский Союз не сумел одолеть Гитлера на своем фронте, немцы были бы в состоянии завоевать Великобританию. Они смогли бы также захватить Африку, а после этого создать плацдарм в Латинской Америке. Эта угроза постоянно присутствовала в уме президента Рузвельта.

Вопрос о месте встречи «Большой тройки» обсуждался на протяжении ряда месяцев. Сталин в своих письмах Рузвельту и Черчиллю сообщал, что, поскольку советские войска ведут широкие наступательные операции, требующие его участия в решении многих вопросов, он не может выехать за пределы Советского Союза. Во время нашего пребывания на Ялтинской конференции мы имели немало возможностей лично убедиться в том, как много времени маршал Сталин уделял вопросам военной стратегии. Нам тогда хорошо стали понятны причины его отказа покинуть пределы Советского Союза для проведения конференции «Большой тройки».

После избрания Рузвельта в четвертый раз на пост президента Гарри Гопкинс, специальный помощник президента, по его поручению в беседе с послом СССР в США А. А. Громыко упомянул Крым в качестве подходящего места предстоящей конференции. Хотя имелись возражения против столь дальней поездки президента, Гопкинс в своих заметках написал: «Я был уверен, что президент остановит свой выбор на Крыме главным образом потому, что никогда не был в этом районе мира, а его любовь к приключениям всегда влекла его в незнакомые места. Выборы уже состоялись, и политических препятствий для такой поездки больше не было».^[221]

Я хорошо помню тот день в середине декабря, когда президент шепотом сообщил мне, что мы поедem в Ялту. «Тебе не мешало бы взглянуть на карту, — добавил он, — но сделай это, когда будешь один».

Хотя некоторые из советников президента пытались отговорить его от поездки в Крым, он знал, что конференция необходима и что такой приз, как всеобщий мир, слишком ценен, чтобы упустить его из-за места встречи.

Президент верил, что мир зависит от упрочения и сохранения единства трех великих держав. Если Советский Союз в результате терпеливости и взаимопонимания можно будет убедить вступить в действующую международную организацию, он может стать конструктивной силой в мировых делах.

На конференции в Крыму

В 7.30 утра 3 февраля 1945 года наш С-54 приземлился на аэродроме Саки на западном побережье Крымского полуострова. На летном поле для приветствия прилетающих американских и английских делегаций выстроился почетный караул и военный оркестр. Когда мы спустились по трапу с борта самолета, нас встретили комиссар иностранных дел В. М. Молотов, его заместитель А. Я. Вышинский, маршал авиации С. А. Худяков, адмирал Н. Г. Кузнецов, генерал армии А. И. Антонов, послы А. А. Громыко и Ф. Т. Гусев. Русские установили три большие палатки, где стояли столы со стаканами горячего сладкого чая с лимоном, бутылками водки, коньяка, шампанского, тарелками с икрой, копченой осетриной и семгой, сыром, вареными яйцами, черным и белым хлебом. Мы надолго запомнили оказанный нам русскими в то раннее утро на аэродроме теплый прием.

Самолет президента «Священная корова», эскортируемый шестью истребителями Локхид «Лайтнинг», совершил посадку примерно через час. Часть сопровождавших президента лиц вышли из самолета, но сам Рузвельт остался на борту, поджидая прибытия премьер-министра Великобритании. Когда через полчаса самолет премьер-министра произвел посадку, Черчилль тут же направился к самолету президента. Рузвельта специальным лифтом спустили на землю и усадили в «виллис». Молотов подошел к двум западным руководителям и представил им членов советской делегации. Затем оркестр исполнил американский, английский и советский национальные гимны. Черчилль курил очередную восьмидюймовую сигару, а президент обратился к стоявшему рядом со мной Молотову и поблагодарил за великолепное исполнение оркестром американского гимна.

После того как почетный караул совершил свой церемониальный марш, президента пересадили с «виллиса» в лимузин, и караван автомашин отправился в длинный путь к Ялте.

Сидя в автомашине вместе с адмиралом Леги и послом Гарриманом, я смотрел в окно на расстилавшиеся по обе стороны дороги безлесые ровные поля и был поражен их сходством с нашими

равнинами. Тяжелое впечатление на нас всех произвели жестокие следы разрушений.

Примерно в 6 часов вечера мы подъехали к Ливадийскому дворцу, расположенному в двух-трех километрах от Ялты.

Английская делегация разместилась в Воронцовском дворце в Алупке. Советская делегация остановилась в Юсуповском дворце в Кореизе.

Все пленарные заседания глав правительств проводились в Ливадийском дворце, начинались они в 16.00 и заканчивались в 20.00 или даже позднее. Совещания ми-истров иностранных дел, начинавшиеся в полдень, велись нередко в месте расположения каждой делегации.

Хотя я не присутствовал на совещаниях руководителей военных штабов трех держав, в тех случаях, когда решения американских начальников штабов касались политико-дипломатических вопросов, меня, естественно, ставили известность.

В Ялте я знал, например, о сильном давлении, которое оказывали американские военные руководители на президента Рузвельта, добиваясь вступления России в войну на Дальнем Востоке. В то время атомная бомба все еще оставалась неизвестным фактором, а наша неудача в Арденнском сражении была свежа в памяти всех нас. Мы еще не форсировали Рейн. Никто не знал, как долго продлится война в Европе, как велики будут потери.

Накануне нашего отъезда в Ялту Объединенный комитет начальников штабов прислал в государственный департамент копии документов относительно русского участия в войне против Японии. В этих документах говорилось: «...мы хотим вступления России в войну в самые возможно кратчайшие сроки, совместимые с ее способностями начать наступательные операции, и готовы предложить максимальную поддержку, какая только возможна без нанесения ущерба нашим основным усилиям против Японии...»

Когда государственный секретарь К. Хэлл находился в Москве в октябре 1943 года, Сталин заявил, что Россия вступит в войну против Японии, а через несколько недель на Тегеранской конференции он сделал подобное же заявление президенту США и премьер-министру Великобритании.

До этого момента маршал Сталин ничего не говорил о точном времени или условиях вступления России в войну против Японии.

Затем в октябре 1944 года во время пребывания в Москве Черчилля, обсуждавшего с советским руководителем европейские дела, посол США А. Гарриман и наш военный атташе генерал Джон Р. Дин обсудили со Сталиным дальневосточную проблему. Сталин сказал, что Советский Союз вступит в войну против Японии через три месяца после окончания войны с Германией, но вначале необходимо будет достичь соглашения с Китаем.

Вскоре после прибытия в Ялту Рузвельт провел ряд совещаний со Сталиным по вопросу вступления России в войну против Японии. Большинство членов американской делегации об этих переговорах ничего не знали, на пленарных заседаниях «Большой тройки» и на встречах министров иностранных дел этот вопрос не обсуждался. Примерно в середине Ялтинской конференции Гарриман и Гопкинс сообщили мне, что президент поручил им проинформировать меня о переговорах по этому вопросу, которые проходили между ним и Сталиным.

Среди прочих вещей мне рассказали, что Сталин дал ясно понять, что для вступления Советского Союза в войну против Японии должны быть выполнены некоторые политические условия, которые необходимы русским на Дальнем Востоке. Без этих условий, подчеркнул Сталин, советский народ и Верховный Совет СССР не поймут, почему СССР вступает в войну на Дальнем Востоке.

11 февраля маршал Сталин, премьер-министр Черчилль и президент Рузвельт подписали «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока».^[222]

Этот сверхсекретный документ не упомянут в протоколе Ялтинской конференции. Он был отвезен в Вашингтон и хранился в личном сейфе президента. Лишь немногие из ближайших советников президента знали о его существовании. Опасались, что, если о нем будет знать слишком много людей, сведения о нем могут просочиться в Японию, которая тогда может сорвать планы союзников, предприняв нападение на Советский Союз, прежде чем советские войска будут переброшены на Дальний Восток.

Китайцы об этом соглашении в то время уведомлены не были, поскольку имелись сомнения в отношении сохранения секретности в

Чунцине.^[223] В Ялте Сталин сообщил Рузвельту, что русские начнут переброску дивизий через Сибирь, но это необходимо делать в строжайшей тайне. Поэтому президент согласился, что он разъяснит китайцам принятое решение только после завершения перевозки войск.

Один из моих друзей в английском правительстве рассказал мне, что Иден пытался убедить премьер-министра не подписывать соглашение, поскольку тот не присутствовал на основных переговорах, а сам вопрос носит сложный характер. Однако Черчилль заявил, что все позиции Британской империи на Дальнем Востоке могут оказаться под угрозой. Он собирается поставить свою подпись, чтобы Великобритания могла остаться на Дальнем Востоке. При этом он добавил, что питает глубокое доверие к президенту Рузвельту и может полностью положиться на его суждение в этом вопросе.

Поручение выяснить условия, необходимые для вступления России в войну на Дальнем Востоке, было дано президентом Рузвельтом и военным министерством США американскому послу в СССР А. Гарриману, который отвечал за координацию всех наших военных и гражданских дел в Москве. Когда Гарриман прибыл в Ялту, он, как я понял, уже имел определенное представление о том, что требуется для вступления русских в войну с Японией. Соглашение о Дальнем Востоке было тщательно подготовлено и не являлось импульсивным решением, принятым в Ялте, потому что, как утверждают некоторые, президент Рузвельт устал и хотел избежать дальнейших споров.

Значительная доля критики по адресу этого соглашения связана с секретностью, окружавшей как переговоры о нем, так и конечный документ. Следует, однако, иметь в виду два момента. Президент должен был вести переговоры по этой проблеме почти в одиночку, потому что Сталин — я в этом убежден — отказался бы принимать какие-либо обязательства о вступлении в войну на Тихом океане в присутствии большой группы участников конференции. Во-вторых, склонность русских к секретности и даже личной дипломатии в данном случае была обоснованно вызвана чисто военными соображениями. Война приближалась к своей кульминационной точке как в Европе, так и на Тихом океане, и любой риск возможного раскрытия столь далеко идущих военных планов был чреват серьезной опасностью.

Подписание президентом соглашения по вопросам Дальнего Востока было продиктовано военными соображениями первостепенного значения. Американские военные руководители настаивали на участии Советского Союза в войне против Японии. Военный министр Г. Стимсон так изложил позицию армии США в отношении войны с Японией, хотя был уже июль 1945 года:

«Как мы понимали ситуацию в июле, существовала весьма реальная возможность того, что японское правительство может решиться оказывать сопротивление до конца во всех находящихся под его контролем районах Дальнего Востока. В этом случае союзники столкнутся с гигантской задачей уничтожения вооруженной силы численностью в пять миллионов человек и пяти тысяч самолетов с летчиками-самоубийцами, принадлежащих к расе, которая уже достаточно наглядно продемонстрировала свою способность сражаться буквально насмерть.

Стратегические планы наших вооруженных сил о разгроме Японии по состоянию на июль были составлены без учета атомной бомбы, которая еще не была испытана в Нью-Мексико. Мы планировали осуществлять усиленную блокаду на море и в воздухе и значительно усилить стратегическую бомбежку летом и ранней осенью, за которыми 1 ноября 1945 года должно было последовать вторжение на южный остров Кюсю. Затем за этим должно было последовать вторжение на главный остров — Хонсю весной 1946 года. Общая численность военных и военно-морских сил, участвующих в этом грандиозном плане, была порядка 5 миллионов человек, а если включить всех косвенно связанных с нею — то и того больше.

...Мы подсчитали, что если нам придется претворять этот план в жизнь, то основные военные действия закончатся, самое раннее, в конце 1946 года. Мне сообщили, что такие операции могут потребовать только от одних американских вооруженных сил более одного миллиона убитых и раненых. Дополнительные крупные потери, по-видимому, понесут также наши союзники, и все это, разумеется, если наша кампания будет успешной и если, судя по прошлому опыту, потери противника значительно превысят наши собственные...»

На высокопоставленном совещании в Белом доме буквально накануне открытия 25 апреля 1945 года конференции в Сан-

Франциско^[224] президент Трумэн, военные руководители и я обсуждали ход выполнения Советским Союзом решений Ялтинской конференции, связанных с положением на Балканах. На этом совещании военные представители США просили сохранять выдержку в отношениях с Советским Союзом, поскольку они опасались, что конфликт поставит под угрозу вступление русских в войну на Дальнем Востоке.

Даже на Потсдамской конференции, после взрыва атомной бомбы в Лос-Аламосе 16 июля, военные продолжали настаивать, чтобы Советский Союз принял участие в войне на Дальнем Востоке. Как в Ялте, так и в Потсдаме у военных штабов особенное беспокойство вызывала дислоцированная в Маньчжурии японская армия. Описываемая как цвет японских сухопутных войск, эта самостоятельная группировка войск со своим собственным командованием и индустриальной базой считалась способной продолжать войну даже после захвата островной Японии если Россия не вступит в войну и не начнет военных действий против этой армии.

Считаясь с этим, военные советники президента настойчиво настаивали на вступлении русских в войну. Если японцам придется повернуть часть своих сил, чтобы встретить наступающих с севера русских, наши потери значительно уменьшатся. Президента Рузвельта обвиняли также в том, что он согласился в Ялте на русское присутствие в Северной Корее. Фактически же вступление советских войск в северную часть Кореи было согласовано после Ялтинской конференции с американским военным командованием как часть мероприятий по обеспечению капитуляции японских войск.

«Большая тройка» начинает работу

Маршал Сталин и наркоминдел Молотов приехали в Ливадийский дворец в воскресенье 4 февраля в 4 часа дня для короткой встречи с президентом Рузвельтом.

После обмена приветствиями президент и Сталин обсудили наступательные операции английских, американских и советских войск. Рузвельт сказал Сталину, что он поражен страшными разрушениями, произведенными немцами в Крыму. Это сделало его, Рузвельта, сейчас более беспощадным по отношению к немцам, чем

год назад. Сталин ответил, что все стали сейчас более беспощадными, чем раньше. Разрушения в Крыму — это ничто по сравнению с тем, что гитлеровцы учинили на Украине.

Первое пленарное заседание началось 4 февраля. И. В. Сталин выразил надежду, что откроет конференцию президент Рузвельт, так же как он сделал это год назад в Тегеране.

Рузвельт ответил, что считает большой честью открыть столь важную конференцию и хочет от имени американских гостей выразить глубокую признательность хозяевам за гостеприимство и прекрасную организацию совещания.

Президент сказал далее, что народ, который он представляет, прежде всего хочет скорейшего победоносного завершения войны. Мы все лучше понимаем сейчас друг друга, чем раньше, продолжал он, и это взаимопонимание растет из месяца в месяц. Он сказал, что, как свидетельствует опыт, наилучших решений можно добиться лишь в честных и откровенных переговорах. Он, конечно, понимает, что участникам конференции предстоит пройти по географической карте всего мира, но хотел бы предложить сначала обсудить положение на Восточном фронте. Вступление советских войск в Германию вызвало восторг народов Соединенных Штатов и Великобритании.

По предложению Сталина заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов сделал сообщение о результатах январского наступления советских войск. Он доложил, что советские войска с 12–15 января перешли в наступление на фронте от реки Неман до Карпат протяжением 700 километров. Войска генерала Черняховского наступали на Кенигсберг, войска маршала Рокоссовского — по северному берегу Вислы, отрезая Восточную Пруссию от центральных районов Германии, войска маршала Жукова — южнее реки Вислы на Познань, войска маршала Конева — на Ченстохов, Бреслау, а войска генерала армии Петрова, действующие в полосе Карпат, — на Новы-Тарг.

За 18 дней наступления средний темп продвижения советских войск составил 25–30 километров в сутки. В результате наступления советские войска вышли на реку Одер (севернее Франкфурта) и овладели Силезским промышленным районом, перерезали основные пути, связывающие восточнопрусскую группировку с центральными районами Германии, прорвали оборонительные позиции немцев в

Восточной Пруссии — на кёнигсбергском и летценском направлениях — и разгромили 45 дивизий противника.

В заключение генерал Антонов высказал пожелание, чтобы англо-американские войска на Западном фронте ускорили переход в наступление, а союзническая авиация ударами по коммуникациям препятствовала немцам перебрасывать свои войска с Западного фронта, из Норвегии и Италии на Восток.

После того как Сталин и Антонов ответили на многочисленные вопросы премьер-министра и президента, Черчилль предложил, чтобы генерал Маршалл доложил об операциях на Западном фронте.

Генерал Маршалл выступил с обзором операций на Западном фронте и ближайших планов на будущее. Он сообщил, что последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы и что войска союзников в некоторых районах продвинулись дальше той линии, с которой немцы начали свое контрнаступление в декабре прошлого года.

Сталин спросил, какие пожелания имеются у союзников в отношении советских войск.

Премьер-министр Черчилль заявил, что хотел бы прежде всего выразить глубокую благодарность Великобритании — и он в этом не сомневается, — также Соединенных Штатов за мощное и успешное наступление советских войск. Все, чего он может желать, это чтобы русские продолжали наступать.

Сталин ответил, что зимнее наступление, за которое Черчилль выразил благодарность, было выполнением товарищеского долга в отношении союзников. Согласно решениям Тегеранской конференции Советское правительство не было обязано предпринимать зимнее наступление.

Президент спрашивал его, может ли он принять представителя генерала Эйзенхауэра главного маршала авиации Великобритании Теддера для обсуждения зимнего наступления, и он сразу же дал согласие. ^[225]

Он упоминает об этом только для того, чтобы подчеркнуть, что советские деятели не только выполняют свои обязательства, но и готовы выполнить свой моральный долг перед союзниками.

В конце заседания начальникам штабов трех держав было дано указание встретиться на следующее утро и скоординировать военные

планы «Большой тройки». Подобное решение было принято за время войны впервые. Хотя три державы сражались вместе уже на протяжении ряда лет, необходимая степень взаимного доверия для совместной конкретной координации их военных усилий была достигнута лишь незадолго до Ялтинской конференции.

Весь дух заседания, как я записал в своем отчете, «был пронизан стремлением к сотрудничеству...». На меня огромное впечатление произвело тонкое чувство юмора, присущее Сталину. Наряду с юмором в его характере чувствовались сила и жесткая решительность.

Поскольку немецкое радиовещание распространяло всевозможные домыслы о совещании в Крыму, было сочтено целесообразным сделать сообщение для прессы общего плана. Днем 6 февраля трое руководителей утвердили представленное министрами иностранных дел коммюнике, в котором сообщалось, что цель конференции руководителей трех держав, проходящей «в районе Черного моря», заключается в «координировании планов завершения разгрома общего врага и установления вместе со своими союзниками твердых основ длительного мира».

Открывая второе пленарное заседание, Рузвельт предложил обсудить вопрос об оккупации Германии. В Тегеране президент США предложил расчленить Германию на пять автономных частей: 1. Пруссия (в урезанном виде). 2. Ганновер и северо-запад. 3. Саксония и район Лейпцига. 4. Гессен-Кассель и район к югу от Рейна. 5. Бавария, Баден и Вюртемберг. Кильский канал и Гамбург, Рур и Саар предлагалось поставить под контроль Объединенных Наций. Черчилль на Московском совещании 1944 года выдвигал вариант раздела Германии на две части — Пруссию и Баварию, Рур и Вестфалию он предлагал поставить под международный контроль. Выступив на пленарном заседании в Ялте, Черчилль сказал, что можно было бы создать «еще одно германское государство со столицей в Вене».

Рузвельт предложил поручить изучение этого вопроса министрам иностранных дел. Сталин и Черчилль согласились с этим предложением. На заседании 7 февраля главы правительств одобрили подготовленное министрами иностранных дел решение о создании комиссии из представителей США, Англии и СССР для изучения предложений о расчленении Германии. [\[226\]](#)

На третьем пленарном заседании Рузвельт объявил на повестке дня польский вопрос. Он сказал, что американское общественное мнение готово принять линию Керзона в качестве восточной границы Польши. Что касается польского правительства, он хотел бы создания такого представительного правительства, которое пользовалось бы поддержкой всех трех держав. Одно ясно, добавил он, что Польша должна поддерживать дружеские отношения сотрудничества с Советским Союзом.

Сталин перебил его, заметив, что Польша должна находиться в дружеских отношениях не только с Советским Союзом, но и со всеми другими союзниками.

Черчилль заявил, что он не раз говорил в парламенте и других местах о намерении британского правительства признать границу по линии Керзона. Его больше заботит вопрос о будущем правительстве, чем о границах. Он спросил, не могли бы они сейчас договориться в Ялте о включении в существующее польское правительство кого-либо из польского правительства в Лондоне.

Сталин сказал, что для русских вопрос о Польше является вопросом безопасности не только потому, что Польша — пограничная страна, но и в силу того, что на протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Дважды за последние 30 лет, особо подчеркнул Сталин, сделав при этом энергичный жест рукой, немцы прошли по этому коридору, чтобы атаковать нашу страну, поскольку «Польский коридор» не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Что же касается линии Керзона, то он, Сталин, должен заметить, что эта линия придумана не русскими. Авторами линии являются лорд Керзон,^[227] Клемансо^[228] и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. К тому же, добавил он, «неужели вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо?..» Люди, пожалуй, скажут, что «Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками наших интересов, чем Керзон и Клемансо».

Во время своего пребывания в Москве Миколайчик^[229] был очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши Советский Союз признает линию по реке Нейсе, а точнее говоря, по Западной Нейсе. Поэтому он, Сталин, просит Рузвельта и Черчилля поддержать это предложение.

Что же касается создания польского правительства, то, по его, Сталина, мнению, Черчилль, видимо, оговорился, предложив создать его здесь, на конференции в Ялте: как можно создать польское правительство без участия поляков? Хотя его, Сталина, многие называют диктатором, считают его недемократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без согласия поляков.^[230]

Окончание конференции

В последний день Ялтинской конференции президент Рузвельт, премьер-министр Черчилль и маршал Сталин подписали соглашение об условиях вступления Советского Союза в войну против Японии. Их заключительное заседание в воскресенье утром 11 февраля было затем посвящено обсуждению и утверждению совместного коммюнике, которое предстояло опубликовать на следующий день. За основу для обсуждения был принят американский проект. Со стороны русских поправок, по существу, не было. Черчилль, сам любивший сочинять подобные исторические документы, ограничился несколькими, в основном стилистическими, поправками.

После утверждения «Большой тройкой» текста коммюнике Иден, Молотов и я работали над протоколом конференции, в который были включены некоторые соглашения, либо вообще не упоминавшиеся в коммюнике либо приводившиеся в нем в краткой форме из-за соображений военного порядка или необходимости дальнейшей проработки.

Вопрос о репарациях с Германии был упомянут в коммюнике, но не в столь подробном изложении, как в протоколе, главным образом по военным соображениям, а также потому, что его передали для дальнейшего изучения в комиссию по репарациям, которой предстояло заседать в Москве. Процедура голосования в Совете Безопасности в коммюнике не вошла, так как ее необходимо было обсудить еще с

Францией и Китаем. Как только эти страны дали согласие на предлагаемую процедуру голосования, я от имени президента сообщил о достигнутом соглашении 5 марта на конференции американских государств в Мехико, куда прибыл из Ялты.

Решение о том, что пять государств, имеющих постоянные места в Совете Безопасности, должны проконсультироваться между собой до конференции Объединенных Наций по вопросу о территориальной опеке, в коммюнике не включалось, поскольку его также необходимо было предварительно согласовать с Францией и Китаем.

Такие вопросы, как главные военные преступники, югославско-болгарские взаимоотношения, Персия, Конвенция в Монтрё и проливы, в коммюнике не упоминались, ибо решений по ним принято не было и все они требовали дальнейших консультаций.

Не упоминалось также и соглашение о том, что США и Великобритания поддержат на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско предложение о допуске к первоначальному членству в ООН Украину и Белоруссию.

Президент Рузвельт хотел иметь возможность лично объяснить это соглашение лидерам конгресса и дать возможность Черчиллю решить, как лучше изложить его в палате общин. Эту договоренность решили хранить в тайне также потому, что внутри американской делегации в Ялте из-за нее возникли разногласия. Некоторые члены делегации надеялись, что Советский Союз, возможно, удастся убедить отказаться от этого требования. Но такой возможности не представилось. Позднее в марте сведения об обязательстве США поддержать это советское требование в Сан-Франциско просочились в прессу. Так как это соглашение вызвало довольно широкую критику, президент распорядился опубликовать срочное заявление, подтверждающее согласие США поддержать это пожелание Советского Союза.

Кстати говоря, возражений против нашего согласия на немедленное предоставление дополнительных голосов в Ассамблее ООН Украине и Белоруссии, по существу, не было. В ходе прений в сенате о ратификации Устава ООН этот вопрос практически даже и не затрагивался.

В Ялте президент по настоянию Бирнса^[231] и некоторых других американцев обратился с письмами к Черчиллю и Сталину по данному вопросу, объяснив, что ввиду возможных затруднений внутри США он

может столкнуться с необходимостью также попросить о предоставлении дополнительных голосов для своей страны в ООН. Согласятся ли два других руководителя поддержать его просьбу?

Черчилль письмом ответил, что он окажет всю возможную помощь в данном вопросе.

Маршал Сталин прислал следующий ответ:

«Уважаемый г-н Рузвельт.

Получил Ваше письмо от 10 февраля. Я совершенно согласен с Вами, что... следует также увеличить количество голосов для США... Если это понадобится, я готов официально поддержать это свое предложение.

С глубоким уважением

И. Сталин». ^[232]

Еще до своей смерти Рузвельт решил, что Соединенные Штаты не будут просить о предоставлении им трех голосов в Ассамблее ООН. Хотя я лично считаю эту просьбу президента ошибочной, вышеупомянутые письменные ответы служат еще одним доказательством того взаимопонимания, которое существовало в то время между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным.

Вечером в этот же день Молотов, Иден и я подписали протокол конференции. К этому времени президент покинул Ялту. Поскольку Рузвельт сообщил Сталину, что хотел бы посмотреть на страшные разрушения, которые война принесла Севастополю, он отправился в этот город и провел ночь на стоявшем там в порту американском корабле радиосвязи «Катоктин».

Итоги

Выступая на совместном заседании обеих палат конгресса 1 марта 1945 года, президент Рузвельт заявил: «Соединенные Штаты не всегда смогут добиваться устраивающих нас на 100 процентов решений ни в переговорах с Россией, ни в переговорах с Великобританией. Мы не всегда сможем находить идеальные варианты урегулирования сложных международных проблем. Но я убежден, что благодаря соглашениям, достигнутым в Ялте, обеспечена более стабильная, чем когда-либо, политическая Европа». «...Конференция в Крыму, — продолжал он, —

была успешным усилием трех ведущих держав найти общую почву для мира. Она означает, она должна означать конец системы односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния, баланса сил и всех других аксессуаров, которые были в ходу на протяжении столетий и которые никогда не давали нужного эффекта. Я уверен, что конгресс и американский народ воспримут результаты Крымской конференции как начало сооружения основ прочного мира, в котором будут жить ваши и мои дети и внуки».

Нелишне в заключение задать вопрос: что получил на конференции в Ялте Советский Союз в Восточной Европе, чего он уже не имел в результате блестящих побед Красной Армии? Что приобрел Советский Союз в Ялте, чего он не мог бы приобрести без всяких соглашений?

Никогда не надо забывать, что в ходе Ялтинской конференции военные советники президента сообщили ему, что Япония, возможно, капитулирует не ранее 1947 года и даже позже. Президенту также сказали, что без вступления России в войну на Дальнем Востоке завоевание Японии потребует от США дополнительно миллион человеческих жизней. Необходимо также помнить, что во время Ялтинской конференции еще не было уверенности в возможности создания атомной бомбы и что после немецкого контрудара в Арденнах, отбросившего нас назад в Европе, было неясно, сколько еще времени потребуются для разгрома Германии. Осенью 1944 года, когда войска западных союзников стремительно продвигались по Франции, резко усилились оптимистические настроения, что война вот-вот закончится. Затем последовало немецкое контрнаступление в Арденнах, которое обернулось для нас более чем только военной неудачей. Оно бросило глубокую тень на оптимистические прогнозы быстрого окончания войны с Германией. В Вашингтоне, например, службы обеспечения и снабжения вооруженных сил начали размещать новые заказы на поставки, исходя из того, что война в Европе продлится дольше, чем предполагали.

Конечно, сейчас мы можем сказать, что этот широко распространенный пессимизм не был оправдан. Но необходимо учитывать воздействие этих настроений и рассуждений на стратегию и соглашения, выработанные в Крыму. Было действительно важным включить Советский Союз в совместную сферу действий. Сотрудничество с Советским Союзом в войне против Японии было

взаимосвязано с сотрудничеством в создании ООН и с совместными действиями в Европе.

Некоторые критики Ялтинской конференции считают, что было бы лучше вообще не заключать никаких соглашений с Советским Союзом. Если бы мы не смогли достичь согласия в Ялте, это серьезно отразилось бы на моральном духе людей в союзных странах, которые несли тяготы пятилетней войны, и привело бы к затяжке военных действий против Германии и Японии. А может быть, вызвало бы и другие непредвиденные по своей трагичности последствия для всего мира. Достигнутые соглашения приблизили окончание войны и позволили значительно сократить американские потери.

Ялтинская конференция сделала также возможным создание Организации Объединенных Наций. Хотя имевшие место после Ялты события осложнили деятельность ООН, я по-прежнему убежден, что Организация Объединенных Наций может стать величайшим в истории вкладом в дело создания стабильного и избавленного от войн мира.

В Ялте, которой суждено было стать местом последней встречи Рузвельта со Сталиным и Черчиллем, президент добивался двух основных целей. Он стремился к быстрой и безоговорочной капитуляции Германии и других стран «оси» и мечтал создать всемирную организацию по обеспечению мира и безопасности. Ялтинские соглашения несмотря на последующие трудности, сделали возможным достижение второй цели и помогли добиться первой.

Роберт Джексон

Война в воздухе. 1942–1945 [\[233\]](#)

1942 год — год перелома

В середине февраля 1942 года наступательные операции русских войск на Северо-Западном фронте привели к окружению шести немецких дивизий 16-й армии — около 100 тысяч человек — в районе Демянска, южнее озера Ильмень. Собрав все имевшиеся транспортные самолеты «Юнкерс-52» и даже часть бомбардировщиков, немецкое командование организовало переброску окруженным дивизиям пополнения, боеприпасов и продовольствия. Несмотря на тяжелые потери, которые понесла немецкая авиация за три месяца действия этого воздушного моста (265 машин), немцы сумели перебросить по воздуху более 24 тысяч тонн боеприпасов и других видов снабжения. Боеприпасы и продовольствие доставлялись по воздуху также окруженному гарнизону города Холм. Успех этих операций в тяжелых условиях зимы убедил Германа Геринга, что люфтваффе в состоянии обеспечить снабжение крупных группировок немецких войск даже при сильном сопротивлении противника. Как показали последовавшие затем события в этом роковом 1942 году, это было опасное предположение.

Новое летнее наступление немцев началось 8 мая 1942 года в Крыму, где захваченные врасплох русские войска потерпели поражение и были вынуждены оставить Керченский полуостров. Для защиты последнего бастиона — Севастополя у них в Крыму осталось всего 50 истребителей и бомбардировщиков. Хотя советские летчики оказали отчаянное сопротивление массированным воздушным атакам люфтваффе, после непрерывных ожесточенных боев, длившихся 25 дней, гарнизон советской крепости был эвакуирован.

После неудачного наступления в мае советских войск Юго-Западного фронта на Харьков и последовавшего затем окружения нескольких советских соединений армии группы «Юг» генерал-фельдмаршала фон Бока составе 90 дивизий, включая 10 танковых, приготовились к массированной наступательной операции, которая должна была привести их к Волге и на Кавказ.

В середине июля 6-я армия генерала Паулюса вышла в излучину Дона и захватила плацдарм на его восточном берегу. Началась битва за Сталинград. Позади отчаянно сопротивлявшихся русских лежал

окутанный густыми клубами дыма город, ставший мишенью яростных ударов 4-го воздушного флота. Первый массированный налет люфтваффе, совпавший с прорывом немецкого авангарда к Волге севернее Сталинграда, произошел 23 августа. Последовательными волнами 200 немецких бомбардировщиков, прикрываемых 50 Me-109, налетали на пылающий город. На подступах к городу их встретили советские истребители. В яростных воздушных схватках в этот день в небе над Сталинградом и на прилегающих участках фронта советские истребители и зенитчики сбили 90 немецких самолетов. Советские потери составили 30 самолетов. Особенно отличились в этих боях летчики 102-й авиадивизии, на которой лежала ответственность за воздушную оборону города. К моменту завершения Сталинградской битвы на счету дивизии будет значиться 336 сбитых вражеских самолетов, и в том числе 216 бомбардировщиков.

В ходе воздушных схваток над Сталинградом многие советские летчики-истребители стали асами, уничтожив пять и более немецких самолетов. Одним из ведущих пилотов был Михаил Баранов, впоследствии одержавший 28 побед. В одном из боев он вместе с тремя товарищами смело атаковал группу из 25 «мессершмиттов» и лично сбил три самолета. Когда у него кончились боеприпасы, он искусным маневром зашел в хвост четвертого «мессера», сблизился с ним и винтом отрубил ему руль поворотов, успешно совершив затем вынужденную посадку. Другой летчик, лейтенант Кострицын, атаковал соединение из 30 «Юнкерс-88» и лично сбил три из них. Сержант Нагорный один в бою против четырех Me-109 сбил два и обратил остальные в бегство.

В середине сентября, когда бои велись уже в самом городе, эффективная воздушная поддержка на участках непосредственного соприкосновения противников стал практически невозможной — их подчас отделяла друг от друга полоска земли, равная броску ручной гранаты.

На этой стадии сражения люфтваффе по-прежнему обладало господством в воздухе, и операции по снабжению оборонявшихся советских частей с воздуха велись в основном по ночам маленькими бипланами По-2.

Эти же бипланы широко использовались на Сталинградском фронте как ночные бомбардировщики. Хотя немецкая пропаганда

презрительно называла эти тихоходные машины «русс фанера», немецкие солдаты в своих воспоминаниях о боях на Восточном фронте сообщают о том, что ночные рейды этих самолетов держали уставшие от боев войска в постоянном нервном напряжении.

Оснащенный этими ночными бомбардировщиками 588-й авиаполк был полностью укомплектован женщинами пилотами и штурманами. Во время боев под Сталинградом и на Северо-Кавказском фронте каждый бомбардировщик совершал до шести вылетов за ночь. В этот период женские экипажи полка за 194 вылета сбросили около 25 тонн бомб.

Этот полк входил в состав 122-й авиадивизии, основу которой составлял женский летный персонал. В дивизию, получившую боевое крещение под Сталинградом, входили также 587-й бомбардировочный полк и 586-й истребительный авиаполк, который завершил свой боевой путь в Австрии. За это время летчицы полка совершили 4419 боевых вылетов, 125 раз вступали в бой и сбили 38 немецких самолетов. Одна из летчиц — Ольга Ямщикова — стала первой женщиной, сбившей вражеский самолет в ночном бою — «Юнкерс-88» — 24 сентября над Сталинградом.

К середине ноября 1942 года русские сосредоточили под Сталинградом четвертую часть всей своей авиации. Авиаполки 8-й и 16-й воздушных армий начали получать к тому же новые самолеты. Первым из них был истребитель «Лавочкин-5» (Ла-5), созданный на базе стандартного фюзеляжа истребителя ЛаГГ, но с новым звездообразным мотором М-82Ф мощностью 1700 л. с. Во время летных испытаний в мае 1942 года этот истребитель, вооруженный двумя 20-мм пушками, развил скорость 648 км/час. Он был запущен в серийное производство, и первые партии самолетов в октябре 1942 года стали поступать на фронт. Ла-5 имел большую скорость, чем Ме-109Ф, а с форсированным двигателем М-82ФН по скорости и маневренности превосходил также и новейший немецкий истребитель «Фокке-Вульф-190».

Другим истребителем, дебютировавшим на Сталинградском фронте, был Як-9 — дальнейшее развитие истребителя Як-1 авиаконструктора Яковлева. Ставший самым массовым советским истребителем, Як-9^[234] выпускался в различных модификациях: Як-9, вооруженный 20-мм пушкой и одним-двумя пулеметами 12,7 мм и

развивавший скорость 600 км/час, а также Як-9Т, имевший 37-мм пушку.

В январе — феврале 1943 года на фронте стали появляться модифицированные двухместные штурмовики Ил-2, имевшие кабину стрелка с крупнокалиберным пулеметом УБТ, две более мощные 23-мм пушки, установленные в крыльях, восемь реактивных снарядов РС-82. Они развивали скорость до 417 км/час и несли бомбовую нагрузку в 400–600 килограммов.

Начавшееся 19 и 20 ноября под оглушительный грохот канонады наступление советских армий Юго-Западного и Сталинградского фронтов стремительно развивалось, и 23 ноября танковые части генерала Родина захватили город Калач с его стратегическим мостом через Дон, а на следующий день окружение немецкой группировки в Сталинграде было успешно завершено.

24 ноября транспортные авиачасти 4-го воздушного флота получили приказ Геринга ежедневно доставлять окруженной армии 300 тонн груза, включая 90 тонн боеприпасов. Для выполнения этой колоссальной задачи — Геринг заверил Гитлера, что она вполне по плечу люфтваффе, — немцы собрали на авиабазах в Тацинской и Морозовске 320 самолетов «Юнкерс-52» и «Юнкерс-86», а также бомбардировщики Хе-111. Однако этот воздушный мост явно не мог справиться с поставленной задачей. Полеты в «котел» в дневное время были исключительно опасны из-за действий русских истребителей, и все большее число «юнкерсов» и «хейнкелей» не возвращалось на базы.

16 декабря советские армии перешли в наступление в районе среднего Дона и, разгромив 8-ю итальянскую армию, быстро двигались к району Тацинской и Морозовска.

В канун рождества крупная база снабжения — Тацинская оказалась под ударом русских танков. Каким-то чудом в снежную бурю 125 немецким транспортным самолетам удалось взлететь под огнем, однако более 60 самолетов было уничтожено. За один день 4-й воздушный флот лишился трети своей транспортной авиации.

Немецкая авиация оказалась вынужденной перебазироваться в Новочеркасск и Сальск. В начале января из Франции на авиабазу в Сталине были спешно переброшены 18 четырехмоторных бомбардировщиков «Атлантической береговой службы» «Фокке-

Вульф-200» «Кондор». Однако через несколько дней один из них был сбит советскими истребителями, второй серьезно поврежден, а три вышли из строя по техническим причинам.

Через два дня в Сталинград вылетели два гигантских четырехмоторных «Юнкерс-290». Первый погиб 10 января 1943 года, взлетев с аэродрома в Сталинграде, второй был перехвачен звеном Ла-5 и, тяжело поврежденный, с трудом вернулся на базу. Неудачей закончилась и попытка использовать 40 новейших бомбардировщиков «Хейнкель-177».

10 января 1943 года советские войска начали наступление на окруженные в Сталинграде немецкие дивизии и захватили аэродром Питомник. Базировавшиеся на нем истребители Ме-109 и пикировщики Ю-87 сумели с трудом подняться в воздух, но разбились или получили повреждения при попытке сесть на усеянный воронками аэродром Гумрак. Теперь немецкие транспортные самолеты вообще лишились воздушного прикрытия. В довершение к этому аэродром, с которого теперь летали «Юнкерс-52», подвергся удару полка советских штурмовиков, которые в течение двадцатиминутного налета уничтожили и повредили 50 немецких самолетов.

2 февраля 1943 года остатки окруженных в Сталинграде немецких войск капитулировали.

Во время операции по снабжению своих окруженных войск немцы потеряли 500 самолетов — из это число не входят бомбардировщики и истребители, уничтоженные в ходе боевых операций на всем фронте. Общие немецкие потери в битве за Сталинград составили 1249 самолетов, из которых 900 были сбиты истребителями и огнем зенитной артиллерии. Кроме того, 542 самолета различных типов, по большей части поврежденных, были захвачены советскими войсками на занятых в ходе наступления аэродромах. Советские ВВС во время блокады окруженных немецких войск совершили 45 325 вылетов сбросили 15 тысяч тонн бомб. Десять советских авиационных дивизий получили звание гвардейских. Люфтваффе потерпело серьезное поражение.

Для немецкой армии Сталинград был самым сокрушительным поражением за всю ее историю. Советские Военно-Воздушные Силы в ходе Сталинградской битвы сделали первый шаг на пути к завоеванию господства в воздухе на Восточном фронте.

Для советских ВВС вторая половина 1942 года оказалась важным этапом во многих отношениях. Началось переоснащение фронтовых авиачастей самолетами, которые не только не уступали, но и превосходили боевые машины, имевшиеся у немцев на Восточном фронте а кроме того, завершилась практическая организация структуры стратегической авиации, способной нанести удары по территории «третьего рейха».

Авиация дальнего действия (АДД), с марта 1942 года подчинявшаяся непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования, в качестве своего ядра имела несколько десятков четырехмоторных бомбардировщиков Пе-8 (ТБ-7). Этот самолет, строившийся небольшой серией в 1940 году, имел максимальную скорость 450 км/час, потолок — 10 300 метров, дальность полета — 5800 километров. Он был вооружен двумя пушками и двумя 12,7-мм пулеметами и брал на борт 2 тысячи килограммов бомб.

19 мая 1942 года Пе-8 под командованием известного полярного летчика Э. К. Пусэпа поднялся с подмосковного аэродрома и на большой высоте взял курс на запад. На его борту в качестве пассажира находился народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов. Ранним утром на следующий день самолет сел на английском военном аэродроме в Данди. После переговоров в Лондоне с У. Черчиллем В. М. Молотов этим же самолетом вылетел в Монреаль, а оттуда в Вашингтон. Затем этим же маршрутом Пе-8 вернулся в Москву. Это был самый дальний перелет, совершенный советским самолетом во время войны. Стратегические рейды АДД на Германию начались в июле 1942 года, когда 15 Пе-8 нанесли бомбовые удары по Кенигсбергу. В последующие недели эскадрильи бомбардировщиков Пе-8 и Ер-2^[235] совершали налеты на Берлин, Штеттин, Данциг, Тильзит, Варшаву, а также нефтеперегонные заводы в Плоешти (Румыния). Эти налеты на глубокий тыл Германии, предпринятые в тяжелые для советского народа дни, имели огромное морально-политическое и пропагандистское значение. Они подчеркивали также, что стратегические бомбардировки «третьего рейха» не являются привилегией одних лишь англо-американских союзников.

Весной 1943 года центр тяжести воздушных операций переместился на Кубань, где немцы предприняли отчаянную попытку вернуть утраченное ими в ходе Сталинградской битвы господство в

воздухе. Развернувшиеся над кубанской землей крупные ожесточенные сражения с участием многих сотен самолетов, которые длились семь недель, действительно оказались поворотным пунктом войны в воздухе, но отнюдь не в пользу немцев. В ходе этих боев Александр Покрышкин, истребительный авиаполк которого входил в 4-ю воздушную армию, получил свою первую из трех Золотую Звезду Героя Советского Союза, и именно здесь разработанная им тактика воздушного боя помогла советским истребителям добиться господства в воздухе. В схематичном виде его формула победы сводилась к девизу: «Высота — скорость — маневр — огонь!»

Используя эту тактику, Покрышкин лично в одном бою сбил четыре «мессершмитта». Его самолет с нарисованной на фюзеляже большой белой цифрой «100» был хорошо знаком противнику, и известно немало случаев, когда строй немецких самолетов нарушался и они разлетались в стороны, услышав по радио предупреждение: «Ахтунг! Покрышкин в воздухе в вашем секторе!» — еще до того, как пилоты люфтваффе замечали советский истребитель. Многие другие советские асы — и среди них Речкалов, Клубов, Голубев. Крюков, Глинка — также весомо увеличили свой личный счет сбитых самолетов.

Выработанная в ходе боев над Кубанью тактика с участием Покрышкина и других ветеранов, применялась советскими ВВС до конца войны.

С наступлением весенней распутицы крупные наземные операции по всей линии фронта прекратились. Как и год назад, обе стороны наращивали мощь своих войск, готовясь к летнему наступлению. Немецкое командование понимало, что все будет зависеть от исхода летне-кампании 1943 года. Если вермахт вернет себе инициативу, то у него будет второй шанс захватить Москву, если нет, то путь русским армиям в Германию и Центральную Европу будет открыт.

Для своего летнего наступления на Курской дуге немцы собрали 70 дивизий — почти миллион солдат офицеров, около 2700 танков и штурмовых орудий. Для поддержки наступления люфтваффе имело более 1700 самолетов. Многие эскадрильи были оснащены новыми противотанковыми двухмоторными штурмовиками «Хеншель-129» и новейшими истребителями «Фокке-Вульф 190А».

Советское Верховное Главнокомандование, предвидя намерения немцев, заблаговременно приняло меры к созданию глубокоэшелонированной обороны на Курском выступе.

Общевойсковые и танковые армии Центрального и Воронежского фронтов поддерживались 16-й воздушной армией генерала С. И. Руденко и 2-й воздушной армией генерала С. А. Красовского. Кроме того, в составе резервного Степного фронта имелась 5-я воздушная армия генерала С. К. Горюнова. Юго-Западный фронт прикрывала 17-я воздушная армия генерала В. А. Судеца.

На рассвете 5 июля немецкие танки и пехота после ударов артиллерии и авиации перешли в наступление. В небе непрерывно шли напряженные воздушные бои. Немецкие «юнкерсы» и «хеншели» охотились за советскими танками, советские «ильюшины» бомбили и штурмовали наступающие танковые колонны немцев. Поскольку снаряды 23-мм авиационных пушек не пробивали толстую броню «тигров» и «пантер», в бой были брошены новые Ил-2 с 37-мм пушками и специальными противотанковыми кумулятивными бомбами. С применением этой новой техники потери немцев стали быстро расти. Так, при одной штурмовке «илы», вооруженные этим мощным оружием, прочесали 9-ю танковую дивизию и за 20 минут превратили 70 танков в пылающие обломки.

На второй день ожесточенных воздушных сражений в небо были подняты мощные группы советских истребителей, и над огненной дугой закипели очаги воздушных боев — «собачьи свалки». В этот день открыл свой новый боевой счет летчик-истребитель Алексей Маресьев, который, потеряв 15 месяцев назад обе ноги, летал теперь с протезами на истребителе Ла-5. За два дня боев он сбил пять вражеских самолетов.

Свой длинный боевой счет 5 июля открыл также другой знаменитый советский ас — Иван Кожедуб, впоследствии Трижды Герой Советского Союза, уничтоживший боях 62 вражеских самолета.

Золотую Звезду Героя за свой подвиг получил гвардии старший лейтенант А. К. Горовец, который один атаковал группу из 20 «Юнкерс-87» и, мастерски владея своим Як-9, сумел в бою один сбить девять самолетов противника, прежде чем у него кончились боеприпасы. Русские жестоко сводили счета с немцами за горькие летние недели 1941 года.

На рассвете 12 июля русские нанесли контрудар по немецким танковым дивизиям в районе Прохоровки, где в завязавшемся встречном бою одновременно участвовало с обеих сторон 1200 танков и самоходных орудий. Потеряв 400 танков и 10 тысяч солдат, немцы отступили.

В этот же день советские войска перешли в наступление на орловском направлении. Курская битва закончилась убедительной советской победой.

Советское командование умело использовало этот успех. В августе 1943 года при поддержке ста авиационных дивизий — 10 тысяч самолетов — советские войска почти по всему фронту перешли в наступление и отбросили немцев за Днепр. Войска Западного фронта отбили у немцев Смоленск и вышли к Витебску.

Во время летнего и осеннего наступления в воздушных боях заметного успеха добился один из истребительных авиаполков. Истребители этого полка помимо обычных красных звезд имели еще одну эмблему: белый Лотарингский крест на стабилизаторе и трехцветные — красные, белые и синие — полосы на коке винта. Авиаполк назывался «Нормандия», и большинство его летчиков были французы. Он начал формироваться в Сирии как эскадрилья, а в ноябре 1942 года французские добровольцы — 14 летчиков и 58 авиамехаников — прибыли в СССР, где эскадрилья была укомплектована истребителями Як-1, а затем Як-9. Ее первым командиром был майор Ж. Л. Тюлан. В марте эскадрилья прибыла на фронт и 5 апреля 1943 года начала боевые действия. 5 июля Эскадрилья была переформирована в 1-й истребительный авиационный полк «Нормандия», который принял участие в Курской битве. К концу битвы на счету у полка было 40 сбитых самолетов. Французские летчики участвовали также в воздушных боях над Смоленском, Ельней и Витебском. К концу 1943 года они уничтожили еще 77 немецких самолетов, потеряв 25 своих. Это было хорошим началом, но полк «Нормандия», как и все полки советских ВВС, ожидали другие напряженные битвы, ибо хотя русские добились несомненного превосходства в воздухе, люфтваффе еще не было полностью уничтожено и во время отступления с советской территории в 1944 году немецкие вооруженные силы окажут отчаянное сопротивление.

Вперед, на запад!

В январе 1944 года Советское Верховное Главнокомандование нанесло в районе Ленинграда и Новгорода первый из своих сокрушительных ударов, которые должны были освободить русскую землю от немецких оккупантов. Развернувшееся затем в марте — апреле наступление на юге привело к изгнанию немцев с территории Украины и освобождению Крыма.

В конце марта 1944 года, когда армии маршала Конева перешли советско-румынскую границу, командир 9-й гвардейской авиационной дивизии гвардии полковник, дважды Герой Советского Союза Александр Покрышкин оказался со своей дивизией на берегах реки Прут, на том же аэродроме, где он базировался в памятные июньские дни 1941 года. Колесо совершило полный оборот.

В попытке выбить русских с территории Румынии немцы в конце мая нанесли сильный контрудар в районе города Яссы. Для обеспечения поддержки с воздуха немцы собрали лучшие истребительные эскадрильи люфтваффе.^[236] Их соперниками были несколько гвардейских авиаполков, в которых служили такие советские асы, как Покрышкин, Кожедуб, Клубов, Речкалов: перечень имен летчиков обеих сторон читался как справочник «Кто есть кто», содержащий сведения о Героях Советского Союза и кавалерах рыцарского Железного креста. Естественно, что, когда они встретились в воздухе, сражение над Яссами по своей свирепости и напряженности напоминало бои на Курской дуге. С утра до вечера воздух стонал и гудел от рева моторов — немецкие бомбардировщики волна за волной под прикрытием «мессершмиттов» и «фокке-вульфов» налетали на позиции советских войск. Немцы применили тактическое построение, использовавшееся советской авиацией на Кубани, и первоначально советские истребители допускали ошибку, ввязываясь в бой с истребителями эскорта и позволяя тем самым немецким «юнкерсам» прорываться к целям. Покрышкин внес соответствующие тактические коррективы, и на второй день боев пилоты его авиаполка сбили 30 немецких самолетов, не потеряв ни одного своего.

После нескольких дней жарких, затяжных боев сражение над Яссами закончилось поражением немцев. Это была последняя серьезная попытка люфтваффе добиться господства в воздухе над

полем боя на Восточном фронте, и после Ясс немецкие эскадрильи были разбросаны поодиночно по всему фронту. Из советских летчиков, разбивших последние надежды люфтваффе над Яссами, особо отличился Клубов, сбивший за пять дней девять самолетов. Это были нелегкие победы, одержанные над опытным врагом, обладавшим высоким боевым и летным мастерством, пилотами, составлявшими элиту люфтваффе. К этому времени пилотов такого калибра у немцев осталось немного. Начиная с 1944 года качество летного состава люфтваффе начинает заметно ухудшаться, и эта тенденция сохранится до конца войны.

23 июня русские начали гигантскую наступательную операцию в Белоруссии с целью уничтожения группировки немецких войск на центральном участке советско-германского фронта.

К 13 июля Советское Верховное Главнокомандование достигло своей цели: немецкие армии группы «Центр» фактически прекратили свое существование. В августе советские войска вышли к границам Восточной Пруссии, вступили на территорию Польши и начали продвижение к Висле и к Варшаве. В ходе этого наступления 16-я воздушная армия пополнилась тремя недавно сформированными полками 1-й польской смешанной авиационной дивизии. Это были 1-й Варшавский истребительный полк; 2-й Краковский бомбардировочный полк и 3-й штурмовой авиационный полк. Эта дивизия составила ядро военно-воздушных сил Польши.

1-й польский истребительный авиаполк был оснащен новейшими советскими истребителями Як-3, которые начали поступать в советские ВВС летом 1944 года. Этими же истребителями был перевооружен и полк «Нормандия», который участвовал в Белорусской операции. В ноябре за боевые заслуги и мужество при форсировании реки Неман приказом Верховного Главнокомандующего полку было присвоено почетное наименование «Нормандия — Неман».

Другим иностранным авиасоединением, сражавшимся плечом к плечу с советскими частями во время летнего наступления 1944 года, был 1-й чехословацкий отдельный истребительный авиационный полк, укомплектованный истребителями Ла-5ФН. Полк прибыл на аэродром около Львова в июле 1944 года, а оттуда был переброшен на аэродром в Стубно рядом с линией фронта. В период Словацкого национального восстания против немецких оккупантов полк обеспечивал прикрытие

советским транспортным самолетам Ли-2, доставлявшим оружие и боеприпасы повстанцам на аэродром «Три Дуба». 18 сентября, базируясь на чешский аэродром Зволен, восемь Ла-5 авиаполка на бреющем полете нанесли внезапный штурмовой удар по немецкой авиабазе в Пьештянах и уничтожили 30 из 50 находившихся там самолетов.

В сентябре советские войска освободили Румынию и Болгарию, в октябре — Белград, вступили на территорию Венгрии и, ломая упорное сопротивление противника, окружили в декабре в Будапеште 180 тысяч немецких и венгерских солдат и офицеров.

В октябре войска Карельского фронта овладели штурмом городом Петсамо (Печенга) и начали бои по уничтожению немецкого 19-го горнострелкового корпуса. 15 октября немцы пытались эвакуировать остатки своих войск морем, направив конвой из Бек-фьорда в количестве 26 судов, прикрытых семью истребителями. Во время воздушных атак на этот конвой экипаж одного из торпедоносцев — ДБ-7^[237] показал образец того героизма, который был характерен для действий советских летчиков на протяжении всей Отечественной войны.

Находившийся под постоянным наблюдением с воздуха на рассвете 15 октября конвой подвергся ряду последовательных ударов. Первый удар с пикирования нанесли двенадцать Ил-2, второй — через час — также двенадцать «илов», третий удар — десять торпедоносцев, прикрываемые пятнадцатью истребителями. Затем последовал четвертый, заключительный удар десятью торпедоносцами, которые вел в атаку командир авиаполка гвардии подполковник Борис Сыромятников. Пока прикрывавшие истребители вели бой с «мессершмиттами», торпедоносцы мчались к конвою сквозь плотный заградительный огонь. Еще на подходе к цели в левый мотор ведущего самолета попал снаряд. Самолет загорелся, но Сыромятников продолжал вести торпедоносцы к цели. Противник сосредоточил огонь всех зенитных орудий по ведущему самолету — новые попадания, пламя охватило оба крыла торпедоносца. Но Сыромятников продолжал вести самолет прямо на цель, пока не сбросил торпеды.

Пораженный торпедами транспорт взорвался и затонул, а затем пылавший, как факел, ДБ-7 взмыл вверх и, прочертив огненный след,

упал в море. Его экипаж погиб. За этот воинский подвиг все три члена экипажа были удостоены звания Героя Советского Союза.

Немецкий конвой был разгромлен, все три транспорта вместе с семью кораблями охранения потоплены. Погибли восемь русских и шесть немецких самолетов.

За три недели наступления войск Карельского фронта, поддерживаемого Северным флотом и ВВС, противник потерял 156 кораблей и 56 самолетов.

«Третий рейх» вступал в свои последние 100 дней.

Битва над Германией

19 февраля летчик-истребитель Иван Кожедуб в паре с другим летчиком вел воздушную охоту недалеко от линии фронта.

Внизу под ним советские армии маршалов Жукова и Конева готовились к прорыву восьми линий немецкой обороны, преграждавшей путь к Берлину. Советские войска уже заняли плацдармы на западном берегу Одера. Эти плацдармы не давали немцам покоя. Сосредоточив в районе Берлина до двух тысяч боевых самолетов, они пытались наносить по плацдармам массированные удары с воздуха. Эти рейды проводились в основном «Фокке-Вульф-190», которые подкрадывались за облаками, резко снижались, сбрасывали бомбы и, круто взмыв, снова укрывались в облаках, прежде чем их могли перехватить советские истребители. За неделю до этого шестерка истребителей Кожедуба перехватила 30 «фокке-вульфов», подготовившихся к удару по советским войскам, и в стремительном бою сбила семь из них, потеряв один Ла-7.

На этот раз Кожедуб после получасового полета внезапно заметил самолет, летевший вдоль Одера. Развернувшись, Кожедуб на максимальной скорости устремился к нему. Теперь самолет стал отчетливо виден, он напоминал летящую стрелу — узкий фюзеляж, стреловидные крылья и пара длинных, подвешенных под крыльями двигателей, оставлявших за собой длинный дымящийся след. Да это же реактивный самолет — «Мессершмитт-262»! Хотя английские и американские летчики уже встречались с этими самолетами в бою, Кожедуб встретился с этим реактивным истребителем первый раз.

Удачно сманеврировав и сумев зайти в хвост Ме-262, Кожедуб, выжимая из своего «Лавочкина» предельную скорость, с расстояния 500 метров открыл огонь. Удача! Снаряды врезались в левое крыло Ме-262, длинный сноп пламени вырвался из двигателя. Новый залп — и реактивный истребитель падает, разваливаясь на части.

Через несколько дней два других советских летчика-истребителя — генерал-лейтенант Е. Савицкий, сбивший 22 самолета, и майор Околелов также перехватили и сбили два Ме-262.

На рассвете 16 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов перешли в наступление. С воздуха их прикрывали и поддерживали четыре воздушные армии: 4, 16 и 2-я генералов К. А. Вершинина, С. И. Руденко и С. А. Красовского, а также 18-я маршала А. Е. Голованова — 7500 самолетов. После нескольких дней ожесточенных боев оборонительные рубежи немцев были прорваны, и советские танки и пехота устремились к Берлину. 21 апреля части 8-й гвардейской армии ворвались в пригороды города. Это был достойный триумф генерала Чуйкова, ветерана боев, выдержавшего немецкий натиск в развалинах Сталинграда. От города на Волге до столицы гитлеровского рейха пролег длинный и тяжелый путь.

Советские авиационные части двигались вместе с наступавшими советскими дивизиями, используя в качестве летных полос широкие бетонные автострасы. Взлетая с этих импровизированных аэродромов, советские истребители патрулировали над городом, прикрывая «илы» и «пешки», бомбившие и обстреливавшие немецкие очаги сопротивления, или искали уцелевшие немецкие самолеты, чтобы вступить с ними в бой. Все знаменитые советские асы участвовали в этой последней битве: Покрышкин, Кожедуб, Речкалов, Голубев, Сухов, Ворожейкин, Глинка — и увеличили свои личные счета уничтоженных и самолетов противника.

Люфтваффе сражалось до последнего дня. Собрав остатки своих резервов, в ходе битвы за Берлин немцы делали ежедневно до 1000 боевых вылетов. Но это была капля в море. За один день в период решающего штурма фашистской столицы советские воздушные армии совершили 17 тысяч самолето-вылетов. В среднем в апреле каждый день было около 15 тысяч вылетов. 17 апреля в воздушной битве на подступах к Берлину Иван Кожедуб одержал две последние победы. Вместе с напарником Кожедуб атаковал 40 истребителей «фокке-

вульф», в числе которых находились новейшие, обладавшие исключительно высокой скоростью, «длинноносые» «Фокке-Вульф Та-152». В стремительной схватке он в упор расстрелял один «Фокке-Вульф-190», а затем догнал и уничтожил второй — свой 62-й по счету сбитый самолет врага.

25 апреля советские танковые армии встретились в Потсдаме, замкнув Берлин в кольцо из огня и стали. В тот же день русские и американские солдаты встретились на Эльбе. 30 апреля Гитлер покончил с собой, 2 мая остатки Берлинского гарнизона, ошеломленные обрушившимся на них шквалом огня, выползли из своих нор и сложили оружие.

По иронии судьбы ни Кожедуб, ни Покрышкин не присутствовали при этой капитуляции Берлина. Кожедуб несколькими днями ранее вылетел в Москву, чтобы представлять 1-й Белорусский фронт на первомайском параде, а авиадивизия Покрышкина перебазировалась южнее на аэродром неподалеку от Праги. 9 мая, в день окончательной немецкой капитуляции, майор В. Голубев — один из летчиков Покрышкина, шестнадцатый по числу уничтоженных самолетов советский ас — сбил над Прагой «Мессершмитт-109». Это был последний самолет, сбитый в воздушном бою во второй мировой войне на европейском театре. [\[238\]](#)

* * *

1 мая 1945 года звено из трех Як-3 промчалось на бреющем полете над пригородом Берлина. На высоте 30 метров они с ревом пролетели вдоль Шпре, на широкой набережной которой стояли шеренги танков 1-й гвардейской армии. Сделав крутой разворот над разрушенным собором, они выровнялись и медленно прошли над рейхстагом. Из кабины ведущего истребителя что-то опустилось вниз, и, медленно колыхаясь на ветру, развернулось Красное знамя! Гвардейский истребительный авиационный полк, к которому принадлежал Як-3, возил это знамя три года, весь свой длинный боевой путь через Восточную Европу после разгрома немцев у ворот Москвы. На знамени золотыми буквами было вышито одно только слово: ПОБЕДА.

Алан Кларк

Падение Берлина^[239]

К концу октября 1944 года Красная Армия совместно с Народно-освободительной армией Югославии освободила Белград, форсировала реку Тису в Венгрии и вышла к верховьям Дуная. Финляндия капитулировала, и русские, очистив от немцев Моонзундские острова, обеспечили себе доступ в Балтийское море. Лишь в центре линия фронта оставалась стабильной, а точнее говоря, Советское Верховное Главнокомандование, маскируя свои оперативные планы, скрытно готовило здесь широкую наступательную кампанию. Начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник Гудериан понимал, что удар русских не заставит себя долго ждать. По его оценкам, он должен быть нанесен, когда начнется немецкое наступление в Арденнах и станет очевидным его исход. Немецкое верховное командование раскроет свои планы, резервы будут задействованы, и тогда окончательный разгром вермахта превратится для русских в простую шахматную задачу, поддающуюся логическому решению.

В конце 1944 года численность немецких войск в Польше и Восточной Пруссии снизилась до опасного уровня.^[240] Из 2299 танков и штурмовых орудий, выпущенных в Германии в ноябре и декабре, на Восточный фронт было направлено 921. Количество немецких дивизий по сравнению с летом 1944 года сократилось.^[241] Из них более 30 дивизий оборонялись в Курляндии и Мемеле, прикрывая подступы к Балтийскому морю, где испытывались и проходили боевую подготовку новейшие подводные лодки гросс-адмирала Деница, и не могли принять активного участия в решающем сражении. Несколько десятков дивизий находилось к югу от Карпат, где русское наступление в Венгрии и окружение Будапешта приковывало к себе все большее число наиболее боеспособных дивизий из резерва ОКБ.^[242]

Тем не менее, несмотря на наступательную операцию в Арденнах и кризисные ситуации на Балканах и в Венгрии к началу 1945 года немецкое командование вывело в резерв 12 танковых дивизий и держало их в готовности чтобы отразить надвигающийся русский

удар. В декабре разведывательная служба ОКХ сообщила, что только на сандомирском плацдарме русские имеют более 60 стрелковых дивизий и 8 танковых корпусов. Две другие крупные группировки русских — 54 стрелковые дивизии и 6 танковых корпусов к северу от Варшавы — и примерно такая же по численности группировка на восточнопрусской границе свидетельствовали о том, что Советское Верховное Главнокомандование намерено нанести ряд последовательных ударов. «К моменту последнего удара, — заметил командующий группой армий “Центр” генерал Рейнгарт, — от нас останутся одни обломки».

Первоначально Гитлер собирался предпринять наступление в Арденнах в ноябре. В этом случае, даже если бы это наступление не дало ощутимых результатов, немецкое командование смогло бы вернуть танковые дивизии на Восточный фронт до начала советского зимнего наступления. Но фактически 5-я танковая армия генерала Мантейфеля и 6-я танковая армия СС Зеппа Дитриха перешли в наступление только 16 декабря, и как в штабе ОКХ в Цоссене, так и во временной ставке фюрера на Западе в Цигенберге с напряженным вниманием следили за ходом развернувшегося сражения. К 23 декабря нервы Гудериана не выдержали, и он отправился в Цигенберг, решив «просить о прекращении наступления, которое связано для нас с крупными потерями, и незамедлительной переброске всех сил, которые можно высвободить, на Восточный фронт». На этой стадии вмешательство начальника генерального штаба ОКХ было, однако, преждевременным, потому что в тот день, согласно официальной истории США, «попытка заткнуть прорыв превратилась в борьбу за выживание, так как все дивизии, переданные 1-й американской армии для нанесения контрудара... оказались вынужденными вести оборонительные бои, чтобы предотвратить новый немецкий прорыв». Только 24 декабря руководивший наступлением генерал-фельдмаршал Модель решил отказаться от первоначального плана прорыва к Антверпену в пользу «более ограниченного варианта», и было немыслимо, чтобы Гитлер начал выводить войска из боя, когда битва достигла кульминационной точки. «Кто сочинил всю эту чепуху?» — взорвался фюрер, когда Гудериан показал ему данные о сосредоточении советских дивизий в Польше. Попытка Гудериана привлечь внимание штаба ОКВ к Восточному фронту привела в

конечном результате к тому, что две танковые дивизии СС, находившиеся в резерве в Восточной Пруссии, получили приказ направиться в Венгрию для «деблокирования» окруженного Будапешта.

Гудериан все же сумел договориться о переброске трех дивизий с Западного фронта и одной из Италии в Польшу, но царившие в высших эшелонах немецкого командования разногласия и неразбериха служили плохим предзнаменованием для грядущих решающих сражений. В первую неделю января Гудериан совершил поездку по штабам армий Восточного фронта. Собранные им сведения носили столь тревожный характер, что он вновь обратился к Гитлеру с просьбой о подкреплениях. Когда 9 января Гудериан познакомил фюрера с новыми уточненными данными о численности сосредоточенных советских войск (которые были, кстати говоря, несколько преувеличенными — 225 дивизий), Гитлер назвал их «совершенно идиотскими» и потребовал отправить автора — генерала Гелена — в сумасшедший дом. В конце беседы фюрер заявил Гудериану, что «Восточный фронт никогда не имел столь много резервов, как сегодня. Это ваша заслуга, и я благодарю вас за это». Непримируемый Гудериан возразил: «Восточный фронт — как карточный домик. Стоит прорвать его в одном-единственном месте, рухнет весь фронт». ^[243]

* * *

12 января войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала И. С. Конева перешли в наступление с сандомирского плацдарма за Вислой и через 36 часов прорвали главную полосу обороны немцев, так называемую «линию Губертус». 14 января начали наступление армии 1-го Белорусского фронта маршала Г. К. Жукова а затем и 2-го Белорусского фронта, которым командовал маршал К. К. Рокоссовский. Находившиеся в Польше немецкие танковые дивизии, сгруппированные в два корпуса, уже с первых дней оказались втянутыми в сражение. ^[244] 24-й корпус Неринга пытался заткнуть бреши в прорванных оборонительных позициях «линии Губертус» а 46-й корпус — помешать войскам маршала Жукова наступавшим с плацдармов у Пулавы и Магнушева на запад и север, окружить Варшаву.

Сильный танковый резерв немцев находился в Восточной Пруссии и состоял из сведенных в корпус дивизий «Герман Геринг» и «Великая Германия» под командованием генерала фон Заукена.^[245]

Но 15 января верховное командование вермахта в Цигенберге отдало приказ о переброске корпуса Заукена по железной дороге к городу-крепости Кельце, чтобы предотвратить прорыв русских на Познань. Гудериан решительно возражал, доказывая, что удержать оборонительные рубежи на Висле все равно не удастся и что советское наступление можно будет замедлить, если прочно удерживать Восточную Пруссию как «балкон», нависший над советскими фронтами с севера. В какой мере аргументы начальника штаба ОКХ были продиктованы военно-тактическими соображениями, а в какой предопределялись тем фактом, что сам Гудериан родился в Восточной Пруссии и, как истый пруссак, стремился любой ценой сохранить в неприкосновенности эту традиционную колыбель германского милитаризма, можно лишь строить догадки. Но в любом случае Гитлер отклонил доводы начальника генерального штаба ОКХ, и сильный корпус Заукена с его новехонькими «тиграми» и штурмовыми орудиями «ягдтигр» провел первую неделю советского наступления в воинских эшелонах и на железнодорожных станциях, 16 января Гитлер покинул Цигенберг и перенес свою ставку в имперскую канцелярию в Берлине, где и провел три последних месяца своей жизни. За день до этого он отдал приказ о прекращении наступления в Арденнах и приказал начать переброску 6-й танковой армии на Восточный фронт.

На южном крыле фронта танковые дивизии Неринга и Заукена сумели совместными усилиями предотвратить развал немецкой обороны, но в центре 46-й танковый корпус не смог оказать длительного сопротивления армиям Жукова и был отброшен на северный берег Вислы, где ему в тыл ударили танки Рокоссовского. В течение этой же недели 4-я армия генерала Госбаха в Восточной Пруссии была оттеснена к Мазурским озерам. День за днем священная для немецких генералов земля Восточной Пруссии тряслась и вздрагивала под гусеницами советских танков. Тысячи немецких беженцев хлынули по дорогам на запад, влача свой скарб на повозках, в детских колясках и тачках, как когда-то, в мае 1940 года, французские и бельгийские беженцы.

На протяжении почти 150 километров между изгибом Нарева и Кельце немецкий фронт был разорван, и за исключением остатков 46-го танкового корпуса у немцев не было мобильных соединений, чтобы сдержать натиск советских войск. Танки Жукова проходили в день до 50–60 километров и 20 января вступили на территорию Германии восточнее города Хоэнзальца.

* * *

С разгромом 46-го танкового корпуса положение немецких армий значительно осложнилось. 22 января правофланговые дивизии 1-го Белорусского фронта установили связь с войсками маршала Рокоссовского в нескольких километрах восточнее укрепленного города Грауденца (Грудзендза). Тем самым, помимо окружения ряда пехотных частей 2-й немецкой армии, Жуков обезопасил правый фланг своих двигавшихся на запад основных сил для нового броска вперед. Когда 17–18 января в генеральном штабе ОКХ установили, что в авангарде русских войск наступают 1-я и 2-я гвардейские танковые армии и несколько танковых корпусов, имперские руководители в Берлине смогли составить некоторое представление о размерах надвигавшегося на них бронированного клина — не менее 1800 танков, из которых около 600 составляли новые грозные «тридцатьчетверки», вооруженные 85-мм орудиями. Советские танкисты полностью овладели техникой прорыва немецкой противотанковой обороны, и их бригады действовали как самостоятельные единицы, совершая стремительные рейды и обходные маневры в тылу немецких войск, впереди и на флангах основного ядра, в состав которого входили более медленные тяжелые танки ИС-2.

Дважды в день немецкие штабисты отмечали на карте в штаб-квартире ОКХ в Цоссене границы продвижения передовых русских соединений. Группа армий «Центр» была буквально раздроблена на части, ее штаб с остатками четырех дивизий отброшен на север в Восточную Пруссию. Только 24-я танковая дивизия и дивизия «Великая Германия», с боями отходившие на запад, обеспечивали локтевую связь между войсками генерала Рейнгардта и дивизиями группы армий «А» генерала Гарпе в южной части Польши. Затем 22

января советское командование несколько изменило направление удара.

Часть советских соединений устремилась на север, следуя вдоль левого берега Вислы, там, где река в районе Бромберга (Быдгощи) меняет направление своего течения почти под прямым углом. Здесь местность была открытой и ровной. Четыре с половиной года назад, в сентябре 1939 года, на этой равнине немецкие танковые дивизии разнесли в кровавые клочья польскую кавалерию. Почва была твердой, слегка покрытой мелким снегом. Зимнее солнце сияло в безоблачном небе, по ночам температура опускалась до 20 градусов ниже нуля.

В отличие от западных армий передовые отряды советских соединений обладали значительной огневой и ударной мощностью. Танковые бригады имели батальон мотопехоты, артиллерию, в том числе самоходную, но главной пружиной развития наступления после выхода на оперативный простор были грозные «тридцатьчетверки». Они использовались, казалось, для выполнения всех оперативных и тактических задач, которые в западных армиях поручались специальным частям и специализированным боевым машинам. Т-34 вели глубокую рекогносцировку, закопанные в землю, они служили долговременными огневыми точками, выстроенные в шеренгу — артиллерией; ими пользовались как тягачами, бульдозерами, на своей плоской «спине» они несли десант автоматчиков, а в случае необходимости — и закрепленные цепями ящики с боеприпасами. Одним словом, это было исключительно прочное, надежное и многоцелевое орудие войны. Те немногочисленные первые «тридцатьчетверки», вызвавшие такую тревогу среди немцев на фронте под Москвой осенью 1941 года, породили на свет многочисленное потомство. Лишь с января по декабрь 1944 года их было выпущено около 22 тысяч. Столь широкое и разнообразное применение одного типа боевой машины уже само по себе давало русским значительные преимущества с точки зрения обеспечения их горючим, боеприпасами и запасными частями.

Две недели спустя после начала наступления советские войска, оставив позади освобожденную польскую территорию, вступили в пределы самого рейха. Из всех земель «Великой Германии» Померания и Силезия наименее пострадали от воздействия войны. Сюда в мирные городки эвакуировали население, здесь находились процветающие

новые промышленные районы, небольшие военные заводы и фабрики, перебазируемые подальше от воздушных налетов стратегической авиации союзников. Теперь война огненным валом прокатилась по этой тихой местности. Конечно, для гражданского населения этих районов приход советских войск был драматическим и вызывающим страх событием. Однако последствия вторжения советских армий в Германию никоим образом нельзя сравнивать с поведением нацистов в Польше в 1939 году или в Белоруссии и Прибалтике в 1941 году.

Зверства частей и подразделений СС, систематически уничтожавших школьников и детей и сжигавших больницы и госпитали вместе с больными и медицинским персоналом, были проявлением запланированной политики террора, которую «оправдывали» наспех состряпанными расистскими теориями, но претворяли в жизнь с изощренным и садистским наслаждением.

Допускавшиеся советскими солдатами эксцессы носили случайный, а не преднамеренный характер. Подобные проступки, чреватые нарушением военной дисциплины периодически сурово карались советской военной полицией. Нельзя забывать, что советские солдаты перенесли годы лишений и физической опасности, что они научились ненавидеть врага и многие из них имели глубокие личные мотивы для мщения немцам.

Высокие темпы наступления советских войск в определенной мере объясняются неудачной диспозицией немецких армий. Главный удар советское командование нанесло по центральному сектору немецкой обороны в Польше, имевшему наибольшее стратегическое значение. Длинное левое крыло фронта, тянувшееся вдоль границ Восточной Пруссии вплоть до Балтийского моря, обороняло около 50 немецких дивизий. Но в своем большинстве то были пехотные дивизии, достаточно сильные для оборонительных операций, но не мобильные и не сведенные в кулак, чтобы создать угрозу правому флангу советских армий, наступавших в западном направлении южнее границ Восточной Пруссии. На центральном же направлении поредевшие немецкие танковые дивизии, ведя непрерывные оборонительные бои, теряли экипажи и танки, не имея возможности собраться с силами для контрудара.

Немцам было действительно необходимо уплотнить оборону, обеспечить ей глубину, чтобы суметь задержать продвижение русских

и попытаться разбить их авангард. На карте глубоко вбитый русский клин выглядел весьма уязвимым. Немецкие войска все еще удерживали свои оборонительные рубежи у основания клина около Мазурских озер и Карпатских гор. Правда, у них уже не было сил, чтобы подрубить его здесь у основания, но, по мнению Гудериана, имелась возможность отсечь его острие сходящимися ударами из Померании и района Глогау (Глогув) — Котбус на юге. К этому времени коммуникации наступающих советских войск растянулись на сотни километров по разрушенной и покрытой льдом и снегом польской земле, а танковые армии должны были устать от трехнедельных непрерывных боев. В своем дневнике Гудериан дважды отмечал, что Жуков, видя слабость немцев, действует все решительнее и рискованнее. Разгромить наступающие советские армии немцам было не под силу, но можно было попытаться нанести успешный контрудар, подобный тому, который удался Манштейну в феврале — марте 1943 года на Северском Донце.

С этой мыслью главное командование сухопутных войск решило создать новую группу армий для обороны центрального и северного секторов фронта, тем более что в ходе отступления структура командования оказалась дезорганизованной. По замыслу Гудериана, разбитую в боях группу армий «Центр» следовало расформировать, а ее уцелевшие соединения поделить между группой армий «Север»^[246] и вновь создаваемым командованием «Висла». Отброшенные на юго-запад к реке Варте дивизии можно будет усилить за счет сравнительно уцелевшей группы армий «А» генерала Гарпе и переименовать в группу армий «Центр». Оборона ключевого сектора фронта между Познанью и Грауденцем поручалась новой группе армий «Висла». Первоначально в ее состав должны были войти потрепанные в боях части двух соседних фронтов, но Гудериан планировал включить в нее все прибывающие с Запада резервы, включая 6-ю танковую армию Зеппа Дитриха,^[247] чтобы накопить силы для контрудара.

Возглавить эту группу войск по замыслу ОКХ должен был штаб группы армий «Юго-Восток» генерал-фельдмаршала Вейхса, который после разгрома немцев на Балканах оказался не у дел. Но когда Гудериан 24 января внес это предложение на рассмотрение Гитлера, последний ответил, что «Вейхс производит впечатление усталого человека. Я не верю, что он может справиться с этой задачей».

Дав затем нелестную оценку «профессиональным генералам», фюрер объявил свое решение: оборона этого важнейшего сектора фронта будет вверена нацистской партии и войскам СС, верность которых никогда не вызывала сомнений. Естественно, что командование этими войсками может быть поручено только рейхсфюреру СС Гиммлеру, единственному офицеру «третьего рейха», которому он, Гитлер, полностью доверяет, — «верному Генриху».

Гитлер далее заявил, что Гиммлер сформирует свой собственный штаб из офицеров СС, и лишь после многочасового спора согласился с просьбой Гудериана о прикомандировании к новому штабу нескольких кадровых офицеров генштаба ОКХ.

Поступавшие с фронтов ежедневные сводки бесстрастно свидетельствовали о том что оперативная обстановка складывается одинаково неблагоприятно как для «профессиональных солдат», так и для «партийных офицеров» Особенно неутешительными были сообщения с фронта группы армий «Висла», где новое командование не сумело еще полностью организовать оперативное руководство переданными ему двадцатью с лишним дивизиями. В частности, в весьма тяжелом положении оказалась 111-я танковая дивизия, находившаяся вместе с двумя ослабленными пехотными дивизиями на правом берегу Вислы южнее города Мариенвердер, где она неожиданно подверглась удару танковых бригад 2-го Белорусского фронта, после того как главные силы этого фронта 20 января в результате одного из молниеносных оперативных маневров, которыми мастерски владело Советское Верховное Главнокомандование, повернули на север.

Однако ожидать быстрой реакции от командования группы армий «Висла» было невозможно. 111-я дивизия сообщила о русском наступлении в 04.35 26 января, но никаких указаний от штаба не получила: связь не работала, к тому же в этот день Гиммлер перебазировал свою штаб-квартиру в Орденсбург-Крёссинзее в Восточной Померании. Ночью дивизия отошла на восток — и, как оказалось, вовремя, поскольку на следующее утро танки русских, нанеся удар в северо-восточном направлении, перехватили ее арьергард и отбросили две пехотные дивизии немцев к Висле. К полудню советские танкисты оставили позади Мариенбург, а

передовые отряды русских еще ранее вышли к Мюльхаузену в 30 километрах от побережья Балтийского моря.

Когда Гиммлеру доложили о глубине прорыва советских войск, рейхсфюрер СС приказал своим частям оставить линию обороны, тянувшуюся от Торна к Мариенвердеру. В результате сильный опорный рубеж немцев в нижнем течении Вислы был преждевременно сдан перед лицом мнимой угрозы: на этом участке русские наносили удар не по фронту группы армий «Висла», а наступали параллельно ему в северном направлении, чтобы изолировать немецкую группировку в Восточной Пруссии. Немецкий фронт вновь был разорван на части, а группа армий «Висла» оказалась вынужденной помимо обороны ключевого центрального сектора принимать меры по защите своего северного фланга.

Критическое положение этой группы армий еще более осложнилось в результате прорыва русских на ее крайнем южном фланге. Здесь район между Одером и Вартой прикрывала полоса долговременных оборонительных укреплений, построенных еще в конце 20-х годов против Польши. Мезерицкий укрепленный район был хорошо спланирован, а сами железобетонные форты и доты добротно и прочно построены. Однако в 1943 году большинство орудий сняли и перебросили на «Атлантический вал». Гарнизон Мезерицкого укрепленного района состоял из четырех полков «фолькештурмистов», и его боеспособность была невысокой. Тем не менее на штабных картах этот оборонительный рубеж и его гарнизон выглядели достаточно внушительными, и в те последние критические дни января «Вартинский вал» служил опорным рубежом для южного фланга группы армий «Висла» и северного фланга группы армий «Центр». Пока Познань в 50 километрах к востоку от укрепленного района оставалась в руках немцев, можно было рассчитывать, что натиск советских войск разобьется об этот город-крепость и не обрушится всей мощью на «Вартинский вал». Однако к 27 января стало очевидным, что стремительно наступающие колонны танков Жукова просто обошли Познань, оставив блокирующий заслон.^[248] 28 января русские захватили первый плацдарм на верхнем Оudere в Любене и было ясно, что через двое суток они приступят к штурму «Вартинского вала».

В Мезерицкий укрепленный район срочно выдвигался 5-й корпус СС (фактически разношерстное сборище карательных отрядов,

переброшенных из Югославии). Но прежде чем эсэсовцы сумели закрепиться на своих позициях, командир корпуса группенфюрер Вальтер Крюгер, выехавший на рекогносцировку, подвергся неожиданному нападению русских, причем в его автомашине была захвачена подробная карта укрепрайона. 30 января советские войска, сломив сопротивление гарнизона, преодолели «Вартинский вал», и во второй половине дня советские танки захватили Швибус и Циллихау.

В результате этой новой катастрофы оба фланга группы армий «Висла» повисли в воздухе, а генерал Шернер, командующий группой армий «Центр», был вынужден оттянуть назад свой левый фланг. Между двумя группами немецких армий вновь возникла брешь в которую устремились танковые корпуса 1-го Белорусского и 2-го Украинского фронтов, тандемом выходявшие на восточный берег Одера между Кюстрином и Глогау. Наглядное представление о развале немецкой обороны дает тот факт, что на аэродроме в Ольсе советские танкисты захватили 150 исправных самолетов, включая 119 четырехмоторных бомбардировщиков и дальних морских разведчиков «Фокке-Вульф-200» «Кондор» — всю «эскадру поддержки подводных лодок», которую немцы собрали для возобновления подводной войны в Атлантическом океане.

В этот момент, когда русские войска втягивались в междуречье между Одером и Вартой, уязвимость флангов их гигантского выступа напоминала положение 6-й немецкой армии в излучине Дона, когда она выходила к Сталинграду. Вопрос заключался в том, обладают ли обороняющиеся достаточными силами, а наступающие чрезмерной самоуверенностью, чтобы позволить этому историческому совпадению оставить свой отпечаток на оперативной карте сражений второй мировой войны.

Начальник генерального штаба ОКХ Гудериан понимал, что советские войска, даже в эти победные для них дни, должны были устать. Он видел, как далеко они продвинулись с боями на запад, как много крупных очагов сопротивления осталось в кильватере их наступления. Как танкист, он знал, когда изнашиваются траки гусениц, экипажи выматываются до предела, а материальное обеспечение войск падает ниже безопасного уровня. Он также отдавал себе отчет в том, что фактор времени решающим образом скажется на выборе правильного момента для контрудара. Однако на совещании у Гитлера

его ждало очередное разочарование: фюрер решил направить 6-ю танковую армию СС, передовые части которой должны были прибыть с Западного фронта на следующий день, вместо Одера в Венгрию для деблокады Будапешта.

В поисках выхода Гудериан (который 25 января безуспешно пытался склонить Риббентропа пойти к Гитлеру и предложить начать переговоры с западными державами об одностороннем перемирии) обратился к министру вооружений А. Шпееру, в котором нашел более убежденного и решительного сторонника. Шпеер составил докладную записку, основанную исключительно на анализе экономического положения и лишенную даже косвенной критики военного гения Гитлера. Записка начиналась категорическим заявлением: «Война проиграна». Когда Гудериан передал ее фюреру как «чрезвычайно важный документ, представляемый по настоятельной просьбе министра вооружений», Гитлер, бросив взгляд на первое предложение записки, молча запер ее в сейф. Через несколько дней Шпеер, не получив ответа, попытался попасть к фюреру для личной беседы, но Гитлер отказался его принять, заявив: «Он вновь будет говорить мне, что война проиграна и что я должен кончать ее». Тогда Шпеер передал экземпляр своей докладной записки адъютанту и попросил передать ее Гитлеру. Фюрер, не взглянув на записку, приказал положить ее в сейф. Обернувшись к Гудериану, немецкий диктатор сказал: «Теперь вы понимаете, почему я не хочу никого принимать для личной беседы. Тот, кто хочет говорить со мной с глазу на глаз, всегда намеревается сказать мне что-то неприятное. Этого я не могу переносить».

Наступавшие южнее 1-го Белорусского фронта армии маршала Конева, проделав меньший путь и встретив меньшее сопротивление, сохранили высокую боеспособность и в третьей декаде января широким фронтом выходили на Одер.

20 января Конев отдал приказ 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко, двигавшейся вместе с 52-й армией генерала Коротеева к Бреслау (Вроцлав), повернуть свои войска на юго-восток и наступать вдоль Одера, чтобы очистить от немцев берег реки и выйти в тыл 1-й танковой и 17-й армиям немцев. Эти армии бы изолированы от остальных сил генерала Гарпе в район Катовице, но сумели пробиться на юг и ускользнуть Карпаты. В официальной советской истории второй мировой войны, правда, отмечается, что советское

командование намеренно оставило коридор для выхода этих полуокруженных немецких войск из Силезского промышленного бассейна.^[249] Не удалось русским и ликвидировать все немецкие опорные пункты сопротивления на левом берегу Одера. Бреслау останется занозой в теле русских армий до 6 мая, Глогау — до 17 апреля.

В это время советское командование стало проявлять беспокойство по поводу сильно растянувшегося северного фланга 1-го Белорусского фронта и громадного разрыва в Померании между войсками Жукова и армиями 2-го Белорусского фронта. Фронты Рокоссовского и Черняховского получили приказ ускорить очищение от врага Восточной Пруссии. Предусмотрительность, которая побуждала Сталина даже в самые трудные дни войны держать в своих руках резерв из 10–20 дивизий, подсказывала ему сейчас действовать осторожно перед последним натиском на загнанного в угол врага. Этой осторожности, видимо, сопутствовал ряд факторов. Во-первых, упорство, с которым немцы сопротивлялись не крайних флангах Восточного фронта — в Курляндии и Венгрии, свидетельствовало, что враг еще далеко не добит и, возможно, вынашивает коварные планы. Сила немецкого контрнаступления в Арденнах в гораздо меньшей мере явилась неожиданностью для русских, чем для объединенного американско-английского командования. Во-вторых, советские армии уже терпели тактические неудачи, которые были связаны с чрезмерной самоуверенностью при наступлении, растянутостью флангов и отрывом от баз снабжения, как это было в феврале 1943 года на Северском Донце, когда немцы вновь захватили Харьков. В-третьих, в расчетах русских присутствовал и политический элемент: даже небольшая неудача, например вынужденный отвод войск обратно в Польшу, могла ослабить их влияние за столом мирных переговоров.^[250] Союзники еще не начали своего наступления на Западе, и русские могли позволить себе укрепиться на своих плацдармах на Одере, менее чем в 70 километрах от Берлина, и сосредоточить силы перед последним решающим броском.

С учетом этих соображений русские перешли к обороне на западном фланге своего выступа и начали перегруппировку войск.

Гудериан ставил перед собой ограниченные задачи: отсечь острие выступа и «проучить» русских, выиграв тем самым не столько

пространство, сколько время — два-три месяца, в течение которых Восточный фронт можно будет реорганизовать, а западные союзники, возможно, «образумятся». Этого он как раз и хотел достичь.

Во время первой недели февраля еще две танковые дивизии были сняты с Западного фронта и сосредоточены на учебном полигоне в Крампнице. Там их вооружили новыми «тиграми» и даже тяжелыми самоходными орудиями «ягдтигр» в дополнение к уже имевшимся «пантерам» и штурмовым орудиям.

8 февраля на очередном вечернем совещании у фюрера Гудериан, ссылаясь на необходимость создания резервов для обороны Берлина, поднял вопрос об эвакуации немецкой группировки из Курляндии. Вспыхнувший спор скоро перерос в очередную бурную сцену, в ходе которой Гитлер обрушился на начальника генштаба ОКХ с «такой необычной яростью», что Геринг был вынужден, схватив Гудериана за рукав, увести его в соседнюю комнату и предложить для успокоения выпить чашку кофе. Когда Гитлер вновь вызвал Гудериана, а тот вновь затронул вопрос об эвакуации Прибалтики, фюрера охватил новый приступ ярости. «Он стоял передо мной, — пишет Гудериан, — с поднятыми кулаками, а мой добрый начальник штаба Томале тащил меня назад за фалды мундира, боясь, что между нами начнется рукопашная схватка».

Так деградировала нацистская верхушка: кричали и вопили, толкали и тащили друг друга за фалды мундира успокаивали и утешали чашкой кофе. Они напоминали не столько сатрапов восточного деспота, сколько прислугу в дворницкой в выходной день. Но не надо заблуждаться. Это были те самые люди, которые пользовались абсолютной властью, имели право грабить и убивать — «ликвидировать» — по своей прихоти. Теперь они были перепуганы. Леденящий сквозняк цепенил их, и он дул из могилы. «Если мы проиграем эту войну, да сжалится тогда над нами Небо». [\[251\]](#)

Во второй неделе февраля войска 1-го Украинского фронта, возобновив наступление, провели операцию по окружению Глогау и Бреслау, а затем отбросили группу армий «Центр» к реке Нейсе.

С учетом этих событий Гудериан решил временно отказаться от идеи нанесения двух сходящихся ударов и сосредоточить силы для одного флангового удара из лесного района Арнсвальде по вырвавшимся к Одру войскам маршала Жукова. Если контрудар

окажется успешным, то тогда ему будет легче получить согласие Гитлера на удар 6-й танковой армии СС по южному флангу русского выступа, а попытке русских отступить за Одер воспрепятствуют немецкие гарнизоны в Глогау и Бреслау.

Для своего контрнаступления в Померании немцы сумели, несмотря на все трудности, собрать мощный ударный кулак. Из Пиллау в Восточной Пруссии была переброшена 3-я танковая армия Рауса в составе трех с половиной дивизий, которой были приданы еще две танковые дивизии, подтянутые из Крампница. Одновременно Гиммлер и его штаб во исполнение приказа Гитлера собрали достаточно эсэсовских частей и подразделений, чтобы создать новую 11-ю армию СС под командованием обергруппенфюрера Штейнера.

Последнее наступление немецких сухопутных войск во второй мировой войне началось 16 февраля.

Основной ударной силой наступающих войск были шесть танковых дивизий восстановленной 3-й танковой армии Рауса, но фактически эта армия была всего лишь тенью боевой мощи вермахта тех ранних, менее критических сражений.

Дивизии имели в своем составе лишь по два батальона танков, и только три дивизии были оснащены «пантерами», три другие имели на вооружении танки Т-IV и некоторое количество «тигров». Поддержка с воздуха практически отсутствовала — горючего хватало только для танков. Экипажи имели приказ сливать бензин из подбитого танка, «как только огонь противника ослабнет». Часть пополнений, в спешке набранных из технического состава люфтваффе и полицейских частей, не имела боевого опыта и необходимых навыков эксплуатации танков и другой техники в боевых условиях. Тем не менее морально-боевой дух войск, если и не был «высоким» в обычном смысле слова, имел тот налет отчаянной решимости, которая способна воодушевить солдат на безудержный порыв и так же внезапно привести к полному развалу и краху.

Русский фронт в районе Арнсвальде прикрывали пехотные части и легкий заслон из 76-мм противотанковых орудий. Основные силы 47-й армии с приданными ей «тридцатьчетверками» находились в глубине обороны. Бригады 1-й и 2-й гвардейских танковых армий были выведены с плацдармов на Одере и дислоцировались в районе Мезереца, Швибуса и частично около Познани.

Поэтому в первый день немецкое наступление развивалось успешно. Заминировав подступы к деревням и перекресткам дорог и организовав оборону, русские сумели сдержать натиск немцев огнем артиллерии, противотанковых орудий и гранатометов. Но там, где местность была открытой и за лесом шла равнина, немецкие танки углубились в оборону русских на 10–20 километров и потеснили 47-ю армию. Немцам было исключительно важно в первые же дни разгромить советские танковые соединения. Нехватка горючего, недостаточная подготовка войск и неспособность вести затяжные бои настоятельно требовали от немцев добиться решающего успеха, прежде чем Жуков сможет принять контрмеры. 17 февраля казалось, что это возможно. Были взяты первые пленные. Танки 4-й дивизии СС, рвавшиеся к Варте северо-западнее Ландсберга, завязали артиллерийскую дуэль с группой советских ИС-2 и заставили их отойти. Однако зондирующие атаки немцев через Одер южнее Кюстрина показали, что Жуков не собирается оттягивать войска назад с плацдармов из-за возникшей угрозы на правом фланге фронта.

Сведения о начале наступления армии Рауса вызвали немедленные ответные шаги со стороны советского командования. Войска 2-го Белорусского фронта усилили нажим на 2-ю армию Вейхса в Померании. Координация действий между фронтами Жукова и Рокоссовского упростилась ввиду капитуляции 14 февраля крупного немецкого гарнизона в Шнейдемюле — важном центре железных и шоссейных дорог. Через четыре дня немецкое наступление — самое короткое и наименее успешное из всех наступлений вермахта — выдохлось.

Гитлер, на которого обычно валят всю вину за военное поражение Германии во второй мировой войне, несомненно, должен нести значительную долю ответственности за крах группы армий «Висла» и срыв плана контрнаступления. Но прежде чем осудить это как легкомысленную безответственность и продукт озлобленного и нездорового ума, следует попытаться выявить стратегические намерения фюрера в тот период. Есть сведения о двух из них — военном и политическом. Гросс-адмирал Дениц убедил Гитлера, что его новейшие «электрические» подводные лодки станут в руках Германии оружием, способным принести ей военную победу, и что удержание Балтики (особенно Данцигской бухты) необходимо для

обеспечения спокойного района гарантийного плавания новых подводных лодок и «притирки» к ним экипажей.

Второй замысел Гитлера не столь невероятен, хотя элемент фантазии в нем все же присутствует. Гитлер всегда усматривал в себе сходство с Фридрихом Великим, сочетавшим военную храбрость с политической ловкостью, и нарастающие успехи созданной против него коалиции усиливали эту иллюзию. Хотя фюрер никогда не открывал своих тайных замыслов генералам, уцелевшие фрагменты его бесед с нацистскими главарями дают основания предполагать, что его кажущиеся странными приказы о дислокации немецких войск того периода были актом обдуманного политического расчета. Эта беседа состоялась вечером 27 января.

«Гитлер. Неужели вы думаете, что англичане искренне восхищены всеми этими русскими успехами?

Йодль. Нет, конечно, нет. Их планы были совсем иными. Через некоторое время они, видимо, полностью это осознают.

Геринг. Они не рассчитывали на то, что мы будем сражаться за каждый шаг и сдерживать их на Западе как одержимые пока русские все дальше и дальше углубляются в Германию.

Гитлер. Если русские объявят о создании национального правительства Германии, тогда англичане действительно испугаются. Я приказал подбросить им сообщение, что русские формируют армию из 200 тысяч немцев под командованием немецких офицеров, полностью зараженных коммунизмом, и что эта армия вступит в Германию... Это окажет на них такое же воздействие, как если бы в них всадили иголку.

Геринг. Они вступили в войну, чтобы помешать нам двигаться на Восток, а не затем, чтобы Восток вышел к Атлантике... Если так будет продолжаться, мы через несколько дней получим телеграмму...»

Записей о продолжении этой вечерней беседы не имеется, но примечательно, что на следующий день Гитлер объявил Гудериану о своем решении направить 6-ю танковую армию СС Зеппа Дитриха в Венгрию, вместо того чтобы передать ее группе армий «Висла».

Таким образом, нацистские главарь даже после четырех лет войны были способны вынашивать фантастические планы, согласно которым государства — члены антигитлеровской коалиции поодиночке или

сообща вступят с ними в переговоры, и серьезно верили в это. В конце концов, они были признанным правительством «рейха». Они имели на руках (или так считали) достаточно крупные козыри: мощную и дисциплинированную армию, послушное им 80-миллионное население и жизни еще 50 миллионов людей как заложников. Они по-прежнему обладали силой уничтожать и разрушать.

Помимо всего прочего, эти люди, которые преуспели и достигли власти (причем им охотно помогали одерживать одну победу за другой) благодаря жупелу угрозы коммунизма, вызывавшему сумятицу и раскол в рядах их противников, не могли отрешиться от того, что они единственная альтернатива большевистскому хаосу.

Но в последние дни февраля в Берлине начали осознавать значение решений Ялтинской конференции. Стало ясно, что союзники намерены сохранить единство цели — и этой целью, провозглашенной в Касабланке, была «безоговорочная капитуляция». Последствия были очевидными. Нацистские главы теперь боролись за свою жизнь. С этого момента их приказы сражаться За каждый метр земли несут на себе печать отчаяния, близкого к заклинанию, а война на Востоке вступит в свою завершающую и наиболее ожесточенную фазу.

* * *

Когда потрепанные танковые дивизии немцев отступили назад в Померанию, вместе с ними в глубь Германии устремилась масса людей — дети, старики, раненые переодетые дезертиры, иностранные добровольцы, насильно вывезенные из других стран рабочие. Эта кишащая масса людей запрудила дороги и проселки. Немецкая земля, столь долго избегавшая возмездия за грехи своих сынов, стала свидетельницей сцен, напоминавших ужасы Тридцатилетней войны и рисунки Гойи, — насилия, грабежей, бандитизма и вандальских разрушений. Присущая нацистской Германии жажда крови, которая, словно быстро разрастающаяся раковая опухоль уничтожила миллионы людей поработенных стран обернулась теперь против самой «расы господ». Фольксштурмисты, спешившие к Одру, видели висевшие на фермах взорванных мостов трупы «мятежников», своих бывших товарищей по оружию, которые были казнены специальными военно-полевыми трибуналами, разъезжавшими по военной зоне и по своему усмотрению выносившими приговоры и тут же приводившими

их в исполнение. Каждое дерево на аллее Гинденбурга в Данциге было использовано как виселица и украшено гирляндой повешенных солдат с приколотыми к мундирам картонками: «Я повешен здесь, потому что покинул свою часть без разрешения».

Многие из этих «дезертиров» были школьниками, призванными на службу в части ПВО, которые заглянули на час-другой к своим родителям, чтобы похвастаться своей новой военной формой. Но на их протесты и просьбы не обращали внимания: расистские «тевтонские традиции» требовали уничтожения даже родственников тех, кто, не получив ранения, сдавался в плен.

Уничтожались не только дезертиры. Спекулянты, распространители слухов, люди, запасавшиеся продовольствием, и даже те, кто, сменив адрес, не уведомил об этом гауляйтера, также находились под угрозой смертной казни.

В конце февраля началась оттепель, лед на Одере покрылся трещинами, и через несколько дней неустойчивый фронт группы армий «Висла» получил дополнительное прикрытие в виде быстро текущей широкой реки, а к северу потрепанные остатки 3-й танковой армии Рауса и поддерживавшие ее пехотные дивизии получили временную передышку в связи с начавшейся распутицей.

Гудериан отметил в своем дневнике, что сохранявшийся до сих пор высокий боевой дух эсэсовских дивизий начал падать. Хотя «танкисты» продолжали упорно сражаться, целые дивизии СС, используя это прикрытие, отступали вопреки приказам».

Посетив штаб Гиммлера в Пренцлау 18 марта и найдя положение «хаотичным», Гудериан (предварительно договорившись с симулировавшим заболевание Гиммлером) в этот же вечер отправился к Гитлеру и предложил освободить «перегруженного разными должностями» рейхсфюрера СС от обязанностей командующего группой армий «Висла», а на его место назначить генерал-полковника Хейнрици, командующего 1-й танковой армией. Гитлер неохотно согласился.

Но в этот момент резкое ухудшение оперативной обстановки на Восточном фронте, обострив антагонизм среди нацистских руководителей, вызвало очередной раунд увольнений и перестановок.

[\[252\]](#) Маршал Жуков, сосредоточив крупные танковые силы — 1515 танков и самоходно-артиллерийских установок, начал 1 марта

наступление в Восточной Померании во взаимодействии с не менее крупной группировкой войск 2-го Белорусского фронта. Вскоре советские танки прорвались к побережью Балтийского моря по обе стороны Кольберга и вплотную подошли к Штеттину. Было очевидным, что решающий штурм немецких позиций на Одере не за горами.

В середине марта в штаб группы армий «Висла» поступило сообщение, что советские войска нанесли со своих двух небольших плацдармов за Одером два сходящихся удара и окружили город-крепость Кюстрин. Судьбой окруженного кюстринского гарнизона заинтересовался сам фюрер, ибо защитники города были исключительно «надежной» силой. Это была надежность особого сорта — она гарантировалась судьбой, которая ожидала солдат гарнизона, если они попадутся в руки Красной Армии. В ловушку попал не кто иной, как бывший начальник гестапо Варшавы Рейнефарт с четырьмя полицейскими карательными батальонами, одетыми в форму, которая сулила им незавидную участь. Гитлер лично занялся проблемой деблокирования этого города-крепости. Он приказал Гудериану проследить за тем, чтобы командующий 9-й армией генерал Буссе немедленно прорвал кольцо окружения, а также организовать силами пяти дивизий дополнительный контрудар из района Франкфурта.

Через несколько дней дивизии 9-й армии перешли в наступление. Но к этому времени на советских плацдармах на Одере имелось достаточное количество войск и, несмотря на отчаянные усилия немцев, все их атаки были отбиты с тяжелыми для них потерями. Фактически уже через сутки стало очевидным, что наступление под Кюстрином провалилось.

28 марта раздосадованный Гитлер вызвал к себе в бункер на совещание Гудериана вместе с Буссе. Едва командующий 9-й армией начал доклад, как фюрер прервал его, обвинив в халатности и чуть ли не трусости. Гу-дериан возражал, началась шумная словесная перепалка. Наконец Гитлер попросил всех присутствующих, за исключением Кейтеля и Гудериана, покинуть помещение и, когда те вышли в приемную, обратился к Гудериану со словами: «Генерал-полковник, ваше здоровье говорит мне, что вы нуждаетесь в немедленном шестинедельном отпуске».

С отставкой Гудериана руководство военными операциями полностью перешло в руки «нацистских генералов».

* * *

В марте 1945 года грохот русских пушек уже был слышен в Берлине. Над черно-серым городом с его разбитыми домами и мокрыми от дождя и снега улицами день и ночь выли сирены. На восток, в сторону фронта, двигались бесконечные вереницы «подкреплений»: отряды «гитлерюгенд», ученики-ремесленники, иностранные «бригады», сброд, набранный в тюрьмах, раненые из госпиталей — все они должны были занять свои места в оборонительном заслоне, выставленном против готовящихся к наступлению армий Жукова и Конева. На Западном фронте американско-английские войска в конце марта переправились через Рейн. Было ясно, что вермахт уже не способен организовать оборону на всем протяжении линии фронта, тянущейся от Северного моря на юг, и что с военной точки зрения война проиграна.

В течение марта русские ограничивали свои действия тем, что расширяли и укрепляли плацдармы на западном берегу Одера и очищали от немецких войск свой правый фланг и Балтийское побережье между Штеттином и Данцигом. Три фронта — Рокоссовского, Жукова и Конева — располагали более чем 70 танковыми бригадами, но из них лишь 25 принимали участие в боях. Остальные были сконцентрированы в двух клиньях, которые готовились нанести удар севернее и южнее Берлина и сомкнуться западнее города. Ставка Верховного Главнокомандования была полна решимости сделать Берлинскую операцию последней битвой.

В феврале 1945 года Риббентроп в порядке подготовки своего «дипломатического сальто-мортале» направил Ватикану и правительству Швейцарии меморандум. В этом довольно путаном документе Риббентроп «грозил», с одной стороны, «отдать Германию» русским, а с другой — предлагал переключить всю мощь вермахта «на борьбу против большевистского потопа». Хотя посольства этих нейтральных государств, несомненно, желали успеха сделке подобного рода, особых иллюзий насчет ее приемлемости для Запада они не питали, и Риббентроп был вынужден дополнить свой документ рядом приписок, обещавших (хотя какие он имел на это полномочия, неясно), что «национал-социалистское правительство уйдет в отставку» и что «преследование евреев и политических противников прекратится».

Наступил апрель, дни стали длиннее, советское командование завершило отработку плана наступления на Берлин, и стрелки часов неумолимо отсчитывали последние часы вермахта. Немцы продолжали стягивать к фронту на Одере дополнительную технику — от новейших самоходок «ягдтигр», вооруженных 128-мм орудиями с инфракрасными ночными прицелами, до трофейных французских винтовок времен первой мировой войны, которые они хранили на складах с 1940 года, — и резервные части: «фольксштурм», «фольксгренадеры», остатки полевых дивизий люфтваффе, специальные полицейские роты, охранники концлагерей, гауляйтеры со своими штабами. По ночам советские патрули за Одером вели разведку боем. В течение дня советские батареи периодически обрушивали на немецкие позиции шквал огня и стали.

Затем 16 апреля немецкий фронт испытал всю тяжесть двойного удара армий Жукова и Конева,^[254] бросивших в бой на 60-километровом фронте между Шведтом и Франкфуртом и между Форстом и Герлицем более трех тысяч танков. Хотя в этом сражении у русских было меньше боевых машин, чем в некоторых гигантских битвах 1943 года и в январских боях на Висле, их танки были первоклассными — ИС-3, Т-34-85 и смертоносные самоходные установки ИСУ-122, которые имели лучшие орудия, чем все немецкие танки, за исключением «ягдтигра». Как по численности, так и по мощи огня советские бронетанковые войска имели подавляющее превосходство над танковыми соединениями и частями вермахта, которые были разбросаны по всей линии немецкой обороны.

Войсковые номера этих соединений и частей на настенной карте в штабе ОКБ выглядели все еще внушительно, но фактически за ними скрывались лишь остовы некогда прославленных и грозных дивизий. Через четыре дня советские танки, прорвав немецкие оборонительные позиции на Одере, вырвались на открытую местность Померании, оставив пехоту добивать упорно сопротивлявшихся немцев в своем тылу. «Один народ, одна империя, один фюрер» — для всех трех пробил час расплаты.

Первоначально фюрер собирался уехать в день своего рождения — 20 апреля — в Оберзальцберг, и часть его личной свиты уже отбыла туда несколькими днями ранее. Но 18 апреля советские танки ворвались в Эберсвальде к северу и захватили Котбус к югу от Берлина. Выйдя на оперативный простор, они стремительно продвигались на запад, в то время как американские войска в ряде мест достигли Эльбы. Было ясно, что Германия вот-вот будет расчленена на две, а затем и на несколько частей.

Поэтому многие высшие нацистские сановники, присутствовавшие в бункере на дне рождения фюрера, хотели, чтобы он немедленно уехал в Альпы, где может быть обеспечена его личная безопасность (а в связи с переездом правительства и их тоже). Однако Гитлер пока не принял окончательного решения об эвакуации. Самое большее, что он сделал, это назначил двух командующих: генерал-фельдмаршала Кессельринга для юга Германии и гросс-адмирала Деница для Северной Германии. В их руки переходила вся военная и гражданская власть в этих районах. Гитлер заявил собравшимся, что русские «потерпят под Берлином самое кровавое поражение» и что он лично спланировал контрнаступление, которое отбросит их к Одеру, а затем и за Одер. Вечером после окончания «юбилейной» встречи^[255] сотни автомашин с притушенными фарами — грузовики с документами, штабные автомашины с личными вещами, — лавируя между обломками, длинными конвоями потянулись на юг по последней оставшейся пока открытой автострате.

Геринг улетел самолетом в Оберзальцберг. Гиммлер отправился на север в Любек, где в шведском консульстве его ждал граф Бернадотт,^[256] с которым он при посредничестве Шелленберга должен был продолжить переговоры о перемирии с американцами и англичанами. Борман, Геббельс и Риббентроп остались в Берлине.

Теперь будущее Гитлера или, точнее, его решение относительно своего будущего зависело от исхода «наступления Штейнера», намеченного на 22 апреля. Но в данном случае фюрер стал жертвой самообмана. «Армейская группа» эсэсовского генерала Штейнера состояла из остатков пяти моторизованных дивизий СС, численностью каждая немногим более полка, из которых лишь две были немецкими, а остальные укомплектованы иностранными легионерами, стремившимися поскорее избавиться от своих когда-то наводивших страх черных мундиров, а сейчас, как печать Каина, вызывавших всеобщую ненависть. Имевшиеся у Штейнера танковые части уже были брошены в бой и пытались сдержать советский танковый клин, приближавшийся с севера к предместьям Берлина. Штаб Штейнера утратил связь с большинством подчиненных ему соединений, у него не было артиллерии, контактов с командованием люфтваффе, и он теперь получал сбивчивые и противоречивые приказы как от Деница, так и от командующего группой армий «Висла» генерала Хейнрици, помимо тех, которые поступали из имперской канцелярии.

Неудивительно поэтому, что намечавшийся на 22 апреля контрудар «армии Штейнера» так и не был претворен в жизнь. В течение дня поступили лишь отрывочные донесения от отдельных частей, свидетельствовавшие о постепенном и неотвратимом развале берлинского фронта обороны. Советские танки обстреливали Ораниенбург, откуда поспешно эвакуировалось управление концентрационных лагерей, а южнее города советские войска вышли на Эльбу в районе Торгау.

Когда до сознания Гитлера дошло, что день прошел а его приказы — самые важные приказы, которые, как ему казалось, он когда-либо вообще отдавал, — остались неисполненными, фюрер пришел в неопишемую ярость. По сравнению со сценой, которую он устроил на вечернем совещании в конце того же дня, все предшествующие вспышки гнева Гитлера, судя по рассказам очевидцев, казались ничтожными. В течение трех часов участников совещания бросало в дрожь и трепет, и, когда наконец им разрешили разойтись, многие ушли навсегда.

Кейтель и Йодль окончательно покинули бункер 23 апреля и никогда больше туда не вернулись. Внешнему миру Геббельс по радио сообщил, что «фюрер находится в Берлине, что он никогда не оставит

Берлин и будет защищать Берлин до конца». В этот же вечер оставшиеся в бункере офицеры начали жечь документы и архивы.

Худшее было еще впереди. Рейхсмаршал Геринг, узнав об истерической сцене 22 апреля и ухватившись за фразу о «переговорах», которую Гитлер обронил Кейтелю и Йодлю, собрался с духом и направил из Берхтесгадена в бункер телеграмму, смысл которой был ясен: Геринг вступал в наследство как преемник фюрера и хотел взять на себя «общее руководство рейхом с полной свободой действий внутри страны и за рубежом... Если я не получу ответа до 10 часов вечера, я буду считать это подтверждением отсутствия у вас свободы действий и что условия, требуемые в вашем указе, ^[257] имеют место, и буду действовать во имя блага нашей страны и нашего народа».

Борман, которому Гитлер поручил заняться этой проблемой, отдал приказ службе безопасности в Оберзальцберге немедленно арестовать Геринга по обвинению в государственной измене, но Гитлер настоял, чтобы ввиду былых заслуг перед нацистской партией к Герингу не применяли высшую меру наказания. ^[258]

Таким образом, первое желание Бормана сбылось, а через несколько дней сбылось и второе — устранение «верного Генриха». Ибо Гиммлер наконец-то решился взять на себя задачу создания нового правительства Германии — «партии национального союза» (название подсказал Шелленберг), состоявшего в основном из старших офицеров СС.

28 апреля сведения о закулисных переговорах Гиммлера достигли имперской канцелярии — Гитлеру уже не хватало слов, чтобы излить свою озлобленную горечь. ^[259]

Берлин был обречен. Группа армий «Висла» быстро отходила на северо-запад к Балтийскому морю и устью Эльбы. Наиболее сильная группировка немецких войск генерал-фельдмаршала Шернера была изолирована в Карпатах. 22 апреля генерал-фельдмаршал Кейтель лично разыскал и передал командующему 12-й армией генералу Венку, находившемуся на Западном фронте, приказ повернуть свою армию спиной к американцам и идти на помощь осажденному Берлину. Но Венк действовал очень медленно.

Грохот русской канонады был теперь уже слышен в коридорах бункера Гитлера, а к 27 апреля русские танки пробились на

Потсдамскую площадь. В парке имперской канцелярии сквозь треск автоматных и пулеметных очередей можно было слышать лязг их гусениц. Внизу в подземелье человек, который наводил трепет на весь мир, сам дрожал от подступавшей истерии. Его приказы доходили лишь до нескольких частей, в том числе до фанатиков из гитлеровской молодежи, которые продолжали оборону мостов через Шпре до ожидавшегося прихода «армии спасения» Венка. Фюрер, у которого под ружьем все еще находилось почти 6 миллионов человек, едва ли контролировал хотя бы одну дивизию. История не знала столь стремительного взлета, столь абсолютной власти и столь полного краха.

Гитлер заявил, что останется в Берлине и умрет в нем, и он сдержал свое обещание. Он написал завещание отравил свою любимую овчарку, совершил бракосочетание со своей любовницей Евой Браун, удалился к себе в комнату и застрелился. [\[260\]](#)

Его влияние сохранялось еще несколько часов после смерти. Борман, справедливо опасаясь, что сообщение о самоубийстве Гитлера полностью лишит бункер значения как источника власти, продолжал слать телеграммы — Деницу, Кессельрингу, Шернеру, — храня молчание о смерти фюрера. Трупы Гитлера и Евы Браун были перенесены по запасному выходу в сад имперской канцелярии, облиты бензином и сожжены.

Когда пламя погребального костра взметнулось в небо, напряжение, которое держало обитателей бункера и сам рейх в вынужденном послушании, ослабло. И как только новость о смерти Гитлера вышла за пределы бункера, сложная структура командования немецкой военной машины рассыпалась. В лихорадочном стремлении как можно быстрее унести ноги люди срывали с себя мундиры, сбрасывали усы, припрятавали золото и документы, сжигали все инкриминирующие улики — от флагов до любительских кинофильмов. Лишь регулярные части немецкой армии сохранили подобие дисциплины. Но «черные ландскнехты» Гитлера, спасая свою шкуру, проявили завидную прыть.

Некоторым это удалось. Других ждала заслуженная смерть. Особенно позорным и жалким был, пожалуй, конец рейхсфюрера СС Гиммлера. Наголо бритый, в солдатской форме, с черной повязкой на

глазу, он был схвачен англичанами. Нервы его сдали, и он раздавил зубами капсулу с синильной кислотой.

Для Чуйкова, героя Сталинграда, судьба уготовила особую награду — ему предстояло сыграть особую роль.

1 мая 1945 года. Именно Чуйков со своей 8-й гвардейской армией (бывшая 62-я армия в битве на Волге) одним из первых прорвался в центр Берлина. В этот день начальник генштаба сухопутных войск генерал Кребс с тремя другими офицерами поднялся из бункера под белым флагом и отправился к Чуйкову на переговоры о капитуляции.

Кребс, владевший русским языком, пытался с невероятным нахальством начать беседу, как равный с равным, с общего замечания: «Сегодня Первое мая, большой праздник для наших народов...»^[261]

Миллионы русских были убиты, их страна наполовину разорена, каждый день приносил все новые и новые доказательства неописуемой жестокости немцев в отношении советских военнопленных и гражданского населения — однако ответ Чуйкова был образцом сдержанности, наглядным свидетельством трезвого ума и тонкого юмора этого выдающегося человека:

«МЫ празднуем сегодня великий праздник. Как обстоят дела там у вас, сказать не так легко».

Уильям Л. Ширер

Конференция «Терминал» — подлинная веха в истории^[262]

Сан-Франциско, 7 мая 1945 года

Итак, наконец она закончилась — эта долгая и кровавая война в Европе, — развязанная Германией война которая чуть не уничтожила наш мир!

Закончилась, унеся пять лет восемь месяцев и шесть дней из нашей абсурдно короткой жизни.

Я весь день никак не могу поверить в это, осознать что действительно наступил конец кошмару, начавшемуся для меня лично в то хмурое утро в Берлине 1 сентября 1939 года. За эти пять с половиной лет, кажущиеся целой вечностью, десятки миллионов людей, которые были живы в тот сентябрьский день и по-своему счастливы, погибли: убиты на полях сражений, уничтожены при бомбежках, замучены насмерть в нацистских лагерях смерти.

Неужели фашизм наконец-то повергнут в прах, и этого чудовища, с которым мне пришлось жить рядом на протяжении почти всей моей сознательной жизни, больше нет и он никогда больше не унижит достоинство человека на нашей печальной планете!

Несомненно, еще долго будут жить несправедливость, предвзятость, алчность, нищета, но, по крайней мере, не будет фашизма, который гораздо более отвратителен, чем думают большинство американцев, никогда вплотную не сталкивавшихся с ним.

Сан-Франциско, 12 мая

Военный министр Стимсон заявил, что в нашей зоне оккупации Германии мы проявим твердость в вопросах управления зоной и будем «безжалостны» в проведении денацификации. Отлично. Но выполним ли мы это обещание?

Сан-Франциско, 13 мая

Сегодня президент США вместе с нацией поблагодарил в молитве Всевышнего за победу над Германией. Позже я слушал речь Черчилля.

Это отнюдь не лучшее из его выступлений, но Черчилль был, как всегда, энергичен и красноречив. Война с Германией закончилась всего неделю назад, однако уже сейчас видно, что действовать сообща для поддержания мира будет не менее сложно, чем совместно вести войну. Конференция ООН в Сан-Франциско с ее ежедневными распрями — хорошее место, чтобы осознать это. И Черчилль сегодня это открыто продемонстрировал.

Когда я слушал его, мне показалось, что он уже выступает против России. Во всяком случае, английский министр иностранных дел Иден занимал подобную позицию во время своего визита в США, а американцы слепо поддерживали его.

Нью-Йорк, 15 мая

Так много уже написано и сказано о Рузвельте более мудрыми и опытными людьми, чем я, что мне трудно что-либо добавить.

Нетрудно понять, в чем заключалось величие этого человека, а именно: в смелости и прозорливости во время великих кризисов, с которыми сталкивалась Америка. Из них паника 1933 года и развязанная фашистскими варварами война представляли угрозу для самого существования нашей страны. Первый кризис был преодолен сравнительно легко.

Второй, несомненно, войдет в историю как величайший кризис нашего времени. Рузвельт распознал его, Дал ему надлежащую оценку и принял необходимые меры, и это тоже войдет в историю и останется в памяти благодарных людей. Вначале мы — в нашей страусиной изоляции — не понимали всей опасности.

Президент же понял ее и убедил конгресс и американский народ, что существует лишь один путь спасения нашей страны: подготовиться к отражению нападения, вооружив страну и оказав всю возможную помощь нашим друзьям, прежде всего России и Великобритании, а затем создать великую коалицию вместе с ними против стран «оси», которая обеспечила бы победу союзникам.

Надо отдать также должное стратегическому мастерству Рузвельта в этой глобальной войне, которое многие из его соотечественников до сих пор не понимают до конца. Именно он принял решение — которое для многих американцев оказалось непонятным — сосредоточить военные усилия в первую очередь против Германии, ослабить ее,

прежде чем она сможет нанести поражение России и соединиться с Японией. Ибо, если бы Германии удалось одолеть Россию, маловероятно, чтобы наших врагов удалось победить вообще.

Величайшая трагедия преждевременной кончины Рузвельта состоит не в том, что он умер накануне победы, а, как написала в «Таймс» моя знакомая журналистка Энн Маккормик, что он не дожил до установления мира. Последние месяцы его жизни его сердце и ум были заняты мечтой о мире. Он был готов бороться за мир с такой же энергией и тем же искусством, как за победу в этой войне, он готовился сотрудничать с народом, конгрессом, нашими союзниками, чтобы обеспечить мир.

Но судьба не пощадила и не сберегла его ради этой гигантской задачи.

Нью-Йорк, 9 июля

Президент Трумэн отправился морем в Германию. В интересах подлинного мира хотелось бы, чтобы вместо него на конференцию «Терминал» поехал Рузвельт. Но нам придется обходиться тем, что есть.

Меня беспокоит не столько отсутствие у Трумэна опыта и знаний в международных делах, как его очевидное отсутствие интереса к ним. Имеет ли Трумэн хоть малейшее представление о германской проблеме, которая должна быть решена, если мы хотим длительного мира?

Понимает ли он — а также другие американцы — значение заявления Генри Х. Фаулера, директора отдела администрации по вопросам внешней экономики, что если мы оставим Германию без контроля и не осуществим ее демилитаризацию, то через пять лет она гораздо лучше подготовится к войне, чем в 1939 году?

Нью-Йорк, 11 июля

Собираемся ли мы использовать влияние двух наиболее сильных западных демократий — США и Великобритании — в интересах прогресса или в интересах реакции? Собираемся ли мы вернуться назад к 1939 году, или у нас хватит мужества и воображения попытаться создать лучший мир в 1946 году, а затем в 1950 и 1960 годах?

Поневоле задумываешься над этими вопросами, вспомнив политический курс Англии и США после того, как ход войны изменился в нашу пользу: нашу поддержку вишиста адмирала Дарлана, упорную защиту Черчиллем генерала Франко, англо-американскую настойчивость в попытках подпереть пошатнувшийся королевский трон в Италии, оппозицию Белого дома движению «Свободная Франция», жестокое обращение Англии с участниками Сопротивления в Бельгии и Греции и наше глупое стремление проташить фашистскую Аргентину и франкистскую Испанию на конференцию по созданию Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.

Действительно, есть над чем задуматься, подчас с беспокойством, а чаще недоуменно.

Всемирно известный генерал тянет вас за пуговицу в угол после обеда в штаб-квартире союзников и вполне серьезно говорит: «Скажите, сэр, как скоро, по-вашему, нам придется начать войну против русских?» Видные американцы, которым доверили выполнение ответственных государственных миссий, спешно возвращаются из Европы, чтобы доказать необходимость возрождения германской промышленности. Зачем? Ну как же, она станет «оплотом против большевизма».

В коридорах государственного департамента США или на приемах в Сан-Франциско наши вышколенные дипломаты (которых один журналист назвал «весьма невзрачной, изъеденной молью командой») раздраженно говорят об «этих русских» или «об этом де Голле». В Италии мы лезем из кожи, поддерживая притязания на королевский трон принца Умберто, от которого отрециваются почти все итальянцы.

В Австрии сформировано хорошее правительство, в котором преобладают христианские консерваторы и социал-демократы, которые никогда не любили и не любят Москву. Но Лондон и Вашингтон, уязвленные тем, что Москва не стала ждать, пока англичане и американцы выскажут свое мнение относительно этого правительства, предпочитают отказывать этому австрийскому правительству в признании.

Неудивительно, что Дрю Миддлтон, один из наиболее вдумчивых молодых американских корреспондентов, совершив поездку по

Западной Европе, обнаруживает, что простые люди, с которыми наши дипломаты и высокопоставленные военные чины почти не имеют контакта, все больше поворачиваются лицом к Москве. Он будет и дальше продолжать делать это во все более широких масштабах, если западные демократии не продемонстрируют им, что демократические силы, сумевшие мобилизовать такую огромную мощь для разгрома Гитлера, способны мобилизовать подобную же мощь для создания пристойного демократического мирового сообщества теперь, когда наступил мир.

Возможно, мы сумеем добиться этого в свое время. Нет убедительных причин, почему наша страна, обязанная своим рождением и величию одной из наиболее важных революций в мировой истории, должна сейчас объединяться с открыто реакционными силами за границей. У нас нет особой любви и интереса к королям — будь они в Италии, Греции, Бельгии, Югославии или в других странах. Если итальянский, греческий или югославский народ хочет республику вместо королевства, почему это должно задевать американцев — граждан нашей республики?

Если народы Европы хотят иметь левые правительства и левые реформы, как об этом сообщают большинство корреспондентов, имеются ли у нас какие-либо веские основания опасаться этого или пытаться помешать им? Американский народ и народ Франции избрали прогрессивный революционный путь в конце XVIII столетия. Но этот процесс не привел к гибели мира. Напротив, жить в этом мире стало намного удобнее.

И поскольку в Соединенных Штатах мы добились крупных успехов в области демократии, почему нас должен охватывать жуткий страх перед коммунизмом каждый раз, когда мы смотрим через океан — или даже под свою кровать? Как мне представляется, именно этот беспочвенный страх лежит в основе многих наших тревог и забот в данный момент.

Нью-Йорк, 15 июля

Сегодня в полдень президент Трумэн прибыл в Потсдам. Маршал Сталин должен прибыть туда сегодня вечером, так же как и Черчилль. Завтра эти три человека, чья судьба на какое-то время сделала хозяевами нашей несчастливой планеты, приступят к переговорам на

Берлинской конференции. Хотя я отнюдь не религиозный человек, мне хочется сегодня помолиться за них.

Безусловно, Черчилль, с его пониманием истории, и, пожалуй, даже Трумэн должны испытывать странные чувства, оказавшись в Потсдаме. Ибо именно в Потсдаме история Германии свернула на свой гибельный курс, Потсдам был излюбленной резиденцией династии Гогенцоллернов. Здесь зародился и расцвел прусский милитаризм. Здесь Германия замышляла свои войны. В Потсдаме двенадцать лет назад Гитлер взял власть в свои руки. На протяжении трех столетий Потсдам с его угрюмым королевским дворцом, мрачными казармами и плац-парадами, с марширующими гусиным шагом гренадерами, маниакальными правителями и фельдмаршалами был синонимом зла для остального мира, хотя здесь и жил какое-то время великий француз Вольтер. Именно дух Потсдама олицетворял прославление войны, здесь проповедовалась доктрина попрания прав других стран и народов, если это отвечает целям германского «фатерлянда». А сейчас в этом месте, где немцы в течение столетий планировали свои агрессивные войны, три иностранных лидера встретятся чтобы планировать мир. Лучшего места не найти! Возможно, даже немцы — хотя уверенности в этом нет — поймут символическое значение этого события.

Все другие встречи «Большой тройки» проводились во время войны, когда трем руководителям союзных держав надо было держаться вместе, чтобы спасти свои страны от гибели. Сейчас, с наступлением мира, такой военной необходимости нет. Можем ли мы надеяться, что интересы обеспечения мира будут так же настоятельно диктовать им необходимость сохранения единства, как раньше диктовала война?

Нью-Йорк, 2 августа

Сегодня опубликовано коммюнике об итогах Потсдамской конференции, подписанное Трумэном, Эттли и Сталиным. Это исключительно важный и в целом хороший документ. И что самое главное, он обещает решить германскую проблему гораздо более последовательно и тщательно, чем это сделали участники Парижской конференции в 1919 году, хотя совещание в Потсдаме не было мирной

конференцией по Германии, а лишь первым шагом на пути к мирному договору.

Основная задача участников конференции в Потсдаме заключалась в выработке решений, как поступить с Германией.

Принятые решения по этой проблеме представляются мне необычайно мудрыми. Поскольку они имеют историческое значение, стоит вкратце перечислить их.

Целью Потсдамского соглашения, говорится в заключительном сообщении о конференции, является «выполнение Крымской декларации о Германии. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». «Союзники не намерены, — говорится далее, — уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира».^[263]

Разве это не разумное и не великодушное отношение к врагу, который до того, как его разгромили, вел себя как свирепый и вероломный варвар? Несмотря на ужасные преступления Германии против человечества, мы обещаем немцам то, чего они не хотели давать поработенным Германией народам.

Давайте вчитаемся в текст соглашения — в этот примечательный документ. В разделе, посвященном Германии, в частности, говорится, что цель оккупации Германии:

— Осуществить полное «разоружение и демилитаризацию Германии и ликвидацию всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней». (В тексте перечислены все военные и нацистские организации, подлежащие упразднению, «включая Генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов и все другие военные и полувоенные

организации, вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии...»)

— Уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.

— Подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни.

Далее в Политических принципах соглашения предусмотрено:

— Все нацистские законы, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений, должны быть отменены...

— Военные преступники... должны быть арестованы и преданы суду.

— Все члены нацистской партии, которые были больше чем номинальными участниками ее деятельности... должны быть удалены с общественных или полуобщественных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях.

— Образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей...

— Управление в Германии должно проводиться в направлении децентрализации политической структуры...

— Во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения.

— Пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства. Однако... будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты, возглавляемые государственными секретарями, в частности в области финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности...

— С учетом необходимости поддержания военной безопасности будет разрешаться свобода слова, печати и религии и религиозные

учреждения будут уважаться. Будет разрешено создание свободных профсоюзов...

Таковы Политические принципы. Разве они не великолепны?

Наряду с ними приняты также Экономические принципы. Основные из них следующие:

— В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено...

— ...Германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений.

— При организации экономики Германии главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления.

— В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое.

Договоренность о репарациях занимает отдельный раздел Потсдамского соглашения. На этот раз, в отличие от победителей в Версале, союзники не предусматривают денежных репараций. Все репарации с Германии вместо этого будут взиматься «натурой».

Таковы результаты Потсдама. С учетом ограниченных возможностей человека и господствующих сейчас настроений после самой жестокой из всех развязанных Германией войн, мне думается, это великолепное соглашение.

Нью-Йорк, 5 августа

Вот что еще хочется написать о Потсдаме после дополнительных размышлений: это подлинная веха в истории человечества. Применительно к Германии в Потсдаме попытались сделать нечто, почти не имевшее прецедентов в истории с тех пор, как империи и государства впервые прибегли к агрессивным войнам. Ибо Германия, какой мы ее знали, та Германия, которая трижды за последние три поколения развязывала войны, должна перестать существовать. Таков приговор, вынесенный в Потсдаме.

Как замечательно, что союзники извлекли урок из горького опыта, поскольку страны, как и люди, обычно не извлекают уроков из прошлого! Версальский договор потерпел неудачу по той причине, что не предусмотрел ликвидацию источников германской агрессии. Он оставил их в неприкосновенности частично потому, что в 1919 году западные державы хотели иметь буфер против коммунистической России. В Потсдаме союзники решили раз и навсегда уничтожить все источники и очаги немецкой военной мощи и агрессии. И одновременно немецкому народу обещаны хорошие перспективы, если немцы захотят стать свободными людьми в цивилизованном, миролюбивом и демократическом сообществе.

Лондон, 11 октября

Обед, а затем затянувшаяся далеко за полночь беседа с редактором журнала «Нью стейтсмен энд нейшн» Кингсли Мартином и новым лейбористским членом парламента Диком Кроссменом. Исключительно способный человек, но имеющий абсолютно неверное представление о Соединенных Штатах и Германии.

У моих друзей из лейбористской партии неправильная и опасная позиция в отношении Германии. Они хотят восстановить Западную Германию, особенно Рур, как они говорят, «в интересах европейского процветания». Они отказываются признать, что возможным последствием этого может быть возрождение Германии как военной державы (ибо в основе военной мощи лежит сильная экономика). Так же как и после первой мировой войны, эти милые английские либералы и лейбористы полагают, что Германия слишком основательно разгромлена, чтобы еще раз попытаться начать все сначала. Достойно сожаления, что такие неглупые люди готовы вторично совершить одну и ту же ошибку.

Берлин, 4 ноября

«Говорит Берлин!»

Так странно вновь начинать репортаж в эфир с этих слов. Прошло уже порядочно времени с той поры, когда я впервые начал вести радиопередачи из Берлина. В последний раз, судя по моим заметкам, я выступал 3 декабря 1940 года — почти пять лет назад. С того зимнего дня многое изменилось в самом Берлине и вокруг него.

Вчера я проехал на машине мимо здания на площади Адольфа Гитлера (так она называлась раньше), откуда мы в свое время вели радиопередачи. От него осталась куча обломков. Не погребены ли под ними мои бывшие цензоры? По меньшей мере, сегодня их не было, и никто не пытался вычеркнуть правду из текста моего репортажа, никто не стоял за моей спиной и не следил за тем, чтобы я, читая в микрофон, не попытался как это часто бывало в прошлом, отступить от текста.

Сами цензоры и все, чему они служили, канули в Лету. Можно снова передавать в эфир правду.

Мне надо попытаться написать репортаж о том, как мы, американцы, осуществляем контроль в нашей оккупационной зоне. Вчера вечером серьезный молодой капитан американской армии с горечью и разочарованием рассказал о том, что происходит. По его мнению, мы ведем себя недостойно. Он рассказал, что в Дармштадте наша армейская контрразведка Си-ай-си дошла до того, что пригласила на службу нацистских гестаповских агентов для слежки за немецкими коммунистами, хотя коммунистическая партия признана законной в нашей и во всех других зонах. Нацистские элементы, продолжал он, командуют в лагерях для немецких военнопленных и обращаются с антифашистами так же грубо, как они раньше обращались с военнопленными союзных стран в немецких концентрационных лагерях. Капитан подчеркнул, как срочно необходим приезд сюда немецких антифашистов, живущих в США, — но мы не разрешаем им вернуться в Германию. Он рассказал возмутительную историю о том, что в числе наших главных политических советников подвизается одиозный тип, бывший протеже Шахта, бывший эсэсовец и рьяный немецкий националист. И вот эта подозрительная личность дает нам советы по поводу того, что делать немцами!

Посетив Виттенбергплац, я заметил установленный русскими щит с надписью на немецком языке (у нас американцев, этого не встретишь): «Ни один внешний враг не принес немцам столько несчастья, как Гитлер». Да, несчастья и горя вокруг было больше, чем мог себе когда-либо представить любой из оставшихся в живых немцев. Некогда зажиточные немки трудились на голодный желудок с утра до сумерек, разбирая обломки разрушенного дома.

Наиболее неприглядное зрелище на улицах (сказать «жалкое» было бы нечестным, так как у меня к ним жалости нет) — демобилизованные немецкие солдаты. Они ковыляют по улицам в своих лохмотьях, в дырявых ботинках, утепленных газетами, их мундиры, некогда аккуратно пригнанные и отутюженные, порваны и испачканы грязью.

Впечатляющая картина поражения и упадка. На одной из улиц мы остановились, чтобы поговорить с плетущейся мимо нас группой бывших солдат. Бог мой! Неужели это те отборные войска, что так лихо и самоуверенно прошли маршем через Польшу, Францию и другие временно захваченные страны? И это раса господ — «херренфольк»? Но сейчас от их былой самоуверенности не осталось и следа. Они понурые, грязные, усталые и голодные. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Сталинграда», — ответили они. — «Аллее капут». Они улыбаются, и, хотя они еще не старые, у некоторых нет зубов. Клячат у нас сигареты и, шаркая ногами, плетутся дальше.

Позднее, после обеда, я зашел к Н в его кабинет, чтобы познакомиться с некоторыми документами, на мой взгляд весьма интересными.

Один из них — протокол допроса банкира д-ра Шахта, находящегося сейчас в тюрьме в Нюрнберге вместе с двадцатью другими нацистскими преступниками. (Лей, один из наиболее гнусных нацистских гангстеров, не выдержал и повесился в тюрьме, Гесс, бывший одним из вождей нацистского режима до своего полета с непонятной миссией в Англию, симулирует полную потерю памяти — удобная болезнь. Старина Крупп фон Болен, другой обвиняемый и один из главных покровителей Гитлера среди промышленных магнатов, лежит, пораженный каким-то недугом, в Зальцбурге и боится суда.)

Шахт, согласно этому конфиденциальному американскому документу, мерит шагами карцер, бурно возмущаясь нацистами. Признался, что никогда не любил их. Фактически, он больше, чем кто-либо другой, помог нацистам прийти к власти в 1933 году и в течение многих лет верой и правдой служил Гитлеру как финансист. Как часто я видел его в президиуме в рейхстаге сияющим от самодовольства и всем видом выражавшим свое одобрение во время разглагольствований Гитлера, оправдывавшего очередные нарушения

договоров и порабощение новых стран. Теперь же Шахт рьяно утверждает что он всегда был против нацизма, и слезливо сетует на то, что американцы упрятали его в тюрьму.

Все эти нацистские убийцы, несомненно, начнут валить вину за нацистские преступления друг на друга попытке спасти свою шкуру.

Берлин, 10 ноября

Провел часть дня, просматривая пачку немецких газет. По меньшей мере, газеты изменились. Русские, англичане, французы и американцы следят за этим. Кажется невероятным, что немцы могли в течение двенадцати лет читать нацистские газеты — бессодержательные, брызжущие злобной желчью и ложью. Но некоторые нацисты довольно быстро, как хамелеоны, меняют окраску. На днях случайно встретил Хахендорфа — довольно способного, шустрого помощника Геббельса в министерстве пропаганды, специализировавшегося на американских делах в те годы, когда я работал в Берлине.

— Удачно приземлился и опять стою на ногах, — рассмеялся он, когда я выразил удивление, что, учитывая его прошлое, вижу его живым и даже на свободе.

— Как вам это удалось?

— Я ответственный редактор ежедневной газеты, издаваемой здесь по английской лицензии, — хихикнул он. Весь вид его, казалось, говорил: если англичане глупы, то мне-то к чему быть дураком?

Этот разговор напомнил мне о недавней встрече в ресторане с театральным режиссером Виктором де Кова. Я знал, что при нацистах он сделал успешную театральную карьеру. Сейчас, сообщил он мне, англичане поручили ему руководить двумя театрами в английском секторе Берлина.

— С чего бы это? — спросил я.

— Я был в подполье. Разве вы этого не знали? — спросил он.

— Нет, не знал, — ответил я. — Чем же вы занимались в подполье?

— Зарабатывал деньги, — цинично заявил он.

Берлин, 12 ноября

У меня было несколько бесед с американскими экономическими и финансовыми экспертами, и, пожалуй, стоит занести некоторые из их удивительных откровений в дневник.

Во-первых, ущерб, нанесенный бомбардировкой с воздуха промышленному потенциалу Германии, не так уж велик, как кажется на первый взгляд или как нам внушало командование английских и американских военно-воздушных сил. Наши эксперты категорически утверждают, что германская промышленность, по существу, осталась в целостности и сохранности и, если предоставить Германии свободу рук, она сможет в течение пяти лет стать промышленно более сильной державой, чем она была, когда развязала войну в 1939 году. Англо-американские бомбардировщики, оказывается, не уничтожили немецкие промышленные предприятия, они лишь вызвали временное снижение объема производства в некоторых ключевых отраслях промышленности, главным образом в авиационной и в производстве синтетического горючего. Фактически в тот период, когда англо-американские воздушные бомбардировки достигли своего пика во второй половине 1944 года, немецкая промышленность выпускала больше продукции, чем когда-либо за всю историю Германии! Согласно нашим экспертам, сейчас немецкие заводы способны возобновить нормальное производство после незначительного ремонта.

Например, один-единственный завод концерна «И. Г. Фарбен», способный производить ежегодно почти столько же красителей, сколько все химические фабрики в Соединенных Штатах Америки, вместе взятые, остался целехоньким. На заводе даже нет ни одного разбитого окна. Завод готов начать выпуск продукции хоть завтра.

Почти все доменные и мартеновские печи в Германии способны начать выпуск чугуна и стали немедленно или через непродолжительное время после мелкого ремонта. Как известно, сталелитейная промышленность составляет основу военной машины. Ее потенциальная мощность равна 25 миллионам тонн в год — в 5 раз больше, чем сама Германия может потребить на мирные цели.

Вот некоторые факты о состоянии других отраслей германской промышленности, которые большинство американцев считало уничтоженными бомбежками американо-английской авиации:

Продукты переработки каменного угля (каменноугольные смолы и др.), среди которых насчитываются сотни материалов, используемых в военных целях (например, взрывчатые вещества). Производственные

мощности Германии в этой области, самые крупные в мире, почти не пострадали от бомбежек.

Водород. На долю Германии приходилось около половины мировой продукции. Она может снова достичь этого уровня после небольших ремонтно-восстановительных работ.

Нефть. В разгар войны Германия выпускала 5,5 миллиона тонн синтетической нефти. Наши бомбардировщики вывели из строя значительную часть производственных мощностей, но большинство заводов может быть восстановлено и нормальное производство возобновлено в короткие сроки.

Алюминий. Германия, если ей будет разрешено, может ежегодно производить сейчас 250 тысяч тонн по сравнению с 40 тысячами тонн в 1933 году, когда Гитлер пришел к власти.

Станки. Станкостроение, как общеизвестно, является ключом современной оборонной промышленности. В 1939 году Германия обогнала все великие державы, включая Соединенные Штаты, по производству станков и объему промышленных мощностей, предназначенных для станкостроения. Сегодня, несмотря на нанесенный бомбардировками ущерб, Германия располагает обширнейшим станочным парком и многочисленными неповрежденными предприятиями для дальнейшего расширения производства.

Совершенно ясно, что, если союзники не предпримут надлежащих мер, через пять лет Германия вновь сможет стать великой военной державой, способной выпускать больше смертоносных боевых машин, чем она построила для войны, которая чуть не уничтожила остальные страны мира. Предложение, выдвигаемое в Великобритании и США, чтобы мощная промышленность Германии возобновила производство в целях процветания Европы, не может служить решением проблемы. Оно не годится, если контроль над этой индустриальной базой останется в немецких руках. Ибо в этом случае автоматически обеспечивается возрождение военной мощи Германии.

На мой взгляд, ряд промышленных предприятий должен быть перебазирован в освобожденные от немецкой оккупации страны в порядке компенсации за разрушения, нанесенные нацистами. Что же касается сердца германской промышленности, находящегося в Руре и Рейнской области, то оно должно быть поставлено под постоянный

международный контроль и его огромный производственный потенциал использован в интересах не только Германии, но и всей Европы.^[264] Мы никогда больше не должны позволять немецкой промышленности служить базой, обеспечивающей Германии возможность вести захватнические войны.

Наши финансовые и экономические эксперты рассказали мне просто фантастические истории: об американских бизнесменах, внезапно появляющихся в военной форме в Германии, чтобы вернуть себе принадлежавшие им фабрики или приобрести новые; об офицерах американской военной администрации в Германии, саботирующих выполнение решений об изгнании нацистов с постов в крупных компаниях и концернах. (Мне рассказали об одном американском подполковнике в Вюртемберге, который громогласно утверждает, что наша официальная политика денацификации толкает немцев в объятия коммунистов и поэтому всячески препятствует выполнению мероприятий по денацификации.)

Наши американские следователи постепенно выявляют все новые и новые сведения о деятельности крупнейшего мирового химического треста «И. Г. Фарбен», который не только снабжал Гитлера необходимой для ведения войны химической продукцией, но и сам вел гигантскую экономическую и политическую войну против всего мира. Получилась бы увлекательная книга, но тема слишком широка, чтобы попытаться хотя бы вкратце изложить ее.

К тому же, пожалуй, столь взрывоопасный материал здесь, в Америке, опубликовать не удастся, так как «И. Г. Фарбен» имеет широкие связи с крупными американскими корпорациями. Согласно полученным данным (включая показания ряда директоров этого немецкого концерна) «И. Г. Фарбен» оставил в дураках некоторых наших ведущих промышленных воротил. Концерн получал от этих американцев строго засекреченную технологическую информацию о производстве таких важных для войны материалов, как тетраэтилсвинец,^[265] но со своей стороны, по указанию вермахта, отказался сообщить американским компаниям свою секретную промышленную информацию, такую, например, как технология производства искусственного каучука — сырье, которое приобрело исключительно важное стратегическое значение для США в 1941 году.

Берлин, 13 ноября

Сегодня вновь заглянул к N и познакомился с весьма примечательным документом. Англичане предложили список подходящих немцев для назначения на ответственные посты в информационной службе планируемого центрального немецкого правительства. Эта служба будет в основном курировать немецкую прессу, театры, кино, музыку и искусство. Англичане предложили около пятидесяти немецких кандидатур, и моим американским знакомым было поручено проверить их. Сорок девять из них оказались бывшими членами национал-социалистской партии!

Один из моих бывших цензоров в Берлине недавно назначен американской военной администрацией директором программы австрийского радиовещания. Крупный немецкий банкир, которого американцы хотели включить в список двадцати двух уже арестованных банкиров за мошенничество и ограбление оккупированных стран, разгуливает до сих пор на свободе, потому что англичане сделали его одним из главных финансовых советников в своей оккупационной зоне. А тот благодушный парень, которого все американские корреспонденты в Берлине называли «толстячком» и который, мы были уверены, работал осведомителем гестапо, разве он не занимает важный пост в союзнической администрации одной из западных оккупационных зон?

А разъезжающие по Германии офицеры армии США, которые презрительно игнорируют указание Эйзенхауэра о денацификации и саботируют его, разве они не пользуются сильной поддержкой в США?

Все это, к сожалению, правда. Злодеяния немцев уже начинают быстро забываться. Ведутся разговоры о новом противнике и новой войне. Россия! Большевики! Вот против кого призывают повернуть оружие.

На обратном пути из Германии я сделал краткие остановки в Париже и Лондоне. Хотя лондонцы и парижане страдают от нехватки продовольствия и топлива, они радуются, что не погибли в страшном урагане войны. Но война дорого обошлась Европе. Разрушенные города, загубленные жизни не только тех, кто погиб, но и тех, кто остался жив, моральная коррупция, развал экономики, дезорганизация транспорта и связи, истрепанные нервы и упадок культуры производят

потрясающее впечатление на американского журналиста из огромной, богатой и сытой страны, не затронутой войной.

Найдутся люди, которые, обратившись к истории, несомненно, скажут, что Европа знавала мрачные времена и раньше и пережила их все. Тридцатилетняя война превратила Германию и большую часть Центральной Европы в пустыню. Но остальные европейские страны избежали этой горькой участи. Первая мировая война смела целые империи и уничтожила около 10 миллионов человек. Но по причиненным разрушениям и жестокости она не идет ни в какое сравнение с тем, что принес с собой последний мировой конфликт.

И вот 1945 год близится к концу. Это, безусловно, был наиболее примечательный год в нашей жизни. Год победы союзников, год, который положил конец мечтам Японии и Германии на завоевание мирового господства и самой страшной войне в истории человечества. Этот год был также годом рождения Организации Объединенных Наций, годом второй попытки нынешнего поколения организовать мир во всем мире. Он возвестил также еще одно великое событие — вступление в атомную эру, которая началась, когда в июле в штате Нью-Мексико была взорвана первая атомная бомба. Какой же будет эта новая атомная эра? Не принесет ли она с собой гибель человечеству?

Джеффри Джюкс

Послевоенная Россия^[266]

Капитуляция немецких войск в Берлине 2 мая 1945 года, за которой 10 мая последовала сдача в плен основных сил группировки фельдмаршала Шернера, положила конец почти четырехлетней вооруженной борьбе на Восточном фронте. За эти четыре года Красная Армия, боевая подготовка и высший командный состав которой в начале войны были откровенно слабыми, превратилась в самую грозную сухопутную армию мира; за одиннадцать месяцев до высадки союзников во Франции она обратила в бегство немецкие войска и гнала их без передышки почти целых два года, заставила силой оружия капитулировать всех сателлитов Германии, освободила многих из ее жертв и в конце войны водрузила Красное знамя Победы в самой столице «третьего рейха».

Советскому народу было что праздновать, и состоявшийся 24 июня в Москве Парад Победы получился великолепным. Лишь погода в тот день оказалась не на высоте — все утро моросил дождь, — но это не смогло умалить торжественность момента, когда сводные полки фронтов во главе со своими маршалами и генералами в парадных мундирах, сверкавших наградами, промаршировали, салютуя обнаженными саблями архитекторам их побед — Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину и его заместителю маршалу Г. К. Жукову, который в начале войны оборонял Москву, а закончил ее штурмом Берлина. После торжественного марша победоносных войск шеренга солдат-ветеранов под барабанную дробь бросила на мокрую брусчатку к подножию Мавзолея В. И. Ленина (к ногам Главнокомандующего) знамена разбитых немецких соединений и частей, выразив этим жестом свое презрение к фашизму и к его деяниям.

Этот жест символизировал новую реальность. Германия, выступившая во главе с Гитлером в крестовый поход против коммунизма, лежала поверженная, разбитая в прах, в первую очередь усилиями Красной Армии, а Советский Союз стал ведущей державой в Европе. Теперь уже ни один важный европейский вопрос нельзя будет решить без советского участия, как это было сделано каких-то шесть с

половиной лет назад в Мюнхене. Из отлученной страны, которую можно было игнорировать и высокомерно обидеть, Советский Союз вырос в величайшую военную державу мирового значения.

Но победа стоила много крови и денег. Цена ее была столь велика, что подробности стали известны лишь несколько лет спустя. 72 тысячи советских городов и сел были разрушены, 32 тысячи промышленных предприятий уничтожены, погибло 20 миллионов человек — около 12 процентов довоенного населения СССР. Почти все главные индустриальные районы западной части Советского Союза (а большинство промышленных предприятий находилось именно в европейской части СССР) подверглись разрушению дважды: в 1941–1942 годах их взрывали отходившие на восток части Красной Армии, а после 1943 года их превратили в руины отступавшие под советским натиском немецкие войска.

Важные сельскохозяйственные области Украины и Кубани находились под немецкой оккупацией в течение многих месяцев, и их продукция кормила не русские, а немецкие войска и население самой Германии вплоть до отступления немецких армий, которые разграбили большинство колхозов и совхозов и уничтожили сельскохозяйственную технику и оборудование. Оккупированная немцами территория подвергалась систематическому грабежу, вплоть до хищения произведений искусства из музеев.

Ввиду значительных потерь, которые понесла Красная Армия в начале войны, почти все работоспособные мужчины были призваны на военную службу, а их место на производстве заняли женщины, в результате в сельской местности рабочая сила полностью состояла из женщин, подростков и стариков и даже в промышленности 51 процент работающих составляли женщины. Поскольку большинство наиболее развитых, густонаселенных районов страны лежало в развалинах, первоочередной задачей была реконструкция и восстановление. Это требовало срочного возвращения из армии рабочих рук и поэтому буквально через несколько дней после капитуляции Германии советские войска стали покидать Центральную Европу. Только треть дивизий, находившихся в Германии в День Победы, должна была остаться здесь в качестве оккупационных войск, а остальные — более 50 дивизий — начали быстро перебрасываться на Восток — часть в Сибирь для предстоящего наступления против японских войск в

Маньчжурии, которое Сталин обещал развернуть через три месяца после окончания военных действий в Европе, большинство же советских солдат и офицеров возвращалось по своим домам.

Отвод частей Красной Армии из Центральной Европы, в отличие от упорядоченной процедуры эвакуации вооруженных сил западных союзников, проводился без лишних формальностей и подчас, казалось, не очень организованно: колонны солдат двигались домой на Восток на грузовиках, танках, телегах, в трофейных автомашинах, включая берлинские автобусы, и просто пешком.

Каким бы бессистемным ни казался этот массовый исход, но спустя два месяца после окончания войны в Европе около четырех миллионов человек — треть всех Советских Вооруженных Сил — были демобилизованы, и в дополнение к этому сотни тысяч других военнослужащих продолжали возвращаться на родину. Вместе с ними возвращались тысячи и тысячи мирных граждан, угнанных немцами на работу в Германию, и оставшиеся в живых советские военнопленные, но из 5,5 миллиона солдат и офицеров, попавших в плен к немцам, лишь менее трети сумели выжить в нацистских концентрационных лагерях. Пройдет, однако, несколько лет, прежде чем советская экономика вновь достигнет скромного уровня 1941 года, а до этого русским людям придется мириться с суровым режимом лишений и воздержания.

После внезапной смерти президента Рузвельта в апреле 1945 года его преемником на этом посту стал вице-президент Гарри Трумэн. Рузвельт не был коммунистом, но на последних стадиях войны стало ясно, что он принимает как само собой разумеющийся факт необходимость для двух сверхдержав — Америки и Советского Союза — выработать модус вивенди в качестве хранителей международного мира, и пробным камнем его политики оказалось Ялтинское соглашение о будущем Польши. Сталин твердо решил, что в будущей Польше будет править правительство, дружественное Советскому Союзу, и в Ялте, несмотря на протесты Черчилля, Рузвельт признал, что западные союзники должны согласиться с этим.

С приходом нового президента, однако, американская политика радикально изменилась. Трумэн был ярким антикоммунистом и, будучи еще сенатором, выдвинул в 1941 году тезис, что, «когда будут побеждать немцы, мы должны помогать русским, а когда будут

побеждать русские, нам следует помогать немцам». В день окончания войны в Европе, несмотря на то что военные действия против Японии шли полным ходом, президент Трумэн прекратил поставки по ленд-лизу союзным странам и даже повернул назад транспортные суда, шедшие в английские и советские порты с ленд-лизовскими грузами.

Прекращение военных поставок было не столь чувствительным ударом для Советского Союза, поскольку наступательные операции против Японии требовали лишь часть военного снаряжения, имевшегося у Советских Вооруженных Сил в Европе, включая достаточное число американских грузовых автомашин и «виллисов» для обеспечения мобильности пехотных частей. Но столь резкое, без предупреждения, прекращение поставок по ленд-лизу имело важное символическое значение: оно свидетельствовало, что военному союзу наступил конец и отношения отныне будут строиться на новой и чисто деловой основе. Для Сталина, как руководителя страны, значительная часть которой лежала в развалинах, это отдавало шантажом.

Тем не менее не было и речи об отказе участвовать в окончательном разгроме Японии. Поэтому переброска по Транссибирской магистрали и Турксибу крупных советских сил, в основном закаленных в боях войск с европейского театра, продолжалась, последовало и назначение в качестве командующих ими видных полководцев, отличившихся в боях против немцев, — начальника Генерального штаба маршала Василевского, командующего Карельским фронтом маршала Мерецкова и маршала Малиновского, сорвавшего попытку немцев деблокировать Сталинград и командовавшего позднее войсками, штурмовавшими Бухарест, Будапешт, Белград Вену. Вместе с ними на Дальний Восток двинулись штабы и другие знакомые им старшие офицеры.

Хотя позднее пропагандисты «холодной войны» будут утверждать, что советская кампания на Дальнем Востоке имела второстепенное значение и была поспешно организована, с тем чтобы не остаться в стороне прежде чем атомная бомба принудит Японию капитулировать перед американцами, масштабы и дата советского наступления убедительно свидетельствуют о всей серьезности, которую Сталин придавал этой кампании. В ней приняло участие более 1,7 миллиона человек, сведенных в 33 корпуса, 131 дивизию и 117 бригад основных родов войск. ^[267] Переброска и материально-техническое обеспечение

такого количества войск и техники, учитывая огромные расстояния и транспортные возможности, представляли сами по себе выдающееся достижение.

Потсдамская конференция победоносных держав открылась 17 июля 1945 года, а 28 июля в результате победы лейбористов в ходе всеобщих парламентских выборов в Англии К. Эттли заменил на посту премьер-министра У. Черчилля, и, таким образом, Сталин остался единственным уцелевшим членом военного триумvirата руководителей союзных держав. И ослабление союзнической солидарности наглядно отразилось в едкой перепалке, которой отличалась работа конференции. Сообщение об успешном испытании первой атомной бомбы в Нью-Мексико поступило к Трумэну в Потсдам в первый день конференции, и он сказал об этом Черчиллю. Поскольку русских о программе создания атомного оружия ранее вообще не информировали, на этот раз Сталину сообщили, что американцы создали и успешно испытали новую бомбу исключительной разрушительной силы. Это успешное атомное испытание изменило ситуацию на Дальнем Востоке, поскольку оно означало, что капитуляции Японии, вероятно, можно будет добиться без вторжения на Японские острова и советское участие, возможно, более не будет необходимым.^[268] Следовательно, стимул идти навстречу пожеланиям Советского Союза в той или иной области ослаб, и позиция западных союзников заметно ужесточилась.

В силу этого переговоры на Потсдамской конференции проходили в сложной обстановке. Значительное место в них занимал польский вопрос, и особенно полемика относительно западной границы Польши с Германией.

Озабоченность Сталина будущими отношениями с Польшей проявилась еще в конце 1944 года, когда он отдал приказ советским войскам по возможности избегать уничтожения промышленных предприятий в Силезии, и было совершенно очевидным, что основная цель советской политики заключалась в том, чтобы предотвратить всякую возможность для Германии когда-либо вновь потребовать возврата отошедших к Польше немецких территорий между Одером и Западной Нейсе.

Помимо Польши разногласия на конференции имели место и по некоторым другим вопросам.

Единственным оставшимся в Европе оплотом фашизма была франкистская Испания, и Сталин пытался убедить английское и американское правительства разорвать дипломатические отношения с Испанией в надежде ускорить тем самым падение режима Франко. Однако ни США, ни Англия на это не пошли и дали согласие лишь на исключение Испании из числа стран — членов Организации Объединенных Наций.

Вопрос о репарациях с Германии имел весьма важное значение для Советского Союза, который понес намного больший ущерб от причиненных немцами разрушений, чем любая другая страна, и Советское правительство попыталось установить принцип, согласно которому репарации должны взиматься на общегерманской основе. Это дало бы русским право на контроль за основными немецкими промышленными предприятиями, большинство которых находилось в западных оккупационных зонах. Но поскольку потребность в сотрудничестве с Советским Союзом у США и Великобритании уменьшилась, американская и английская делегации заняли жесткую позицию в этом вопросе, и Сталин в конечном итоге оказался вынужденным согласиться с тем, что каждая держава будет взимать репарации в основном в своей зоне оккупации, Советский Союз дополнительно получит небольшую сумму репараций в виде промышленного оборудования из западных зон и право на владение немецкими активами в Восточной Европе. Сталину удалось заручиться признанием линии Одер — Западная Нейсе в качестве западной границы Польши, которую предполагалось закрепить позднее в мирном договоре с Германией, но неспособность союзников достичь иного базового соглашения, чем договоренность о предоставлении каждой из держав свободы рук в своей оккупационной зоне, свидетельствовала о начавшемся отказе от координированного четырехстороннего подхода в отношении Германии и предвещала эвентуальный раскол германского государства.

Когда после уничтожения Хиросимы и Нагасаки разрушительная сила атомного оружия стала общеизвестной, отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами еще более ухудшились, тем более что президент Трумэн 16 августа 1945 года заявил, что Япония не будет разделена на оккупационные зоны и Советский Союз не будет допущен к участию в оккупации. По мере того как советские

люди стали все более сознавать, что атомная бомба стала новым фактором в мировой политике, а борьба за стратегическое влияние с устранением Германии и Японии не прекратилась, а лишь вступила в новую фазу, среди них усилились настроения тревоги. Правда, Красная Армия превосходила по своим размерам и боевым качествам любую армию мира. К тому же коммунистические партии в странах Западной Европы, особенно сильные во Франции и Италии, пользовались заметным авторитетом и влиянием в результате советских побед. Но эти активы не могли нейтрализовать значение того стратегического фактора, что характер потенциального противника изменился. Идея Рузвельта о мире, которым будут «руководить» действующие в согласии великие державы, умерла вместе с президентом, а позиция новой администрации США явно свидетельствовала о том, что любые возникшие разногласия с Советским Союзом вызовут не готовность урегулировать их путем переговоров, а жесткую и враждебную реакцию.

Разумеется, Сталин был достаточно опытным марксистом, чтобы не полагаться на добрую волю сильного капиталистического государства, и потому вряд ли он испытывал сомнения, что следует предпринять в подобной ситуации. Первостепенное значение вновь приобрел вопрос обеспечения безопасности Советского Союза — и как «матушки-России», и как «социалистического отечества».

Концепция Сталина о создании «буферной зоны» по периметру Советского Союза, которой он придерживался еще в довоенные годы, сохраняла свою ценность, хотя и в несколько изменившейся форме. Бомбардировщики могли нанести удар по жизненно важным центрам Советского Союза только с баз в Западной Европе и, чтобы достичь своих целей, должны были проделать путь над территорией восточноевропейских государств. Поэтому установление тесных союзнических отношений с Восточной Европой имело важное значение и с точки зрения обеспечения передовых рубежей противовоздушной обороны Советского Союза и отражения вторжения сухопутных сил противника в будущем крупном конфликте. Необходимо было также усилить производство истребителей-перехватчиков и ускорить разработку и конструирование самолетов с реактивными двигателями, которые в конце войны уже появились в военно-воздушных силах Англии и Германии. Американские

авианосцы играли ведущую роль в бомбардировочных налетах на Японию и в случае войны могли быть использованы для операций против Советского Союза, поэтому необходимо было создать флот современных подводных лодок, способных перехватить авианосцы в середине Атлантического океана, прежде чем они запустят самолеты для удара по целям на территории Советского Союза.

Эти меры, хотя и необходимые в плане улучшения перспектив отражения нападения, были недостаточны. Для обеспечения полной безопасности Советскому Союзу требовалось обладать способностью не только обороняться, но и сдерживать агрессора угрозой возмездия. Для этого необходимо было иметь свою атомную бомбу и средства доставки ее на большие расстояния. Поэтому скромную программу ядерных исследований, которые велись советскими учеными, срочно активизировали и начали конструирование стратегических бомбардировщиков, равноценных тем, которые состояли на вооружении ВВС Англии и США.

Понятно, что ни один из этих проектов не мог принести немедленные результаты, и вопрос о том, как помешать Америке использовать преимущества, связанные с ее монопольным обладанием ядерным оружием, оставался открытым. Ответ на него заключался в комплексном использовании военных и дипломатических шагов. Радикальных дипломатических акций следовало избегать, поскольку подчеркнуто миролюбивый подход, по всей вероятности, был бы истолкован как признак слабости и мог вызвать нападение, так же как и чрезмерная резкость. С военной точки зрения можно было предположить, что в течение ряда лет Соединенные Штаты не будут еще располагать атомным арсеналом, достаточным для уничтожения советского военного потенциала, и в течение этого периода Западная Европа сохранит важное значение для США не просто как место базирования бомбардировочной авиации, но и как источник живой силы и плацдарм для армий, все еще необходимых для военных действий на суше.

Способность вести мобильные наземные операции в Западной Европе в случае возникновения войн, следовательно, могла стать важным фактором. Обеспечить ее было сравнительно несложно, так как немецкая армия практически не существовала, американские и английские войска в Европе были малочисленны и заняты

выполнением оккупационных функций, а другие европейские страны основное внимание уделяли восстановлению экономики.

Поэтому, когда основная масса советских войск начала перебазироваться в Советский Союз, 22 дивизии, половина из них танковых, остались в Германии. Что же касается их боевой подготовки, то в первое время — и, видимо, правильно — эффект воздействия атомного оружия почти не учитывался. Время, когда такое оружие может быть использовано против высокоманевренных сухопутных соединений, наступит еще очень не скоро, так что вероятность применения атомной бомбы против войск была незначительной. Русские надеялись также, что само существование подобного оружия побудит американских союзников в Европе уговорить США проявлять сдержанность, что уменьшит опасность развязывания войны. К тому же в поведении американцев не было признаков готовности к немедленному нападению, поскольку в США продолжалась демобилизация вооруженных сил. И хотя уже раздавались голоса о неизбежности войны с Россией, большинство считало ее вероятной через 10–15 лет. К этому времени Советские Вооруженные Силы получают новое оружие, которое даст им возможность быть на равных.

Конечно, бремя новой программы вооружений сверх колоссальных расходов на реконструкцию и восстановление экономики страны влекло за собой дополнительные трудности для советского народа. Но, с точки зрения Советского правительства, в конце 1945 года безопасность страны оказалась под угрозой.

Барри Питт

Вторая мировая война — ретроспективный взгляд^[269]

В Англии и других западных странах бытует поверье, что вторая мировая война не нанесла человечеству столь ужасных ран, как мировая война 1914–1918 годов. Это неправильное представление. Вторая мировая война продолжалась дольше, чем первая, и велась с беспрецедентной яростью на более обширной части поверхности земли. В ней использовалось оружие гораздо большей разрушительной силы, чем то, которое было изобретено во время первой мировой войны. Она поглотила внимание и усилия большего числа людей, и к концу ее было убито и искалечено намного больше человеческих существ, чем в ходе первой мировой войны. Вполне вероятно, что в результате второй мировой войны погибло более 50 миллионов человек, включая жертвы обдуманной политики геноцида, проводившейся руководителями Германии; тогда как между 1914 и 1918 годами было потеряно 8 634 300 жизней.

Причины популярности этого широко распространенного убеждения не надо искать далеко. Хотя мир в целом понес гораздо большие потери во второй мировой войне, Западная Европа, и особенно Великобритания, пострадала больше в первой. Первая мировая война в значительной степени велась в Бельгии и Северной Франции, и на фронте этой бойни, который тянулся от Швейцарии до бельгийского побережья, в результате «обычных боевых действий» ежедневно погибало около 2 тысяч английских, французских и немецких солдат, а во время крупных сражений, таких, как у Вердена, на Сомме или у Ипра, война пожирала сотни тысяч человеческих жизней с аппетитом Молоха. Другие фронты — на Балканах или в России после 1916 года — рассматривались как второстепенные, и, хотя жертвы, которые несли воюющие стороны на этих театрах войны, также истощали силы главных противников, это были «побочные номера» — за рамками главного состязания.

Во второй мировой войне верденские и амьенские битвы велись на Восточном фронте — под Киевом и в Сталинграде, а морские сражения первой мировой войны — Ютландское и Доггер-бэнк — произошли в Тихом океане у острова Мидуэй и в Коралловом море, и

как только гиганты — Германия и Россия, Япония и США — полностью ввязались в вооруженную борьбу, Западная Европа стала второстепенным театром военных действий.

Вначале, конечно, казалось, что война против Гитлера будет европейской войной, возникшей в Европе в результате политики европейских государств, подготовленной европейской экономикой, прежде всего промышленностью. Но когда война приняла глобальный характер, центр тяжести сместился на Восток, и в результате ни Франции, ни Англии не пришлось в конце заплатить ужасную цену в виде огромных разрушений, которые современная война наносит полю битвы, цену, которую история вполне могла потребовать от этих стран ввиду роли, сыгранной ими в развязывании второй мировой войны.

В течение многих лет было модным называть вторую мировую войну «войной Гитлера», но следует также помнить, что Черчилль дал ей другое название. Он назвал ее «ненужной войной», и, если рассмотреть возможности, которые имели западноевропейские демократические правительства, чтобы преградить путь Гитлеру, это название кажется вполне уместным.

С ранних дней своей политической карьеры Гитлер совершенно ясно разяснил, что он видит главную цель германской нации в широкой экспансии на Восток. Через три дня после того, как Гитлер стал рейхсканцлером, он выступил перед немецким верховным командованием и, не особенно заботясь о соблюдении секретности, заявил немецким военачальникам, что их первоочередная обязанность состоит в приобретении «жизненного пространства» на Востоке и в неограниченной германизации захваченных территорий. Одновременно он отказался выполнять условия различных договоров, которые пытались ограничить военную мощь Германии, и разяснил, что помимо стремления к самой широкой экспансии, он намеревается обладать средствами для ее осуществления.

Так как Гитлер нуждался в промышленном потенциале для вооружения растущего вермахта, он, вопреки серьезным протестам своих военных советников, снова занял Рейнскую область — центр немецкой индустрии, который после 1918 года был поставлен под контроль союзников, используя имевшиеся у него малочисленные и плохо обученные военные части.

Для холодного эгоцентрического ума Гитлера могло быть лишь одно объяснение тому факту, что его первая военная авантюра увенчалась успехом. Франция и Англия не только имели право, но и средства удержать Рейнскую область — воспрепятствовать вступлению в нее немецких войск в первую очередь, выдворить их оттуда, если они войдут, — задачи, которые с величайшей легкостью могли выполнить армии каждой из этих стран. Так как ни Англия, ни Франция не сделали ни малейшей попытки помешать вступлению немецких частей или выгнать их, Гитлер мог лишь предположить, что они относятся с сочувствием не только к возвращению чисто немецких провинций германскому «фатерлянду», но также и к столь часто и громогласно повторяемым честолюбивым замыслам человека, возглавившего нацию.

И действительно, это сочувствие открыто выражалось. Когда в начале 1935 года в Германии была вновь введена воинская повинность как средство наращивания германских вооруженных сил, газета «Таймс», трезво рассуждая об угрозе для европейской безопасности, одновременно указывала, что действия Германии предприняты не в нарушение соглашений, добровольно заключенных между независимыми договаривающимися сторонами, а вопреки договору, который был «насильственно навязан» Германии и который она должна была, несомненно, найти «невыносимым». Тон комментариев французской прессы был столь же осторожным, и фактическое согласие с этими нарушениями согласованных принципов не могло не вселить уверенность в правителей Германии, что курс их действий одобрен.

Гитлер продолжал наращивать вооруженные силы и свои территориальные захваты, поскольку у него в какой-то мере были основания считать, что французское и английское правительства хотят осуществления широкой восточной германской экспансии, которую он продолжал шумно провозглашать, за счет коммунистической России.

И этот процесс продолжался.

В марте 1938 года немецкие войска вступили в Вену, и Австрия снова прочно заняла уготованное ей пруссаками подчиненное положение. К этому времени Гитлер не боялся вмешательства со стороны Запада, и его едва ли можно винить за уверенность в том, что он действует с известного одобрения западных держав — одобрения,

которое через полгода переросло в политическое сотрудничество, когда Англия и Франция согласились на передачу Германии тех западных земель Чехословакии, которые могли служить щитом против немецкой оккупации остальной части этой страны.

По существу, было похоже, что Франция и Англия, предоставив Германии полное право из относительно небольшой и в военном отношении слабой страны в 1933 году вновь превратиться к 1939 году в господствующую европейскую державу, теперь сотрудничают с ней, чтобы создать возможность для приобретения «жизненного пространства» на Востоке, которое фюрер требовал с начала своей политической карьеры. Гитлеру, считавшему французов и особенно англичан хитрыми и столь же логически беспощадными и беспринципными политиками, как он сам, казалось, что эти страны проводят разумную и последовательную политику, которая в конечном итоге избавит мир от коммунизма. И если они в данный момент используют его для достижения своих целей, то у него были собственные соображения по поводу того, кто будет оплачивать окончательный счет.

Это заблуждение разрешилось 1 апреля 1939 года — пожалуй, вполне уместная дата, — когда мировая печать сообщила, что английский кабинет под руководством премьер-министра пересмотрел свою политику умиротворения и «с целью обеспечения мира в Европе» связал Англию обещанием защищать Польшу против любых агрессивных действий со стороны Германии. Уинстон Черчилль позднее вполне уместно писал: «Был смысл сражаться за Чехословакию в 1938 году, когда германская армия едва ли могла выставить полдюжины дивизий на Западном фронте, когда Франция, имевшая шестьдесят или семьдесят дивизий, могла, без всякого сомнения, ринуться через Рейн или в Рур. Но это сочли неразумным, поспешным, недостойным стандартов современной интеллектуальной мысли и нравственности. Но теперь наконец две западные демократии заявили о своей готовности рискнуть своей жизнью за территориальную целостность Польши. Историю, которая, как нам говорят, в основном является летописью преступлений, глупостей и несчастий человечества, можно обшарить всю вдоль и поперек в поисках аналогичного примера этому внезапному и радикальному изменению шести- или пятилетней политики легкомысленного и

соглашательского умиротворения и ее трансформации чуть ли не за одни сутки в готовность пойти на явно неизбежную войну в худших условиях и в более крупном масштабе...»

Единственной страной, которая могла сделать реальной поддержку, обещанную Англией Польше, была Россия, но Россия была страной, с которой английские государственные деятели по ряду причин, традиционных и религиозных, не хотели сотрудничать, несмотря на настойчивые обращения со стороны самих русских руководителей.

Через пять месяцев после предоставления Англией гарантии Польше армии Гитлера пересекли польскую границу, и европейская война, которой предстояло перерасти во вторую мировую войну, началась. Даже если злой гений Гитлера и послужил взрывной силой, втянувшей мир в бездну войны, западные демократии не могут полностью избежать ответственности за ее начало. Как писал сэр Базиль Лиддел Гарт, «если позволить кому-либо разогревать котел до тех пор, пока давление пара не достигнет опасной точки, а затем вы закроете предохранительный клапан, то подлинная ответственность за вызванный взрыв будет лежать на вас».

Франция пала, Польша была под пятой нацистов, и конец в Норвегии был очевидно близок: через 15 месяцев после заявления Чемберлена о гарантии Польше «с целью обеспечения мира в Европе» в Европе действительно наступил мир, если придерживаться распространенной точки зрения, что отсутствие военных действий означает реальный мир и что Британские острова не входят в понятие Европы.

В последовавшие месяцы внимание Гитлера время от времени отвлекалось от его главного и давно вынашиваемого плана — уничтожения СССР — выходками его шакала, Муссолини. В результате Гитлер оказался втянутым в военные операции в Северной Африке, на Балканах и в Средиземном море, но эти экспедиции, сопровождавшиеся, как правило, блестящими военными успехами, были для него всего-навсего вызывающими раздражение отклонениями от главной цели. Сражения, которые для англичан были кампаниями доблести, находчивости и отчаянной храбрости, такие, как осада Тобрука, греческая кампания или битва за Крит, для их противника являлись событиями, которые не имели сколько-нибудь существенного значения. Так 130 лет до Гитлера, должно быть,

относились Наполеон и его армии к войне на Пиренейском полуострове, и интересно видеть, как история ничему не научила Гитлера: он тоже повернулся спиной к Англии и двинулся через степи к своей конечной гибели.

* * *

22 июня 1941 года, безусловно, является апокалипсической датой военной летописи. «Когда начнется операция “Барбаросса”, — провозгласил Гитлер, — мир затаит свое дыхание» — и если этого не случилось в прямом смысле, то объяснение лежит исключительно в том равнодушии, с каким люди относятся к событиям, происходящим за пределами личных и домашних дел.

Начальная стадия операции «Барбаросса» представляла собой величайшее военное зрелище со времен августовских событий 1914 года, а Западная Европа и Америка взирали на него с бесстрастным равнодушием скота, наблюдающего мчащийся скорый поезд. Даже люди, по своей профессии призванные анализировать крупные события, по большей части занимались вычислением размера ущерба и потерь, которые понесут вооруженные силы Германии, прежде чем наступит неизбежный и скорый крах русского сопротивления.

Вначале, надо признаться, многое говорило в пользу этого мрачного вывода. История еще не знала военных операций такого масштаба, как план «Барбаросса», ибо никогда раньше не существовали методы организации операции, транспорт и связь для применения в таком объеме. «Нам требуется лишь пнуть ногой в парадную дверь, — хвастливо заявил Гитлер, — и все это гнилое русское здание развалится и рухнет», — и, по мере того как день шел за днем, а черная линия фронта продвигалась все дальше на восток, единственное преувеличение этого заявления, казалось, касается силы, с которой надо нажать на парадную дверь.

Поэтому, когда немецкие армии группы «Центр» остановились на Десне, это событие не вызвало на Западе особых надежд, ибо не было неразумным полагать, что русские вооруженные силы уже разгромлены или по меньшей мере окружены и что немцы занимаются очисткой захваченных районов от противника, пополняют усталые, но победоносные войска и готовятся к последнему легкому броску вперед на Москву. Последовавшие вслед за этим события никоим образом не

изменили это впечатление. Так как, хотя немецкий бронированный клин теперь неожиданно повернул в сторону от русской столицы, это было сделано лишь с целью нанесения еще одного сокрушительного удара по русским армиям — на этот раз в Киеве, где с точки зрения потерь в живой силе и технике Россия потерпела величайшее поражение за свою историю.

Но фактически Россия выиграла нечто более существенное — время; и когда германские колонны повернули вновь, чтобы найти безопасные и комфортабельные зимние квартиры в Москве, они обнаружили, что путь им надежно перекрыт. Русские рабочие строили укрепления с июня, специально для этой цели были собраны русские армии, и, пожалуй, самое важное, командование обороной Москвы, а также планами контрнаступления было вверено русскому солдату, Георгию Константиновичу Жукову, чьи последующие победы дают серьезные основания считать его величайшим генералом двадцатого столетия.

Когда зима заморозила Восточный фронт, а Ленинград и Москва так и остались недостижимыми для захватчиков, мир начал постигать масштабы событий, которые происходили между Балтийским и Черным морями. К этому времени немцы полностью разбили 200 советских дивизий — а Сталин бросил в бой 160 других!

* * *

В это время произошло последнее и максимальное расширение масштабов войны. Через шесть месяцев после нападения 7 декабря 1941 года на Пёрл-Харбор Япония господствовала над огромным пространством. Она угрожала границам Индии, полностью захватила Голландскую Ост-Индию, вплотную приблизилась к берегам Австралии и контролировала почти половину Тихого океана. К середине 1942 года военная удача, казалось, полностью отвернулась от союзников, и их положение вновь выглядело отчаянным. В Северной Африке 8-я английская армия была опять изгнана из Киренаики и держала оборону у Эль-Аламейна, в России казалось, что Сталинград вот-вот падет, и Гитлер уже даже объявил о его захвате своими победоносными армиями. Но это был тот период, который Черчилль назвал «поворотным пунктом» или «шарниром судьбы», и тем местом,

где было оказано наибольшее давление на дверь, чтобы заставить ее открыться в другую сторону, был, безусловно, Сталинград.

Результатом этого явилась битва, которая вырвала внутренности германской армии и развеяла по ветру обрывки мифа о немецкой непобедимости.

Сталинград сравнивают с Верденом по интенсивности и значению боев, и многое говорит в пользу такого сравнения, но есть одна существенная разница. Французы в 1916 году приняли вызов немецкого командующего Фалькенхайна и меняли жизнь своего солдата на жизнь немецкого солдата, бросая бесконечный поток подкреплений в тесную арену на Маасе до тех пор, пока обе стороны не отшатнулись назад, обескровленные и подавленные этой кровавой бойней. Эффект этого кровопускания наиболее ясно проявился для Франции в 1940 году и, возможно, не исчерпал себя даже сейчас.

Но в Сталинграде во время этой решающей зимы 1942/43 года руководители Красной Армии проявили понимание военной действительности и способность усвоить уроки прошлого, которое должно служить примером для всех. Под проницательным руководством Жукова они не поддались эмоциональному искушению, связанному с названием города, и посылали защитникам внутри города подкрепления, исходя из принципа **минимум необходимого**, а не **максимум возможного**, и использовали сбереженные этим путем силы и огневую мощь для проведения огромной наступательной операции по окружению, которая в конце задушила германскую армию внутри города.

Таким образом, Сталинград — это название великой победы, одержанной за умеренную цену; Верден же — просто название битвы, которая бесцельно поглотила миллионы жизней и оставила обе стороны ослабевшими и обедневшими. С этой точки зрения битва при Эль-Аламейне, которую сравнивают со сражением на Марне, была, по существу, всего лишь схваткой, которая склонила чашу весов в пользу Англии в ее сражениях с Гитлером, и с этого момента победа казалась определенной.

И таким образом, 1943 год был годом перелома. Северная Африка была очищена от войск стран «оси», союзники высадились в Италии и убедили ее стать на их сторону, Балканы стали центром растущего сопротивления оккупантам и растущей опасности для фланга

германских армий в России. А в самой России вековая легенда о русском «паровом катке» обрела реальность. Немецкие армии, которые одержали такие блестящие триумфы для своего фюрера, заплатив за них такую дорогую цену в ходе двух зимних кампаний, неумолимо оттеснялись назад — и на этом фронте война была действительно суровой и беспощадной. Сотни дивизий уже были уничтожены в сражениях, сотни сражались сейчас, и сотни других будут разбиты, а затем рассеяны, прежде чем родина русских снова станет свободной от оккупантов.

Но, пожалуй, самым изумительным зрелищем для западного мира были реорганизация и расширение советской промышленности. Она понесла почти катастрофические потери в первые месяцы войны, так как в значительной мере русский промышленный потенциал находился к западу от Дона и в силу этого попал в немецкие руки. Россия лишилась продукции 31 тысячи больших и малых промышленных предприятий, четверти миллиона электромоторов, 175 тысяч станков, почти 30 доменных и мартеновских печей и электростанций мощностью 5 миллионов киловатт.

Однако не все было потеряно, так как благодаря гигантским усилиям русские сумели эвакуировать некоторое важное оборудование и машины в глубь страны. И в ряде случаев целые заводы были полностью вывезены на восток, подальше от опасности. С быстротой и импровизацией, которые останутся в истории как блестящий пример человеческого достижения, эти заводы были установлены на новом месте и перестроены, созданы новые и запущены в производство, и уже к марту 1942 года производство начало расти — и рост производства был таков, что он вскоре перегнал даже производство тщательно культивированной немецкой военной индустрии. К моменту сражения за Сталинград Красная Армия была так же хорошо оснащена, как и любая армия в мире, и никогда уже больше русские солдаты не будут брошены в бой против более многочисленной армии, вооруженной превосходящим по количеству или качеству оружием.

Помимо массированных воздушных бомбежек Германии основные усилия военно-морских и сухопутных сил Англии и ее союзников были направлены на подготовку второго фронта. Конечно, русские оказывали значительный нажим, чтобы эта широкая десантная операция была предпринята в 1943 году, но с помощью довольно

благовидного аргумента, что второй фронт уже якобы существует в Италии, дату операции отложили до завершения необходимых приготовлений, и вторжение в Нормандию было начато только 6 июня 1944 года.

Если начало операции «Барбаросса» было величайшей военной кампанией всех времен, то начало операции «Оверлорд» было величайшей демонстрацией технической изобретательности и организации, Действительное число участвовавших в ней сил было невелико, но в силу десантного характера этой операции физические трудности были гораздо большими, и, кроме того, для оборонявшихся немцев в 1944 году это наступление не было столь неожиданным, как для советских войск в 1941 году.

Поэтому создание союзниками плацдарма на побережье Франции было исключительно сложной задачей, а прорыв войск с плацдарма требовал срочной и одновременно обширной и тщательной подготовки.

Лишь в августе союзники после тяжелых кровопролитных боев в районе Фалеза начали продвигаться от северного побережья Франции, а позднее, в том же месяце, высадили десант на средиземноморском побережье Франции. К началу сентября американские танковые колонны продвинулись в глубь Франции, и 11 сентября отдельные части пересекли германскую границу около Трира. Впервые после объединения Германии при рейхсканцлере Бисмарке иностранные войска вступали в «фатерлянд», преодолевая яростное сопротивление немцев.

Большинство сражений, которые велись на территории Германии, пока Восточный и Западный фронты союзников не сомкнулись, носили не менее упорный характер и поглотили не меньше человеческих жертв, чем в начале войны, особенно на Восточном фронте, где ненависть русских к агрессорам и страх немцев перед возмездием русских привели к неимоверно ожесточенным и кровопролитным боям.

30 апреля 1945 года Гитлер покончил самоубийством, и войне на Западе пришел конец, за исключением нескольких формальностей. На Востоке дни японской мощи были сочтены — Япония всегда зависела от побед ее партнеров по «оси», прежде всего Германии. Как только союзники смогли высвободить часть своих сил, занятых войной в

Европе, Япония оказалась не в состоянии защищать сферу своих завоеваний.

Несмотря на фанатичное сопротивление японских войск — повсюду и при любой возможности, — они были не в силах сдержать напор союзников. 4 февраля американцы вступили в Манилу, и ко времени признания Германией своего поражения Япония оказалась полностью отрезанной от всех источников нефти. Предпринятая Японией авантюра закончилась провалом.

Предлог для капитуляции, позволившей спасти воинскую честь, ей обеспечила наука. Теория расщепления атомного ядра появилась еще до войны, но лишь грозные потребности войны убедили государства решиться потратить время, деньги и усилия, чтобы воплотить эту теорию в практику. Проект «Манхэттан», который в конечном итоге породил атомный взрыв в Аламогордо 16 июля, был по-своему столь же сложной и колоссальной операцией, как планы «Барбаросса» или «Оверлорд». Безусловно, 16 июля 1945 года является такой же апокалипсической датой в научном и политическом календаре, как 22 июня 1941 года в военной истории.

6 августа атомная бомба была сброшена на Хиросиму, 9 августа — на Нагасаки, 10 августа японское правительство заявило о готовности начать переговоры. Была ли необходимость использовать этот последний механизм массового уничтожения — спорный вопрос, который, вероятно, так никогда и не будет разрешен. Что же касается непосредственного эффекта этого оружия, следует помнить, что большее число людей погибло в пожарах, вызванных налетами английских бомбардировщиков на Дрезден 13 и 14 февраля 1945 года.

2 сентября 1945 года японцы подписали документ о капитуляции, и вторая мировая война официально закончилась. Она длилась почти шесть лет (военные действия фактически продолжались еще несколько месяцев). В конце войны в ней участвовало 56 воюющих стран, и она унесла более 50 миллионов человеческих жизней. Таким образом, это был наибольший ущерб, нанесенный человечеством самому себе, о котором известно в истории.

Иллюстрации

Иллюстрации взяты из фотоальбомов «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945» (М., 1978), «Великая Отечественная война в фотографиях и документах. 1945» (М., 1980) и иностранной прессы

Вторжение. Танки группы фон Клейста в степях Украины

Минометчики ведут огонь по врагу.
Северо-Западный фронт. 1941 год

Немецкие патрули в захваченном Шлиссельбурге

Военный парад на Красной площади.
7 ноября 1941 года

Немецкие гренадеры ожидают подхода танков перед броском к Волге

Немецкие танки на Дону

Командующий 62-й армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков ставит перед командиром дивизии генерал-майором А. И. Родимцевым боевую задачу. Слева направо: начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Крылов, генерал-лейтенант В. И. Чуйков, член Военного совета генерал-лейтенант К. А. Гуров, генерал-майор А. И. Родимцев. Сталинград, 1942 год

Взятый в плен Ф. Паулюс с группой генералов доставлен на командный пункт 64-й армии

Командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, члены Военного совета фронта генерал-майор К. Ф. Телегин и генерал-майор М. М. Стахурский, начальник артиллерии фронта генерал-полковник артиллерии В. И. Казаков, начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. С. Малинин и командующий 16-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации С. И. Руденко проверяют готовность оборонительных рубежей фронта на Курской дуге

На Курской дуге. Июль 1943 года

Моряки возвращаются в родной Севастополь

Пленные немецкие солдаты, офицеры и генералы в Москве 17 июля 1944 года

Крымская конференция руководителей трех союзных держав

Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков на командном пункте на подступах к реке Одер

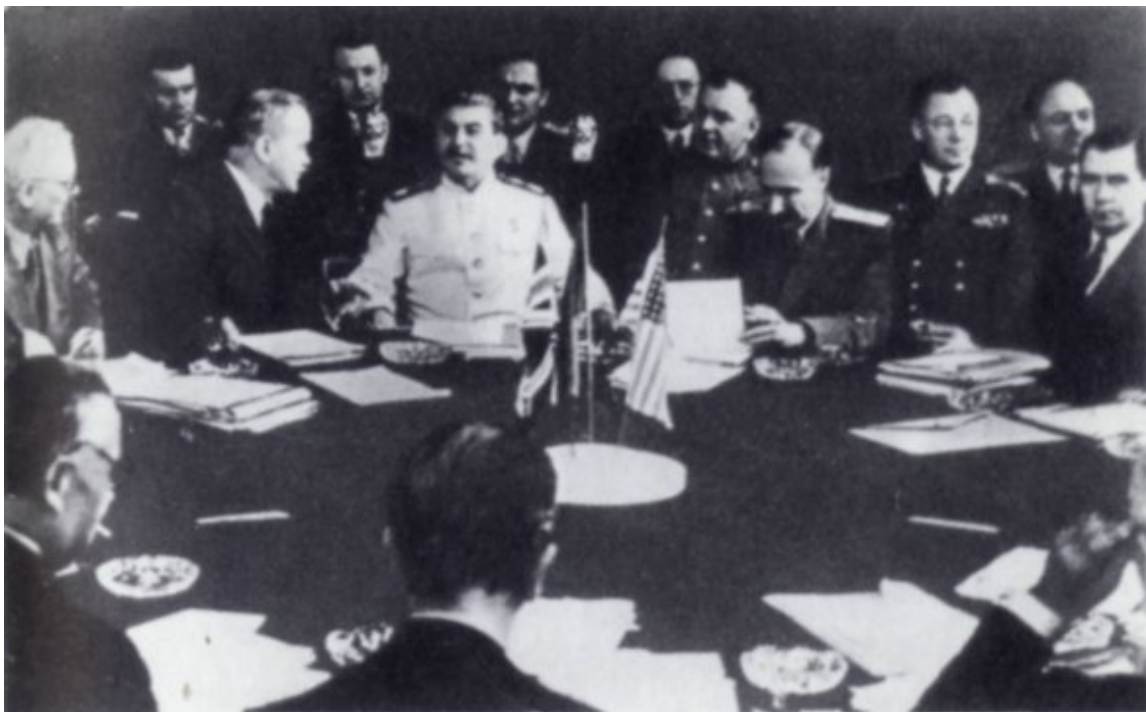
Советская штурмовая авиация над Берлином

Разгромленная боевая техника врага на подступах к Берлину

Начальник генерального штаба германских вооруженных сил генерал Кребс пытался вступить в переговоры с советским командованием

На Берлинской (Потсдамской) конференции Руководителей СССР, США и Великобритании

Встреча представителей верховных командований держав-победительниц.

Слева направо: фельдмаршал Бернард Л. Монтгомери, генерал армии Дуайт Д. Эйзенхауэр, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и генерал Ж. Делатр де Тассиньи. 1945 год

Победа! Рейхстаг взят

Führer und Oberste Befehlshaber T.H.G., den 18.12.40
der Wehrmacht
Wz. 433.1 (1) Nr. 33 400/40 a.H.cheft.

W z 433 a.H. Nr. 31
Fall Barbarossa.

Die deutsche Wehrmacht wird darauf vorbereitet sein, wohl vor
Wendung des Krieges gegen England Sowjetrußland in einem schnellen
und blutigen Kampf (Fall Barbarossa).

Das Heer wird hierzu alle verfügbaren Verbände einmarschieren ha-
ben mit der Einschränkung, das die besetzten Gebiete gegen Über-
raschung gesichert sein müssen.

Wird die Luftwaffe wird es darauf ankommen, die den Ostfeldzug
starke Kräfte zur Unterstützung des Heeres einzusetzen, das mit
Hochdruck auf der Eroberung des russischen Reiches gerichtet werden kann und

Schädigung des europäischen Rußens durch feindliche Luftangriffe
gering wie möglich bleibt. Eine Schwerpunktstellung ist daher fin-
det ihre Grenze in der Bedingung, das der gesamte von uns überlegene
und Widerstand gegen feindliche Luftangriffe ausreicht ge-
st bleiben aus und die Angriffshandlungen gegen England, insbe-
sondere seine Zufuhr, nicht zum Erliegen kommen dürfen.

Der Schwerpunkt des Einsatzes der Kriegsmarine bleibt auch wäh-
rend eines Gefechtes eindeutig gegen England gerichtet.
Den Aufbruch gegen Sowjetrußland wird es gegebenenfalls acht
Wochen vor dem beabsichtigten Operationsbeginn zu tun.

Vorbereitungen, die eine längere Einsatzzeit bedürftigen, sind
ist noch nicht gemacht - schon jetzt im Gange zu nehmen und
zum 15.5.41 abzuschließen.

Entscheidender Wert ist jedoch darauf zu legen, das die
eines Angriffes nicht erkennbar sind.

Die Vorbereitungen der Oberkommanden sind
legt zu treffen.

Wichtigste Absichten - - -
Die in wesentlichen Punkten
des Heer soll in diesem Operations-

I.

[illegible]

Министров Иностранных Дел

Учреждение Совета Министров Иностранных Дел

с) Другие дела будут входить во вхождение передаться Совету по соглашению между Правительствами

4. а) Когда Совет будет рассматривать вопрос, в котором непосредственно заинтересовано государство не представленное в нем, это государство должно быть приглашено прислать своих представителей для участия в обсуждениях и изложить свою позицию.

б) Совет может приспособить процедуру своей работы к характеру данной, рассматриваемой им проблемы. В некоторых случаях он может предварительно обсудить вопрос в своем составе до участия других заинтересованных государств. В другом случае Совет

В. В соответствии с решением Конференции каждая из трех Правительств послало идентичные приглашения Правительству Китая и Франции принять этот текст и присоединиться к учреждению Совета.

С. Урядові Комітету Міністрів іноземних Дел для здійснення чого, названого, в цьому тексті не буде противорічати складенню, достигнутому на Кримській Конференції, о том, що ділянки між ними з географічного консультанта Міністрів іноземних Дел Соединенных Штатов Америки, Союзу Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства.

Д. Конференция рассмотрела также положение Герцогов в Консульствах в Комиссии в свете соглашения об учреждении Совета Министров Иностранной Дел. С удовлетворением было отмечено, что Комиссия успешно справляется с ее основными задачами, presta una excelente atención a los asuntos de los Estados de la zona de influencia germanica, y en consecuencia Alemania y Austria

в отношении контроля за незаконными ввозом в страну. Было установлено, что дальнейшая работа детального характера по координации политики Союзников в отношении контроля над Германией и Австрией должна и в будущем входить в компетенцию Контрольного Совета в Берлине и Союзнический Комитет в Вене. В соответствии с этим рекомендуется распустил Евро-

Г. МАНИН

3. Целими оккупации Германии, которыми должны руководствоваться Контрольный Совет, являются:

а) Полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для вооружения противника, или контроль над ней. С этими целями не должны существовать военные и полумилитарные организации.

ние США, Великобритании, Франции, ФРГ, СССР и Японии, а также ряда других государств. В состав комиссии входят представители всех этих стран, а также представители ряда международных организаций, включая ООН, НАТО, ОБСЕ, ЕС, СЭД и другие. Комиссия будет заниматься расследованием инцидента и вынесением рекомендаций по предотвращению подобных инцидентов в будущем.

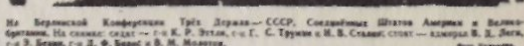
б) все вооружение, аккумуляторы и другие виды и виды спонсируемые средства для не признания должны уничтожены и распространение Сомалиленд не должны быть уничтожены. Поддерживает и провозглашает:

II) Убедить немца, что он не может считать свое поведение правильным и что он не имеет никакого права обвинять в нем других за то, что он навел на себя, поскольку его собственное безжалостное возмездие вынуждало и фальсифицировало доказательства наивности разрушить германский миф о «чести» и «достоинстве».

[illegible]

4. Для выявления степени влияния на развитие инновационных регионов, для которых в настоящее время характерны различные формы, размеры и темпы развития, были использованы следующие критерии: форма, размеры и темпы развития инновационных регионов.

1870

и утверждением заветерословиями Правительствами
либо уничтожить, если не будут отозваны.

12. В практически кратчайший срок германская ин-
женерка должна быть деинтернализована с целью ун-
тожения существующей чрезвычайной концентрации
экономической силы, представляющей особенно в фор-
ме картели, синдикатов, трестов и других монополи-
стических союзов.

13. При организации экономики Германии глав-
нейшее должно быть обращено на развитие сельско-
го хозяйства.

а) производство и распределения продукции горно и обрабатывающей промышленности;

- b) сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства;
- c) зарплата, цен и выравнивания;
- d) программы импорта и экспорта для Германии целом;
- e) денежной и банковской системы централизованых налогов и пошлин;
- f) репараций и устранения вооружения.

15. Должен быть установлен сообразный контроль на герильской экономике, но только и прикладной.

- а) для выполнения программы индустриального развития и диверсификация, репараций и экономического экспорта и импорта;
- б) для обеспечения производства товаров и обеспечения услуг, необходимых для удовлетворения нужд населения, с тем, чтобы не допустить снижения уровня жизни, для восстановления и Германской экономики.

г) для обеспечения, в нормальном, который установит Конференция, равновесного распределения о

д) для контроля над германской промышленностью и всеми минеральными и фискальными источниками сырья, включая экспорт и импорт, с целью предотвращения развития военного потенциала Германии и восстановления других воюющих стран.

16. Для введения и поддержания всеобщего контроля, установленного Контрольным Советом, должны быть созданы германский административный

... в германских землях должно быть предложено
... , практически возможным было назвать и по
... на себе управление этим аппаратом. Таким об
... нем германскому народу должно быть внушено, ч
... ответственности за это управление и любой случай
... будут лежать на нем. Делать германское управлен
... которое будет противопоставлено целим оккупации, бу

17. Должны быть приняты немедленные меры в отношении:

- а) проведения необходимого ремонта транспорта;
- б) увеличения добычи угля;
- в) максимального увеличения сельскохозяйственного угодья;

(Продолжение на 2-й стр.).

Примечания

1

Статья Базиля Лиддел Гарта опубликована в «Истории второй мировой войны» (т. 8), изданной в Великобритании в 1969 году (*Liddel Hart B. Great Strategic Decisions. — History of the Second World War. Gr. Br., 1969, vol. 8, p. 3231–3238*).

Лиддел Гарт, Базиль (1895–1970) — видный английский военный теоретик и военный историк. Участник первой мировой войны. Автор многочисленных книг и статей, в том числе главный редактор вышеупомянутой восьмитомной «Истории второй мировой войны». — *Прим. перев.*

Согласно условиям Версальского мирного договора 1919 года, Германии запрещалось содержать или строить как на правом, так и на левом берегу Рейна в зоне глубиной 50 километров восточнее реки военные сооружения, а также содержать в этой зоне воинские части. Демилитаризованный статус Рейнской зоны был подтвержден Локарнскими договорами 1925 года о гарантии западных границ Германии и арбитраже. Вводом войск в эту зону Гитлер нарушил как Версальский, так и Локарнские договоры, однако никаких санкций против Германии со стороны Англии и других западных государств принято не было. — *Прим. перев.*

Англо-германское соглашение от 18 июня 1935 года было одним из первых крупных актов британской политики «умиротворения» гитлеровской Германии. Оно установило соотношение военно-морских флотов обеих стран: 1) общий тоннаж германского флота никогда не должен превышать 35 % общего тоннажа военно-морского флота Британского содружества наций; 2) пропорция 35:100 будет применяться в принципе как к общему тоннажу, так и к отдельным классам кораблей; 3) Германия имеет право на тоннаж подводных лодок, равный щему тоннажу подводного флота Содружества, однако обязуется держать подводный флот, не превышающий 45 % подводного флота Содружества. Англия, таким образом, санкционировала нарушение Гитлером военных ограничений Версальского мирного договора. — *Прим. перев.*

Чехословакия имела 45 дивизий, 1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий. Ее границу с Германией прикрывала полоса долговременных оборонительных сооружений, не уступавшая французской «линии Мажино». По плану «Грюн» фашистское командование собиралось использовать против Чехословакии 39 дивизий. — *Прим. перев.*

Буржуазное правительство Польши, вступив в сговор с фашистской Германией, предъявило территориальные претензии к Чехословакии и в мае 1938 года сосредоточило у чешской границы в районе Тешина три дивизии и бригаду пограничных войск. Мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года обязало Чехословакию удовлетворить территориальные притязания Польши, а также Венгрии. — *Прим. перев.*

6

21 марта 1939 года министр иностранных дел Германии Риббентроп в беседе с польским послом в ультимативной форме потребовал передачи Германии Гданьска (Данцига) и права на строительство экстерриториальной автострады и железной дороги через «Польский коридор», которые связали бы Германию с Восточной Пруссией, марта в ответном меморандуме Польша отклонила эти требования. — *Прим. перев.*

Для завоевания Польши Германия использовала 53 дивизии, в том числе 6 танковых, 4 легкие (моторизованные дивизии, имевшие в своем составе 70—130 бронемашин и до 90 танков) и 4 моторизованные дивизии, 2 тысячи танков, 1900 самолетов, 10,5 тысячи орудий и минометов. Потери немецко-фашистских войск составили 10,6 тысячи убитых, 30,3 тысячи раненых, 3,4 тысячи пропавших без вести, а также 217 танков и 285 самолетов. — *Прим. перев.*

Имеется в виду памятная записка и руководящие указания по ведению войны на Западе от 9 октября 1939 года, которую Гитлер направил главнокомандующему сухопутными войсками генерал-полковнику фон Браухичу, главнокомандующему военно-морскими силами адмиралу Редеру, главнокомандующему военно-воздушными силами генерал-фельдмаршалу Герингу и начальнику штаба верховного главнокомандования генерал-полковнику Кейтелю. — *Прим. перев.*

В ходе Западной кампании вермахт потерял 27 074 убитыми, 18 384 пропавшими без вести и 111 043 ранеными. — *Прим. перев.*

В сентябре — октябре 1939 года Советское правительство заключило с Эстонией, Латвией и Литвой пакты о взаимной помощи, в соответствии с которыми на территории этих государств были размещены советские гарнизоны с целью гарантии безопасности Прибалтийских стран. В связи с враждебной деятельностью буржуазных правительств Литвы, Латвии и Эстонии и нападениями на советских военнопленных были введены дополнительные соединения. В июле 1940 года вновь избранные парламенты приняли единодушное решение о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза. В августе 1940 года на седьмой сессии Верховного Совета СССР они были приняты в состав Советского Союза на правах союзных республик. — *Прим. перев.*

В ноте правительства СССР от 26 июня 1940 года указывалось, что «вопрос с возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава». Правительство Румынии в ноте 28 июня 1940 года сообщило о согласии с предложениями Советского правительства. — *Прим. перев.*

Пакт трех держав, подписанный 27 сентября 1940 года представителями Германии, Италии и Японии, оформил военно-политический союз фашистских государств. К пакту позднее присоединились также Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария, Финляндия и Испания. — *Прим. перев.*

Согласно сложившейся к весне 1941 года структуре управления вооруженными силами Германии (вермахтом), все рычаги военно-политического руководства были сосредоточены в руках Гитлера, имевшего официальный титул «фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами». Верховному главнокомандованию вермахта (ОКВ) были подчинены главные командования сухопутных войск (ОКХ), военно-воздушных сил (ОКЛ) и военно-морских сил (ОКМ). Рабочим органом верховного главнокомандования был штаб ОКВ, который возглавлял генерал-фельдмаршал В. Кейтель. Штабу ОКВ были подчинены также управление разведки и контрразведки (абвер) во главе с адмиралом Канарисом и управление военной экономики и вооружений (генерал Томас). В состав штаба ОКВ формально входил штаб оперативного руководства вооруженными силами, начальником которого с августа 1940 года был генерал-полковник А. Йодль, но фактически являлся самостоятельным органом, подчинявшимся лично Гитлеру. Через этот штаб осуществлялось руководство операциями на всех других театрах войны, за исключением советско-германского фронта (Западная Европа, Африка, Балканы, Финляндия, Норвегия, Италия), и именно он был тем органом ОКВ, где на высшем уровне намечались и утверждались планы агрессии.

Поскольку для фашистской Германии решающее значение имела борьба на суше, ведущее место в системе стратегического руководства вермахта занимал генеральный штаб сухопутных войск. Начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер был постоянным заместителем главнокомандующего сухопутными войсками и 0 согласованию и от имени главнокомандующего осуществлял планирование и повседневное руководство военными операциями на сухопутных театрах войны. После начала войны против СССР на генштаб была возложена полная ответственность за руководство боевыми действиями на Восточном фронте, включая координацию взаимодействия армии, военно-воздушных сил (люфтваффе) и флота. — *Прим. перев.*

Из книги американского историка и журналиста Уильяма Л. Ширера «Взлет и падение Третьего Рейха», изданной в Лондоне в 1961 году (*Shirer W. L. The Rise and Fall of the Third Reich. London, 1961*).

Ширер, Уильям Л. — видный американский журналист и историк, автор книг, посвященных истории гитлеровской Германии и второй мировой войны. — Прим. перев.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Пер. с нем. М., 1969, т. 2, с. 80. — *Прим. перев.*

См. там же, с. 80–81. — *Прим. перев.*

Гальдер Ф. Военный дневник, т. 2, с. 278–279. — Прим. перев.

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973, т. 2, с. 86. —
Прим. перев.

Там же, с. 86. — *Прим. перев.*

Из показаний Ф. Гальдера на Нюрнбергском процессе 22 ноября 1945 года. — *Прим. перев.*

Имеется в виду министерство иностранных дел Германии, находившееся на этой улице. — *Прим. перев.*

Из 170 дивизий, имевшихся в западных областях Советского Союза к началу войны, за первые три недели военных действий 28 дивизий полностью вышли из строя, а 70 дивизий потеряли до половины людей и боевой техники. — *Прим. перев.*

Из выступления Гитлера 9 октября 1941 года в Берлине по случаю начала «кампании зимней помощи». См.: *Прозектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели*. М., 1985, с. 306–307. — *Прим. перев.*

The Fatal Decisions, 1956, p. 47.

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971, т. 3, кн. 1, с. 264. — *Прим. перев.*

The Fatal Decisions, p. 52–53.

The Fatal Decisions, p. 52.

Генерал Г. К. Жуков заменил генерала И. С. Конева. Маршал С. К. Тимошенко командовал войсками Западного направления до сентября 1941 года. — *Прим. перев.*

Из книги Алана Кларка «“Барбаросса”. Русско-германский конфликт 1945 гг.», изданной в Лондоне в 1965 году (*Clark A.* «Barbarossa». The Russian-German Conflict 1941–1945. London, 1965).

Кларк, Алан — английский историк, автор ряда книг по истории первой и второй мировых войн. — Прим. перев.

В этом городке находился отдел «Л» (Национальная оборона) штаба оперативного руководства ОКВ. — *Прим. перев.*

Первый заместитель начальника генерального штаба ОКХ. —
Прим. перев.

С 12 по 13 ноября в Берлине находилась советская делегация во главе с наркомом иностранных дел В. М. Молотовым, прибывшая для обсуждения вопросов советско-германских отношений. — *Прим. перев.*

Официального отчета об этом выступлении Гитлера не сохранилось. На Нюрнбергском процессе использовались записи, сделанные начальником генерального штаба ОКХ Ф. Гальдером и адмиралом Г. Бёмом, а также обнаруженная в архивах ОКВ докладная записка без подписи. — *Прим. перев.*

С 22 июня по 1 декабря 1941 года в действующую армию было направлено 219 дивизий и 94 бригады. См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР, М., 1968, с. 273. — *Прим. перев.*

На территории Румынии находились и позднее перешли в наступление также 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии, а между основными силами группы армий «Юг» и румынскими войсками действовал венгерский подвижный корпус. — *Прим. перев.*

Всего Германия сосредоточила для нападения на СССР 153 дивизии (4600 тысяч человек), более 42 тысяч орудий и минометов, более 4 тысяч танков и штурмовых орудий, около 4 тысяч боевых самолетов. Кроме того, имелось 37 дивизий Финляндии, Румынии и Венгрии (900 тысяч человек).

В западных приграничных округах Советского Союза насчитывалось 170 дивизий и 2 бригады (2680 тысяч человек личного состава), 37,5 тысячи орудий и минометов, 1475 новых танков КВ и Т-34 и 1540 боевых самолетов новых типов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг, М., 1975, т. 4, с. 21, 26, а также: Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы. Страницы истории. 1918–1988. М., 1987, с. 218–220. — *Прим. перев.*

Помимо танковых дивизий в состав этих групп входили также 14 моторизованных дивизий. — *Прим. перев.*

В окружении в районе Новогрудка оказалось большинство дивизий 3-й и 10-й армий, а также часть сил 13-й армии (11 дивизий). Часть окруженных сил в конце июня — начале июля большими группами сумели вырваться из окружения. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 4, с. 41. — *Прим. перев.*

Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 47. — Прим. перев.

Там же, с. 50. — *Прим. перев.*

Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 33. — Прим. перев.

Там же, с. 37. — *Прим. перев.*

Видимо, ошибка: такая запись Гальдера имеется в его дневнике за 28 июня: «На всех участках фронта характерно небольшое число пленных». — *Прим. перев.*

Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1. с. 60. — *Прим. перев.*

В этот период танковая группа Гудериана находилась во временном оперативном подчинении командующего 4-й армией фон Клюге. —
Прим. перев.

В этом контрударе, проводившемся по указанию Ставки, принимали участие два механизированных корпуса — 5-й и 7-й. После трех дней упорных боев, не имея авиационного прикрытия, они понесли тяжелые потери и были вынуждены отступить. — *Прим. перев.*

Генерал-лейтенант М. М. Попов в июне — сентябре 1941 года командовал Северным, а затем Ленинградским фронтами. Генерал-полковник Ф. И. Кузнецов в 1940–1941 годах был командующим Прибалтийским Особым военным округом. В начале войны командовал Северо-Западным фронтом, затем 21-й армией (июль — октябрь 1941 г.). — *Прим. перев.*

Переименована в Ставку Верховного Главнокомандования после назначения 8 августа 1941 года И. В. Сталина Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. — *Прим. перев.*

В его состав входило шесть армий: 29, 30, 24 и 28-я, а также 31-я и 32-я. 20 июля 14 дивизий из первых четырех армий были выделены для нанесения контрударов в районе Смоленска. По приказу Ставки от 18 июля 1941 года для организации обороны на дальних подступах к Москве западнее Волоколамска, Можайска и Калуги был образован также фронт Можайской линии обороны в составе 32, 33 и 34-й армий. 30 июля эти фронты были объединены в Резервный фронт под командованием генерала Г. К. Жукова. — *Прим. перев.*

Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 177. — Прим. перев.

В районе Ельня — Смоленск. — *Прим. перев.*

Имеется в виду книга Гудериана «Внимание, танки!», вышедшая в 1937 году, в которой Гудериан писал, что Красная Армия имеет на вооружении более 10 тысяч танков.

Для сравнения можно указать, что за период с 1939 по июнь 1941 года в СССР было произведено более 7,5 тысячи танков всех типов. — *Прим. перев.*

Центральный фронт был создан 24 июля в результате разделения Западного фронта в составе 13-й и 21-й армий, а с 1 августа ему была передана также 3-я армия. — *Прим. перев.*

В этом приказе Гитлер подчеркнул, что соображения главнокомандования ОКХ «не согласуются с моими планами», и отдал приказ, что «главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере окружение Ленинграда и соединение с финнами». — *Прим. перев.*

10 июля 1941 года решением ГКО были созданы промежуточные органы стратегического руководства — главные командования войск Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений.

Главкомом Северо-Западного направления был назначен маршал Ворошилов (членом Военного совета — А. А. Жданов). 27 августа ГКО расформировало главное командование Северо-Западного направления, и с 5 сентября К. Е. Ворошилов стал командующим Ленинградским фронтом, подчиненным непосредственно Ставке. — *Прим. перев.*

Г. К. Жуков вступил в командование Ленинградским фронтом 10 сентября. — *Прим. перев.*

Имеется в виду обращение Ленинградского городского комитета ВКП(б), исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся и Военного совета Северо-Западного направления, опубликованное 21 августа 1941 года. — *Прим. перев.*

Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1, с. 360. — Прим. перев.

Генерал Ф. И. Кузнецов командовал Центральным фронтом. 25 августа Центральный фронт был расформирован, а его войска переданы Брянскому фронту, который был создан 16 августа на стыке Центрального и Резервного фронтов с целью предотвратить прорыв немецких войск в тыл армий Юго-Западного фронта. — *Прим. перев.*

В окружение попали четыре армии Юго-Западного фронта. 5, 21, 26 и 37-я. — *Прим. перев.*

Из книги Алана Кларка «“Барбаросса”. Русско-германский конфликт 1941–1945 гг.».

На 1 октября группа армий «Центр» имела в своем составе 1800 тысяч человек, более 14 тысяч орудий и минометов, 1700 танков. Их поддерживали 1390 самолетов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 4, с. 92. — *Прим. перев.*

В составе этих трех фронтов насчитывалось около 1250 тысяч человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков (в основном легких), 677 самолетов (из них лишь 20 процентов — новых типов). Из 95 соединений этих фронтов многие были укомплектованы не полностью, а дивизии народного ополчения были слабо вооружены и обучены. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 4, с. 93–94. — *Прим. перев.*

К концу 1940 года на Дальнем Востоке находилось более 20 процентов личного состава советских сухопутных войск, шестая часть орудий и минометов и почти третья часть всех танков Красной Армии. — *Прим. перев.*

В годы войны из состава Дальневосточного фронта на советско-германский фронт были направлены 23 дивизии и 19 бригад. См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985, с. 229. — *Прим. перев.*

14 сентября Рихард Зорге сообщил в Москву, что «японское правительство решило не выступать против СССР». — *Прим. перев.*

К 7 октября западнее Вязьмы были окружены 19-я и 20-я армии западного и 24-я и 32-я армии Резервного фронтов. Попавшие в окружение советские войска продолжали оказывать упорное сопротивление, сковав 28 вражеских дивизий. 14 из них не смогли освободиться до середины октября, что позволило советскому командованию выиграть время для организации сопротивления на Можайской линии обороны. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 4, с. 95. — *Прим. перев.*

В беседе с писательницей Е. Ржевской Г. К. Жуков назвал цифру в 600 тысяч человек: «Шестьсот тысяч попало тогда к немцам, погибло». — Знамя, 1986, № 12, с. 173. — *Прим. перев.*

782 танка, из которых средних и тяжелых 141. См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР, с. 290. — *Прим. перев.*

На усиление войск Западного фронта, отходивших на Можайскую линию обороны, Ставка дополнительно направила 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков. — *Прим. перев.*

С 6 октября 2-я танковая группа Гудериана стала называться 2-й танковой армией. — *Прим. перев.*

Всего непосредственно для захвата Москвы немецко-фашистское командование сосредоточило 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных. — *Прим. перев.*

За первую половину ноября Западный фронт получил в общей сложности 100 тысяч человек, 300 танков и 2 тысячи орудий. Кроме того, 10 ноября в его состав с Брянского фронта была передана 50-я армия, а 17 ноября с Калининского — 30-я армия. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 4, с. 104. — *Прим. перев.*

26 ноября переименован в 1-й гвардейский кавалерийский корпус. — *Прим. перев.*

Фон Бок был смещен со своего поста 19 декабря, вместо него командующим группой армий «Центр» был назначен фон Клюге. — *Прим. перев.*

Из книги Пауля Карелла «Война Гитлера против России». Лондон, 1971, т. 1. (*Carell P. Hitler's War on Russia. London, 1971, vol. 1, p. 200–229, 329–330, 363*).

Карелл, Пауль — псевдоним Пауля Шмидта, бывшего начальника отдела печати гитлеровского МИД, написавшего ряд книг о второй мировой войне. — *Прим. перев.*

В период с 22 июня 1941 года по 10 ноября 1941 года немецкие ВВС потеряли 5180 боевых самолетов, в том числе 2966 машин, уничтоженных на аэродромах и сбитых в бою. Для восполнения этих потерь на фронт было поставлено 5124 самолета. См.: *Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. Пер. с нем. М., 1980, с. 128. — Прим. перев.*

См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 356. —
Прим. перев.

Западногерманский историк Иван Пфафф дает иную версию «дела» Тухачевского, чем П. Карелл. См.: *Пфафф И.* Прага и дело о военном заговоре. — Военно-исторический журнал, 1988, № 10, с. 44–53; № 11, с. 47–56. — *Прим. перев.*

В советских источниках приводятся разные цифры погибших или репрессированных лиц высшего командного и начальствующего состава РККА. — *Прим. перев.*

Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 254.

В своих мемуарах глава иностранной разведки СД В. Шелленберг, рассказывая об этой тайной операции, приводит некоторые дополнительные подробности. В частности, он указывает, что, дав согласие на проведение этой тайной операции против Тухачевского, Гитлер категорически запретил посвящать в нее генеральный штаб. Помимо архивов генштаба посланные Гейдрихом агенты тайно выкрали ряд документов из досье абвера. Чтобы скрыть кражу, был устроен пожар, который помог замести следы. По словам Шелленберга, «ему пришлось лично уничтожить почти все деньги, полученные от русских за досье, поскольку они состояли из крупных купюр, номера которых, очевидно, были заранее переписаны ГПУ. Как только кто-нибудь из наших агентов пытался воспользоваться этими деньгами в Советском Союзе, его в скором времени арестовывали» (The Shellenberg Memoirs. London, 1956, p. 46–49). — *Прим. перев.*

Заместитель наркома обороны СССР, армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник покончил жизнь самоубийством 31 мая 1937 года. — *Прим. перев.*

Из книги Роберта Джексона «Красные соколы» (*Jackson R. The Red Falcons. London, 1970*).

Джексон, Роберт — видный английский специалист в области военной авиации, автор ряда книг по истории военно-воздушных сил некоторых государств. — *Прим. перев.*

С 1 октября 1936 года по 11 августа 1938 года было поставлено 648 советских самолетов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1974, т. 2, с. 54. —*Прим. перев.*

Всего с октября 1937 года по сентябрь 1939 года Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 2, с. 72. — *Прим. перев.*

Действия советских наземных войск поддерживали 250 самолетов (180 бомбардировщиков и 70 истребителей). — *Прим. перев.*

Так летчики называли истребитель И-16. — *Прим. перев.*

Высшим оперативным объединением немецких ВВС (люфтваффе) являлся воздушный флот (в годы войны их было от 3 до 7), который на театре военных действий взаимодействовал с группой армий или выполнял самостоятельные задачи. Воздушный флот состоял из 1–3 авиационных и зенитных корпусов. Авиационный корпус имел 5–6 эскадр и разведгруппу. Эскадра была высшим тактическим соединением однородного состава (истребители, бомбардировщики, пикирующие бомбардировщики и т. п.) и состояла из 2–4 авиагрупп (40–50 самолетов в каждой группе).

Немецкое вторжение в Советский Союз поддерживали четыре воздушных флота (1, 2, 4 и 5-й). — *Прим. перев.*

Из 4300 боевых самолетов первой линии, имевшихся в июне 1941 года в люфтваффе, для вторжения в Советский Союз было выделено 2770 самолетов: 775 бомбардировщиков, 310 пикирующих бомбардировщиков, 290 истребителей, 765 разведывательных самолетов и самолетов береговой авиации. — *Прим. перев.*

22 июня 1941 года внезапным воздушным налетам подверглись 26 аэродромов Западного, 23 — Киевского, 11 — Прибалтийского Особых военных округов и 6 аэродромов Одесского военного округа. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 4, с. 35. — *Прим. перев.*

Первым советским летчиком, таранившим немецкий самолет 22 июня 1941 года, был старший лейтенант И. И. Иванов, который, израсходовав боеприпасы, винтом своего И-16 обрубил хвост «Хейнкеля-111». За этот подвиг И. И. Иванову посмертно 2 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза. По неполным данным, за первый день войны советские летчики совершили 18 воздушных таранов. — *Прим. перев.*

К 22 июня 1941 года в ВВС этого военного округа имелось 1909 самолетов, в основном устаревших типов, в том числе 1022 истребителя и 887 бомбардировщиков. В первый же день ВВС округа потеряли 38 процентов материальной части. — *Прим. перев.*

С 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года, то есть за два с половиной года, советские ВВС получили от промышленности 17 тысяч боевых самолетов, из них 3719 самолетов новых типов. — *Прим. перев.*

Заслуживает внимания оценка немецкого историка Пауля Карелла, которую он дает в своей книге «Война Гитлера против России», итогам первых воздушных боев на советско-германском фронте: «В самый первый день войны советская истребительная авиация была уничтожена в “воздушном Пёрл-Харборе”. В результате немецкие горизонтальные и пикирующие бомбардировщики смогли расчистить путь немецким сухопутным войскам, не опасаясь вражеских истребителей... Без этого внезапного удара советские ВВС были бы опасным противником во время этих первых дней операций, имеющих критическое значение. Каждому сомневающемуся в этом достаточно взглянуть на потери, которые немецкие ВВС понесли за первые четыре недели войны. С 22 июня по 29 июля люфтваффе, несмотря на сокрушительные упреждающие удары, потеряло 1284 самолета сбитыми и поврежденными. Воздушная война на Восточном фронте отнюдь не была легкой, 22 июня три воздушных флота на Восточном фронте совершили 2272 вылета, в которых участвовало 1766 бомбардировщиков и 506 истребителей. Через семь дней оперативная мощь этих флотов упала до 960 самолетов» (*Carell P. Hitler's War on Russia. London, 1964, vol. 1, p. 57*). — *Прим. перев.*

Командиры немецких авиакорпусов на Восточном фронте и главное командование сухопутных войск противились выделению большего числа самолетов, ссылаясь на оперативные нужды своих секторов фронта. — *Прим. перев.*

Система противовоздушной обороны Москвы в тот период насчитывала 583 истребителя, 964 зенитных орудия и 166 крупнокалиберных пулеметов. См.: На страже неба столицы. М., 1968, с. 90. — *Прим. перев.*

Американский писатель М. Кэйдin в своей книге «“Тигры” горят» (*Caidin M. The Tigers are Burning. N. Y., 1974, p. 243*), указывая, что немецкие летчики были поражены неуязвимостью и живучестью штурмовика Ил-2, который они называли «летающим дотом», пишет следующее: «Широкую известность в люфтваффе получил следующий случай — он действительно имел место — с одним таким штурмовиком, который подвергся атаке сразу четырех немецких истребителей. Для перехвативших Ил-2 четырех истребителей, вооруженных пушками и пулеметами, одинокий советский штурмовик был, что называется, “лакомым куском”. Первый истребитель зашел в хвост “летающему танку” и выпустил по нему весь свой боезапас — никакого видимого эффекта. Один за другим остальные три истребителя проделали то же самое — но штурмовик продолжал лететь!

Не верящий своим глазам немецкий летчик связался по радиации с другим пилотом и спросил, почему этот русский самолет не падает. И тут же услышал ставший классическим ответ: “Господин полковник, ежа в задницу не укусишь”». — *Прим. перев.*

В одном из этих налетов участвовали также 10 четырехмоторных бомбардировщиков Пе-8. — *Прим. перев.*

Одноместный истребитель Белл Р-39 «Эркобра» имел максимальную скорость 612 км/час, высокую боевую живучесть и мощное вооружение: 1 пушка 37-мм, 2 крупнокалиберных пулемета и 4 пулемета 7,72-мм.

Всего Советскому Союзу было поставлено 7146 «эркобр» и «кинг-кобр». Эти самолеты успешно использовались советскими летчиками как штурмовики. Трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин на этом истребителе уничтожил более 30 немецких самолетов, причем 8 одной из воздушных схваток над Кубанью весной 1943 года сбил четыре «мессершмитта». — *Прим. перев.*

За период с 22 июня 1941 года по 8 апреля 1942 года немецкие потери на Восточном фронте составили 4947 самолетов (*Bekker C. The Luftwaffe War Diaries. N. Y., 1964, p. 556*). — *Прим. перев.*

Из книги Алана Кларка «“Барбаросса”. Русско-германский конфликт 1941–1945 гг.».

11-я немецкая армия дислоцировалась в Крыму, и часть ее дивизий была позднее переброшена под Ленинград. — *Прим. перев.*

На 1 апреля 1942 года на Восточном фронте Германия и ее союзники имели 206 дивизий и 26 бригад, из которых 176 дивизий и 9 бригад — немецкие. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1975, т. 5, с. 25. — *Прим. перев.*

Перед нападением на СССР немецкая танковая дивизия состояла из танкового полка (2 или 3 батальона), двух полков мотопехоты, одного артиллерийского полка, разведывательного мотоциклетного батальона. Всего 16 тысяч человек, от 147 до 209 танков, 27 бронемашин и 192 орудия и миномета.

Во втором полугодии 1941 года советской промышленностью было изготовлено 4,8 тысячи танков (40 процентов из них — легкие). За 1942 год танковая промышленность выпустила около 24,7 тысячи танков, в том числе тяжелых и средних — около 60 процентов. См.: Оружие Победы. М., 1987, с. 218, 224. — *Прим. перев.*

Книга А. Кларка была опубликована до выхода мемуаров Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления», в которых рассказывается об обсуждении на совещании в ГКО в конце марта 1942 года общей обстановки и возможных вариантов действий советских войск в летней кампании. На этом совещании Г. К. Жуков и Б. М. Шапошников высказали несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций, но И. В. Сталин отклонил их точку зрения. См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 383–385. — *Прим. перев.*

К маю 1942 года в составе советских действующих фронтов и флотов насчитывалось 5,5 миллиона человек, 43 642 орудия и миномета, 1223 установки реактивной артиллерии, 4065 танков (в том числе 2070 тяжелых и средних и 1995 легких) и 3164 самолета (в том числе 2115 самолетов новых конструкций).

Германия и ее союзники имели на советско-германском фронте 6,2 миллиона человек, 3230 танков и штурмовых орудий, около 3400 самолетов и 43 тысячи орудий и минометов. См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР, с. 313. — *Прим. перев.*

В мае 1942 года на Керченском полуострове находились три советские армии — 47, 51 и 44-я (21 дивизия), 3580 орудий и минометов, 350 танков и 400 самолетов.

В течение мая Крымский фронт потерял в боях более 3,4 тысячи орудий и минометов, около 350 танков и 400 самолетов, а также более 176 тысяч человек. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 5, с. 125; Великая Отечественная война Советского Союза, с. 155. — *Прим. перев.*

См.: Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении, М., 1973, кн. 1, с. 184. — *Прим. перев.*

В составе групп армий «А» и «Б», развернутых на южном фланге для наступления, насчитывалось 97 дивизий, включая 10 танковых и 3 моторизованных (900 тысяч человек, 1,2 тысячи танков и штурмовых орудий, более 17 тысяч орудий и минометов), поддерживаемых 1640 боевыми самолетами. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 5, с. 145–146. — *Прим. перев.*

Так после 30 июня стала называться операция «Блау». — *Прим. перев.*

А позднее также всего Черноморского побережья Кавказа, вплоть
До Батуми. — *Прим. перев.*

Это был один из наиболее сильных авиакорпусов люфтваффе, в состав которого (500–600 самолетов) входили пикирующие бомбардировщики и штурмовики. В 1941 году авиакорпус действовал на Ленинградском фронте, а затем поддерживал немецкое наступление на Москву. — *Прим. перев.*

Численность личного состава обеих группировок была примерно равной, но в артиллерии и авиации немцы превосходили советские войска в 2 раза, а в танках — в 4 раза. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 5, с. 172. — *Прим. перев.*

Чуйков В. И. Сражение века. М., 1975, с. 81–82. — *Прим. перев.*

С 1 апреля по 18 ноября 1942 года немецко-фашистское командование перебросило с Запада на советско-германский фронт дополнительно около 70 дивизий. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 5, с. 317. — *Прим. перев.*

Фалькенхайн, Эрик фон (1861–1922) — немецкий генерал, в 1914–1916 годах — начальник генерального штаба, снят за неудачу под Верденом. — *Прим. перев.*

Чуѣков В. И. Сражение века, с. 101–102. — *Прим. перев.*

См.: Чуйков В. И. Сражение века, с. 130–133. — *Прим. перев.*

Liddell Hart B. H. The Other Side of the Hill. London, 1951, p. 314.

В составе главной ударной группировки немцев насчитывалось 90 тысяч человек, 2300 орудий и минометов, около 300 танков. Их действия поддерживало около тысячи боевых самолетов 4-го воздушного флота. В войсках 62-й армии было 55 тысяч человек, 1400 орудий и минометов, 80 танков. В 8-й воздушной армии имелось только 190 исправных самолетов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 5, с. 191. — *Прим. перев.*

Чуйков В. И. Сражение века, с. 307–308. — *Прим. перев.*

Хейг, Дуглас (1861–1928) — английский фельдмаршал. В первую мировую войну (с декабря 1915 года) командующий английскими экспедиционными войсками во Франции. Имеется в виду английское наступление во Фландрии в районе города Ипра в августе — ноябре 1917 года, в ходе которого англичане потеряли около 260 тысяч человек, чтобы овладеть деревней Пасшендель. — *Прим. перев.*

А. Кларк воспроизводит полностью в своей книге рассказ советского снайпера Василия Зайцева о его поединке с немецким «сверхснайпером» в Сталинграде, используя в качестве источника мемуары В. И. Чуйкова. См.: Чуйков В. И. От Сталинграда до Берлина. М., 1980, с. 178–180. — *Прим. перев.*

По заданию Ставки начальник артиллерии Красной Армии генерал-полковник Н. Н. Воронов оказывал содействие в организации артиллерийского обеспечения контрнаступления советских войск под Сталинградом. — *Прим. перев.*

Из книги Уильяма Крейга «Враг у ворот: Битва за Сталинград»
(*Craig W. Enemy at the Gate. The battle for Stalingrad. N. Y., 1973*).

Крейг, Уильям — американский писатель и историк, автор ряда книг о второй мировой войне. — *Прим. перев.*

Имеется в виду Дом Павлова. — *Прим. перев.*

См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 400. — *Прим. перев.*

См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 401–402. —
Прим. перев.

См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 404–405. —
Прим. перев.

«Пивной путч» 8–9 ноября 1923 года — неудавшаяся попытка национал-социалистской партии совершить государственный переворот. — *Прим. перев.*

Военный трибунал под председательством Геринга приговорил генерала к расстрелу, но в конце концов Гейм был оправдан. Надежды Гитлера и Паулюса, что 48-й танковый корпус может сдержать натиск войск Юго-Западного фронта, были иллюзорны, так как в его состав входили лишь 22-я танковая дивизия, насчитывающая около 45 танков, и 1-я румынская танковая дивизия, имевшая около 100 устаревших чешских танков. — *Прим. перев.*

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 434. — *Прим. перев.*

К 23 ноября в составе окруженной группировки Паулюса (22 дивизии и более 160 отдельных частей) оставалось около 300 тысяч человек. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1976, т. 6, с. 59–60. — *Прим. перев.*

В группировке Гота было сосредоточено 124 тысячи солдат и офицеров, 650 танков, 825 орудий и минометов, ее поддерживало 500 самолетов. — *Прим. перев.*

В конце февраля 1942 года войска Северо-Западного фронта в ходе наступления окружили немецкую группировку в составе шести дивизий в районе города Демянска, однако ликвидировать ее не сумели. Оказавшиеся в окружении немецкие войска снабжались по воздуху, а в апреле после упорных боев оперативной группе генерала Зейдлиц-Курцбаха удалось разорвать кольцо окружения и проложить узкий коридор к находящимся в «котле» немецким войскам. Демянский плацдарм был окончательно ликвидирован советскими войсками в ходе проведенной 15–28 февраля 1943 года наступательной операции. — *Прим. перев.*

Операция «Кольцо», проводившаяся войсками Донского фронта под командованием генерал-полковника К. К. Рокоссовского с 10 января по 2 февраля 1943 года. — *Прим. перев.*

См.: Чуйков В. И. Сражение века, с. 384. — *Прим. перев.*

См.: *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. Пер. с англ. М., 1967, с. 380–381. — *Прим. перев.*

См.: *Верт А.* Россия в войне 1941–1945, с. 387–388. — *Прим. перев.*

Этими офицерами, принявшими капитуляцию генерал-фельдмаршала, были представители командования 64-й армии — начальник штаба генерал И. Ласкин, подполковник Мутовин и майор Рыков. — *Прим. перев.*

В плен было взято 91 тысяча солдат и офицеров, в том числе 24 генерала. — *Прим. перев.*

16 апреля 1943 года 62-я армия была преобразована в 8-ю гвардейскую армию. — *Прим. перев.*

Из книги Дугласа Орджилла «Т-34. Русские танки», вышедшей в многотомной «Иллюстрированной истории второй мировой войны», изданной в 1971 году в США (*Orgill D. T-34. Russian Armor. — History of World War II. N. Y., 1971*).

Орджилл, Дуглас — английский журналист и писатель, автор книг по военной истории и развитию бронетанковой техники. Принимал участие в союзнических операциях в Италии как офицер-танкист. — *Прим. перев.*

Танки серии БТ являлись основной боевой машиной танковых частей Красной Армии вплоть до 1941 года. Производство танков БТ-7М прекратилось весной 1940 года с началом серийного производства Т-34. — *Прим. перев.*

К 22 июня 1941 года Красная Армия насчитывала 1225 танков Т-34 и 636 КВ. В западных военных округах имелось 967 Т-34 и 508 КВ. См.: Оружие Победы, с. 209. — *Прим. перев.*

Немецкий генерал, командовавший бронетанковыми войсками в Италии в 1943–1945 годах. — *Прим. перев.*

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 377. — *Прим. перев.*

Там же. — *Прим. перев.*

За 1942 год советская танковая промышленность изготовила около 24,7 тысячи танков. В армию было передано более 24,4 тысячи боевых машин, из них свыше 50 % — Т-34. — *Прим. перев.*

Всего в 1943 году было выпущено более 20 тысяч танков различного типа, из них 79 % — Т-34. См.: Оружие Победы, с. 230. — *Прим. перев.*

Чуйков В. И. Сражение века, с. 38. — *Прим. перев.*

Во второй половине 1942 года танковые корпуса имели три танковые (по 53 танка) и одну мотострелковую бригаду, дивизион реактивной артиллерии, мотоциклетный батальон и другие части. По штату всего в нем было 7800 человек, 168 танков, 52 (в том числе 20 зенитных) орудия, 44 миномета и 8 боевых машин реактивной артиллерии.

В 1945 году танковый корпус по штату имел около 12 тысяч человек, 207 танков, 63 САУ, 182 орудия и миномета, 8 боевых машин реактивной артиллерии, около 1500 автомашин. — *Прим. перев.*

По штату в механизированном корпусе числилось более 16 тысяч человек, 246 танков и САУ, 252 орудия и миномета, более 1800 автомашин. К концу 1943 года в Красной Армии было 13 механизированных корпусов. — *Прим. перев.*

См. данные о численности советских войск на с. 271. — *Прим. перев.*

Около 2700 танков, в том числе танки «тигр», «пантера» и тяжелые штурмовые орудия «фердинанд». — *Прим. перев.*

В этом сражении с немецкой стороны участвовало около 100 тяжелых танков «тигр». — *Прим. перев.*

В этом сражении только 2-й танковый корпус СС генерала Хауссера потерял 300 танков. Немецкий историк Лео Кесслер в книге «Железный кулак», посвященной истории танковых дивизий СС (*Késsler L. Iron Fist. The Story of the SS Panzer Divisions between 1943–1945. London, 1977, p. 54*), пишет об исходе танковой битвы под Прохоровкой: «К вечеру 12 июля командующий 4-й танковой армией Гот посетил поле битвы на своей бронированной командирской машине. Он остался недоволен тем, что увидел. Хауссер потерял 300 танков и был не в состоянии предпринять атаку без поддержки 6-й танковой дивизии, спешившей ему на помощь». — *Прим. перев.*

Из книги Алана Кларка «“Барбаросса”. Русско-германский конфликт 1941–1945 гг.».

Американский военный историк М. Кэйдin в своей книге «“Тигры” горят» дает следующую оценку значению Курской битвы:

«То, что Курская битва — гигантская схватка двух вцепившихся друг в друга колоссальных сил — может стать поворотным пунктом войны в России, было совершенно очевидно обоим смертельным врагам. Если бы операция “Цитадель”... увенчалась успехом, сцена была бы подготовлена для широких новых наступательных действий против русских. На карту было поставлено куда значительно больше, чем просто город Курск или продвижение по местности на север, юг и восток, а именно то, что никогда не отразилось бы на схемах и картах, — беспощадная расправа над русскими, и в этом заключалась суть немецкого плана: разбить, перемолоть, рассеять, убить, захватить в плен... Позднее, если операция “Цитадель” пойдет так, как рассчитывал Гитлер, последует большое новое наступление на Москву. Позднее он претворит в жизнь свой совершенно секретный план “Песец”, и германские вооруженные силы молниеносным ударом оккупируют Швецию.

Позднее он перебросит свои войска туда, куда захочет, умело маневрируя ими на шахматной доске военной стратегии. Усилит войска в Италии, чтобы отразить вторжение союзников и сбросить их в море, ибо он знал, что время этого вторжения приближается. Направит мощные подкрепления на Атлантический вал — может быть, достаточные, чтобы сломить хребет силам вторжения из Англии» (*Caidin M. The Tigers are Burning*, p. 5). — *Прим. перев.*

Оперативный приказ Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 года об операции «Цитадель» гласил: «Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление “Цитадель” — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом... дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года... Победа под Курском должна стать факелом для всего мира». — *Прим. перев.*

Guderian H. Panzer Leader. N. Y., 1967, p. 247.

8 апреля 1943 года заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков, обсудив имевшиеся данные с командующим Центральным фронтом К. К. Рокоссовским и командующим Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутиным, направил И. В. Сталину доклад, в котором сделал вывод, что главные наступательные операции противник развернет весной и в первой половине лета против Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, причем, собрав на первом этапе до 13–15 танковых дивизий, нанесет два сходящихся удара в обход Курска с северо-востока и юго-востока. Жуков также предложил измотать противника на оборонительных рубежах, выбить его танки, а затем, введя свежие резервы, перейти в общее наступление и окончательно добить основную группировку немцев. — *Прим. перев.*

К началу июня в состав Воронежского фронта были включены также 38, 40 и 69-я общевойсковые армии. — *Прим. перев.*

Первоначально он назывался Резервным фронтом, затем 15 апреля 1943 года был переименован в Степной военный округ, в 9 июля — в Степной фронт. В его состав входили 4-я и 5-я гвардейские армии, 27, 47, 53-я армии и 5-я гвардейская танковая армия. — *Прим. перев.*

Colonel Leyderray E. The German Defeat in the East. London, 1952, p. 117.

Colonel Leyderray E. The German Defeat in the East, p. 117.

Наступательная операция англо-французских войск, проводившаяся с 5 апреля по 5 мая 1917 года между Реймсом и Суассоном в районе Аррас под командованием французского генерала Нивеля. Несмотря на двойное превосходство в силах и средствах (более 100 пехотных дивизий, 11 тысяч орудий), союзники не смогли прорвать оборону немцев, заранее узнавших план операции, и понесли огромные потери (более 360 тысяч человек). — *Прим. перев.*

В двух ударных немецких группировках насчитывалось более 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий и около 2050 самолетов.

Им противостояли войске Центрального и Воронежского фронтов, в составе которых к началу июля имелось 1336 тысяч человек, более 19 тысяч орудий и минометов, 3444 танка и САУ и 2172 самолета. В войсках резервного Степного округа было сосредоточено 573 тысячи человек, 7401 орудие и миномет и 1551 танк и САУ. — *Прим. перев.*

В составе немецких армий, вторгшихся в Советский Союз 22 июня 1941 года, находились четыре моторизованные дивизии СС — «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова» и «Викинг». В связи с понесенными ими тяжелыми потерями они были в 1942 году по приказу Гиммлера отозваны с фронта, преобразованы в танковые дивизии и три из них сведены в танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера (генерал-полковника) Хауссера. В начале 1943 года корпус был срочно переброшен из Франции на Украину, где принял участие в немецком контрнаступлении под Харьковом.

Танковые дивизии СС оснащались новейшей военной техникой — танками «тигр» и «пантера», штурмовыми и самоходными орудиями, оба мотопехотных «гренадерских» полка дивизии передвигались на бронетранспортерах, артиллерийский полк имел по штату тяжелые 170-мм орудия. По численности личного состава и количеству боевой техники танковые дивизии СС превосходили регулярные дивизии вермахта. — *Прим. перев.*

Американский историк М. Кэйдin в своей книге «“Тигры” горят» пишет: «Перед началом наступления на Курской дуге многим немецким офицерам на память приходил один боевой эпизод, который ярко продемонстрировал, каким опасным, упорным и отважным противником может быть стойкий экипаж одного русского танка. Этот отчет о поразительной схватке с одним русским тяжелым танком взят из немецких источников, так что скептикам трудно поставить под сомнение его подлинность.

“Один из танков КВ-1 сумел прорваться к единственной дороге, по которой снабжалась немецкая авангардная группа войск на северном плацдарме, и блокировать ее на протяжении нескольких дней. Первые грузовики, доставлявшие снабжение, были немедленно расстреляны и сожжены русским танком. Практически не было возможности уничтожить это чудовище. Из-за болотистой местности обойти его было нельзя. Подвоз продовольствия и боеприпасов прекратился. Тяжелораненых солдат эвакуировать в госпиталь для операции было невозможно, и они погибли. Попытка вывести танк из строя с помощью батарей 50-мм противотанковых пушек, стрелявших с расстояния в 450 метров, закончилась тяжелыми потерями для расчетов и орудий.

Советский танк остался невредимым, несмотря на, как это было установлено позже, 14 прямых попаданий. Снаряды оставили лишь синеватые вмятины на его броне. Когда подтянули закамуфлированное 88-мм зенитное орудие, советские танкисты хладнокровно позволили установить его в 600 метрах от танка, а затем уничтожили вместе с расчетом, прежде чем оно успело выпустить первый снаряд. Неудачей обернулась и попытка саперов подорвать танк ночью.

Правда, саперам удалось подкрасться к танку вскоре после полуночи и подложить взрывчатку под гусеницы танка. Но широкие гусеницы мало пострадали от взрыва. Взрывной волной от них оторвало несколько кусков металла, но танк сохранил подвижность и продолжал наносить ущерб тыловым подразделениям и блокировать доставку снабжения. Вначале русские танкисты получали продовольствие по ночам от разрозненных групп советских солдат и

гражданского населения, но затем немцы перекрыли этот источник снабжения, оцепив весь прилегающий район.

Однако даже эта изоляция не вынудила советских танкистов покинуть занятую ими выгодную позицию. В конце концов немцы сумели справиться с этим танком, прибегнув к следующему маневру. Пятьдесят танков атаковали КВ с трех сторон и открыли по нему огонь, чтобы приковать к себе внимание экипажа. Под прикрытием этого отвлекающего маневра удалось установить и замаскировать еще одно 88-мм зенитное орудие позади советского танка, так чтобы на этот раз оно сумело открыть огонь. Из двенадцати прямых попаданий три снаряда пробili броню и уничтожили танк.

И это был всего один русский тяжелый танк”».

Этот случай, имевший место в июне 1941 года в полосе наступления 6-й танковой дивизии корпуса генерала Рейнгардта (группа армий «Север»), как пример стойкости и мужества советских воинов приводит также в своей книге английский военный историк, бывший майор-танкист К. Максей (*Macksay K. J. Panzer Divisions. The Mailed Fist. N. Y., 1968, p. 17*). — *Прим. перев.*

Артиллерийская контрподготовка была проведена также артиллерией Центрального фронта в 2.20 5 июля. — *Прим. перев.*

Из 3444 танков и САУ, имевшихся на Центральном и Воронежском фронтах, 900 танков были легкими. В 5-й гвардейской танковой армии (Степной фронт) насчитывалось около 850 танков и САУ, в том числе средних танков Т-34 — 501, а легких Т-70 — 261.

У немцев в группе армий «Юг» имелось 1352 танка и 376 штурмовых орудий. В ударную группировку было выделено 1150 танков, в том числе 192 «пантеры» и 100 «тигров», а в 6-й и 1-й танковых армиях оставлено 202 танка. В наступавших войсках группы армий «Центр» насчитывалось 1200 танков и штурмовых орудий. — *Прим. перев.*

Немецкий истребитель танков «фердинанд» («элефант») имел боевую массу 68 тонн. Экипаж — 6 человек, вооружение — 88-мм пушка. Боекомплект — 50 снарядов. Броня: лоб корпуса — 200 мм, борт — 88 мм. Максимальная скорость — 20 км/час. — *Прим. перев.*

Guderian H. Panzer Leader, p. 251.

Полевые войска СС (так называемые Waffen SS) как часть германских вооруженных сил начали создаваться в начале второй мировой войны на базе военизированных организаций национал-социалистской партии — охранных отрядов СС, частично штурмовых отрядов СА, а также союза гитлеровской молодежи («гитлерюгенд»). К концу войны войска СС насчитывали около 900 тысяч человек — 39 дивизий, в том числе 7 танковых, 7 моторизованных — гренадерских, а также значительное число горнострелковых, кавалерийских и полицейских дивизий. Многие из этих дивизий, такие, как «Карл Великий», «Нордленд», «Валлония», «Ятаган», «Галиция», «Сканденберг» и др., были укомплектованы добровольцами из оккупированных стран и территорий (французами, бельгийцами, албанцами, голландцами, западными украинцами и т. п.) и использовались, как правило, для борьбы против партизан и других полицейских обязанностей. — *Прим. перев.*

Оперативная группа «Кемпф», в которую входил 3-й танковый корпус, имела в своем составе три танковые (300 танков) и четыре пехотные дивизии. Группа «Кемпф», прикрывая 4-ю танковую армию Гота с востока, наносила удар на Корочу. — *Прим. перев.*

В танковом сражении под Прохоровкой одновременно участвовало около 1200 танков и САУ. Потери немцев составили около 400 танков и 10 тысяч человек убитыми. 5-я гвардейская танковая армия потеряла около 300 танков. — *Прим. перев.*

Гитлер все же разрешил командующему группы армий «Юг» фон Манштейну попытаться разбить противостоящие ему на южном фланге Курской дуги советские войска и тем самым создать благоприятные предпосылки для снятия части сил с этого участка фронта. Поэтому официального приказа о прекращении операции «Цитадель» он не отдал. — *Прим. перев.*

Западногерманский историк Пауль Карелл в книге «Война Гитлера против России» (том 2 — «Выжженная земля»), давая оценку значению Курской битвы, в частности, пишет:

«Последнее крупное немецкое наступление в России закончилось провалом. Хуже того, накопленные за многие месяцы настойчивыми и самоотверженными усилиями войсковые резервы, и особенно танковые и моторизованные дивизии, растаяли в огненном горниле Курской битвы, не достигнув намеченной цели. Наступательная мощь была подорвана на длительное время. С этого момента и впредь создание стратегических резервов окажется более невозможным.

Так же как Ватерлоо решило судьбу Наполеона в 1815 году, положив конец его правлению и изменив лицо Европы, так и русская победа под Курском знаменовала собой поворотный пункт войны и непосредственно привела через два года к краху Гитлера и разгрому Германии и, таким образом, изменила облик всего мира.

В этом смысле Курская битва была решающим сражением второй мировой войны. Официальная советская история второй мировой войны справедливо называет ее «битвой исторического значения».

Однако, как ни странно, операция «Цитадель» — Курская битва — так никогда и не получила заслуженного признания со стороны немцев. Если спросить о Сталинграде, а затем о Курске, то разница поразительна. Однако во всех отношениях именно Курская битва, а не Сталинград была фатальным и решающим сражением войны на Восточном Фронте.

Красная Армия, пережив катастрофы 1941–1942 годов, преодолела кризис, захватила инициативу и теперь диктовала ход событий» (*Carell P. Hitler's War on Russia, vol. 2, p. 103*). — *Прим. перев.*

17 июля началось наступление Юго-Западного и Южного фронтов в Донбассе. В ходе напряженных боев войска Юго-Западного Фронта захватили плацдарм на правом берегу Северского Донца около километров шириной и 12 километров глубиной. Войска Южного Фронта заняли плацдарм на западном берегу реки Миус. — *Прим. перев.*

Силы Воронежского и Степного фронтов значительно превосходили противостоящие им немецкие войска. Всего в них насчитывалось 980,5 тысячи человек, более 12 тысяч орудий и минометов, 2400 танков и САУ, 1300 самолетов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1976, т. 7, с. 172. — *Прим. перев.*

Из книги Дугласа Орджилла «Т-34. Русские танки».

Потери немцев в ходе Корсунь-Шевченковской операции составили 55 тысяч убитыми, 18 тысяч пленными. Они потеряли большое количество боевой техники. — *Прим. перев.*

Командующему 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистрову 21 февраля 1944 года было присвоено звание маршала бронетанковых войск. — *Прим. перев.*

5 апреля 1944 года группа армий «Юг» была переименована в группу армий «Северная Украина», а группа армий «А» — в группу армий «Южная Украина». — *Прим. перев.*

Немецкая танкостроительная промышленность была просто не в состоянии удовлетворить потребности фронта в танках и САУ, о чем убедительно говорят следующие статистические данные. В 1944–1945 годах Германия выпустила около 8400 танков, в том числе 3666 — Т-IV, 3695 «пантер», 623 «Тигр-I» и 377 «Тигр-II», а также 9358 САУ различных типов. — *Прим. Д. Орджила.*

В 1944–1945 годах в Германии было выпущено 22,7 тысячи танков и штурмовых орудий. В Советском Союзе за 1944 год общее производство танков и САУ составило 29 тысяч. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1982, т. 12, с. 200. Оружие Победы, с. 236. — *Прим. перев.*

Маршал И. С. Конев был в мае 1944 года назначен командующим 1-м Украинским фронтом. — *Прим. перев.*

Имеется в виду Яско-Кишиневская операция 1944 года войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, завершившаяся окружением и разгромом армий группы «Южная Украина». — *Прим. перев.*

По мнению английских военных историков, наличие этих современных истребителей в ВВС Англии помогло англичанам выиграть воздушную битву за Англию летом 1940 года и тем самым нарушить немецкие планы высадки армии вторжения на Британские острова. — *Прим. перев.*

Глава из книги *П. Карелла* «Война Гитлера против России», т. 2, с. 499–525.

Приказ об отводе 17-й армии с Кубанского плацдарма и обороне Крыма был подписан Гитлером 4 сентября 1943 года. Он был продиктован крупными стратегическими успехами Красной Армии на юго-западном направлении, где советские войска, освободив в конце августа Таганрог, а 8 сентября Донецк, продвигались к Днепру. 15 сентября гитлеровское командование было вынуждено отдать приказ об отводе группы армий «Юг» на линию Мелитополь — Днепр до района севернее Киева. — *Прим. перев.*

Это решение И. В. Сталин принял после потери в октябре 1943 года лидера и двух эсминцев при операциях у южного побережья Крыма в результате атак немецкой авиации. — *Прим. перев.*

К апрелю 1944 года 17-я армия располагала 215 танками и штурмовыми орудиями. — *Прим. перев.*

2-я гвардейская и 51-я армии 4-го Украинского фронта и Отдельная Приморская армия (470 тысяч человек, 5982 орудия и миномета, 559 танков и САУ, 1250 самолетов). — *Прим. перев.*

Это было вспомогательное направление атаки, избранное с целью отвлечения резервов противника с внутреннего обвода Севастопольского укрепрайона. — *Прим. перев.*

Потери 17-й армии на суше исчислялись в 100 тысяч человек, в том числе 61 587 пленными. Армия лишилась также всей боевой техники. — См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1977, т. 8. с. 109. — *Прим. перев.*

Из книги П. Карелла «Война Гитлера против России», т. 2, с. 527–550.

Всего к югу от реки Припять гитлеровцы имели 24 танковые и моторизованные дивизии из 34 находившихся на советско-германском фронте и в резерве ОКХ. — *Прим. перев.*

В ночь на 22 июня был передан по радио, а утром опубликован в Центральных и фронтовых газетах важный политический документ «Три года Отечественной войны Советского Союза», подводивший итоги трехлетней героической борьбы советского народа и его Вооруженных Сил против фашистских агрессоров. — *Прим. перев.*

29 июня 1944 года генералу армии К. К. Рокоссовскому было присвоено звание Маршала Советского Союза. — *Прим. перев.*

В составе группы армий «Центр» и фланговых соединений соседних групп армий всего числилось 63 дивизии и 3 бригады. Они имели 9500 орудий и минометов, 900 танков и САУ. Наземные войска поддерживали около 1350 самолетов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1978, т. 9, с. 41, 47. — *Прим. перев.*

В связи с наступлением советских войск на Карельском перешейке 10 июня 1944 года из состава 6-го воздушного флота 50 истребителей и штурмовиков было переброшено в Финляндию. Одна авиагруппа (40–50) истребителей была направлена в Германию в связи с высадкой союзников в Нормандии (Hitler's Luftwaffe. London, 1977, p. 111). — *Прим. перев.*

В четырех фронтах насчитывалось 2400 тысяч человек личного состава, 36 400 орудий и минометов, 5200 танков и самоходно-артиллерийских установок, 5300 боевых самолетов. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 9, с. 42, 47. — *Прим. перев.*

Кодовое наименование «Багратион». — *Прим. перев.*

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968, с. 260. — Прим. перев.

В шестидневных боях за Бобруйск советские войска захватили и уничтожили 366 танков и самоходных орудий, 2664 орудия. Противник оставил на поле боя до 50 тысяч трупов, более 20 тысяч солдат и офицеров было взято в плен. — *Прим. перев.*

Имеется в виду один из агентов разведывательной группы Радо, действовавшей во время войны в Швейцарии и передававшей в Москву ценные разведывательные сведения о планах немецкого верховного командования. — *Прим. перев.*

26 июня 1944 года командующему 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховскому было присвоено воинское звание генерала армии. —
Прим. перев.

Авиаполевые дивизии формировались начиная с 1942 года по специальному приказу Геринга из личного состава наземных служб люфтваффе и зенитной артиллерии. Они использовались как пехотные дивизии, в оперативном отношении подчинялись фронтовому командованию сухопутных войск, но до 1943 года числились как принадлежащие ВВС. — *Прим. перев.*

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1962, т. 4, с. 171.

В связи с налетами стратегической авиации союзников на Германию командование люфтваффе было вынуждено держать в войсках ПВО значительное число истребителей — 1–1,5 тысячи. Но, как подчеркивается в изданной в 1977 году в Великобритании энциклопедии «Люфтваффе Гитлера» (Hitler's Luftwaffe by Wood T. and Cunston B. London, 1977, p. 82), «история советских кампаний 1943–1944 годов является убедительным доказательством тактического мастерства, с которым советские ВВС использовали свой численный перевес, растягивая противостоящие им ослабленные соединения люфтваффе переносом центра тяжести операций с одного сектора фронта на Другой. Конечно, без давления, оказываемого авиацией США и Англии на Западе и в Средиземном море, соотношение сил в воздухе на Восточном фронте было бы радикально иным, но в равной мере и сопротивление немецких войск в Сицилии и Италии было бы радикально другим, если бы основная масса дивизий вермахта не была скована в Советском Союзе». — *Прим. перев.*

В июне 1944 года немцы имели на советско-германском фронте 2085 боевых самолетов, в том числе 360 в составе 1-го воздушного флота в Прибалтике, 775 самолетов 6-го воздушного флота на центральном фронте и 845 в составе 4-го воздушного флота на южном участке фронта. После начала Белорусской операции немецкое командование было вынуждено срочно перебросить на центральный фронт авиацию с других фронтов — 40 истребителей из Германии, две авиагруппы истребителей из состава 4-го флота, две авиагруппы из Италии и одну из Нормандии. Тем не менее к концу июля в результате потерь общая численность люфтваффе на Восточном фронте снизилась до 1750 самолетов (Hitler's Luftwaffe, p. 111). — *Прим. перев.*

См.: Батов П. И. В походах и боях. М., 1962, с. 289–291. — *Прим. перев.*

Из всех немецких соединений, участвовавших разновременно в Белорусской операции, 50 дивизий потеряли более половины своего состава, а 17 дивизий и 3 бригады подверглись полному уничтожению. Общие потери немцев составили около 500 тысяч человек. — Прим. перев.

Из книги бывшего государственного секретаря США Эдварда Стеттиниуса «Рузвельт и русские, Ялтинская конференция» (Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference by Edward R. Stettinius, Jr. N. Y., 1949).

Стеттиниус-младший, Эдвард Рейли (1900–1949) — государственный деятель и дипломат США. В 1941–1943 годах был специальным помощником президента США, руководителем управления по осуществлению закона о ленд-лизе. В 1944–1945 годах — государственный секретарь США, в 1945–1946 годах — постоянный представитель США при ООН и в Совете Безопасности ООН. Неоднократно возглавлял делегации США на международных конференциях, участвовал в работе Ялтинской конференции.

«Аргонавт» — кодовое название Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, проходившей в Крыму в феврале 1945 года. — *Прим. перев.*

Имеется в виду мюнхенский сговор Чемберлена и Даладье с Гитлером в 1938 году. — *Прим. перев.*

Ленд-лиз — существовавшая во время второй мировой войны система передачи Соединенными Штатами займы или в аренду вооружений, военных и других необходимых для ведения войны материалов. Советский Союз заключил с США соглашение о поставках по ленд-лизу 11 июня 1942 года. Общая сумма ленд-лизовских поставок СССР составила около 10 миллиардов долларов. В целом поставки по ленд-лизу во время войны превысили сумму в 46 миллиардов долларов и были распространены на 42 страны. Более 30 миллиардов долларов из них получила Британская империя. — *Прим. перев.*

Sherwood R. E. Roosevelt and Hopkins. N. YV., 1948, p. 845.

Это соглашение предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе. В нем также подчеркивалось, что о окончании войны Советскому Союзу будут возвращены южная часть калина и все прилегающие к ней острова, а также переданы Курильские острова.

Полный текст соглашения был опубликован в газете «Известия» 12 февраля 1946 года. — *Прим. перев.*

Временная столица гоминьдановского правительства Чан Кай-ши. — *Прим. перев.*

Имеется в виду учредительная конференция Организации Объединенных Наций. — *Прим. перев.*

Имеется в виду послание президента Ф. Рузвельта, полученное главой Советского правительства 24 декабря 1944 года, и ответ И. В. Сталина от 25 декабря 1944 года.

Поскольку из-за плохой погоды вылет маршала Теддера в Москву задержался, 6 января 1945 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль направил И. В. Сталину послание, в котором, сославшись на то, что «на Западе идут очень тяжелые бои», просил сообщить, не могут ли союзники «рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я считаю дело срочным».

В своем ответе И. В. Сталин сообщил, что, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленными темпами закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позднее второй половины января. — *Прим. перев.*

Когда комиссия в составе министра иностранных дел А. Идена, посла США Вайнанта и посла СССР Ф. Т. Гусева приступила к работе в Лондоне, представитель СССР Ф. Т. Гусев 26 марта 1945 года направил председателю комиссии Идену письмо со следующим разъяснением: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными». Вопрос о расчленении Германии был снят с повестки дня комиссии. Американский автор Г. Страусс в книге «Раздел и расчленение Германии» (*Strauss H. The Division and Dismemberment of Germany. Ambilly, 1952, p. 97–98*) пишет: «Письмо советского делегата сделало ясным, что Советское правительство не поддерживало в принципе программу расчленения». — *Прим. перев.*

Керзон, Джордж Натаниел (1859–1925) — британский министр иностранных дел в 1919–1924 годах. — *Прим. перев.*

Клемансо, Жорж (1841–1929) — премьер-министр Франции в 1917–1920 годах. — *Прим. перев.*

Представители польского эмигрантского правительства премьер-министр С. Миколайчик, С. Грабский и Т. Ромер находились в Москве 12–20 октября 1944 года по приглашению советского и английского правительств для переговоров с представителями Польского комитета национального освобождения Б. Берутом, Э. Осубка-Моравским и М. Роля-Жимерским. — *Прим. перев.*

В конечном итоге Крымская конференция приняла решение, что восточная граница Польши должна пройти по линии Керзона и что на севере и западе Польша получит существенные приращения территории. Было также решено, что действующее в Польше Временное правительство будет «реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». — *Прим. перев.*

Бирнс, Джеймс Фрэнсис (1879–1972) — директор Управления военной мобилизации с мая 1943 по апрель 1945 года, государственный секретарь США с июля 1945 по январь 1947 года. — *Прим. перев.*

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1976, т. 2, с. 204. — *Прим. перев.*

Из книги Р. Джексона «Красные соколы».

За время войны было выпущено 16 769 этих истребителей. —
Прим. перев.

На вооружении советской авиации находился также дальний ночной бомбардировщик Ер-2. Максимальная скорость этого бомбардировщика с двумя авиационными дизелями составляла 420 км/час. Нормальная бомбовая нагрузка — 1000 килограммов, дальность полета — тысяч километров. — *Прим. перев.*

Немецкое контрнаступление в районе города Яссы в мае — июне 1944 года поддерживали два авиакорпуса — VIII и I — более 750 самолетов (40 процентов военно-воздушных сил Германии на советско-германском фронте) (Hitler's Luftwaffe., p. 82). — *Прим. перев.*

ДБ-7 — поставлявшийся по ленд-лизу американский двухмоторный бомбардировщик Дуглас-20 «Бостон». — *Прим. перев.*

Из более 100 тысяч самолетов, потерянных гитлеровской Германией за войну, 77 тысяч было уничтожено на советско-германском фронте. — *Прим. перев.*

Из книги Алана Кларка «“Барбаросса”. Русско-германский конфликт 1941–1945 гг.».

На 1 января 1945 года в полосе от Остроленки до Ясло, то есть на центральном участке, немцы имели 44 дивизии, или 23 процента от общего числа дивизий на советско-германском фронте. См.: История второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1979, т. 10, с. 40. — *Прим. перев.*

К началу 1945 года на советско-германском фронте насчитывалось 169 немецких дивизий (из них 22 танковые и 9 моторизованных) и 20 бригад. Вместе с ними действовали 16 венгерских дивизий (из них 2 танковые) и одна бригада. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 10, с. 37. — *Прим. перев.*

Верховное командование вермахта в октябре — декабре 1944 года перебросило из центра на фланги советско-германского фронта 18 дивизий (в том числе 8 танковых) и 3 бригады. В Венгрию из резерва ОКВ и других районов было направлено 23 дивизии и 5 бригад. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 10, с. 45. — *Прим. перев.*

В полосе от устья реки Западный Буг до города Ясло оборонялись 9-я, 4-я танковая и 17-я армии группы армий «А» под командованием генерала Гарне. К 10 января 1945 года в этих трех армиях и резерве группы армий «А» имелось 30 дивизий, 2 бригады и до 50 отдельных батальонов — 560 тысяч солдат и офицеров, около 5 тысяч орудий и минометов, 1220 танков и САУ. Их действия поддерживали 630 боевых самолетов 6-го воздушного флота. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг., т. 10, с. 59. — *Прим. перев.*

Немецкая главная линия сопротивления на Висле находилась в 2–4 километрах от передней полосы обороны. Здесь же находились резервы, в том числе мобильные, которые сразу попали под удар советской артиллерии и наступающих советских войск и понесли тяжелые потери, а частично были окружены. — *Прим. перев.*

Танковая дивизия «Великая Германия» была одной из самых сильных дивизий вермахта. Она имела 360 танков, в том числе 200 «пантер» (Т-V) и роту «тигров» (Т-VI), а также 30 штурмовых самоходных орудий.

В целом же структура немецких танковых дивизий претерпела к лету 1944 года заметные изменения. В танковом полку (2 батальона) насчитывалось 103 танка (Т-V и Т-VI), но на практике число танков не превышало обычно 70–80. В состав дивизии входило 25 штурмовых самоходных орудий, 31 орудие ПТО, 43 зенитных орудия, 18 САУ, 36 гаубиц и 40 минометов. Один из двух мотопехотных полков был полностью оснащен бронетранспортерами. Численность личного состава уменьшилась до 13 725 солдат и офицеров. — *Прим. перев.*

Бывшая группа армий «Центр» была переименована 26 января в группу армий «Север», а группа армий «Север» — в группу армий «Курляндия». — *Прим. перев.*

Немецкое командование, отказавшись от планов наступления на Западном фронте, перебросило в полосы наступления 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов с других участков советско-германского фронта, из внутренних районов Германии и с Западного фронта 29 дивизий и 4 бригады. — *Прим. перев.*

Окруженная немецкая группировка в Познани была ликвидирована 23 февраля. — *Прим. перев.*

А. Кларк делает при этом ссылку на книгу С. П. Платонова, Н. Г. Павленко, И. В. Паротькина «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-стратегический очерк». М., 1958. — *Прим. перев.*

Касаясь причин пересмотра первоначального решения Ставки продолжать без остановки наступление на Берлин, генерал армии С. М. Штеменко писал в своих воспоминаниях: «Даже при последнем издыхании фашистский зверь оставался опасным зверем, способным унести в могилу сотни тысяч человеческих жизней. А помимо того, неудача под Берлином грозила обернуться и скверными политическими последствиями» (*Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, с. 322*). — *Прим. перев.*

По свидетельству немецкого переводчика Пауля Шмидта, так прокомментировал Герман Геринг английский ультиматум от 3 сентября 1939 года об объявлении войны Германии. — *Прим. перев.*

В марте за поражение в Восточной Померании Гитлер отстранил от руководства войсками командующих 3-й танковой и 2-й армиями. На их место были назначены генералы Х. Мантейфель и Д. Заукен. — *Прим. перев.*

Новым начальником генерального штаба германских сухопутных войск был назначен генерал Г. Кребс, известный своими тесными связями с Борманом и другими нацистскими приспешниками фюрера. — *Прим. перев.*

К проведению Берлинской операции привлекались войска трех фронтов: 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского. Всего 2,5 миллиона человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов. — *Прим. перев.*

На этой встрече присутствовали Гиммлер, Геринг, Геббельс, Борман, Риббентроп, Шпеер, Кейтель, Йодль, Дениц, Кребс, начальник управления кадров сухопутных войск Бургдорф и новый «вождь» «гитлерюгенд» Аксман. — *Прим. перев.*

Племянник шведского короля вице-президент шведского Красного Креста граф Бернадотт находился в контакте с Гиммлером и его подчиненными с февраля 1945 года. — *Прим. перев.*

Согласно закону от 29 июня 1941 года Геринг был официально назван преемником Гитлера. — *Прим. перев.*

Геринг был лишен всех постов и званий. Новым главнокомандующим военно-воздушными силами Германии был назначен генерал-фельдмаршал Риттер фон Грейм. — *Прим. перев.*

Гитлер приказал разыскать и арестовать Гиммлера и его представителя в своей ставке группенфюрера Фегеляйна, мужа сестры Евы Браун. Фегеляйн, скрывшийся из бункера тремя днями ранее, был схвачен охраной Гитлера и расстрелян в саду имперской канцелярии. — *Прим. перев.*

По данным советской медицинской экспертизы, Гитлер отравился. — *Прим. перев.*

В фашистской Германии 1 Мая было объявлено «праздником национального труда», «немецким народным праздником». — *Прим. перев.*

Из книги Уильяма Л. Ширера «Конец берлинского дневника» (Shirer W. The end of a Berlin Diary. London, 1947).

Американский историк У. Ширер в 1926–1941 годах находился в Германии в качестве журналиста и комментатора радиовещательной компании «Коламбия бродкастинг». Книга «Конец берлинского дневника» является как бы продолжением его первой книги «Берлинский дневник», опубликованной в 1941 году и пользовавшейся широкой известностью в США и Англии.

«Терминал» — кодовое название Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 года). — *Прим. перев.*

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1984, с. 450.— *Прим. перев.*

Выступая 6 сентября 1946 года в Штутгарте, государственный секретарь США Джеймс Ф. Бирнс заявил, что Соединенные Штаты выступают за передачу контроля над Руром и Рейнской областью Германии. В обоснование этого Бирнс привел, как мне представляется, смехотворные доводы. Он сказал: «Насколько известно Соединенным Штатам, население Рура и Рейнской области хочет объединиться с остальной Германией. И Соединенные Штаты не будут противиться этому желанию». Позволять жителям Рура и Рейнской области решать эту важнейшую проблему безопасности Европы и всего мира — просто безумие. — *Прим. У. Ширера.*

Добавка к бензину, увеличивающая его октановое число. — *Прим. перев.*

Статья Джеффри Джукса опубликована в «Истории второй мировой войны». Великобритания, 1969, т. 7. (*Jukes G. The Perils of Peace. Postwar Russia. — History of the Second World War. Great Britain, 1969, vol. 7, p. 2725–2729*).

Джюкс, Джеффри — австралийский историк. Был сотрудником Форин оффис. Автор ряда книг по истории второй мировой войны. — *Прим. перев.*

1 747 465 человек, 29 835 орудий и минометов, 5250 танков и САУ, 5171 боевой самолет. См.: История второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1980, т. 11, с. 197. — *Прим. перев.*

Даже после первого экспериментального атомного взрыва 16 июля Объединенный комитет начальников штабов доложил Трумэну и Черчиллю план, в котором предлагалось «поощрять вступление России в войну против Японии». Американские и английские военные руководители считали, что победу над Японией не удастся одержать ранее 15 ноября 1946 года (The Memoirs of Harry S. Truman, vol. 1, p. 382). — *Прим. перев.*

Статья Барри Питта опубликована в «Истории второй мировой войны». Великобритания, 1969, т. 6 (*Pitt B. The War: An Overview. — History of the Second World War. Great Britain, 1969, vol. 6 p. 2676–2681*).

Питт, Барри (род. в 1918 году) — редактор вышеупомянутой восьмитомной «Истории второй мировой войны», журналист, военный историк. В 1939–1953 годах — офицер английской армии. Автор ряда книг о первой мировой войне, главный консультант многосерийного английского фильма «Великая война 1914–1918 годов». — *Прим. перев.*